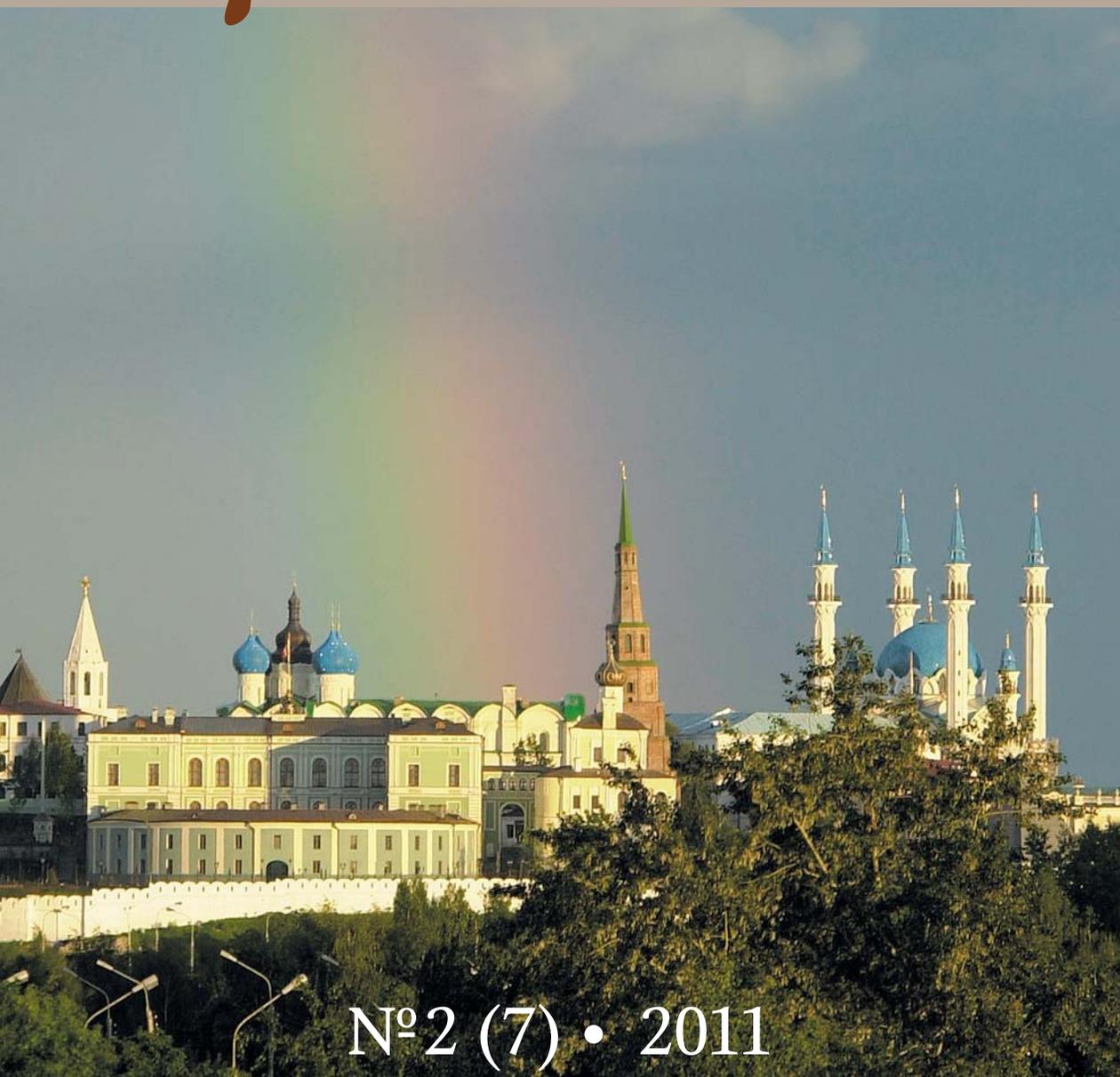

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

Арҗамак

ТАТАРСТАН

№2 (7) • 2011

125 СЛЕЗИНОК ПО ТУКАЮ (стр. 15)

Хамза ШАРИПОВ. «СОН ЗЕМЛИ»,
30×30, б. интарсия, пастель

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

Арҗамак

ТАТАРСТАН

№ 2(7) • 2011

*С каждой избой и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.*

Николай РУБЦОВ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

литературного альманаха «АРГАМАК. ТАТАРСТАН»

Василенко Светлана Владимировна — первый секретарь
правления Союза российских писателей;

Ибрагимов Ильфак Мирзаевич — председатель правления
Союза писателей Республики Татарстан;

Ларионова Татьяна Петровна — исполнительный директор
республиканского фонда «Возрождение» (Татарстан);

Муратов Марат Яшарович — руководитель республиканского агентства
по печати и массовым коммуникациям «Татмедиа»;

Переверзин Иван Иванович — председатель правления
Международного сообщества писательских союзов.

РЕДКОЛЛЕГИЯ

литературного альманаха «АРГАМАК. ТАТАРСТАН»

Николай Алешков (*Набережные Челны*)

Николай Беляев (*Владимирская область*)

Наталья Вердеревская (*Елабуга*)

Александр Воронин (*Казань*)

Лилия Газизова (*Казань*)

Владимир Гофман (*Нижний Новгород*)

Владимир Ермаков (*Орёл*)

Диана Кан (*Новокуйбышевск*)

Сергей Кузнецихин (*Красноярск*)

Михаил Кураев (*Санкт-Петербург*)

Рамиль Сарчин (*Казань*)

Виктор Суворов (*Набережные Челны*)

Михаил Чванов (*Уфа*)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ТУ 16-00151 от 17 апреля 2009 г.
Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций в соответствии
с Законом Российской Федерации от 27 декабря 1991 года № 2124-1 «О средствах массовой информации»

Учредитель

ОАО «ТАТМЕДИА»

Издатели Татарстанское отделение
Союза российских писателей
и Союз писателей Республики Татарстан

Главный редактор Николай Алешков
Заместители главного редактора Ольга Кузьмичёва-Дробышевская,
Вера Хамидуллина

Редактор-корректор Алла Орехова
Дизайнер-верстальщик Виталий Павлов
Офис-менеджер Оксана Кравченко
Художник Ольга Белова-Недовизий
Фото на обложке Михаил Медведев

Мост между культурами

ПРИГЛАШЕНИЕ К «СОРАБОТНИЧЕСТВУ»

Мои бабушки и дедушки (как по материнской, так и по отцовской линии) искренне верили в Господа: одни ходили в церковь, другие посещали синагогу. Бабушка Глафира Алексеевна, с которой я всё детство прожил под одной крышей, провожая на очередной экзамен, осеняла меня крестным знамением — прямо поверх пионерского галстука, а позже — комсомольского значка. А другая бабушка, Эстер Яковлевна, когда я приходил к ней в гости, угощала фаршированной рыбой, цимесом и орехами в меду.

Мои отец и мать преподавали в Казахском педагогическом училище и отношения их с Творцом были уже никакими. На религиозные темы они никогда со мной не разговаривали, книг Священного Писания или Талмуда в своей довольно обширной библиотеке не держали. В результате я вырос не то что бы атеистом, но человеком, к религиозным вопросам равнодушным. Хотя Библия, Тора и даже Коран в переводе академика Крачковского занимают в моём книжном шкафу почётное место — воспринимаю эти великие книги как замечательные по своей мудрости литературные памятники. Религиозные чувства других людей я искренне уважаю, но в споры с ними никогда не вступаю — пусть и дальше продолжают думать, что там, откуда ещё никто не возвращался, у них будет что-то ещё, какое-то продолжение. Наш земляк Леонид Мартынов даже воскликнул по этому поводу: «А если смертью всё кончается, то нечего и начинать!».

Живой человеческой душе страшно осознавать, что за гранью всего сущего нас ждёт лишь абсолютное и полное Ничего — пустота и темнота. Жить с этим тяжелее, чем с Верой, вот и напридумывал себе человек разных религий — ведь все они как раз и обещают, что со смертью не всё кончается...

Однако пора прекращать и это затянувшееся вступление, и эту самодеятельную философию, пора переходить к сути дела. А заключается она в том, что мне довелось сидеть за одним столом с людьми в рясах и камилавках, обсуждать с ними литературные вопросы, принимать совместные решения.

23-го декабря минувшего года в Храме Христа Спасителя состоялась презентация Патриаршей литературной премии имени Кирилла и Мефодия, на которой Патриарх произнёс такую замечательную речь, что, будь у меня такая возможность, процитировал бы её целиком. Впервые за всю историю Русской Православной Церкви она обращается к нам, многогрешным российским писателям, с призывом к «соработничеству». Новая премия учреждена «для поощрения писателей, вёсших существенный вклад в утверждение духовных и нравственных ценностей, в жизнь современного человека, семьи и общества». Патриарх напоминает: писатель должен «содействовать своим творчеством возвышению человеческой личности».

Для меня, человека, как уже было сказано выше, нерелигиозного, не менее важно и другое — то, что призыв этот звучит не со стороны светской власти, а со стороны Церкви. Светская власть за два минувших десятилетия новейшей российской истории сделала немало, чтоб отодвинуть литературу на обочину общественной жизни. Может, потому, что нынешнему режиму безразлично, «воспевают» его или, наоборот, критикуют? Профессии «писатель» нет в соответствующем государственном реестре. Трудовой стаж за литературный труд с 1990-го года не засчитывается, и, допустим, если бы в Вёшенской по-прежнему жил сейчас нобелевский лауреат Михаил Шолохов и дописывал бы свой роман «Они сражались за Родину», — официально он считался бы... безработным, так как отчислений в пенсионный фонд от него бы не поступало. Нынешняя власть «перевела» вчерашних «властителей дум» и «инженеров человеческих душ» в члены так называемых «общественных организаций», и нынешние писатели юридически идентичны, например, членам клубов филателистов или, допустим, обществ собаководов. Цензура упразднена в том же 1990-м году, и над ухом больше никто не дышит (помните мольбу Александра Твардовского: «Не стойте только над душой, над ухом не дышите!»?). Изданы такие вещи, о которых мы и мечтать когда-то не могли. Но оболваненное интернетом и телевидением население читает сегодня не это, в рейтинге продаж первые места прочно занимают «одноклеточные» книги...

Вот против этого и направлен пафос «Слова Предстоятеля Русской Церкви на первом заседании Палаты попечителей Патриаршей литературной премии имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия» (таково официальное название данного документа, который, на мой взгляд, может стать узловым, поворотным в современном литературном процессе; см. <http://www.patriarchia.ru/db/print/1368257.html>).

«К сожалению, — говорится в Слове, — приходится констатировать, что сегодня преобладают литературно-художественные тексты весьма сомнительного содержания и ценностной ориентации... Немалый вред приносит пустое, а иногда и гнилое слово писателей, некоторые из которых опускаются, как мы знаем, до самого вульгарного сквернословия, опустошая тем самым души людей».

С большим удовлетворением констатирую, что первым отреагировал на обращение Патриарха Союз российских писателей, состоять в котором я имею честь. СРП организовал Межрегиональную конференцию «Нравственные, эстетические идеалы и духовная культура христианина в современном литературном процессе», которая проходила в Кузбассе в середине марта с. г. На конференцию приехали известный писатель Алексей Варламов — член Экспертного совета Патриаршей литературной премии имени Кирилла и Мефодия (Москва), сопредседатель СРП Арсен Титов (Екатеринбург), председатель Томского регионального отделения СРП Владимир Крюков, председатель

Томского отделения Союза писателей России Геннадий Скарлыгин и автор этих строк. В разговоре приняли участие кемеровские и новокузнецкие писатели (см. пресс-релиз о конференции на сайте Омского отделения СПП: www.srpomsk.ru).

Меня по-хорошему удивила и деловая реакция на Слово церковных деятелей Кузбасса. Принимавший нас 15-го марта Епископ Кемеровский и Новокузнецкий Аристарх обратился к литераторам не просто с общими приветственными словами, а с конкретным предложением. На его рабочем столе лежала только что принятая от художника икона, изображающая 39 новомучеников Земли кузнецкой — людей, загубленных за веру в годы коммунистического режима. Сегодня о большинстве из них известно крайне мало. Епископ Аристарх предложил писателям создать коллективную документально-художественную книгу об этих людях. Все расходы по сбору материалов, подготовке текста книги и полиграфическому её исполнению епархия намерена взять на себя. То есть высшие церковные иерархи (и прежде всего — сам Патриарх) обращаются к нам, литераторам, с конкретными творческими предложениями. В отличие от представителей власти светской, к которой, наоборот, то и дело обращаются с различными просьбами писатели. Просят, например, оказать поддержку российским «толстым» литературным журналам, не вышвыривать на улицу редакцию «Нового мира» из занимаемого ею помещения, принять, наконец, федеральный Закон «О гарантиях творческой деятельности в сфере литературы и искусства» (теперь его проект называется так, а вообще речь о данном Законе идёт уже чуть ли не два десятка лет)...

Так неужели мы не отзовёмся на это уникальное, знаковое предложение Патриарха?!

Александр ЛЕЙФЕР, Омск

ПИСЬМА ГЛАВНОМУ РЕДАКТОРУ

* * *

Доброе время, Николай!

Доброе — потому что новый номер «Аргмака» вышел! Значит, Вам удалось спасти и сохранить это благое дело. Спасибо Вам и редакции журнала; можно представить, как трудно в наше время выпускать литературный журнал. Тем более, журнал такого высокого качества — как в формальном, так и в содержательном плане. Поздравляю вас с букеровским лауреатом, набравшем разбег в Вашем журнале. Дай Бог, это войдёт в традицию — подниматься выше и выше с опорой на «Аргмак».

Этот номер тоже обустроен щедро. Мне кажется замечательным моментом поэтическое обращение Николая Переяеслова — не в ислам, но к исламу. Поэзия всегда была призрачным, но надёжным мостом между культурами. И в этом плане короткая, но содержательная подборка Ваших переводов с татарского на русский очень актуальна. Я почувствовал (или вообразил?) в ней особый аромат татарской просодии — гармоничную смесь восточной мелодики с русской поэтикой. Нечто очень своё — но сродственное тому и другому.

Очень интересна статья (эссе) Петра Ткаченко о преодолении влияния Белинского в самосознании русской интеллигенции. Видимо, настала пора для пересмотра некоторых застарелых представлений. Актуален очерк Михаила Чванова, — в лучших традициях жанра: увидеть лежащее вне банального общего мнения и обратиться на это сочувственное и озадаченное внимание читателя. Нельзя обойти публикацию стихотворений Сергея Мальшева — очень сильные стихи. За каждым текстом стоит та или иная целостность, легитимирующая его появление в журнале.

А ещё мне было приятно увидеть на цветной вкладке (V Цветаевские чтения) Сельму Ансира — давно знаком с ней и восхищён её подвижническим русофильством: замечательный филолог и чудесный человек!

Что ещё стоит сказать — смысл журнала наращивается продолжительностью; как сказал бы Сартр, *существование предшествует сущности*. Усложняющиеся, расширяющиеся и множащиеся отношения круга авторов с читательской аудиторией, подобно грибнице, пронизывают почву культуры и прорастают новыми текстами. Дай Бог! И — спасибо Вам....

Книги имеют свою судьбу; журналы — тем более. Хочется думать, что ни одно из посеянных Вами зёрен не попадёт на каменистую почву.

Владимир ЕРМАКОВ, Орёл

* * *

Дорогой Николай Петрович, здравствуй! Рад тому, что альманах «Аргамак» продолжает своё движение в нашем литературном безвременье. Верное движение. Спасибо за публикацию в №1 (6) статьи о В. Белинском, которая многим может показаться колебанием «устоев». Если будут отклики, сообщай, пожалуйста.

Что мне представляется главным, без уяснения чего невозможно новая организация литературно-художественного процесса? Ну, прежде всего, никак нельзя согласиться с тем, что из писательских творческих Союзов давно уже сделаны литературные объединения. С помощью не столь уж хитрого идеологического шулерства, типа того, что мы «семьдесят лет падали» и «рынка», к культуре вообще неприложимого, писатели оказались изолированными от читателей. Им, как малым детям, предоставили возможность играть в песочницах, деля премии, количество которых исчислить невозможно. Но самое печальное состоит в том, что большинство писателей согласились с таким положением. В лице, конечно, старшего поколения, на то время определяющего литературу. Наше же поколение, и особенно поэты, как ты знаешь, оказалось в «страшном промежутке» (С. Есенин). Ведь в периоды революций наиболее уязвимыми оказываются поэты и офицеры... Я уже боюсь выкликать их имена, ибо самых близких поэтов, ровесников, и офицеров, с которыми начинал службу, уже нет... Делать вид, что ничего особенного не произошло — какая-то беспечность и безответственность. Ведь такие бреши в духовной жизни народа затягиваются долго. Если затягиваются вообще...

Кроме того, предстояло перечитать русскую классику, хотя бы в её вершинных творениях от «Слова о полку Игореве», без идеологических препон, без чего продолжение русской литературной традиции немислимо. Предстояла огромная интеллектуальная и духовная работа, которая, к сожалению, не была осознана как культурная задача.

Кстати — и вершинные произведения советского периода истории. И пусть нас не убеждают лукавцы в том, что там ничего, кроме «соцреализма», не было. Надо быть низкого мнения о народе, чтобы полагать, что ничем, кроме идеологической жвачки, он не жил. В послевоенный период русская литературная традиция в основном восстановилась после революционного её погрома начала миновавшего века.

Читая «Аргамак», я открыл для себя такую закономерность. Мне хочется читать в первую очередь не стихи и прозу, а, прежде всего, мировоззренческие, аналитические статьи, такие как Владимира Ермакова «Ловушка на человека», Николая Дорожкина о языке «Русский, славянский, космический». И я пришёл к выводу, почему так происходит. Видимо, потому, что жизнь наша за последние десятилетия остаётся, во многой мере, неосмысленной. Ну а жизнь неосмысленная проваливается в небытие...

И двадцать лет спустя люди в большинстве своём не могут ответить на вопрос о том, что же произошло в России в 1991–1993 годах. Пожалуй, половина скажет, что

у нас произошла *контрреволюция*, другая половина, что — *революция*. Но это ведь не пустая игра слов. Какое же может быть благополучие при таком положении...

Этот, №1 (6), выпуск «Аргмака» оказался очень насыщенным. Любопытна, кстати, форма переписки главного редактора с авторами и читателями. В ней, вроде бы, вскользь, затрагиваются такие аспекты, которые можно было бы и развить.

Ну и коль в твоей переписке с Александром Лейфером затронуто имя Николая Рубцова, в подтверждение нелитературности нашего времени должен сказать следующее. Представь, что в Москве, в частных собраниях находятся две рукописи «Звезды полей» Николая Рубцова до их сдачи в издательство «Советский писатель». Причём, одна из них — наполовину рукописная. Изучив эти рукописи, я пришёл к выводу, что никто текстологической работой наследия выдающегося поэта пока не занимался... Посылаю тебе статью об этом и не только...

Мне вспоминается также эпопея с находкой рукописи «Тихого Дона» Михаила Шолохова. Институт мировой литературы (ИМЛИ), который просто обязан был найти рукопись, так этого и не сделал, а потом устами Ф. Кузнецова долго и нудно объяснял, как нехорошо поступил Лев Колодный, нашедший-таки рукопись «Тихого Дона» и рассказавший об этом в книгах, как он это сделал.

Теперь вот ИМЛИ нет дела до рукописей Николая Рубцова...

Пётр ТКАЧЕНКО, Москва

* * *

Николай, я с интересом прочёл твой диалог с Лейфером о Шукшине. Меня всегда возмущало, когда Шукшина зауживали до уровня «чудиков» (хотя чудики в жизни намного приятнее и полезнее зануд и пройдох). Критики пошли по упрощённой схеме, взяли за отправную точку заголовок рассказа. А почему бы не подняться до названия книги? У него был замечательный сборник рассказов, который назывался «ХАРАКТЕРЫ». От характеров и надо «танцевать». После Шукшина осталась богатая галерея портретов: глубоких, точных, узнаваемых и блестяще прописанных. Но даже его сторонники, рассуждающие о пронзительности рассказов, почему-то не замечают (или не хотят признавать), что они совершенны по форме. Их нельзя пересказать. Они надолго врезаются в память. Будучи честным писателем, он избегал нарочитого усложнения. А между тем и в те времена, и теперь плодятся тексты, в которых за искусственной (и не всегда искусной) усложнённостью прячется пустота или рядовая банальность. Шукшин не только почитаем, но и читаем...

Очень серьёзная и глубокая статья Петра Ткаченко о Белинском. Между прочим, в повести «Санитарный вариант», писаной почти 20 лет назад, у меня есть глава «Бенедиктов и Белинский», там вымысел, но в том же направлении.

Успех Матвеевича спровоцировал наших прозаиков. Понесли ко мне сочинения для «Аргмака». На всякий случай отправляю тебе рассказ В. Селянинова. Может, пригодится, для расширения палитры?

Сергей КУЗНЕЧИХИН, Красноярск

ФАКТ И КОММЕНТАРИЙ

Правозащитник с кулаками

В исполком Международного сообщества писательских союзов поступают запросы из писательских организаций относительно вопиющего факта, имевшего место 4 марта сего года на собрании Русского ПЕН-центра.

Мы не стали бы привлекать внимание общественности к делам лиц, именующих себя правозащитниками, поскольку мало о них информированы. Но событие, о котором нас

спрашивают коллеги, носит возмутительный характер. Очевидцы рассказывают, что под конец заседания ПЕН-центра его президент Андрей Битов так разгорячился, что в полемическом задоре сначала обматерил, а потом ещё и избил одну из участниц мероприятия. Сегодня, когда дело рассматривают правоохранительные органы, мы можем подтвердить, что избитию подверглась видная писательница, руководитель крупной российской писательской организации, член исполкома МСПС Светлана Василенко.

Из достоверных источников выяснилось, что Андрей Битов, известный в узких кругах как «рьяный борец за свободу слова», на этот раз прибегнул не только к сквернословью, но и, несмотря на преклонный возраст, применил против женщины боксёрские приёмы, своеобразно, таким образом, поздравив даму с наступающим Международным Женским днём. Поводом для негодования «правозащитника» стало то, что оппонентка не разделяла его мнение относительно затянувшегося конфликта в Международном Литературном фонде. Спрашивается: какое отношение к данному конфликту имеет ПЕН-центр? Никакого отношения не имеет. Но господин президент и многие его сотоварищи, десятилетиями живущие в Переделкине, так свыклись с временно арендуемыми творческими мастерскими-дачами, что в обязательном порядке хотят (по примеру своих коллег Евгения Евтушенко и Юрия Полякова) сделать их личной собственностью, ни больше ни меньше, — несмотря на то, что и закон, и устав МЛФ однозначно не допускают делёжки коллективной собственности, к которой и относится городок писателей Переделкино.

До сих пор конфликт вокруг МЛФ рассматривался в судебных инстанциях. Но в последнее время, наверное, произошло нечто такое, что стало мешать планам новых приватизаторов, да так, что толкнуло популярного писателя кинуться на женщину-оппонента с кулаками. Что тут скажешь? Каково право — таковы и «правозащитники».

В исполкоме МСПС и в писательских союзах глубоко возмущены недостойным поведением А. Битова. Тем более, что хулиганская выходка произошла на общественном мероприятии. Странно, что никто из присутствовавших не вступился за избитую коллегу, не одёрнул распоясавшегося президента ПЕН-центра.

Вызывает сожаление, что борьба за писательскую собственность стала для некоторых литераторов едва ли не главным делом жизни, ради чего они готовы отбросить не только декларируемые демократические принципы, но идут на прямое нарушение закона и норм морали.

Хочется надеяться, что руководство Всемирного ПЕН-центра трезво оценит ситуацию в своём российском отделении и то, как она подрывает престиж писательской профессии.

Со своей стороны, МСПС сделает всё необходимое, чтобы защитить честь и достоинство одного из своих активистов, а недостойный поступок А. Битова получит объективную оценку правоохранительных органов.

Исполком МСПС, Москва

«Дьяволиада»: продолжение следует?

Оттолкнёмся от самого факта, который не только вызывает возмущение, но и обескураживает. Я позвонил Светлане Владимировне Василенко, чтобы выразить сочувствие, а заодно поздравить с рождением внука, и узнал некоторые подробности. Дело было так. Разговор на заседании ПЕН-центра зашёл и о длящейся годами судебной тяжбе по поводу собственности Литфонда и писательских дач в Переделкине. Светлана Владимировна выразила сожаление, что Андрей Георгиевич оказался в числе подписантов письма в Верховный Суд РФ – письма, защищающего интересы тех, кто всеми правдами и неправдами хочет приватизировать общеписательскую собствен-

ность. Она спросила: зачем Вам это надо? И получила ответ: «Там мои дети живут». На следующий вопрос: «Неужели Вашим детям больше негде жить?» женщина получает от мужчины прямой удар правой в лицо, чуть ниже виска.

Дикость! Обласканный отечественным и международным признанием писатель бьёт женщину! В моём сознании возникает только одна ассоциация – стихи Андрея Вознесенского, сотоварища Андрея Битова по подпольно изданному в советские годы альманаху «Метрополь»:

Подонки, как он бил подробно

Стиляга, Чайльд–Гарольд, битюг!

Не меньшая дикость – большинство мужчин, собравшихся на фуршет, разбежались. Но, слава Богу, нашлись и рыцари. Между Битовым и поднявшейся после нокаута Светланой Владимировной сразу встал «рефери», поэт и философ Вадим Рабинович, чтобы спасти женщину от второго удара. Поэт Максим Амелин высказал хулигану слова осуждения, пообещав не подавать ему впредь руки, за что был тут же оскорблён отборным матом. А вот другой «дачник» из Переделкина, поэт Олег Хлебников, рвался после удара Битова, тоже отчаянно матерясь, добить потерпевшую, но его удержали за руки женщины-писательницы, спасибо им. Мир не без добрых людей! Кто-то из них вызвал «скорую», а «скорая» вызвала милицию. Но за столичные «элиты» (за Москву и за Питер) стыдно. Называть распоясавшихся, пьяных дебоширов интеллигентами отныне нельзя. Эти господа прониклись «рыночной» психологией, не свойственной призванию художника. Они не чувствуют, что превратились в одиозных персонажей Гоголя, Салтыкова-Щедрина и Булгакова. Именно таких людей Пушкин называл «чернью». Примечательно и гробовое молчание как в либеральных, так и в почвеннических СМИ вокруг возмутительного факта. Насколько мне известно, только «Общеписательская литературная газета» откликнулась. Извинений от «престарелого плейбоя» (так назвал когда-то Андрея Битова в одном из своих очерков Глеб Горышин) Светлана Владимировна тоже не дождалась.

Скорее всего, нынешнее правосудие замнёт это дело – слишком велик международный авторитет руководителя русского ПЕН–центра. Русского ли? О какой справедливости может идти речь, если даже Филипп Киркоров после избияния двух женщин, как сатир, прыгает по эстраде. Чем писатель-боксёр хуже? Не прошло и десяти дней, а он уже вещает и раздаёт интервью на лондонской книжной ярмарке, его вновь холят и лелеют международные правозащитные организации и пен-центры.

«Дьяволиада» в российской культуре продолжается. Доколе?

Николай АЛЕШКОВ, Набережные Челны

ДРЕВНИЙ БОЛГАР И ОСТРОВ-ГРАД СВИЯЖСК

ПРЕДСТАВЛЯЕМ УЧАСТНИКОВ УНИКАЛЬНОГО ПРОЕКТА
ОБЩЕСТВО С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ «АКУЛЬЧЕВ»

Помните, что говорит лермонтовский Печорин?

«Пробегаю в памяти всё мое прошедшее и спрашиваю себя невольно: зачем я жил? для какой цели я родился?.. А, верно, она существовала, и верно, было мне назначение высокое, потому что чувствую в душе моей силы необъятные... Но я не угадал этого назначения, я увлекся приманками страстей пустых и неблагородных; из горнила их я вышел твёрд и холоден, как железо, но утратил навеки пыл благородных стремлений – лучший цвет жизни».

Для каждого человека – религиозного или атеиста, христианина или нехристианина – земная жизнь – это движение к смерти. И часто наша жизнь оказывается бесцельной и бессодержательной именно потому, что мы забываем о её конечной перспективе. Святые Отцы говорили, что человек должен жить так, будто каждый день его жизни – последний.

Делом жизни каждого верующего человека является забота о своей душе. Мы узнали, что Минтимер Шарипович Шаймиев начал такое благое и большое дело как восстановление мусульманской и христианской святынь – Болгара и Свияжска. Это крайне необходимо всем людям, это необходимо новым и новым поколениям. Естественно, что мы сразу же приняли решение участвовать в этом уникальном проекте. Ришат исповедует мусульманство, а Сергей – христианин, и нам дано право внести свой скромный вклад в дело сохранения исторической памяти. Мы делаем то, что обязаны делать.

**Акульчев Сергей
Николаевич –
управляющий
ООО «Акульчев»**

**Шайхулов Ришат
Рахимзянович –
управляющий
ТД «Акульчев»**

ТРОИЦКАЯ ЦЕРКОВЬ ИОАННО-ПРЕДТЕЧЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ НА ОСТРОВЕ СВЯЖСК

Троицкая церковь – памятник русского деревянного зодчества XVI века, расположена в северо-восточной части территории монастыря, вдоль северной части монастырской стены. Церковь построена в 1551 году. Сруб сделан под Угличем в 1550 году и весной 1551 года привезён в Свяжск. Первоначально она, вероятно, была небольшой, отдельно стоящей постройкой в виде часовенки.

Троицкая церковь – древнейший храм не только в монастыре, но и во всём Среднем и Нижнем Поволжье, единственный памятник, оставшийся от первоначального деревянного града Свяжска. Она имеет уникальную культурную и историческую ценность как один из нескольких древнейших деревянных храмов России. Облик его частично изменился в ходе перестроек XIX века: храм перестал быть шатровым, получил новую железную кровлю и главу, а также тёсовое покрытие. Интерьер был сильно искажён в советское время – вывезены иконы XVI–XVII веков, однако сама конструкция резного иконостаса сохранилась.

Хотя храм неоднократно перестраивался в XIX веке, получив, например, вместо шатрового луковичное завершение, однако основные черты он сохранил. В Троицкой церкви до наших дней дошли деревянные скульптурные изображения Спасителя и апостолов, более характерные для русского севера, чем для Поволжья.

Перестройки: первоначальное шатровое покрытие храма в XVIII веке заменено восьмискатной кровлей, на которой установлен глухой восьмигранный барабан с луковичной главкой. В 1819 году открытое гульбище вокруг храма под кровлей на деревянных столбиках заменено открытой папертью с крыльцами. В 1821 году стены с внешней стороны обшиты тёсом и в 1853 году окрашены масляной краской. В 1853 году церковь покрыта листовым железом. Вероятно, в это время деревянное лемеховое покрытие главки было заменено на железную обшивку. В 1883 году под церковь подведён каменный фундамент, открытые паперти получили остекление. В 1959 году была заменена обшивка наружных стен и сгнивших конструкций бревенчатых стен.

ЧЁРНАЯ ПАЛАТА БУЛГАРСКОГО ГОРОДИЩА

Чёрная палата возведена в середине XIV века. Точное назначение здания неизвестно. Сохранилась легенда, объясняющая название палаты. Во время разгрома города Булат-Тимуром болгарский хан Абдуллак со своей семьёй и приближёнными укрылся в этом здании. Завоеватели по приказу своего начальника обложили здание деревом и подожгли. Но когда огонь и дым рассеялись, враги увидели девушку в белой одежде, сидящую на кровле. Это была младшая дочь хана, набожная и добродетельная. Она была вознесена как святая на небеса. Постройка же осталась стоять почерневшей от пожара. Название памятника объясняется также устройством в здании монахами Успенского монастыря в XVIII веке коптильни.

Среди различных мнений о назначении палаты существует версия о постройке этого здания, как судилища. Некоторые исследователи считают, что это мавзолей или мечеть.

Чёрная палата представляет собой квадратное в плане ярусное белокаменное сооружение типа «восьмерик на четверике». Четверик состоит из трёх ярусов. Нижний ярус — цокольный — отделён от второго основного яруса деревянным перекрытием. Цокольный ярус не имеет окон, и единственный стрельчатый вход в него существует с северной стороны. При входе по центру яруса устроена лестница на второй основной ярус. Второй, третий и ярус восьмерика объединены одним единым подкупольным пространством, освещаемым одиночными арочными световыми проёмами по каждой грани восьмерика и верхнего яруса четверика.

Некогда вокруг основного объёма памятника существовала обходная галерея, остатки стен которой в настоящее время законсервированы. Вход на галерею существовал с западной стороны и был акцентирован пиштаком (порталом восточного типа). Галерея прерывалась с двух сторон от южного входа, к которому непосредственно с улицы вела лестница. В интерьерах здания сохранилась штукатурка и лепнина на стенах в виде обрамлений стрельчатых проёмов и ниш со звёздчатыми розетками в тимпанах, полуколонки с капителями в углах восьмерика, цветочные розетки и характерные для восточной архитектуры сталактиты в трюмах.

ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА ПРЕДПРИЯТИЯ

ООО «Акульчев» было создано в 1995 году. Сегодня «Акульчев» – это стабильное, динамично развивающееся предприятие, нацеленное на будущее.

Ассортиментный ряд производимой продукции насчитывает большое количество наименований. Мы первыми ввели на российский рынок мягкие вафли. Выпускаем множество видов различного печенья. И вафли, и печенье производятся с различными начинками: фруктовыми, молочными, сбивными. Разработка рецептуры и технологии производства велась нашими талантливыми инженерами-технологами совместно со специалистами компании HAAS. Эксклюзивный проект – это производство совершенно нового для России вида выпечки: «Крэмли» (вафельное печенье) и «Криспы» (вафельные чипсы). Эти продукты являются лидерами по потреблению в Европе и пользуются заслуженной популярностью благодаря своим вкусовым качествам.

В основе успеха компании лежит качество. Это касается не только качества продукции, но и качества производственного процесса, управления и администрирования, поэтому увеличение производственных мощностей позволит предприятию выйти на новый уровень. Мы готовы внедрять новые технологии, поддерживать эффективный механизм корпоративного и финансового контроля, создавать и выводить на рынок новые инновационные продукты.

На предприятии ООО «Акульчев» осуществляется лабораторный входной контроль сырья и контроль готовой продукции по физико-химическим и микробиологическим показателям. В производстве используются только натуральные ингредиенты – сырьё самого высокого качества, которое поставляют проверенные надёжные партнёры: «Фактория Трейд» (Санкт-Петербург), ТД «Шоколадница», ООО «ГлавпродуктТорг», «Гуд Фуд» (Москва), «Гамми» (Нижний Новгород), «Кима Лимитед» (Москва).

За счёт гибкой демократичной ценовой политики продукция комбината доступна практически всем категориям потребителей. Она пользуется стабильным спросом не только в городах Татарстана, но и в таких крупных городах, как Москва, Екатеринбург, Пермь, Самара и др. Хорошо налажены каналы сбыта в Сибири и на Дальнем Востоке. Структура логистики компании позволяет осуществлять поставки авто- и железнодорожным транспортом. Выстроенная система дистрибуции даёт возможность работать с крупными сетевыми операторами, что является гарантией качества и минимальной цены продукции, приобретаемой потребителем в сетевых магазинах. ООО «Акульчев» работает с федеральными сетями, что позволяет охватить максимально возможную потребительскую аудиторию. Это такие магазины, как «METRO», «Перекрёсток», «Седьмой континент», «Патэрсон», «Пятёрочка», «Карусель», «Тандер», «Элемент-Трейд», «Монетка», «Купец», «SPAR», «Ашан» и др. Для оптового звена разработаны программы стимулирования продаж.

Продукция кондитерского комбината является лауреатом республиканского конкурса «100 лучших товаров России». На международной выставке «World Food» в Москве новая продукция комбината: криспы, крэмли и «Венские вафли с птичьим молочком и вишней» удостоены золотой медали, печенье «Нежное со сгущёнкой» – бронзовой. Международный конкурс «Лучшее качество продукции» на 1-й Международной выставке «RUSSIAN FOOD SUMMIT – 2006» оценил продукцию компании серебряной и золотой медалями. «Вафли венские» в 2007 году награждены дипломом выставки «Продэкспо – 2007» в Москве.

125 СЛЕЗИНОК ПО ТУКАЮ

2011 год объявлен в Татарстане Годом Габдуллы Тукая и посвящается 125-летию со дня рождения великого татарского поэта. Его творчество пронизывает все сферы жизни. Особенно велико его влияние на развитие искусства. Современные художники как бы заново переосмысливают лирические образы, созданные поэтом и отражают их в своих работах. Этот диалог идёт целый век, и время ему не помеха. О том, как своеобразно и оригинально творческие люди отмечают знаменательную дату, нашему альманху рассказал известный художник из Набережных Челнов, этнофутурист, руководитель объединения «Тамга» Хамза Шарипов.

— К этой юбилейной дате художники придумали интересный проект, который называется «125 слезинок по Тукаю». Авторами идеи являются уфимские художники Салават Гилязетдинов и лидер известной группы «Чингизхан» Василь Ханнанов. Суть проекта вот в чем: выбрать 125 стихотворений поэта, раздать их 10–15 художникам, которые сделают из них авторскую книгу размером 30 на 30 см. Это означает, что от руки художник переписывает эти стихотворения и делает к ним иллюстрации. Проект поддержал культурологический фонд «Марджани», который работает в Москве. Здесь книги, полностью сделанные вручную, соберут в единый блок. Возможно, потом их издадут как подарочный набор. Из Челнов в этом проекте кроме меня участвуют Марат Мингалеев из городской картинной галереи и Сагида Сиразиева из художественной школы № 1.

— Сделать авторскую книгу — это действительно что-то новое. Но стихи ведь «старые», всем известные. И иллюстрации к ним давно делают. Как здесь сказать свое слово? По-моему, Вы взялись за трудное дело.

— Я не занимался иллюстрацией со студенческих лет. Поэтому мне было трудно и увлекательно одновременно. Тут надо сказать вот о чём: Тукая каждый образованный татарин читает, знает, любит. Для нас это естественно.

Ты не можешь быть художником, если у тебя нет своего мировоззрения. И ты начинаешь читать Тукая и осмысливать его творчество по-другому. И вдруг открываешь для себя что-то новое, твой привычный взгляд на очевидные вещи меняется. Матисс, например, иллюстрируя Малларме, сказал, что не надо идти вслед за автором текста, нужно идти параллельно с ним. Только так ты, как художник со своим видением, можешь обогатить восприятие поэзии. Исходя из этой позиции я и иллюстрировал Тукая. Я не пытался что-то делать дословно, не вспоминал уже существующие иллюстрации к выбранным стихотворениям. Чтобы изобразить Шурале, например, надо понять его глубинную сущность — кто он такой, какой смысл несёт? Возможно, звучит слишком смело, но, может, надо поразмышлять над этим вместе с Тукаем. Я убежден, надо уходить от стереотипов, чтобы понять всю глубину и широту творчества и мировоззрения Тукая.

— Какие стихи Тукая оказались Вам по душе? Какие из них вошли в Вашу авторскую книгу?

— Так получилось, что, когда стал смотреть список, многие стихи оказались уже выбранными другими художниками. Но мне разрешили некоторые стихи взять вне списка. Всего я проиллюстрировал 9 стихотворений Тукая. Среди них есть и «Милли моннар», или, по-другому, «Аллоки», которое мне очень нравится. Это стихотворение так свойственно моему творчеству, что так я мог бы назвать свою выставку. Я выбрал и стихотворение «Китмибез», которое навевает образ родины: здесь наша земля, здесь мы родились и никуда отсюда не уйдём. Это стихотворение заставляет задуматься о своём народе. На мой взгляд, татары из-за потери своей государственности утратили и определённые качества, например, прямоту, бесстрашие, смелость. И об этом говорил Тукай. Ещё я выбрал стихотворение «Чыршы». Оно кажется простым, детским стихотворением о ёлке, которая всегда остаётся зелёной. Но если посмотреть, за незатейливым на первый взгляд рассказом стоит глубокий образ стойкости. Ведь есть люди, которые несмотря ни на какие обстоятельства жизни придерживаются фундаментальных человеческих ценностей. Такая позиция и позволяет человеку оставаться человеком. Я делал иллюстрации в своей авторской технике «интарсия» — мозаикой из цветной бумаги. Этот проект вдохновил и мобилизовал меня. Он настолько меня захватил, что каждый день я приходил в мастерскую с утра и работал до позднего вечера, ни на что не отвлекаясь, — настолько было интересно...

— Пришлось ли Вам увидеть работы других участников проекта?

— Да, конечно. Очень национальные иллюстрации получились у Сагиды Сиразиевой. В Уфе работает очень интересный график Айрат Терегулов, который тоже участвует в этом проекте. У него большой талант управлять небрежностью. Он сделал небрежные иллюстрации, но красивые! Казалось бы, это несовместимые вещи. Но искусство тем и интересно, что совмещает несовместимое. Настоящее искусство всегда без правил. Оно опирается на правила, но вываливается из них. Авторские книги — это новая форма художественного творчества. Каждая книга отражает творческий почерк художника. В целом проект демонстрирует многие течения, существующие в современном искусстве. Значение этого проекта полностью мы, наверное, сможем оценить только по прошествии лет.

Обращение современных художников к творчеству Тукая несёт двоякую пользу. Во-первых, Тукай — это как родник чистой воды. Душа человека, испив из этого источника, будет очищаться. Вторая польза — в том, что это синтез поэзии и художе-

ственного творчества. Тем более, мы не повторяем того, что до нас сделали предыдущие поколения, а вносим своё понимание в прочтение Тукая. Традиции живут только тогда, когда каждое поколение вносит в них своё дыхание. Настоящее новаторство должно иметь преемственность. Глубоко зная традиции и достижения тех, кто творил до нас, мы попытались создать что-то новое и достойное. Получилось ли это, судить, конечно, зрителям, читателям — народу, если хотите...

— **Говорят, «125 слезинок по Тукаю» — не единственный проект, который предложили художники?**

— Параллельно фонду «Марджани» предложили ещё один проект — «125 образов «Шурале», в котором участвует более широкий круг художников, в том числе из Челнов. Каждый должен представить одну работу размером 50 на 70 см. Этот проект заставил меня переосмыслить образ Шурале. Тукай своими стихами о Шурале и Суанасы донёс до нас образы доисламского периода. Для меня Шурале — не представитель тёмных сил, которым пугают детей. Сейчас в общественном сознании укореняется понятие экологии — природы, культуры, даже духовности. Шурале в моём понимании — символ гармоничного мира, он дух леса, в котором живёт и который охраняет вполне гуманным способом. Он пытается прогнать непрошенного гостя просто щекоткой. Если Шурале уйдёт из глубинного мироощущения татар, из нашей культуры — это будет трагедия. В нём есть что-то трогательное и даже красивое. Судя по современному состоянию природы, окружающей нас, не мы должны от Шурале защищаться, а его защищать, чтобы он не умер вместе с вырубаемыми лесами.

— **Участвуют ли в этом проекте художники других национальностей, кроме татар?**

— Было бы странным, если художник, живя среди другого народа, не интересовался мифами и легендами этой земли. Поэтому Шурале рисуют русские, марийские, чувашские, удмуртские художники. И это говорит о нашем единстве при всей нашей непохожести друг на друга.

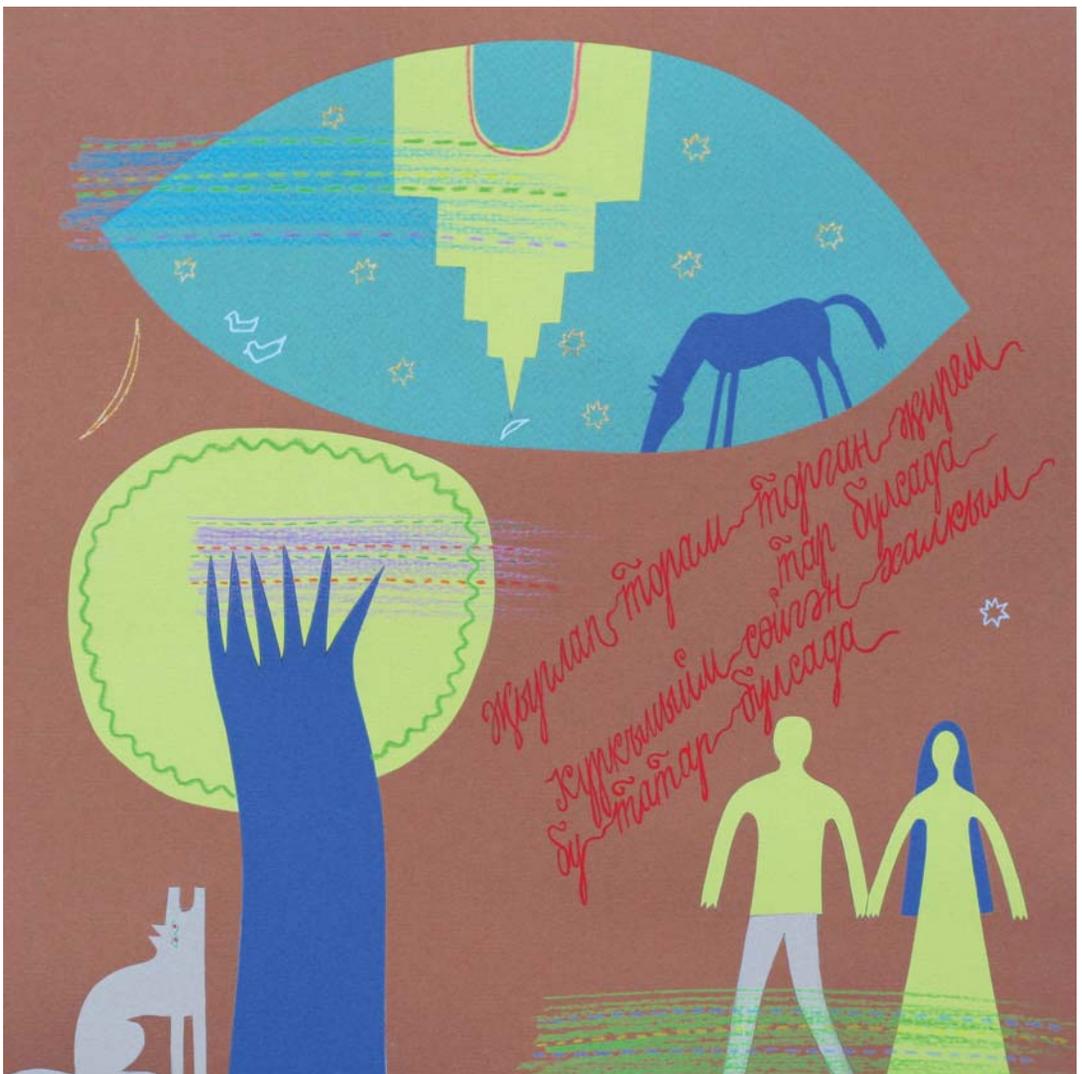
Илиса ГАНЕЕВА

125 СЛЕЗИНОК ПО ТУКАЮ

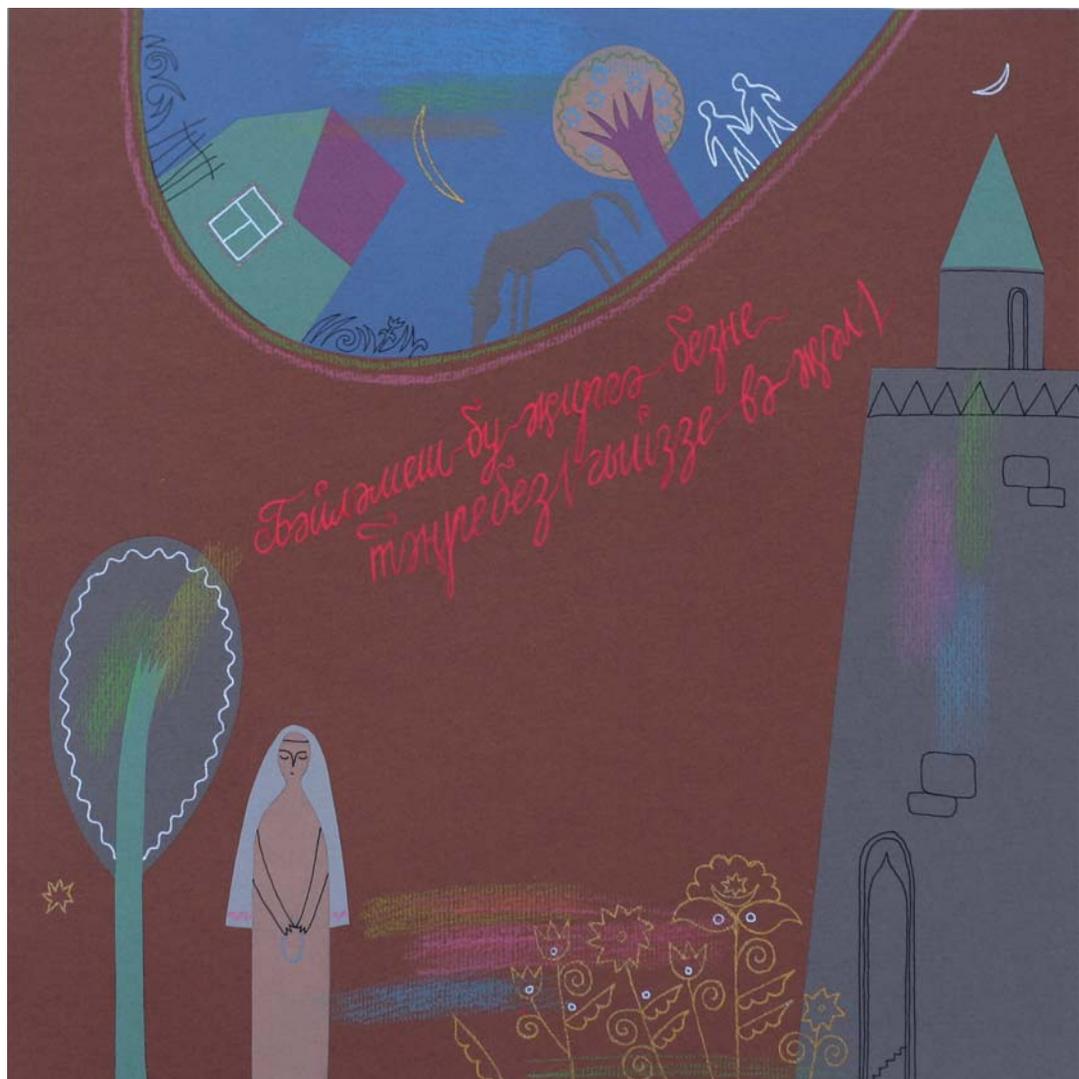
Хамза Шарипов

«РАЗМЫШЛЕНИЯ ОДНОГО ТАТАРСКОГО ПОЭТА»,
30×30, б. интарсия ,пастель

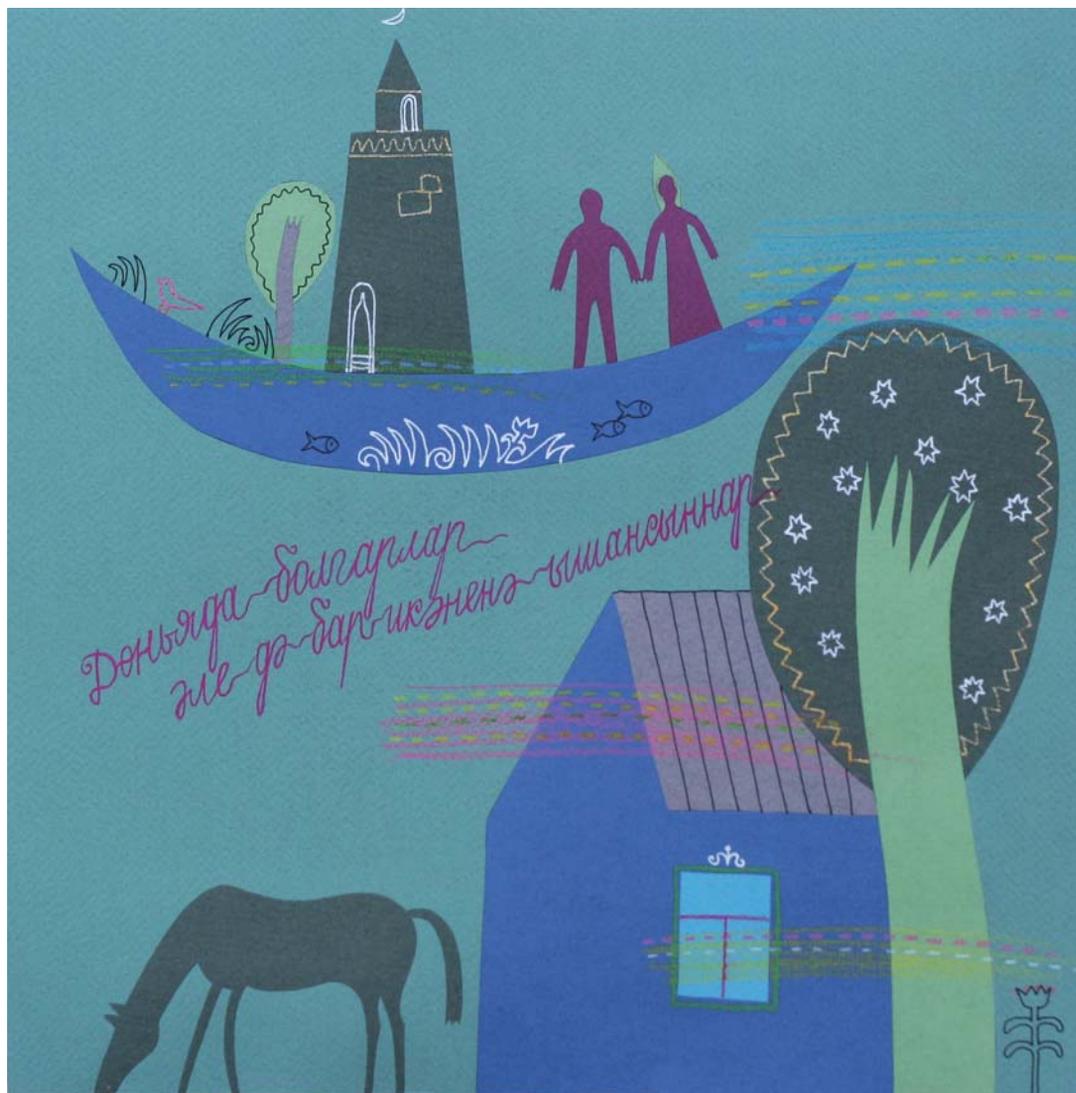
«ЛЕТНЯЯ ЗАРЯ»,
30×30, б. интарсия, пастель

«НЕ УЙДЁМ!»,
30×30, б.интарсия, пастель

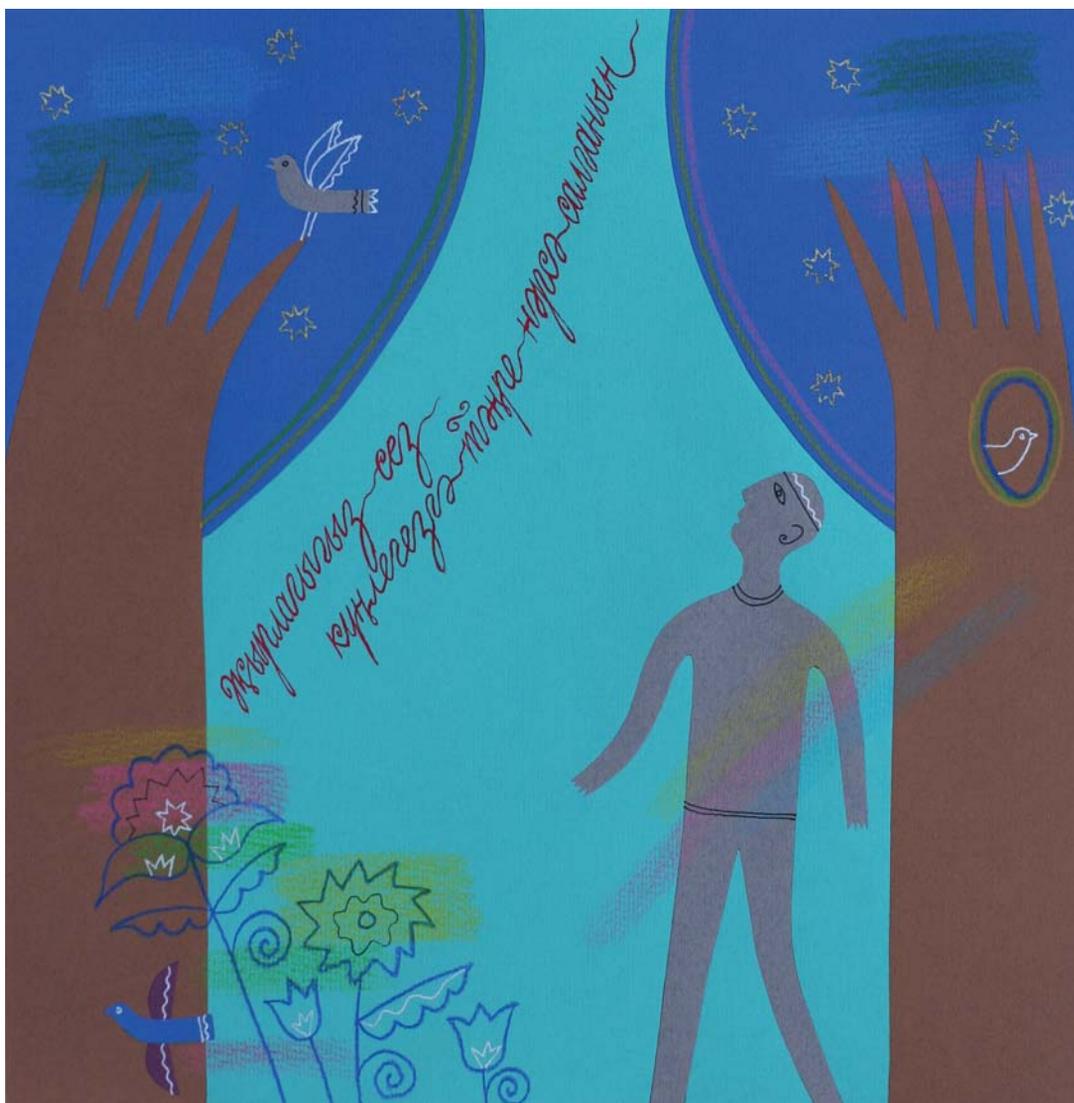
«НАЦИОНАЛЬНЫЕ МЕЛОДИИ»,
30×30, б. интарсия, пастель

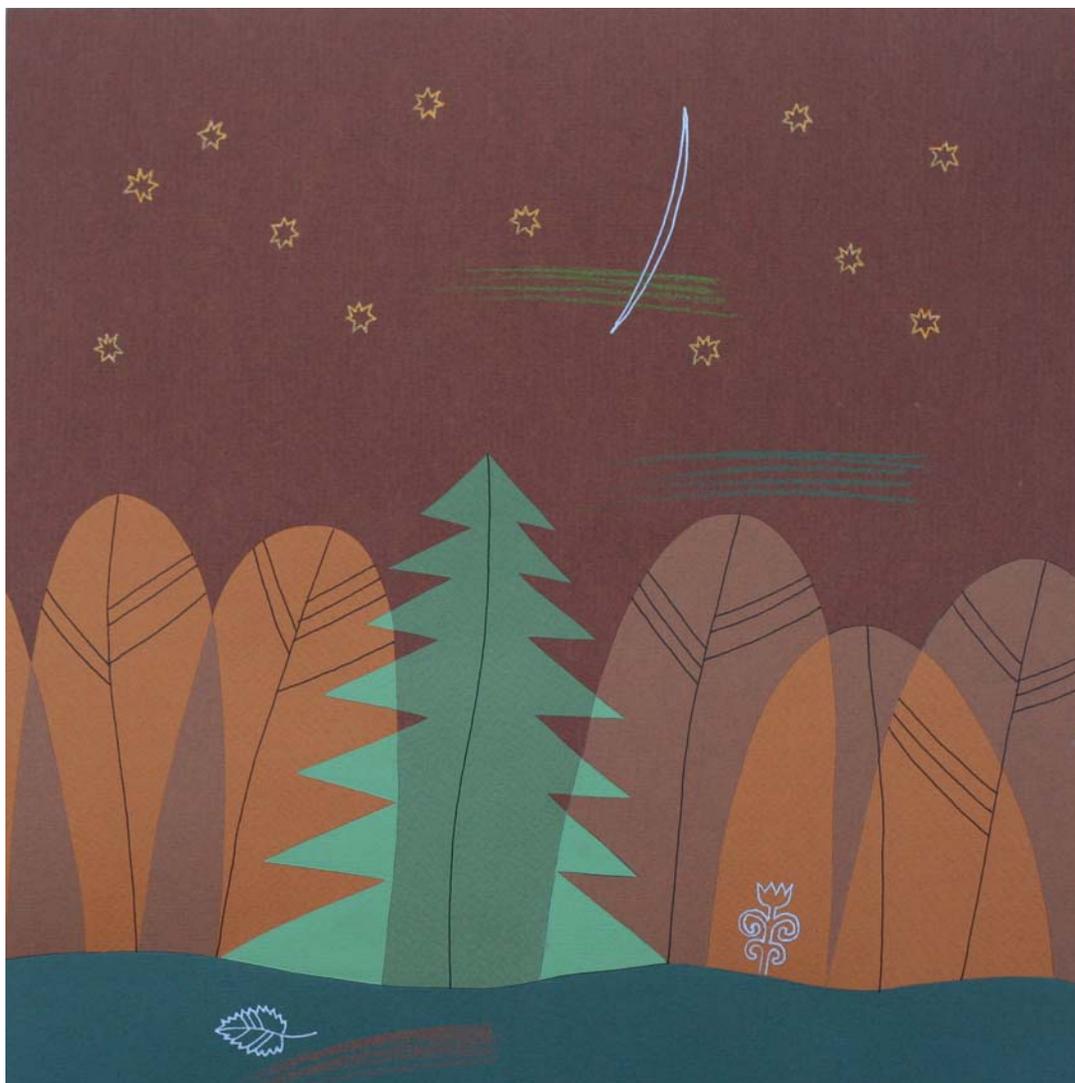
«В САДУ ЗНАНИЙ»,
30×30, б. интарсия, пастель

«МОЛИТВА МАТЕРИ»,
30×30, б. интарсия, пастель

«К ПТИЦАМ»,
30×30, б.интарсия,пастель

«ЕЛЬ»,
30×30, б. интарсия, пастель

ВЫСОКИЙ ТАЛАНТ

*После смерти моей ищите меня не в земле,
а в сердцах просветлённых людей...*
Руми Джалалатдин

Стихи Дэрмэнды появились в печати в годы первой русской революции. Около десяти лет читатели не догадывались, что под псевдонимом «Печальный» (именно так переводится на русский слово «дэрмэнд») скрыто имя одного из богатейших людей России, владельца золотых приисков Урала, мецената Закира Мухамметсадыковича Рамеева.

Судьба его — яркая и трагичная. Родился поэт 23 ноября 1859 года в Оренбургской губернии. Начальное образование получил в деревенском медресе, изучая персидский и арабский языки. Брал частные уроки русского языка. В 1880 году продолжил образование в Стамбуле. Там Закир Рамеев увлечённо изучает не только турецкий язык и литературу Востока, но и знакомится с западноевропейской литературой и философией. Много путешествует по Европе, много читает: Гегель и Кант; Пушкин, Толстой, Тютчев; Хайям и Физули — вот далеко не полный список литературных пристрастий.

Со своим отцом и старшим братом Закир Рамеев являлся владельцем более 20 золотых приисков на Урале, занимался общественной деятельностью, выделял деньги на строительство медресе, мечетей, больниц, а также на обучение за границей нескольких студентов. Он был известен, как издатель газеты «Вақыт» (1906–1918) и журнала «Шура» (1908–1918). 23 января 1918 года власть в Оренбурге перешла к большевикам, а вместе с ней рудники, дом, имущество, богатейшая библиотека и типография Рамеевых. Погибло и богатое рукописное наследие поэта.

При жизни у Дэрмэнды не вышло ни одной книги. После революции издания его стихов можно пересчитать по пальцам. Оценка творчества по большей части носила

необъективный характер. Ему приписывались и растерянность, и упаднические настроения, и страх перед революционными преобразованиями.

Дэрдменд действительно стоит особняком в ряду современников. Его поэзия отличается от поэзии Г. Тукая, М. Гафури, Ш. Бабича, С. Рамеева и других. У него собственный голос, собственный мир образов. Поэт-символист, поэт-философ, для которого духовное стоит неизменно выше материального — именно таким я представляю Закира Рамеева. Его знаменитое стихотворение «Корабль» поражает масштабом — поэт в нескольких строках разворачивает картину морской стихии и парусника-страны, ринувшегося на поиски Утопии. Дэрдменд воспринимает события, закрутившиеся в революционном водовороте и государство, и народы, как нечто неизбежное. Являясь человеком глубоко верующим, он не стремится бежать или противостоять этому. Он предлагает читателю самому ответить на вопросы:

Что станет его (корабля) крушенья причиной?

Чьи души сгинут первыми?

Долгие годы (и мы с вами этому свидетели) метался корабль в поисках счастья, пока не потерпел крушение и не распался на мелкие части. Утрачен ли смысл сегодня? Конечно, нет! Взгляните: новый корабль на всех парусах отходит от пирса, и мы, стоя на палубе, истово машем белыми платками оставшимся на берегу зевакам. Лишь бы не превратиться паруснику в Летучий Голландец...

Лирика Дэрдменда построена на внутренней свободе, человек не просто частица мироздания, а неотъемлемая часть его. Вслед за поэтом и мы пытаемся взглянуть на мир не глазами, а душой. Сколь бы не изменялись наш быт, наше мировоззрение, наш мир — вечные ценности остаются неизменными, не терпящими суеты и пустословия.

Поэтический сборник «Поседевшая струна», вышедший в Казани в 1999 на двух языках, представляет для русского читателя лучшие произведения в переводах таких замечательных поэтов-переводчиков, как С. Липкин, М. Зарецкий, Н. Беляев, Р. Бухараев, Р. Кожевникова и другие. Скажу честно, я не ставила перед собой задачи улучшить их переводы и, тем более, перешеголять в мастерстве мэтров. Было желание самой попробовать точно передать не только смысл, но и форму стихов — техника стихосложения у Дэрдменда особая; особое, виртуозное владение словом. Например, двустипше:

Праведник не совершит злодейства,

Для дрянного доброта — дурное действо.

Все слова второй строки начинаются на одну букву.

Или:

Подует ли ветер в поле,

Заплачет ли дева о доле,

И дерево с камнем вволю

Беззвучно восславят волю —

Всё эхом слышно в юдоли!..

Чем не идеальный моноритм!?

В стихотворении «Мы» поэт с легкостью переходит от одной схемы рифмовки к другой, не нарушая тем самым общей гармонии. Если же он обращается к восточным формам, таким как газель, персидские четверостишья или философские бейты, то в них неизменно присутствует изысканное кружево слов, построенное на внутренних рифмах. По-своему хороши басни и прозаические миниатюры.

Я не случайно взяла в качестве эпиграфа к своим заметкам слова Руми Джалаладдина, персидского поэта и мудреца. 90 лет тому назад, 9 октября 1921 года, ушёл из жизни один из ярчайших татарских поэтов. Но именно в сердце каждого, кто читает его произведения, отзывается поседевшая струна, мудрость поэзии татарского

народа, голос поэта, соединившего в своём творчестве лучшие традиции литературы Востока и Запада.

Каждый переводчик (а их будет ещё немало!), прикоснувшись к его наследию, получит истинное удовольствие и восторг, открывая новые и новые грани высокого таланта Дэрдменда.

Вера Хамидуллина

ДЭРДМЕНД

МИНИАТЮРЫ В СТИХАХ И ПРОЗЕ

* * *

И одного в стране нет друга, но при том –
Тебе не станет вся страна врагом!

* * *

Душа всегда цветами наслаждается,
Судьба всегда репейником цепляется...

* * *

Праведник не совершит злодейства,
Для дрянного доброта – дурное действо.

* * *

Эй, кто посмел нас подло осмеять?
Да, не жируем, но крепка у нас рука;
И тощий конь – не худо бы понять –
Ценней откормленного на убой быка.

* * *

Ты видишь этот камень гробовой:
В молитвенном поклоне он предстал!
К земле склонившись каменной главой,
Кого же он опять к себе призвал?

* * *

Я муравей больной, лежащий на дороге,
А не пчела, от коей все уносят ноги.

В благословенном государстве нет, признаться,
Сил у меня ни унижать, ни унижаться.

* * *

Русских слов у тебя больше, чем татарских,
Не пойму, русский ты или из татар?
Как тебя величать в вашем тарабарском:
Ты Хасан, иль Иван, или же Макар?..

* * *

Судьба... Печалям не кончаться...
Нет окончания горестной зиме...
Безмолвна высь... Не кружит птица счастья...
И хоть звучит азан, не виден путь к кыбле!..

* * *

Разделит золотой запас страна,
Монета каждому достанется одна.
Собрать со всех, хоть по одной монете,
Появится ещё одна казна.

* * *

Шёл по земле, смотрел вокруг — что вдруг?
Вдруг загорелся, увидав небесное писанье.
Не замечая больше ничего вокруг,
Споткнулся, не заметив под ногами камня!

* * *

Будь добр, не запрещай резвиться ныне,
Наступит смерти день — и все мы сгинем!
Ждёт это впереди — потешимся сейчас,
Смерть своё дело сделает за нас!

* * *

Пнуть близкого бывает так легко,
Когда неравенство с богатством правят светом;
Пьют дети, хоть и порознь, грудное молоко,
Но даже близнецов похожих нету.

* * *

Теплый ветер стихает... Каменные горы, деревья — вся Вселенная, утомившись от трудов, впала в сладкую истому. Тени гибкого ивняка — не знакомая ли фигурка возлюбленной показалась. Шёпот проточных вод — сравним с грустной мелодией, в шесте цветов и трав слышу еле различимый смех моей красавицы. Тайное присутствие печали в шумящем потоке воды, в шуме ветра, слившемся со стенаниями качающихся деревьев, оставляет отпечаток на душе.

* * *

Лежу, растянувшись в траве. Ветер шумит, звенит в голове. В этом ветре узнаваемо печальное течение прошлых лет. И слышатся шаги: будто оживлённые, наступающие звуки идущих в будущем.

ПШЕНИЦА

Один крестьянин, взяв с собой восьмилетнего сына Хусаина, поехал в поле хлеба посмотреть. Едут и видят поле, на котором большинство колосьев стоит, низко склонив голову, а некоторые, не сгибая головы, надменно возвышаются. Заметил такое Хусаин и говорит отцу:

— Папа! Смотри-ка, пшеница бедная! Как шею согнула... Хорошо хоть вон те! Такие крепкие, как джигиты настоящие стоят!

Остановил отец лошадь. Сошёл с телеги, сорвал и тот, и другой колосок. Размял их в ладонях, чтобы зёрна выпали. Потом сказал, обращаясь к сыну:

— Смотри, сынок! Видишь, сколько спелых зёрен внутри этих! Вот поэтому они и склонили головы... А у тех, кто стоял, высоко подняв голову — внутри ничего нет! Groш им цена! Извлекай урок из увиденного, сынок: надменно голову держать подходит только пустоголовым.

ПАХАРЬ И СУЛТАН

В один прекрасный день отправился султан на охоту. По лесам скакал, по лугам, по полям... И вот на одном поле видит: пахарь пшеницу собирает.

Подъехал он ближе, поприветствовал. Пахарь в ответ поклонился: «Храни тебя Аллах, мой господин!»

Понравилось султану, с каким почтением крестьянин к нему обратился и стал он его расспрашивать:

— Чем ты занимаешься?

— В молитвах за вас, мой эфенди, хлеб выращиваю!

— На сколько в год хлеба продаешь?

— Иной год — на сто, а иной и на пятьсот рублей, мой султан!

— На что же ты тратишь эти деньги?

— Десятую часть, как Аллах велит, отдаю бедным. Остальное делю пополам: одной частью долг возвращаю, а другую часть в долг отдаю.

— Это кому и сколько же ты задолжал? Для чего нужно было в долг брать?

— В дни моего детства не годен я был ни для какой работы. Отец, мать меня одевали, кормили, обучали, растили. Им задолжал, почтенный султан! Теперь они постарели, ни к какому труду не годны. Кормлю-пою и так долг им свой возвращаю.

— Хорошо... А почему ты тогда вторую часть в долг отдаёшь? Знаешь ли ты, что кредиты давать и наживаться на них грех большой?

— Да, светлейший! Пять душ детей у меня, мал мала меньше... Не годны они ни для какой работы. Их пою, кормлю, одеваю, учу. А когда я постарею — тогда они за мной ухаживать будут. Вот это и есть тот кредит, который отдаю...

— Да благословит тебя Аллах! — сказал султан и дал на прощанье сто золотых этому мудрому человеку.

Перевод Веры Хамидуллиной

БЕНЕФИС ПЕРЕВОДЧИКА

НИКОЛАЙ БЕЛЯЕВ

РАСПАХНУЛ Я ОКНО...

Николай Беляев обретает присущие только ему интонации в своеобразном сплаве разных поэтических культур. С одной стороны — верность традициям русской классической поэзии. С другой — обращение к традиционным формам поэзии Востока, о чём говорят даже названия его стихотворений: «Уроки Хайяма», «Монолог Дэрдменда».

«Я — навек должник перед Востоком» — признаётся поэт. Однако и Запад «приоткрылся» ему: «янтарь Прибалтики учил меня светиться». Беляев строит в своём творчестве своеобразный мост между Западом и Востоком, а цемент в этом строительстве замешан на искреннем интересе и уважении к духовным ценностям других народов.

Вот почему поэт немалое значение придаёт работе над переводами. Когда-то издательство «Советский писатель» выпустило переведённый им сборник латышской поэтессы Велты Калтыни «Говорю о земной любви». Книга быстро разошлась и была хорошо принята. А что касается поэтов-земляков, то я уверен: если бы Таткнигоиздат выпустил книгу избранных переводов Николая Беляева, она стала бы одной из самых интересных антологий современной татарской поэзии на русском языке. Будем верить, что в недалёком будущем это случится.

Николай Алешков

ИЗ МУСЫ ДЖАЛИЛЯ

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО

Улочкой узкой, где свет голубой,
Где мелет снега январь,
Три автоматчика — чёрный конвой —
Уводят, толкая перед собой
Джигита в ночную даль...

Огни. Переулки. Бюргеров сны.
Последний буран хулиганит.
Прощайте, ручьи небывалой весны!
Она ещё грянет, грянет!

По улочке, вдаль, за фонарь голубой,
В поле, к оврагу — прочь!
Три автоматчика, чёрный конвой,

Уводят, толкая перед собой,
Уводят джигита в ночь.

ИЗ ХАДИ ТАКТАША В ТЁМНЫЕ НОЧИ

Течёт холодной мысли яд
По жилам высохшим, бескровным.
В душе – пустынной и огромной –
Лишь ветры чёрные свистят.
Пронзили сердце мне мечом,
Стрелой – добили, погасили.
О, злые джинны! – я ушёл,
Я умер – дальше вы бессильны!
Пусть вам вольготней – без меня...
Но надо всё же попрощаться.
Кружись, развратная земля!
Пусть змеи на тебе гнездятся!
Я улетаю! Звёздный блеск...
Как чисто – ни следов, ни пятен...
Но низвергаю я с небес
На вашу жизнь поток проклятий!
Обманчив сытый ваш покой!
Я никогда не успокоюсь –
И всюду вас настигнет мой
Ночной, негромкий, страшный голос!

ИЗ ХАСАНА ТУФАНА

* * *

Жизнь учила не паниковать,
учила не плакать – зубы сжимать.
Я разорвал на бинты рубашку –
надо сердце перевязать.
Пока от слепой жестокости войн
мир отдыхает мой,
я раны бинтую в степи под луной,
смирив грудную боль.
«Вернись!» – торопливые письма взывали.
Но как дороги мои петляли!
Вернулся. – Вот серёжки её,
а вот – могила её... – сказали.
Да, жизнь научила меня понимать
многое. Слезы – не нам проливать.
У кого из вас руки нежнее дыханья? –
надо сердце перевязать...

ИЗ СИБГАТА ХАКИМА

* * *

На фронте, чтоб на вражескую мину
не наступил случайно наш солдат,
сапёры, прутик остругав наполовину,
втыкали рядом...
Всё же – виноват! –
не разглядел и наступил на мину.
И замер, чуя смертный холодок.
И – трое, трое нас на всю равнину –
Смерть, я и тонкий ивовый пруток.
Всё замерло. И прутик неподвижен.
И я стою. И даже Смерть – бледна.
Ни звука. Кто сорвётся, кто не выдержит?
Кто шевельнётся, вскрикнет – я, она?
Не шелохнёмся... Я изнемогаю.
Стоим и ждём. Как ноги затекли!
И как мне быть, куда шагнуть – не знаю.
И нет сапёров. Да и что б они смогли?
А вечность длится... И в глухую осень
Ракета вспыхивает, в небо взяв разбег.
Кому–то важно: там ли, в той ли позе
Стоит на минном поле человек.
Кому–то важно: явь я или сон,
Реальность или привидение ночное.
Комок огня упал, почти задев носок
И рядом с прутиком погас...
И снова – трое,
Стоим... Стоим, пока не грянул час,
Под звёздами, среди воды, огня,
На грани жизни и небытия...
Во всей вселенной только трое нас:
Смерть, этот прутик ивовый и я...

* * *

Распахнул я окно и легонечко свистнул,
чтобы сено подсохло, которое я накопил,
чтобы грусть над покосом, от марева сизым,
ветерок в твою сторону относил.
Распахнул я окно и легонечко свистнул,
чтобы ветер взлетел и помчался по нашей тропе,
чтобы ты, услышав, как на иве волнуются листья,
обо мне загрустила,
как я в этот час о тебе.

ИЗ НУРИ АРСЛАНОВА

* * *

Палка, говорят, о двух концах.
Думаю, и жизнь о двух концах.
На одном – явление на свет,
На другом – исчезновенье, смерть.

Помогая встать: – Малец, держись! –
Палку нам протягивает жизнь.
А потом – другим концом как хватит! –
Ладно, пожил, говорит, и хватит...

ИЗ АХСАНА БАЯНОВА**РИСУНОК ПЕЧАЛИ**

Миг листопада, осеннего солнца
перенести на бумагу хотелось.
Ивы, что гнутся, а всё же не ломаются,
увековечить в рисунке хотелось.

Тучи, над пашней, дождём налитые,
запечатлеть мы когда-то пытались,
Наши ночные костры золотые
с жаром на наших набросках метались.

Тучи рисуя, и листья, и пламя,
думали – разнообразие это...
Жизнь показала – лежат перед нами
только рисунки бесплотного ветра.

Воспоминаний не счесть – одолели.
Жизнь лишь одна, да и та не в начале...
Листья – истлели, костры – догорели,
тучи – пролились и вдаль улетели.
Нарисовать мы лишь ветер успели.
Ветер...
А может –
рисунок печали.

ИЗ САЖИДЫ СУЛЕЙМАНОВОЙ

* * *

Реки, озёра глядят в небеса,
Солнце, свой путь совершая, пылает.
Ливень хлестнёт, приласкает весна –
Всё в человеке свой след оставляет.
Рубим леса, по дорогам спешим,
Город возводим – строительство века!

Камень разрубим, ядро расщепим —
Щепки вонзаются в мозг человека...
В сердце, вскипая, рождается заря,
Падает солнце туда, догорая...
Как же ты ангелом станешь, когда
В сердце — все прелести ада и рая...

ИЗ АХМЕТА ИСХАКА

* * *

О том, что жизнь мгновенна — мы грустим,
Но сами — треть короткой жизни — спим.

* * *

На то, что наш родник зачах,
Не жалуйся, сынок.
Ты — молод, сила есть в руках
И в паре крепких ног.
На деда старого надеяться не гоже:
Бери лопату — очищай исток.

* * *

Участок дали мне. «С землицею своей,—
Сказали,— торопись, освойся побыстрее!»
Спешу, копаю... Одного не знаю я:
Освою я её или она — меня...

ИЗ ИЛЬДАРА ЮЗЕЕВА

* * *

Всё удивляет чуткий слух и взгляд:
И золотой осенний листопад,
И лица, что приветливость хранят,
И тополя вдоль улиц и оград
Ещё зелёные...
И поздняя луна,
Что мне видна из моего окна,
И табунок подросших жеребят —
Всё удивляет чуткий слух и взгляд,
И каждый раз — как сотни лет назад —
Любая мелочь свежести полна,
Как речки утренней студёная волна,
Всё удивляет чуткий слух и взгляд:
Цветок увядший и осенний сад,
Костёр, который серой стал золой,
Рассвет, навеки отплавший над землёй,
И на перронах, провожая нас,
Не пряча слёз, струящихся из глаз,

Любимые с платочками стоят,
Волнуя душу сотни лет подряд!
Всё вижу, как ребёнок, – в первый раз,
В последний раз – как умирающий солдат.

ИЗ ШАУКАТА ГАЛИЕВА

ПРАВДА

Когда мы правду говорим в лицо,
о вежливости позабыв, конечно,
нам невдомёк, что мы, в конце концов,
безжалостны друг к другу, бессердечны...
Я думаю об этом каждый раз,
когда уходит навсегда один из нас.
Но жизнь идёт своим путём-дорогой,
и мы верны всё той же правде строгой.
Не думай, угождая всем подряд,
тихонько, без тревог прожить на свете.
Мы знаем: правда –
как целебный яд,
и на земле она сильнее смерти!

МАГНИТОФОН НЕ ЗАБЫВАЕТ

Десять лет исполнилось Ханифу,
много добрых слов услышал он.
Под конец застолья и веселья
дедушка включил магнитофон.

Слушает растроганная мама:
молодость на время возвратив,
чисто, наизусть стихи читает
ей трёхлетний сын её – Ханиф.

Слушает Ханиф десятилетний –
удивлённо, как издавека...
Только ничего не понимает,
слышит, но не знает языка.

То, что знал и говорил когда-то,
нынче он понять не может сам.
Как тут не смутишься, если папа
переводит всё, что он сказал.

Если б вы видали, как мальчишка,
сам себя не понимая, сник,
растерялся: – Как же так – малышкой
я, выходит, знал родной язык!..

«О, родной язык!» – слова Тукая...
Голосок звенящий, как озон...
Выучил, хранит, не забывая,
умница – магнитофон.

ИЗ ЗУЛЬФАТА

БЕРЕГ

Нет, нет, не уходи, не надо...
Я тебя
спасу от зим.
Мне кажется – метель
так почему-то на любовь похожа нашу...
Глаза поднимешь – словно с облаков
слетает снег...
Но счастье этот дом
покинуло,
когда в природе побелело.
Мужчинам не пристало – умолять.
Тепло и свет твоей косы хранит подушка.
Душа пуста, как улица ночная,
и снег идёт, ночной пустынный снег.
Боюсь – разверзнется крутой высокий яр,
где ты меня оставила... Стою
на берегу, как на черте последней,
готовый в пропасть тёмную шагнуть.
Ведь ты другого полюбила так же крепко,
как я тебя люблю, моя родная.
Такая мне, видать, любовь досталась,
что снова наша улица – узка...
Стою на берегу, где шар земной
отныне на две половинки раскололся.
Мужчинам не пристало – умолять.
Но только им от этого не легче.
Метёт метель... Снежинки, словно судьбы,
летят, летят... И не всегда – к добру.
Пусть будет улица твоей любви счастливой,
пусть по весне шумит зелёною листвою,
зимой – пусть осыпается над нею
снег, белый, мягче нежности твоей.
О, как высок и крут полночный берег,
где ты меня оставила. Стою
на берегу своей судьбы, над бездной.
Как пусто в мире – только я и снег...

ИЗ РУСТЕМА МИНГАЛИМОВА**РАЗГОВОР С МОИМИ СТИХАМИ**

О чём вы шумите, мои стихи?
 О том, что вы гордые, сильные, смелые?
 Может, скажете — это вы
 меня человеком сделали?
 Может, думаете, что вы —
 одели, обули меня, накормили.
 А чем я сам за глоток синевы,
 за каждое слово платил — забыли?
 Не я ли сердце своё живое
 по ломтику скармливал вам, ненасытные,
 и душу вдохнул, и огнём беспокойным
 пытался наполнить упругие ритмы!
 Не вам ли — неповторимые вёсны,
 солнцем заполонённые дни,
 лунные ночи — всё в жертву принёс я! —
 даже ночи любви...
 А что же вы мне, бедолаге, оставили,
 какая от вас корысть?
 Может быть, скажете, дали мне звание,
 славу, может быть — жизнь?
 Но я — то перед лицом мироздания,
 вижу — как ни ершись! —
 базарную цену чинам и званиям,
 знаю — не в званиях — жизнь...
 И если хоть что-то от вас имею —
 возьмите! — не буду жалеть ни дня,
 Без вас пришёл я на эту землю,
 а вам — никогда бы не жить без меня!

ИЗ РОБЕРТА АХМЕТЖАНОВА**РЕЧКА ИЩЕТ НАЧАЛО**

Течёт моя реченька, петляет в лугах,
 и до самого моря, далёкого моря,
 провожает её уютная зелень,
 ивы плывут и плывут облака.
 А море ночами сливается с небом,
 а море ночами на ты со Вселенной.
 И всё же в глубинах его великих
 речка ищет своё начало...
 Ей снова хочется реченькой, реченькой
 вернуться к милым полям и ивам,
 чтобы в её зеркалах отражались
 лилии, бабочки и стрекозы.
 Чтобы её называли по имени
 июльских лугов косари плечистые.

В море реченька входит, оставив имя,
как женщина — платье на берегу...
Вспоминает речка свои истоки.
Где-то там красавица молодая
с глазами раскосыми, как у косули,
умывала своё лицо,
и долго пахла вода земляникой,
и запомнила речка её отраженье,
как фотографию сберегла.
Над морями и над лугами
одни для всех полыхают звёзды,
Течёт моя родниковая реченька,
в огромное море течёт.
Меж звёзд, сетей и баркасов
из тёмной морской пучины
бесхитростная —
мне слышится
песня родного края.

ИЗ ФАНИСА ЯРУЛЛИНА

* * *

Ты говоришь: «Что голову повесил?»
Не спрашивай и не тревожься, друг.
Всё хорошо. А если я не весел —
то не всегда виною — мой недуг.
Бродил ли ты под вечер за деревней,
видал ли, как на ниве золотой,
пустые стебли — сплошь прямолинейны,
склоняет голову — лишь колос налитой.
И если я виски в руках сжимаю,
не думай, что беда ко мне пришла.
Во мне колосья дум неспешно созревают,
и полем золотым волнуется душа.

ИЗ РАВИЛЯ ФАЙЗУЛЛИНА

* * *

Как чист за окнами рассвет!
«Кто жив, кого давно уж нет...» —
шепчу я горестно... А завтра —
кто завтра скажет мне вослед:
«Кто жив, кого давно уж нет?»

* * *

Я не велик. Я —
ростом не выше себя.
Нелепо передо мною
унижаться и гнуться.

Но я и не мал. Я –
ростом не ниже себя.
Подумай, прежде чем
замахнуться.

ИЗ РАДИФА ГАТАУЛЛИНА

С улыбкой недруги мне подрезали корни –
цветы мои цвели и в сушь и в зной,
они тянулись к солнцу всё упорней!
(Ведь ты была со мной.)

Земля порою грозно содрогалась
и ускользала, дыбилась стеной –
я устоял. Душа чиста осталась.
(Ведь ты была со мной.)

Сегодня всё спокойно. Только сердце
молчит. И неуверенно душа
всё ищет в пустоте – на что бы опереться.
Ведь ты – ушла...

Редакция литературного альманаха «Аргамак. Татарстан» сердечно поздравляет с 70–летием лауреата Государственной премии России, народного поэта Республики Татарстан Рената Хариса (Харисова Рената Магсумовича), желает ему здоровья, творческого долголетия и приглашает выступить со своими произведениями на страницах «Аргамака».

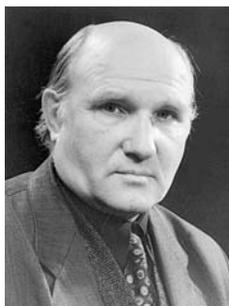

Редакция литературного альманаха «Аргамак. Татарстан» сердечно поздравляет с 70–летием лауреата Государственной премии РТ имени Г. Тукая поэта Радифа Гаташа (Рафида Гатауллина), желает ему здоровья и творческого долголетия.

Редакция литературного альманаха «Аргамак. Татарстан» поздравляет члена нашей редколлегии, поэта, критика и литературоведа, члена Союза российских писателей Рамиля Сарчина с двумя творческими победами, достигнутыми им в нынешнем году. Рамиль Шафкетович стал лауреатом Международного литературного песенно–поэтического конкурса «Журавли над Россией» (номинация «Славим Россию», авторская песня о Родине) и лауреатом литературной премии объединения русскоязычных писателей Финляндии за популяризацию их творчества.

Знай наших!

ЗВАНЫЙ ГОСТЬ

НИКОЛАЙ РАЧКОВ

МИР НЕ ЗНАЕТ ПОВТОРЕНЬЯ

НАД ВЕЧНЫМ ПОКОЕМ
(На выставке художника И. Левитана)

Где взял он такие духовные силы,
Чтоб дерзко развеять безверья туман?
О, эти забытые Богом могилы...
О, Русь... Как тебя возлюбил Левитан.

Какие небесные своды свободы
Увидел художник и кистью взмахнул.
В могучем молчании русской природы
Сокрыт до поры затаившийся гул.

Поверю я небу, и лесу, и водам,
Пока покосившийся серенький скит
Назло всем напастям, назло всем невзгодам
Над вечным покоем,
Над миром стоит.

ВЕРНИТЕ РУССКОМУ ДЕРЕВНЮ!

Он без деревни станет тенью,
В тоске погибнет, во хмелю.
Верните русскому деревню! —
Кричу я небу и Кремлю.

Беда невысказанная сгрудит,
Возьмёт Россию в оборот.
Единым без земли не будет
Землём вскармленный народ.

Недаром, сытости не зная,
Клюёт деревню вороньё.
Она — душа его больная,
Верните русскому её.

Гнушаясь тягостной заботы,
 Не зная адова труда,
 Делите недра и заводы,
 И города, и города.

Перенесёт он перегрузки
 И перетрусски, но вовек
 Не будет без деревни русским
 Исконно русский человек.

Взываю к вашему прозренью,
 Она совсем не тот пирог.
 Верните русскому деревню,
 И Русь никто не свалит с ног.

* * *

– Распад и разлад. Безднадёжная власть.
 Мир пахнет и ложью, и кровью.
 Чем душу лечить, чтоб совсем не пропасть?
 – Любовью. И только любовью...

– Как выбрать во мгле нам единственный путь,
 Не внять клевете и злословью?
 Чем жизнь эту к свету скорей повернуть?
 – Любовью. И только любовью...

– Когда удалимся от жизненных драм,
 Поставят свечу к изголовью.
 А с чем же нас, грешников, встретит Он там?
 – С любовью. Конечно – с любовью...

* * *

Глянешь налево и глянешь направо:
 Доблесть и трусость, измена и слава –

Всё перемешано в жизненной яме,
 Всё обнимает друг друга корнями.

Ливни бушуют и падают снега.
 Стоит забытья – идут печенег.

Стоит забытья – и ворог у дома,
 Небо дрожит от вселенского грома.

Стоит забытья – как в старые годы
 В спину ударят и выдадут броды...

Так и живём на земле этой вечной
Жизнью тревожной и жизнью беспечной.

Славу, как стяг, держат крепкие руки,
Трусость с изменой внизу, как гадюки.

Разве когда прекратятся набеги?
Эй, не проспите: идут печенег...

РЕНАТУ ХАРИСУ,
НАРОДНОМУ ПОЭТУ ТАТАРСТАНА

*«Я молнии струю, как чашу браги,
Поймал в ночи и, не боясь, испил...»
Р. Харис*

Мой друг Ренат! Не будем стариной
Взрывать души туманные глубины.
Оглянешься —
и дышат за спиной
И тюрков племена, и угро-финны.

Над пропастью
стоять одной ногой?
Глядеть в те времена с прищуром узким?
Не будем выяснять,
мой дорогой,
В ком больше слёз —
в татарине иль в русском.

Ренат Харисов!
Вот моя рука.
Признаем оба, чувства не скрывая:
Сплотили нас могучие века,
Одной Державы слава мировая.

Пусть недруг не вынашивает план,
Замешанный в котле политиканства.
Он никогда
Не вырвет Татарстан
Из русского священного пространства!

Пусть мир до основания раскалён.
Поёт строка,
Как тетива тугая.
В созвездье поэтических имён
Звезда сияет Габдуллы Тукая.

Поэзия –
Пленительный престол.
Не меркнут среди родственного крова,
Зовут к единству
Пушкинский глагол,
Мусы Джалиля огненное слово.

Ещё звенят кастильские ключи,
К ним припадают избранные Богом.
И ты, испивший молнию в ночи,
Сумел сказать пророчески о многом.

Сквозь радость обретений,
Боль утрат,
Среди шатанья, глума и разброда
Стоять нам заодно,
Мой друг Ренат.
Во имя чести нашего народа.

ПУШКИН С НАМИ!

Удивительно! Без труда
Весь народ говорит стихами.
Как же нам без стихов, когда
Пушкин с нами?

Любим с детства родную речь,
Отчужденную веками.
Мы сумеем её сберечь, –
Пушкин с нами.

Без стыда, не боясь Суда,
Сократили в школьной программе.
Зря надеетесь, господа.
Пушкин – с нами.

Никогда, любовью согрет,
Он не будет в траурной раме.
Отчего в наших душах свет?
Пушкин с нами.

Много в мире и лжи, и тьмы,
Но и в самой глобальной драме
Устоим. Не сдадимся мы.
Пушкин с нами.

ЦВЕТЫ

Как просты они и чисты,
Те цветы, что вспыхнули к маю.
Я, когда гляжу на цветы,
Сразу молодость вспоминаю.

Разве так же мы не цвели
Той утраченной весной –
Как цветы среди родной земли,
Жаждой жизни дыша хмельною?

Даже те, что стоят в тени,
Улыбаются виновато,
Не дают нам забыть они,
Что мы лучше были когда-то...

* * *

Иль не вчера ещё клён красовался багряный?
За ночь успел сбросить всё с замерзающих плеч.
Боязно даже пройтись этой жаркой поляной,
Листья такие, что могут подошвы прожечь.

А в небесах перелётные дикие гуси
Снова трубят, что вернутся они по весне.
Столько в тех звуках прощальной тревоги и грусти,
Чтобы очнулось, чтоб дрогнуло что-то во мне.

Эти поля, эти в клюкве багровой болота,
Эти осины и шелест сухой камыша...
Бедный простор... Только есть в нём особое что-то,
Только ему открывается чутко душа.

Ах, моя осень... Надвинулись тучи рядами,
Холода в душу успели уже напустить.
Гуси летят – небеса вместе с ними рыдают,
Листья такие, что жалко на них наступить...

ГРОЗА

До половиц потрянуло дом,
Неволью зародив тревогу.
И ветер вдруг завыл, столбом
Поставив пыльную дорогу.

Лес зашатался, загудел,
Вскипели воды в тихой речке.
На гриву тучи гром надел
Мгновенно серебро уздечки.

И капли в стёкла – цок да цок.
И вот, дошедший до галопа,
С небес обрушился поток,
Как репетиция потопа...

* * *

Проходит всё,
Как ветер за калиткой.
Ушла эпоха и ушла страна.
Не утешай себя надеждой зыбкой,
Что возвратится, может быть, она.

Нет! Этот мир не знает повторенья.
Прощально исчезая день за днём,
Он весь ушёл
Как вариант творенья,
Скорей всего, в другое измеренье.

Ушёл туда, куда и мы уйдём.

* * *

Не колосится в поле рожь,
Там дачи выросли кичливо.
И добрым книжкам молодёжь
Предпочитает ныне пиво.

С экранов – голое враньё.
В рубле, в рубле – долдонят – сила.
На бедный люд глядят спесиво...

Но это Родина, Россия.
Не отказаться ж от неё.

* * *

В пути необозримом
Удач и неудач
Люби и будь любимым,
И радуйся, и плачь.

В конце судьбы поблекшей
У света на краю
Как о воде протекшей
Припомнишь жизнь свою.

Зачем такая доля,
Её и соль, и сладость,
На то не наша воля,
На то не наша власть...

* * *

Вспомню я детство – и сразу всё мелкое, сорное,
Всё забывается, всё полетит вверх тормашками.
Выбежишь из дому – небо такое просторное,
Речка, да лес, да луга в незабудках с ромашками.

Знал я на вкус и на запах почти все растения.
Был я богат на поляне, где ягоды спелые.
Дни беззаботные! Дни моей жизни весенние!
Помыслы чистые! Взрывы фантазии смелые!

Мне подорожник лечил мои раны и ссадины.
Именно там было многое мне предназначено.
Просто не верится: столько душе было дано,
Столько накоплено,
Что до сих пор не истрачено...

* * *

«Степь да степь кругом...» –
Дальние края.
Сразу милый дом
Вспоминаю я.

Под хмельком слегка
За столом родня.
Мамина рука
Обняла меня.

Иней. Снег. Мороз.
Праздник Рождества.
Все поют до слёз
Грустные слова.

Те, что душу рвут
До сих пор и мне.
«Степь да степь...» А тут
Синий лес в окне.

«Степь да степь...» А тут
В стороне родной
Ландыши цветут
Радостной весной.

Петь в речную гладь
Сладко соловью...
Что же я опять
Плачу и пою?

Плачу потому,
Что на склоне лет
В том родном дому
Никого уж нет.

Да и дом пропал
В грозах бытия.
За спиной провал
Ощущаю я.

Больно знать о том,
Кто и где зарыт.
«Степь да степь кругом...» —
И душа навзрыд.

НЕЗАБУДКИ

В душе немало памятных зарубок,
Одна из них пронзит меня насквозь.
За нашим домом море незабудок
В июне несказанно разлилось.

Раскинув руки, за калиткой сада,
На голубой качаюсь глубине.
Я утонул. Меня спасать не надо.
Я утонул. Забудьте обо мне.

* * *

Не загораются зарницы,
Ушли на отдых косари.
Пьют озабоченные птицы
Брусничное вино зари.

Они готовятся к отлёту
В одну из вечно тёплых стран.
А по болоту, по болоту
Ползёт охотничий туман.

А по садам, по огородам
Как марля — кружево тенёт.
И яблоки пропахли мёдом,
И пахнет яблоками мёд.

Никак не расстается пара:
— Ты вправду любишь?..
— Да, да, да...
И за околицу упала,
Сгорев от ревности, звезда...

* * *

В войну игравшие мальчишки,
Мы просто бредили войной.
В своём брезентовом пальтишке
Я был не самый заводной.

Я заводным прослыл позднее.
Хватало — и с лихвой — в те дни
Постарше и поозорнее,
И посмышлёней ребятни.

Из крови, из огня и стали
Победный выкован венец.
Ах, как мы ждали, как мечтали,
Что вот он явится — отец.

Что он вернётся в самом деле:
Погоны, ордена — герой...
...В сгоревшем танке мы сидели,
В заросшей яме под горой.

Мы шли в солдатские траншеи,
Шли за околицу, в луга.
Там, вытянув цыплячьи шеи,
В «штыки» бросались на «врага».

Бросались то есть друг на друга
На героической волне.
И было туго, было туго
Не раз несдававшемуся мне.

Зато росла в груди бравада.
Ведь я в атаке до конца
Стоял за Родину, как надо.
И за отца. И за отца...

* * *

Я не сплю, сна как не было в полночь — и нет,
Свет волшебный в оконной безумствует раме.
Вспоминаю я солнечный давний рассвет,
Когда в лес мы с тобою пошли за грибами.

Мы идём мимо пёстрых знакомых полей,
Я здесь свой, и родился и вырос в селе я.
Никого нет на свете тебя веселей,
Никого нет на свете меня веселее.

Ты идёшь по цветам — и ликуют цветы,
Над тобой машет небо косынкой льняною,
Потому что такая красивая ты,
Молодая, родная, любимая мною!..

Но леса облетели — кричи не кричи,
Опустели поляны, поля, огороды.
Лунный свет заливают пространство в ночи.
Глубоки мои годы, как тёмные воды...

* * *

Романтические умы,
Трубадуры и менестрели,
Как летели над бездной мы,
Как мы все на ветру горели!

Не возьмёт нас нахрапом ложь.
Больно сердцу,
Но мы не плачем.
И в словесности русской всё ж
Мы ещё кое-что да значим.

Прогорело и пронеслось, —
Много ль нового под луною?
Лишь бы слово
Цвело насквозь,
Словно яблочко наливное.

Чтоб увиделось в нём зерно,
А не выгодный знак товарный.
Чтоб катилось чистым оно
Сквозь эстрадный базар вульгарный.

Чтоб к нему не прилипла грязь.
Чтобы, взяв в молодые руки,

Накусили его,
дивясь,
Взяли дальше в дорогу внуки...

ПОЭТАМ МЕСТА НЕТ...

*В 2009 году в с. Михайловском
на Пушкинской поляне поэты
стихи не читали.*

«Эх вы, друзья-славяне, –
Сказал мне Магомед, –
На Пушкинской поляне
Поэтам места нет!
В сценической программе
Мы вроде запятой.
Высокий стих,
Как знамя,
Не взвился над толпой.
А Пушкин из-под спуда
Мемориальных плит
Любезен всем, покуда
Жив хоть один пиит.
Не поздно и не рано
Я счёл сюда за честь
Прибыть из Дагестана
Ему стихи прочесть...»

И боль, и стыд изведав,
Взгляд опускаю вниз.
Прав Магомед Ахмедов,
Прав и Ренат Харис.

Сдаём свои идеи,
Позорим идеал,
Поскольку лицедеи
Сегодня правят бал.

Не быть в России чуду,
Беды не побороть,
Пока везде и всюду
Царит не дух, а плоть.

И нам твердят упрямо
С ухмылкой на лице:
«Составлена программа,
Вы где-то там в конце...»

Теперь у нас, славяне,
Такой вот винегрет:
На Пушкинской поляне
Поэтам места нет.

* * *

В сетях лукавого ума
Страдает, корчится планета.
Но как ни торжествует тьма,
Она не одолеет света.

Мглу разорвёт метеорит,
Иль спичка, или что иное.
Один луч света победит
Всё мраковоинство земное.

ТВЕРСКОЙ
бульвар

25

Тверской
бульвар, 25

СОДРУЖЕСТВО ВЫПУСКНИКОВ ЛИТЕРАТУРНОГО ИНСТИТУТА ИМЕНИ А.М. ГОРЬКОГО

Образовано по решению съезда выпускников в дни празднования 75-летия Литературного института имени А.М. Горького. Зарегистрировано в Управлении Министерства юстиции Российской Федерации по Москве 17 апреля 2009 года как Автономная некоммерческая организация. Осуществляет свою деятельность в соответствии со своим Уставом, органом управления АНО является правление. Председателем правления является Ольшанский Александр Андреевич, первым заместителем председателя по административно-организационным и финансовым вопросам, а также генеральным директором Содружества – Емельянов Юрий Витальевич, первым заместителем председателя правления по творческим вопросам – Спиридонова Антонина Михайловна.

Правление совместно с учредителями и руководством вуза сосредоточилось на поиске наиболее эффективных форм и методов деятельности организации. Был создан Международный интернет-портал «Тверской бульвар, 25», его адрес в сети – <http://www.asslit.org>. На нём размещены Устав и текущие решения правления, новости, объявления о различных мероприятиях Содружества или с его участием.

Разработан проект превращения интернет-портала в уникальный сетевой ресурс, на котором у каждого выпускника была бы своя страничка, по существу, свой сайт, где бы размещались не только тексты, но и песни, фильмы, театральные постановки, причём многие ресурсы выпускников должны быть на русском и национальных языках. Интернет-портал со временем станет организационно-информационным ядром Содружества, особенно для тех выпускников, которые живут и работают не только в регионах России, в странах СНГ, но и на всех континентах планеты. Естественно, что для становления уникального ресурса требуется огромная работа и значительные финансовые затраты. Команда для осуществления первого этапа становления портала создана.

Содружество стремится объединить и упорядочить издательско-журнальную деятельность выпускников вуза. Создано новое издательство «Тверской бульвар, 25». Заметным явлением стал выход «Воспоминаний о Литературном институте» в 4-х книгах, три из которых уже изданы. Начинается работа над вторым, уточнённым и дополненным изданием биографо-библиографического справочника «Они учились в Литинституте». Издание уникальное, необходимое всем, кто имеет дело с книгой, — от любителя литературы до издателя и библиотекаря.

В ближайшее время увидит свет первый номер литературного молодёжного журнала «Мы — молодые». Объединить усилия и возможности призвана Журнально-издательская комиссия Содружества выпускников. Созданы или создаются и другие комиссии: по организационно-массовой работе; по распространению изданий и книготорговле; по сотрудничеству со СМИ; по пропаганде творчества членов содружества, организации мероприятий с читателями; по самофинансированию, сотрудничеству со спонсорами и благотворительными фондами; по работе с союзами писателей и творческими организациями России и стран СНГ; по международным связям; по деятельности Международного Интернет-портала «Тверской бульвар, 25»; по организации дистанционных учебных курсов и творческих семинаров; по оказанию помощи членам содружества в решении творческих, издательских, материальных и бытовых проблем; по работе с литературно одарённой молодёжью, премиям, стипендиям и грантам содружества; музейная комиссия.

Основная работа будет сосредоточена в комиссиях, в их подрядных бригадах, организациях и предприятиях, где каждый выпускник может найти применение своим способностям. Кроме комиссий создаются клубы, например, драматургов. На очереди создание Клуба главных редакторов, за которое взялся Александр Бобров. Среди выпускников — десятки директоров издательств, главных редакторов газет, журналов, альманахов, заведующих литчастью театров, рекламных агентств, заведующих литературными студиями и сценарными отделами на телевидении и радио, редакциями прозы и поэзии и т.д. Такому клубу под силу осуществлять даже литературную политику в России и за её пределами.

В настоящее время правление прорабатывает вопрос о создании совместно с Союзом писателей России и другими писательскими организациями объединённой книготорговой сети. У каждой региональной писательской организации есть базовые книжные магазины, вот и возникла мысль создать вначале общероссийскую писательскую книготорговую сеть, затем её деятельность распространить на страны СНГ, а потом и на дальнее зарубежье. Такой формат организации диктуется тем, что за пределами России сейчас проживают многие миллионы русских и русскоязычных читателей. Кроме того, сейчас разворачивается работа в странах СНГ и в дальнем зарубежье по созданию национальных организаций выпускников Литинститута, а это приведёт к созданию Международной ассоциации выпускников, вероятнее всего, на следующем съезде выпускников в декабре 2013 года, в дни празднования 80-летия вуза. При этом нынешнее российское Содружество останется организационно и финансово самостоятельным. Международная организация, судя по всему, будет выполнять роль координатора деятельности национальных организаций выпускников на международной арене.

Правление

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИНСТИТУТ В ЖУРНАЛЬНОМ ВАРИАНТЕ

Совсем недавно наш институт отметил своё 75-летие. К этому событию был разработан издательский проект «Воспоминания о Литературном институте», в рамках которого вышло уже три тома, включающие интереснейшие свидетельства очевидцев разных лет, помогающие отразить дух времени в историческом развитии института.

Один из первых татарских писателей, получивший образование в Литературном институте, Абдурахман Абсалямов вспоминает: «Я поступил в институт в 1936 году на татарское отделение и окончил его в 1940 г. Весь курс слушал лекции вместе и экзамены тоже сдавал одновременно. Только в творческие часы занимались по группам. У нас это был перевод с татарского на русский и с русского на татарский. Но я больше старался писать сам. Именно в годы студенчества началась моя творческая работа. В 1937 году появился в печати мой первый рассказ из заводской жизни. Ещё до института аккуратно посещал литературный кружок, организованный впоследствии всемирно известным татарским поэтом, лауреатом Ленинской премии и Героем Советского Союза Мусой Джалилем. Он и рекомендовал мне поступить в Литературный институт, чтобы получить хорошее литературное образование. Когда я стал студентом, он рецензировал мои курсовые работы на татарском языке. Руководство института хорошо знало Мусу Джалиля. Он тогда жил в Москве. Муса, бывало, говорил мне: «Учись, брат, хорошо, старайся. Учти, никто ещё из татарских писателей не учился в высшем литературном институте. Это счастье, что открылось такое учебное заведение. Без творческого изучения опыта русской литературы нельзя быть настоящим национальным писателем. Это требование жизни, дорогой».

К сожалению, в настоящее время отделение перевода занимается, в основном, европейскими языками, но представители разных национальностей по-прежнему учатся в нашем вузе, повышая своё литературное мастерство, в том числе, и на Высших литературных курсах, созданных Литературным институтом им. А.М. Горького в 1953 году.

Слушателями ВЛК в разные годы были поэты, прозаики, драматурги, критики, которыми гордится отечественная литература: Виктор Астафьев, Алексей Прасолов, Петр Проскурин, Чингиз Айтматов, Николай Тряпкин, Евгений Носов, Юрий Левитанский, Олесь Гончар, Новелла Матвеева, Николай Доризо, Владимир Личутин, Светлана Кузнецова, Анатолий Жигулин, Михаил Алексеев, Новелла Матвеева, Римма Казакова, Кайсын Кулиев, Владимир Санги, Алим Кешоков, Николай Шундик, Константин Скворцов, Иван Акулов, Владимир Костров, Анатолий Ткаченко, Валентин Сорокин и многие другие прошли эту уникальную школу русской словесности.

Сегодня интерес к ВЛК огромен! Даже, несмотря на то, что обучение на курсах платное.

На ВЛК быстро помогут разобраться, не по ошибке ли попал человек на Курсы литераторов, не напрасно ли стучится он в эти двери.

Высшие литературные курсы не гарантируют своим слушателям и выпускникам верный кусок хлеба. Зато учёба здесь дарит встречи с интересными людьми. Слушатели ВЛК особенные. Им хватает сил работать, учиться в вечернюю смену, писать ночами... Им приходится самим зарабатывать деньги и на учёбу, и на издание книг, самим редактировать, рекламировать и распространять свои книги. Слушатели ВЛК – молодёжь. Неважно, что некоторым из них порой за пятый десяток переваливает, а иным едва-едва исполнилось двадцать пять.

Главная привлекательность ВЛК – это особая дружелюбная творческая атмосфера. Самое ценное в том, что сохраняется и укрепляется дружба слушателей – как уже окончивших курсы (причём, неважно, в каком году люди выпустились), так и «молодых», только поступивших. Это – и сохранение традиций, и связь поколений, и «обновление крови», если можно так сказать, ведь молодёжь привносит своё. Выпускники, давно уже закончившие ВЛК, порой не могут отказать себе в удовольствии появиться на семинаре поэтов, который ведёт Валентин Васильевич Сорокин, и послушать собратьев по перу. Дружба, зародившаяся на ВЛК, остаётся на годы, определяя дальнейшие творческие связи.

Так, благодаря нашим выпускникам зародился и осуществляется проект «Россия в журнальном варианте», представляющий Литинститут в различных регионах России. Это «Приокские зори» – Тула; «Золотая Ока» – Калуга; «Траектория творчества» – Таруса; «Новый Енисейский Литератор» – Красноярск. Поэтому появление рубрики «Тверской бульвар, 25» в литературном альманахе «Аргамак. Татарстан» – новый шаг к творческому сотрудничеству, объединяющему писателей России.

Борис ТАРАСОВ,
ректор Литературного
института им. А. М. Горького

От редакции литературного альманаха «Аргамак. Татарстан». Мы рады поддерживать деятельность Содружества выпускников Литературного института имени А.М. Горького. Многие писатели Татарстана учились в этом замечательном вузе (в самом институте или на Высших литературных курсах), помнят его доброжелательную творческую атмосферу.

Мы открываем новую рубрику «Тверской бульвар, 25» и намерены в будущем к ней возвращаться (напомним, что альманах «Аргамак. Татарстан» выходит один раз в три месяца). В сегодняшнем номере принимают участие следующие члены Содружества:

Николай Беляев – выпускник ВЛК 1975 года (семинар Александра Межирова),

Александр Ольшанский, выпускник Литинститута 1969 года,

Валентин Сорокин – нынешний руководитель Высших литературных курсов,

Владимир Коробов, выпускник Литинститута 1984 года (семинар Анатолия Жигулина),

Александр Воронин, выпускник Литинститута 1986 года (семинар Виктора Розова),

Пётр Ткаченко, выпускник Литинститута 1982 года,

Вячеслав Лютый, выпускник Литинститута, 1993 года,

Ольга Дубинина – помощник ректора Литинститута,

Ольга Кузьмичёва-Дробышевская – слушательница ВЛК,

Олег Солдатов – выпускник ВЛК 2008 года,

Алёна Каримова, выпускница ВЛК 2007 года,

Ольга Бедная – слушательница ВЛК,

Наталья Ясницкая – слушательница ВЛК.

Наши уважаемые авторы размышляют также о творчестве наиболее известных выпускников Литинститута: Николая Рубцова, Юрия Кузнецова и Дианы Кан.

До и после первой звезды

Роман эпохи дикого монетаризма

1

Валентин Иванович долго не решался. Вернее, *не решался*. Сама мысль об этом представлялась святотатственной: как, он, учитель, сеятель доброго, разумного, вечного и *ещё неизвестно чего, надуманного в районе, в Москве или за океаном, и вдруг такое?!*

В сложные моменты он всегда вспоминал директора детского дома-интерната Алексея Алексеевича, примеривал свои обстоятельства к нему и старался угадать, как бы тот поступил. Вот он — истинный сеятель, человек исключительной доброты, обогревший и очеловечивший их несчастное детство. На него, и только на него всегда хотел быть похожим Валентин Иванович, а тут, на таком фоне, опять же — *такое...*

Мечты, как оказалось, не столько украшают жизнь, сколько подчёркивают её гнусность. Алексей Алексеевич осуществил свою мечту: это Валентин Иванович понял только здесь, оказавшись в полудеревне, полупосёлке со странноватым названием Стюрвищи. Вот отсюда, из Стюрвищ, и стало понятнее, чего стоило Алексею Алексеевичу превратить обычный,

безрадостный детский дом, да ещё где — на Севере! — в поистине родительский для мальчишек и девчонок, брошенных в родильных домах, осиротевших от беспробудного пьянства мам и пап.

Кто только ни попадал в их интернат — и малолетние воришки, и проститутки, и наркоманы, и даже убийцы. Потерявший облик человеческий пьяный отец забил до смерти мать и тут же захрапел — восьмилетний Серёжка топором развалил, как тыкву, его голову, взял за руку пятилетнюю сестрёнку и пошёл в милицию, явился, так сказать, с повинной. Серёжка был детдомовским другом Валентина Ивановича — ни разу за десять лет не проявилась в нём жестокость, напротив, он был душевным и отзывчивым парнишкой, но уж очень справедливым. Только порой становился задумчивым, уходил в себя, в свои недетские мысли — тут уж перед ним не мельтеши. Сестра друга Лена стала теперь Еленой Дмитриевной, тоже учительницей и женой Валентина Ивановича.

В Стюровищи они попали незамысловато: у Лены здесь жила тётка, родная сестра отца, и когда надо было выбирать, куда им бездомным и безродным податься, этот вариант им показался самым подходящим. У тётки был дом, некогда добротный, даже с мезонином, построенный дедом Лены, но основательно подгнивший и запущенный. Валентин Иванович видел тётку Аграфену ещё в детстве: она несколько раз приезжала навестить племянницу, но не племянника, которого считала извергом, и даже захотела однажды увезти Лену с собой навсегда. Сергей воспротивился, поскольку старшая сестра его родителя свою жизнь не представляла без портвешка. За это она и возненавидела его люто, до пены на губах, которую Валентин Иванович, тогда Валька, видел у неё, когда Алексей Алексеевич мягко, но твёрдо отказал ей и не доверил судьбу родной племянницы. Конечно, тётка винила не себя, а выродка Сергея, который наговорил на неё Бог весть что. Осталась она в обиде и на племянницу: тогда Лена не сказала ни да, ни нет, она сомневалась, не хотела расставаться с родным братом, своим надёжным защитником. Алексей Алексеевич и не отпустил её. Напомнила о себе тётка, когда Лена училась на предпоследнем курсе пединститута, по-нынешнему университета, опять звала к себе на постоянное жительство.

Позапрошлым летом Лена приехала к тётке в гости. С Валентином Ивановичем, он тогда учился в аспирантуре, и Ритой Черновой, детдомовской подругой, которая их университет как раз и окончила, и ей где-то нужно было пристраиваться. Тётка Аграфена, согбенная, седая, беззубая, много плакала, вспоминая любимого меньшего брата, убитого родным сыном, жаловалась на судьбу — её женихов сосватала война, ей мужа никакого, даже самого завалящего, не досталось, так она и провела одна-одинёшенька. Горбатилась в колхозе, жилы рвала на работе — тут она показывала страшные венозные узлы на икрах, на ферме покрутило руки проклятушим ревматизмом — мыслимо ли изо дня в день в ледяной воде полоскаться, спрашивала она у них. И отвечала сама себе тихо и обречённо, утвердительно кивая головой: «Мыслимо...» И запускала матерком.

Здесьние места им понравились. Речка, спокойная и чистая, в ней водилась ещё рыба, луга в пойме, леса на взгорках — возвышенные, просторные, грибные да ягодные. Много сосны, которая любит расти там, где чистый воздух. Сюда, где давно обосновались пионерские лагеря московских предприятий, повалили *новые русские* — их дачи, коттеджи-дворцы заполонили все окрестности. До Москвы не так уж и далеко — четыре-пять часов на электричке, а на иномарке — в два-три раза быстрее.

— Сюда бы Алексея Алексеевича! — воскликнула тогда Лена.

Он на Севере, где лето короткое, как счастливый сон, построил за городом целый посёлок — жилые домики, учебные классы, мастерские, теплицы, фермы, где ребята ухаживали за курами, утками, гусями, поросятами, козами, кроликами, овцами, коровами, лошадьми... А вокруг — детдомовские поля и огороды, свои сады, у них даже пасека была. Как смог Алексей Алексеевич, москвич, между прочим, создать их агрогородок, разбудить в детских душах любовь к земле, ко всему живому, как удавалось ему держать в уме дела каждого из сотен воспитанников, называть их только по именам, как в настоящей семье, да вести ещё огромное это хозяйство? Каким образом он на негнущихся после автомобильной катастрофы ногах, на костылях, везде попевал?

Каждая воспитанница умела шить, вязать, готовить еду, вести домашнее хозяйство, огородничать, ухаживать за домашними животными. Ребята больше тянулись к технике, умели плотничать, столярничать, строить. Алексей Алексеевич готовил их к жизни, вот и выходили из детдома все со специальностями — швей-мотористки, кулинары, повара-хлебопёки, парикмахеры, слесари, электрики, токари, крановщики, трактористы-бульдозеристы, как водится, широкого профиля, экскаваторщики, водители-профессионалы, специалисты по обслуживанию компьютеров.

Во имя этого надо же было как-то организовывать их профессиональную подготовку, договариваться с училищами, со специалистами, создавать вечерние группы, причём готовить не чохом, а с учётом интересов и наклонностей каждого. К тому же, в детдоме можно было освоить не одну, а две, а то и три специальности. Алексей Алексеевич и после детдома не выпускал из поля зрения своих воспитанников — помогал всем, особенно студентам-очникам. Если кто женился или выходил замуж, Алексей Алексеевич непременно на свадьбе был посажёным отцом. Надо ли говорить о том, что все первенцы становились Алёшами или Ирами, в честь жены директора, мудрой и долготерпеливой Ирины Степановны, которая учила ребят математике, обращению с компьютерами да вдобавок вела необъятное в их условиях домоводство? Сколько же доброй энергии, любви к воспитанникам было у этих поистине замечательных людей?!

В здешней школе учителей не хватало, и Рита осталась в Стюрвищах учить детей русскому языку и литературе. Директор школы Анна Ивановна, которую они тут же за мощные, монументальные формы прозвали Анной Иоановной, предлагала Валентину Ивановичу и Елене Дмитриевне немедленно влиться в дружный коллектив педагогов. Особенно обхаживала Валентина Ивановича: пообвыкните немного, я введу вас в курс дел и станете директором — вы же мужчина!..

Весь год Валентин Иванович, когда надо было отвлечься от диссертации о некоторых закономерностях развития синтаксических конструкций в русском языке, строил планы создания в Стюрвищах некоего подобия детского дома-интерната, короче говоря, как у Алексея Алексеевича. В порыве вдохновения и уверенности в собственных силах он написал ему письмо о своих планах. К удивлению, Алексей Алексеевич намерение Валентина Ивановича приветствовал очень сдержанно и с множеством оговорок.

В России, как известно, писал учитель, две напасти: власть тьмы и тьма власти — с этой точки зрения у нас полная тьмократия. Самое главное для вас, ребята, сегодня — выстоять в этих условиях, выжить не только материально, но и морально, чтоб потом, когда всенародное осатанение схлынет, строить жизнь по высоким принципам и образцам. Время нынче не для идеалистов, а для циничных материалистов, господ без чести и совести. Самое страшное — им решительно начхать на голодных и бездомных детей, на тот факт, что население России, как шагреневая

кожа, сокращается. Мы готовили вас к жизни, где человек человеку друг, товарищ и брат, а вы оказались в жизни, где человек человеку волк. Простите нас, ребята, великодушно за это — мы хотели, чтобы ваше детство и отрочество были хоть немножечко счастливыми. Воспитывали в вас добросердечие, порядочность, отзывчивость. Я не мог иначе, извините меня, неисправимого идеалиста...

Письмо было совершенно необычным для Алексея Алексеевича, всегда спокойного, уравновешенного, с открытым, радостным и чуть-чуть простодушным лицом. Конечно же, Валентин Иванович сразу ответил, благодарил учителя именно за всё хорошее, которое согрело и выровняло их травмированные детские души. Плохого, отвратительного, несправедливого сегодня сколько угодно, но мы, дорогой Алексей Алексеевич, благодаря вам знаем, что такое хорошо, а что такое плохо. Иначе всё то, что творится вокруг, мы бы считали нормальным. Так за что же вы просите прощения, Учитель Добра? Мы расскажем о нашем детском доме своим детям и внукам, они тоже будут любить вас. Как любим мы, для которых вы — самый высокий пример для подражания на всю жизнь.

Собственный ответ не нравился Валентину Ивановичу выпренностью и трескучестью, хотелось написать тёплое, сердечное письмо, но разве есть на свете слова, которые бы со всей полнотой передали твои чувства к человеку, которого боготворишь? С нелёгким сердцем заклеивал он конверт.

Письмо учителя настолько расстроило Валентина Ивановича, что Алексей Алексеевич ему приснился. Совсем без ног, на тележке-доске с подшипниками. Из голубых глаз учителя ручьём лились слёзы, запёкшиеся губы шептали: простите, простите, простите... Он отталкивался сбитыми в кровь руками от каменной дороги, хотел приблизиться к Валентину Ивановичу, а тот отступал, не позволял ему подъехать вплотную. Потому что, Валентин Иванович знал это точно, учитель в искупление своей надуманной вины намерен целовать ему, ученику, ноги. Алексей Алексеевич отталкивался окровавленными руками, ржавые подшипники визжали, а он пятился назад... «Что же я делаю — Алексею Алексеевичу ведь больно!» — подумал Валентин Иванович, но продолжал пятиться, поскольку не мог позволить учителю унизиться перед ним...

Потрясённый неразрешимостью ситуации, Валентин Иванович проснулся и до утра не мог сомкнуть глаз. С Алексеем Алексеевичем что-то случилось. Едва дождавшись шести часов утра, он, не говоря Рите ни слова, поехал на переговорный пункт и позвонил Алексею Алексеевичу домой. Трубку взяла Ирина Степановна.

— Спасибо, Валя, за звонок, — обрадовалась она. — Алексею Алексеевичу уже лучше. Операция была не из лёгких, но он держится молодцом. Слава Богу, дело пошло на поправку, обещают через неделю выписать из больницы. Я обязательно ему передам, что ты звонил. А вы-то как?

— Нормально.

— Все вы так отвечаете — как сговорились, — в голосе Ирины Степановны проскользнула обида. — Держитесь?

— Держимся, Ирина Степановна.

— Держитесь, ребята.

2

Действительность в Стюрвищах оказалась совершенно не такой, какой она представлялась Валентину Ивановичу в мечтах. Ему, филологу, Анна Иоановна предложила вести физику и биологию одновременно. Все мы здесь, объяснила она,

трактористы-машинисты самого широкого профиля. Если вам покажется мало, можете физкультуру прихватить или химию — наша химичка, представьте себе, оставила нас, ей место в ларьке нашили!

Состоялся разговор и у Лены.

— Видите ли, милочка... — врястяжку начала директриса.

— Если вам не очень трудно, то называйте меня лучше Леночкой, — перебила монолог Лена — детдомовские за словом в карман не лезут.

— Так вот, милочка, — настаивала на своём Анна Иоановна, обиженно и даже зловредно поджимая пухлые губы, — я не представляю, как вы в таком виде, — она выразительно взглянула на её огромный живот, — можете появиться в классе. Это же дети, они будут насмехаться над вами, чего доброго, доведут вас до преждевременных родов.

— Не доведут, я на последнем месяце. Я не рвусь в бой, пришла, так сказать, представиться, показать, что приехала и чтобы вы имели меня в виду на будущее.

— Извините меня, пожалуйста, — пошла на попятную Анна Иоановна. — Рожайте на здоровье, а потом — приходите, милости просим, дорогая Елена Дмитриевна. Работы у нас всё равно, что у дурака махорки, — неожиданным и необъяснимым сравнением закончила она разговор.

Что и говорить, не на крыльях возвращались Валентин Иванович и Лена домой. Вообще-то Елена Дмитриевна напоминала походкой утку — переваливалась с ноги на ногу, а лицо её, в коричневых крапинах и пятнах, смахивало на огромное яйцо кряквы. Если же серьёзно, то, готовясь стать матерью, она ушла в себя, как в кокон, сосредоточилась на нарождающейся в ней жизни. Всё остальное её мало тревожило, было слишком несущественным и третьестепенным, в том числе и то, что её муж, без пяти минут кандидат филологических наук, будет учить детей физике и биологии. Поэтому и вопрос, заданный им вечером за чаем: может, пока не поздно, следует поискать работу в другом месте, ведь Рита получала последний раз зарплату в феврале, а уже начинался август, Леной был воспринят как сугубо риторический, не имеющий к ней никакого отношения. Зато ответила Рита:

— А куда? Вон она с какой икрой. Тут над головой крыша, а впереди не лето, а зима. Специалисты по синтаксису, яснее ясного, сейчас позарез нужны, везде требуются. На твоём месте, братишка, я бы сейчас грибы собирала и сушила-солила, ягоды, а картошку — где увидела, там и копала бы. В погребе шаром покати. Тётка Аграфена ничего не сажала, который год на огороде даже укроп не растёт...

— Не гневи Бога, Рита, — подала с печи голос хозяйка. — Мы с тобой висяло годик прожили, висяло. Дай Бог тебе здоровья... А я не рубля с тебя не взяла за квартиру-то, ни рубля!..

— Ещё бы не висяло! От Гарика каждую неделю — сумку, бутылку, да не одну. Конечно, висяло! Какие тут ещё рубли за квартиру? Не было бы меня — так с сумой и таскалась бы по миру.

«Вон оно что — тётка Аграфена попрошайничала», — поразился Валентин Иванович, открывая для себя всё новые стороны стюардесского бытия. Ритины претензии к старухе, особенно попреки куском хлеба, её напор, безоговорочность тона покоробили его. Сестрёнка — она такая, ничего не поделаешь.

— Извини, Рита, я насчёт картошки что-то не понял. Надеюсь, ты не воровать её предлагаешь?

— А ты как думал? Сейчас все воруют. Чем больше стащит, тем больше уважения! Наши деньги козлы на выборы ухлопали, то есть украли мою зарплату за полгода, и они, эти педрилы, очень уважаемые люди. Валька, разуй гляделки!

— Опять не понял. Ты всерьёз советуешь мне воровать?

Рита от возмущения его непонятливостью выскочила из-за стола, подошла к нему вплотную, наклонилась и, глядя на него в упор красивыми, но холодными, прямо-таки ледяными глазами, спросила грубо и безжалостно:

— Зимой жрать что будешь? Или ты и твоя семья святым духом питаться настроились? Раньше совхоз помогал, а сейчас его, совхоза, считай, нет. Им скотину кормить нечем и некому. Сходи за древесиной, загляни в овраг — туда весной сотни порослят вывезли. С голодухи подошли. А те, что остались, так и не набрали веса — дистрофики они. Совхоз был откормочный, только свинины давал самое меньшее по полтысячи тонн в год. Тогда школу, больницу, клуб, жильё построили. Теперь наша зарплата, грубо говоря, догнивает в овраге. Всё до безобразия просто — народное образование финансируется из местного бюджета, а производство лежит, налоги никто не платит — машины скорой помощи без бензина стоят. И не только у нас так — по всей России, за исключением Москвы да Питера. Так что, братишка, губы ни на что не раскатывай, а работай вот этим, — она постучала пальцем по его лбу, вернулась на место, отхлебнула чаю и продолжила: — И ещё одно учти. Через несколько лет нам учить будет попросту некого. В этом году из всех наших деревень ещё наскребли на один почти полнокровный класс, а через три года в первый класс придут только три мальчика и две девочки. Когда же ваш ребёнок дорастёт до школы, то не исключено, что одноклассников у него вообще не будет. Такую политику завели эти педрилы: нерентабельно рожать, растить, воспитывать детей, нерентабельно лечить больных, кормить стариков. Вообще нерентабельно быть человеком, зато очень выгодно быть подонком! А вам бы скорей родить, а что будет потом — наплевать...

— Рита, опомнись! Не святотатствуй. Ты забыла, как мы в детстве мечтали: вот вырастем, и у нас будет много-много детей, которым уж кто-кто, а мы станем настоящими, самыми лучшими на всём белом свете родителями? Причём здесь какая-то рентабельность? И поэтому я не пойду воровать. Я — педагог, учитель, неужели тебе это непонятно?

— Воровать — это не значит красть, кому, как не тебе, знать многозначность этого слова. Сейчас много изящных, прямо-таки художественных видов воровства.

— И все они — нечестные!

— Ладно уж, блаженный. Тогда заработай честно. Иди завтра утром к дачникам, к новым русским, может, обломится найти работёнку по строительству. Пока сезон не кончился. Хотя на пелёнки заработаешь. Алексей Алексеевич далеко, советской власти больше нету, так что вашему дитю никто не подарит приданое. Даже на одеяльце в кармане у вас не звенит. Инструмент, какой-никакой я на чердаке нашла, когда крыша потекла. Если бы тётя Агаша нашла — пошёл бы на бормотуху. Там и доски есть.

— Какие доски? — оживилась на печи старуха.

— Тебе на гроб.

— Ну, Рита...

— Что — Рита? Я дело говорю. У вас ни кровати, ни коляски. Покупать до рождения нельзя, примета плохая. Но подумать заранее ведь можно. Кровать детская сейчас стоит, самое меньшее, полмиллиона — полторы твоих месячных зарплаты.

— Ой, деньжищи-то какие! — запричитала старуха. — Не слышали мы раньше о кроватках, да ещё о таких дорогущих. Зыбку мужик сгондыбает — и милое дело. Вон крюк для неё, — из запечья показалась косматая голова, а затем рука, корявым перстом указующая на потолок. — Он крепкий, вы не думайте. После войны старшая

моя сестра Дуня, царство ей небесное, забрюхатела от МТС — да в петлю. Здоровущая была, а крюк выдержал.

— Тётя! — взвизгнула Лена и хлёстко шлёпнула ладонью по столешнице.

— Я ничего, ничего... — забормотала старуха, исчезая во мраке запечья.

Рита выразительно посмотрела на Валентина Ивановича, кивнула на печь, а затем укоризненно покачала головой. Мол, видишь, какая жизнь стюрвищенская, а ты, интеллигент детдомовский, несчастный... Но после бурной выходки Лены сбавила в напоре.

— Тебе Анна Иоановна наверняка дала наряд до конца месяца. Там поправить, там прибить. Не вздумай! Она давно на тебя имела виды: вот Валентин Иванович приедет и сделает. С весны меня донимала: когда Валентин Иванович приедет, не передумал? Ты в школе ещё не появился, а завуч, есть у нас такая гадюка — Лилия Семёновна, тебя уже возненавидела. Она считалась преемницей Анны Иоановны, а тут конкурент. Берегись!

— Но школа, Рита, в таком состоянии, словно её приготовили к сносу. Физический и биологический кабинеты попросту разграблены...

— Приватизированы, — поправила Рита.

— Мебель переломана, во многих окнах картон, фанера, жесьть, стены обшарпаны, исписаны...

— Ну и что? — прервала его доклад Рита. — Школа в таком, сталинградском, состоянии несколько лет. Не нужны нынешним хозяевам жизни школы: тёмного, необразованного человека легче околпачивать, грабить, эксплуатировать. А ты разволновался. Вот что, братишка, скажу я тебе: многое из того, что вложил в нас Алексей Алексеевич, оставь в покое, спрячь в душе как неприкосновенный запас. Авось пригодится. Сегодня жизнь не для честных и порядочных, над ними смеются. Поэтому Анне Иоановне заяви твёрдо: приду в школу первого сентября. На новом месте надо обустроиться, вот-вот появится ребёнок. Она тебя подъёмным пособием обеспечила? Нет? Тогда пусть на тебя не рассчитывает... А тебе, Леночка, мой совет: как бы ни было трудно — не продавай швейную машинку. Какой же умница наш Алексей Алексеевич: каждой девчонке, отправляя её в эту проклятую жизнь, он дарит столько лет швейную электрическую машинку. Я только дважды получала в школе деньги: перед Новым годом да в феврале. Жрать было нечего, искала в городе надомную работу, репетиторство. Нашла «рога и копыта» по пошиву, октябрь перекантовалась, а потом — нет заказов, хоть удавись. Дошло до того, что четыре дня не ела, а тётки дома не было, где-то попрошайничала. За четыре дня выпила в школе два стакана чая без заварки, на жжёном сахаре, да съела четыре сушки. Такие у нас школьные завтраки, мы их называем комплексными гайдаровскими обедами. Поехала в город и спустила машинку за треть цены... Только выпустила машинку из рук, как встречается мадам из «рогов и копыт»: что же вы, Риточка, не заходите, у нас такой большой заказ! Да я же пять минут тому назад машинку продала, заходила к вам утром, поцеловала замок! Риточка, да мы дадим вам свою, напрокат! Вот оно, счастье-то детдомовское!.. Я раньше думала, что только мы прокляты своими родителями, оказывается, весь наш народ кем-то проклят. Вообще-то мы какой-то лженирод, у нас лжежизнь и кантуемся мы в какой-то лжестране...

— Рита, прекрати, уймись! Посмотришь на тебя: красавица, настоящая красавица. Блондинка, не искусственная, а настоящая, глазищи голубые — хороша! А во рту у тебя — чёрным-черно, — Валентин Иванович попытался пошутить и пожалел об этом: Риту в детдome кто-то прозвал Болонкой, а чернота в пасти собаки считается признаком её злобности.

— На то и фамилия у меня — Чернова. В душе черно, братишка. Тут, — она про-стила ему намёк и постучала кулачком по верх высококого, выразительного бюста. — Может, выпьем, а? У меня от Гарика есть бутылка в заначке. Если бы не Гарик, не знаю, как и выжила была, — и после этих слов она бесшабашно и вызывающе засмеялась.

— Огурчика бы малосольненького. Всё бы отдала за огурчик, — мечтательно произнесла Лена и закрыла глаза от предвкушаемого блаженства.

— Сестрёнка, будет тебе огурчик!

Рита подхватила и ушла к соседям, а тётка Аграфена, услышав про бутылку, завозилась на печке, потом стала с неё спускаться.

3

Август для Валентина Ивановича выдался хлопотным и напряжённым. На рас-свете он уходил в лес, носил оттуда дрова. Ему, как сельскому учителю, должны были за счёт школы выделить несколько кубометров и привезти даже домой, но теперь до этого никому не было никакого дела. Точнее, у школы на эти цели денег не было и они не предвиделись, поскольку власти были озабочены непрекращаю-щимися выборами. Выделение и поступление денег вряд ли кем-то согласовывалось с графиком приближения зимы, поэтому надо было самому позаботиться о топли-ве. В России, как известно, для чиновников зима испокон веков является самым необычным природным явлением.

Однажды, когда он валил сухую сосну, его поймал лесник, хотел было отвести в контору лесничества и составить по поводу самовольной рубки акт. Но потом, узнав, что он новый учитель, сам наметил ему деревья, которые теперь он валил, а самое удивительное — не только не потребовал магарыч, а даже отказался от него, когда Валентин Иванович сделал соответствующее предложение. Побереги бутылку для тракториста, посоветовал хозяин леса, заготовь побольше, на целый прицеп, и вывези, не таскай на себе. Он так и сделал, но попозже, когда заработал немного денег на дачах.

На садовых участках народ, как на беду, оказался не безруким. Одно товари-щество организовали строители, а другое — работники какого-то завода. И всё-таки ему удалось поставить два забора из сетки-рабицы и одни ворота, которые он украсил резьбой, и всем они нравились, однако заказов не принесли: завод *лежал*, большинство дачников находилось в неоплачиваемых отпусках. В посёлках «новых русских» работали свои бригады. Они таких, как он, гнали взашей, грозили ноги поперебивать, а руки повыдёрживать, чтоб не показывались здесь больше, потому что неорганизованные шабашники, особенно из Молдавии и Украины, готовы были работать за любую цену.

В одном коттедже повезло. Вначале хозяин, толстый кабан в шортах, с чёрной щетиной на голове и на скулах, с пухлыми, красными и презрительными губами, сказал, что никакой работы нет, и посоветовал отваливать отсюда. Испытав оче-редное унижение, Валентин Иванович опустил голову и побрёл прочь, но его вдруг окликнула хозяйка: предложила соорудить полки для солений и консервов в по-гребе.

— Ладно, пусть орудует, — разрешил хозяин и назвал цену: двести тысяч, по-скольку там, по его мнению, было на полдня работы.

Подвал «нового русского» напоминал собой по крайней мере лабораторию об-разцового быта. Стены, пол и потолки были отделаны импортным кафелем, тру-

бы — никелированные или из нержавеющей стали, на века, прачечная — крик последних достижений в этой области, системы отопления и кондиционирования, холодильные камеры... Всё это, как он догадался, только на половине хозяйки, очень сдержанной и в то же время какой-то пришибленной, наверное, деспотической властью хозяина.

Большую часть подвала отделяла стена с несколькими бронированными дверями — там были владения «кабана», разумеется, с сауной, бассейном, гаражом и ещё неизвестно с чем. Хозяйке, видимо, великолепия её половины показалось мало, и она отвоевала, судя по всему, в самом углу подвала помещение под погреб деревенского типа.

Валентину Ивановичу надлежало соорудить на стенах в четыре ряда стеллажи из белой пластиковой доски, которая бы держалась на литых алюминиевых кронштейнах.

— Здесь работы не на полдня, — заявил он сразу хозяйке, прикинув объём только сверления бетонных стен. — Кронштейны надо ставить через метр, не больше, иначе пластик будет прогибаться. Каждый кронштейн крепится на двух винтах, следовательно, необходимо просверлить сто двадцать отверстий. Каждое сверление — минимум на глубину пять сантиметров, итого общая длина отверстия получается шесть метров! В железобетоне, учтите. Тут буровому станку с алмазными шарошками работы на неделю, хозяйка. Что же это получается: тридцать три тысячи за каждый метр сверления дрелью в железобетоне!

— Пусть о свёрлах голова у тебя не болит, — она сразу перешла с ним на «ты», даже не спросив, как его зовут. — Он пообещал двести тысяч? А я плачу ещё по тысяче рублей за каждый сантиметр. Сколько получается?

— Шестьсот тысяч.

— Теперь иди за мной, возьми инструмент, — сказала она, не сомневаясь в том, что он согласен.

Конечно же, он был согласен: дней за десять можно было заработать две месячные учительские зарплаты. До вечера он управился только с одним стеллажом, а их всего было двенадцать. Наглотался бетонной пыли, руки гудели от дрели.

— Закончил? — встретил вопросом хозяин.

— Только начал.

— Что же так, гегемон? Или ты прослойка, у которой руки из жопы растут?

— Там шесть погонных метров сверления в железобетоне.

— Да? Сосчитал или накинул?

— Сосчитал. Пистолет бы...

— Возьми мой, какие проблемы?

— Не такой, — усмехнулся Валентин Иванович. — Для дюбелей.

— Для дембелей сколько угодно, а для дюбелей — нет.

— Если бы и нашёлся, применять его нельзя — кафель от выстрелов будет разлетаться. Да и кронштейны литые могут полететь.

— Ну-ну, — выставив вперёд тяжёлый подбородок, «кабан» немигающе смотрел на него налитыми глазами. — Не погреб, а аэродром, поскольку всё в нём может летать. Действуй дальше. Пока.

По пути домой Валентин Иванович размышлял над тем, что могло означать это «пока». «Кабан» попрощался с ним или же *лока* разрешал мантулить в образцовом подвале? «И это новые хозяева страны?» — задавал он себе и такой вопрос.

И всё же жизнь в Стюрвишах у них мало-помалу налаживалась. Приехала от своего Гарика Рита и привезла Лене надомную работу — внушительную сумку с заготовками для шитья «семейных» мужских трусов. Они вытащили швейную машинку и, отпуская шуточками по поводу изделия, осваивали технологию. Впервые за две недели лицо у Лены разгладилось, а глазам её возвратился обычный для них блеск.

Распоряжалась близлежащим окружающим пространством, как всегда, Рита:

— Мы будем строчить, а ты, братишка, найди длинный гвоздь и вдевай резинки. Всё-таки шестьсот рубликов штучка.

— Одна резинка?

— Нет, всё изделие.

— Не густо.

— «Новые русские» на работу денег не швыряют.

— Это я сегодня понял. Руки так набил, что резинка для меня, извините, слишком изящный предмет.

— Смотри, как бы тебя не надули. Как меня один *кинул* — так это сейчас называется. Напросилась я к одному хмырю учить английскому языку его хмырёнка. «Рита Белова», — в шутку представилась, потому что как назовусь Черновой, то сразу же получаю вопрос или замечание: как, вы такая яркая блондинка, нет, фамилия у вас неправильная... Обрыдло объяснять, одним словом. Беловой назвалась только поэтому, без всякой задней мысли. «А-а, слышали», — просиял он своей бронзовой сковородкой.

Недели две помучилась с хмырёнком, а его папаша вдруг в претензии ко мне: «Ты не та Рита Белова, которая на Би-Би-Си учит английскому языку радиослушателей. Я думал, что та, а ты совсем другая. Поэтому в твоих услугах мы больше не нуждаемся». Ничего себе претензия! «Так вы полагали, — спрашиваю, — что я по ночам работаю в Лондоне, а утром мчусь на помеле в наш Пересранск учить ваше чадо?» На полнейшем серьёзе отвечает: «Конечно!» «В этом случае вам никто не поможет», — говорю я, толсто намекая на полнейшую клинику, и прошу рассчитаться со мной за десять уроков. «Сожалею, но не вижу оснований, поскольку ты обманула нас». «Это вы обманулись, при чём же здесь я?» — спрашиваю. «Вот именно, при чём здесь ты! Ребёнок всем рассказывает, что учительница английского у него Рита Белова, а его поднимают на смех. Прибегает весь в слезах. Тут, извини, морального ущерба куда больше, чем полагается тебе за десять уроков. Ты должна нам заплатить!»

Жаль, что в паспорте у меня написано «Чернова», а если бы было «Белова», я бы ему всю сковородку разметила в глубокую полосочку. Так и не заплатил ни рубля, подонок. С тех пор, братишка, завела железное правило: деньги вперёд. Предоплата называется.

— Ты такому русскому языку детей учишь или всё же литературному? — поинтересовался у неё Валентин Иванович.

— Тоже мне стилист выискался! Да пошёл ты, братишка, знаешь, куда? — беззлобно сказала она.

— Да, я пошёл. Поправлю-ка дверь и окно, девушка, в твоём мезонине. Там зимой будет свежо, там такие щели...

— Зато не жарко. Я там всю зиму почти прожила, закалилась. Если уж было неумоготу — тогда вниз, к тётке на печь.

И всё-таки жизнь у них постепенно налаживалась. Он заменил в доме несколько прогнивших половых досок, отремонтировал лестницу, ведущую в Ритин мезонин, утеплил двери и окна. Лена, кажется, выходила постепенно из своего оцепенения, строча «семейные», которые Рита отвозила в город и возвращалась оттуда с деньгами и новыми заготовками. Если Рита исчезала к Гарику на несколько дней, то Лена не находила себе места, то и дело смотрела на дорогу. Но Рита возвращалась, и всё опять шло своим чередом.

Со стеллажами Валентин Иванович еле управлялся до начала учебного года. Работать ему разрешалось начинать в десять, а то и в одиннадцать часов утра, поскольку хозяева или их гости до этого времени дрыхнули. Между прочим, при этом им совершенно не мешало изматывающее, душераздирающее бляение козлят, которых они любили жаривать на вертеле тушками. Привозили только козочек два-три раза в неделю, привязывали к бетонному столбу — опоре гирлянды стеклянных фонарей, освещающих по вечерам газон перед коттеджем. Козлят не кормили и даже ничем не поили. Несчастные животные вытоптали копытцами газон, тянулись мордочками к зелёной травке, которая была у них перед глазами, но ущипнуть её они не могли. Перед закланием они должны были, судя по всему, очиститься таким варварским способом и приобрести особые гастрономические свойства. Их бесконечное «ме-э» переворачивало Валентину Ивановичу душу. За мучительство бедных козлят он возненавидел хозяев.

«Кабан» платил ему тем же. Его «пока» становилось всё более угрожающим. Победитовые свёрла затупились в первый же день, долбить дырки приходилось в основном шлямбуром, и поэтому «кабан» прозвал его «дятлом». Хозяйке нравилось качество работы, но она заставила загрузить один стеллаж коробками с мясными консервами, тушёнкой, сгущёнкой и ещё какими-то тяжёлыми банками — запасов еды тут было столько, что непроизвольно возникла мысль о подготовке к продолжительной осаде. Сооружение не шелохнулось. Довольная результатами испытаний хозяйка впервые за несколько дней изобразила постоянно сомкнутыми губами начало то ли улыбки, то ли усмешки.

Валентин Иванович решил не упускать благоприятный момент: предложил посадить на участке сад. Долбя дырки в железобетоне, он задумал заложить на одиночьем приусадебном участке тётки Аграфены питомник для плодовых культур. У Алексея Алексеевича он ходил в лучших садоводах, считалось, что рука у него лёгкая, поэтому сажать, обрезать, прививать, бороться с болезнями и вредителями сада он умел.

Это занятие в здешних условиях могло оказаться прибыльным, но первый доход питомник мог дать лишь через год — саженцы смородины, крыжовника, актинидии и йошты, новомодного гибрида смородины и крыжовника, если их посадить весной, только к осени станут товаром на продажу. Саженцы яблони и груши — через два, если сейчас позаботиться о подвоях, приобретя парадизки для пользующихся спросом карликов и полукарликов. Можно будет продавать саженцы яблони и груши уже будущей весной, если заняться зимней прививкой на подвой с хорошей корневой системой. Но это было рискованным и дорогостоящим занятием — куда проще заняться выращиванием рассады перца, капусты, томатов, салатов.

Лена тоже любила копаться в земле, но нужна была теплица. Ещё не поздно было посадить землянику — потом её можно будет размножить семенами. На всё

это нужны были деньги, и тут он всё продумал, предусмотрел: садовые участки у строителей и заводчан были изрядно запущены, нужно было обрезать деревья, удалять корневую поросль. Он предложит свои услуги, будет брать за приведение в порядок участков недорого, но зато запасётся из поросли саженцами сливы, вишни, черноплодной рябины, смородины и крыжовника, привоями лучших местных сортов яблони и груши. Короче говоря, серьёзной конкуренции, как в строительстве, в садово-огородном деле не ожидалось, и перед ним открывались хоть какие-то перспективы.

Хозяйка убрала начало улыбки с лица, прищурилась на несколько секунд, пожевала губы, что должно было, видимо, свидетельствовать о напряжённом мыслительном процессе, а потом повернулась к выходу, махнула рукой, мол, следуй за мной. Валентин Иванович последовал, с досадой думая о том, что они относятся к нему с необъяснимым для нормальных людей презрением: не поинтересовались даже его именем, не назвали соответственно и своих имён. Казалось бы, обычной-шее человеческое дело — представиться друг другу, но нет, здесь это считалось излишним или же противоречило соблюдению какой-то коммерческой тайны. Это или выходило за границы человеческих отношений, или же не являлось таковыми — во всяком случае, Валентину Ивановичу здесь было очень неудобно.

«Кабан» в беседе отмачивал своё волосатое тело баночным пивом. У ног лежали два рыжих бультерьера, которым он совал куски козлятины, а те отворачивались. Когда Валентин Иванович приблизился, собаки-убийцы встали, направили на него противно вытянутые, как бы припухшие морды и фиксировали немигающими, злобными глазами каждое его движение. Поэтому он и не решился подняться вслед за хозяйкой в беседку, остался внизу.

— Вот он предлагает посадить у нас сад, — сообщила она.

«Кабан» глотнул пива, захватил нижней губой верхнюю, а потом, помедлив, уставился на Валентина Ивановича и наконец спросил:

— Так ты не только «дятел», но ещё и Мичурин? Ботаник, значит?

«Ботаник здесь, оказывается, — это презрительная кличка, я и не знал», — подумал Валентин Иванович и не торопился с ответом.

— И кого предлагаешь посадить? — спросил «кабан», вкладывая в последнее слово явно не садово-огородный смысл.

— Плодовые деревья, кустарники. У вас суглинок, высокое место, небольшой наклон к югу — как раз то, что для сада надо.

— И яблоки?

— И яблони.

— И груши?

— И груши.

— И даже такие, как дули?

— И такие, как дули.

Неожиданно «кабан» запрокинул голову назад и, выпятив острый кадык, захохотал, громко, в крик, так оглушительно, что собаки дёрнулись, по их короткой шерсти волнами пошла дрожь, они не понимали: бросаться им на незнакомца сразу или же дожидаться более чёткой команды от хозяина. У Валентина Ивановича по спине побежали холодные мурашки, однако «друзья человека» немного успокоились, терпеливо дожидались конца веселья их повелителя. Наконец, «кабан» устал от хохота, смахнул пятернёй набежавшие слёзы, запил пивом и сказал жене, не скрывая своего презрения и к ней:

— Ну ладно, он — Мичурин, а ты... Ты думаешь, что я доживу до дуль на грушах?!

И опять захохотал, теперь нервно, истерично, и Валентин Иванович вернулся в подвал.

В тот день, когда ему осталось пробить несколько последних злополучных дырок, к хозяевам нагрянуло особенно много гостей. Возле столба бляло три козлёнка. Обычно — один, два, а тут сразу три. «Быстрее бы закончить да обратиться отсюда», — думал Валентин Иванович, со всего размаха нанося удары молотком по шлямбуру.

Однако закончить работу ему не позволили. В подвал спустилась хозяйка и заявила:

— Мы считаем, что сегодня тебе работать не надо.

— Почему? — удивился он. — Мне осталось повесить всего три кронштейна. Тут на два часа работы.

— Я повторять не намерена. У нас дважды не повторяют. Ты мешаешь нашим гостям. Приходи завтра после обеда. В середине дня мы уедем...

— Извините, а когда я получу деньги за работу? Нельзя ли сегодня?

— Нет. Ты не закончил работу.

— Вы мне не доверяете, не верите, что я закончу работу?

— Сейчас никто никому не доверяет и никто никому не верит.

— Как же это получается: вы уедете в середине дня, а мне предлагаете приходиться после обеда?

— Здесь будут племянницы. Получишь у них конверт.

Она удалилась. Нехорошее предчувствие овладело Валентином Ивановичем. Она же меня вообще за человека не считает, думал он. Я же для неё куда ничтожней, чем абстрактный «никто», который никому не доверяет и никому не верит. Я ведь поверил им, когда начинал работу, верил, что они всё-таки люди, вкалывая полмесса в подвале. Если поверил, то, значит, хуже, чем «никто». Выходит, что «никто» для меня — это недостижимая нравственная и социальная высота, мне до неё ещё подниматься, карабкаться... Опять сестрёнка Рита права?

Когда он вышел из подвала, то увидел в беседе много гостей. По этому случаю «кабан» надел даже майку, чёрную почему-то, с огромными золотистыми буквами «Made in USA» и хищным орлом. «Это надо понимать, наверное, как свидетельство того, что он уже приобщился к «цивилизации», — язвительно подумал Виктор Иванович и направился к выходу.

Однако «кабан» тоже заметил его, окликнул: «Эй, Мичурин! Освежи пасть!» и широким жестом швырнул ему банку пива. В беседе угодливо засмеялись. Банка, катаясь по дорожке из красной гранитной крошки обогнала Валентина Ивановича, но он, не оборачиваясь, перешагнул через неё, продолжив путь к калитке. Сзади наступила тишина. Валентин Иванович открыл калитку и с огромным облегчением закрыл за собой: во всяком случае тут он недостижим для собак-убийц, и стал обходить иномарки, столпившиеся напротив коттеджа.

«Господи, почему же Алексей Алексеевич и такие, как он, остались ни с чем, а вот такие одноклеточные стали хозяевами всей нашей жизни?» — воскликнул он в душе, и тут же кто-то грубо схватил его за плечо. Сзади — малый с квадратной челюстью, бритые виски, короткий ёжик, бугры мышц под тугой тенниской, в подмышке кобура, из которой торчала рукоять «пушки».

— Возьми, — ткнул он в руки подюжины пива в полиэтиленовой упаковке и угрожающе предупредил: — Попробуй только не взять...

Валентин Иванович взял. Через некоторое время до него донёлся торжествующий возглас: «Я же говорил: возьмёт! Ему мало показалось...» Остальное утонуло в хохоте.

Если бы Валентин Иванович знал, что «кабан» созвал гостей на трёхлетний юбилей своих псов — Кусатика и Рватика, что именинникам был приготовлен специальный торт из гусяной печёнки, из говяжьих языков, мелких куриных косточек, и в него уже были воткнуты шесть свечей, и гости вскоре наперебой будут стараться поучаствовать вместе с хозяином в их задувании, что козочки будут разорваны бультерьярами, освежёваны и запечены для них на вертеле...

Следующим днём было первое сентября и приходилось оно на воскресенье. Если бы не второго, а первого сентября начинались занятия в школе, то Валентин

Иванович, скорее всего, не пошёл бы заканчивать последний стеллаж — до того его оскорбила, покоробила история с пивом. Выбросил бы из головы, пусть это было бы похоже на тот случай, когда покупают билет, а идут пешком, но он заставил бы себя забыть обитателей коттеджа, из презрения к ним забыть — и всё.

— Валька, милый, от тебя остались кожа да кости, — сказал утром Лена. — Я тебя почти не вижу. Они там тебя не кормят совсем, что ли?

— В горло не лезло, — ответил, а сам подумал: «Святая простота! Считает, что я имею дело с людьми. Они за полмесяца мне глотка чаю не предложили! Не считая пива, конечно...»

— А когда деньги получишь?

— Держи карман, подружка, шире, — как всегда к разговору подключилась Рита. — Сто тысяч задатка принёс — скажи: спасибо. Да ещё голландского пива шесть банок. Так что не раскатывай особо губы.

Задатка никакого не было. На одном участке он перетаскал целую машину шестиметровых брусьев, сложил их, чтобы просыхали — заработал сотню, а сказал, что дали задаток. Не хотелось выглядеть в их глазах, что называется, лохом.

— Сегодня должен получить, — сказал он таким тоном, словно подписал себе приговор.

Отправился в лес. Притащил один чурбак, второй, третий... Время как остановилось. Он давно приоровился пилить двуручной пилой один, распилил чурбаки, поколол, сложил поленья в сарае. Наконец-то радио у каких-то соседей пропикало полдень. Он хотел было тронуться в путь, однако Лена предложила немного подождать и пообедать.

— Извини, я забыла даже, когда ты обедал в последний раз дома, — сказала она за столом.

— Я тоже, — ответил он, обжигаясь горячим, наваристым грибным супом.

— Куда ты так спешишь? У тебя же язва была, очень горячее тебе вредно.

— Не надо за столом о болячках, — пришла на помощь Рита.

— У меня ещё котлеты с картофельным пюре и грибочками, а также компот, — похвасталась Лена.

— О, котлеты, о, компот! — торжественно воскликнул Валентин Иванович. — Живём, братва, шикуюем!

— Не шикуюем, а просто ва-ля-ем-ся! — уточнила Рита и изобразила, каким же образом это у них получается: взмахнула, разбросала руки, наклонила голову, положила её на своё плечо, закрыла от удовольствия глаза — словно не в Стюрвицах они, а по крайней мере на морском берегу где-нибудь на Канарах.

«Хороша собой, ох, хороша, плутовка!» — отметил про себя Валентин Иванович. А Лене, чувствовалось, было приятно кормить его, быть настоящей женой и хозяйкой.

Дорога к коттеджу вела через вековой бор — гулкий, светлый, просторный. Где-то далеко-далеко переключались грибники — Валентин Иванович завалил Лену и Риту белыми, подосиновиками, подберёзовиками. «А опят тут — вообще кошмар!» — предупредила Рита. Не в бору, конечно, где-то в ельниках, березняках.

Крепыши с коричневыми шляпками так и норовили попасться ему на глаза, он отворачивался, не поддавался соблазну — и всякий раз при этом к нему приходила мысль о том, что грешно не брать того, чем лес одаривает. На обратном пути соберёт...

Возле коттеджа никаких машин не было, на участке — тихо и пустынно. Каким-то козлятам повезло, а ему? Калитка заперта. Да и калиткой называть тяжёлую

дубовую дверь, окованную железом, разукрашенную чеканкой — значит грешить против истины. Нажал на кнопку, выждал минуту, нажал ещё. Нехорошее предчувствие, кажется, начало сбываться...

— Заходи, — раздался вдруг недовольный и нагловатый женский голос, и в устройстве калитки что-то щёлкнуло.

Дверь в подвал была открытой. Последние дырки он прибавал прямо-таки с остервенением. Собирал последний стеллаж и привинчивал его с такой скоростью, словно за ним гнались — выбраться, наконец, из этого проклятого погреба ему казалось счастьем. Как же человеку мало нужно, удивлялся он, собирая инструмент.

Внутрь коттеджа, опять же не без удивления, прошёл свободно. «Кабан», как и следовало ожидать, жил по-царски: тут стояла такая мебель, которую Валентин Иванович видел разве что в кино. Красное дерево, его он вообще никогда не видел, но догадался, что здесь именно оно, мрамор, бронза, резные двери, инкрустированный пол — ну куда ему с детдомовским рылом да в такой калашный ряд!

— Не проходи мимо, — услышал он из-за приоткрытой двери тот же голос, но не такой недовольный и наглый, как в первый раз. В нём чувствовалась даже игривость...

— Можно? — спросил он, открывая дверь.

В помещении, куда он попал, был полумрак. В глубине комнаты угасали в два ряда экраны — он вначале принял их за странное, длинное окно, но потом догадался, что тут не желают раскрывать ему систему телекамер. Когда глаза привыкли к полумраку, он заметил возле настоящего окна женскую фигуру.

— Помогите с железками справиться, — услышал он почему-то совершенно другой голос.

Разумеется, Валентин Иванович бросился на помощь даме. Однако никаких ни шнуров, ни рычагов, чтобы справиться с жалюзи, найти не мог.

— Может, свет включить? — предложил он.

— Да он погас только что, вырубил, — ответила незнакомка, потом взяла его за кисть правой руки и со словами: «Не лучше ли нажать сюда?» прижала её к твёрдой девичьей груди.

В этот момент жалюзи распахнулись, девушка, прыснув от смеха, как бы застеснялась своего слишком смелого поступка, а халат тем временем соскользнул с неё и упал на пол. Она была совершенно голой. Стараясь не смотреть на неё, Валентин Иванович поднял халат и протянул его девушке.

— А почему ты нос воротишь? Не нравлюсь, да? — вместо того, чтобы взять халат, она сделала несколько шагов назад, повиляла бёдрами, поиграла руками в воздухе, призывно вытягиваясь. А потом подбежала к нему, одной рукой обняла его, остолбеневшего, за шею, а другой гладила волосы, щёки, провела пальчиком по густым, чёрным бровям и сказала:

— Облицовка у тебя ничего, классная даже. Подходит... А я всё не нравлюсь тебе, нет?

Она ошалевала, её рука на его шее стала мелко-мелко дрожать; возможно, она была уже ошалевшая от наркоты. Облизывая пересохшие губы, она вновь расхвалила его «облицовку», особенно нос, намекая на зависимость размера носа с ещё одной частью мужского тела. Затем, прижавшись к руке, вернее, предплечью, повернула его в другую сторону, прошептав: «Если я тебе не нравлюсь, то посмотри туда...» Шёпот был противный, нарочитый...

На огромном ложе, разметавшись, лежала ещё одна нагая прелестница.

— Эх, мужика бы, — потянулась и эта. — Как насчёт группен-секса? Можешь или нет? Не умеешь — научим.

— Нет, красавицы, у меня СПИД, — сказал он, окончательно приходя в себя. Впрочем, никакие они не красавицы, подумалось ему, — подщипанные, подрисованные, подкрашенные. Телевизионный стандарт, таких табунами каждые пять минут по ящику показывают.

— СПИД или спит? — поинтересовалась на ложе. — Если спит — разбудим, если СПИД — резинку наденем.

— И то, и другое.

— Нам подходит и такой вариант, — не унималась прелестница, приподнялась, протянула руку, другой опёрлась на локоть — прямо-таки Даная. — Иди ко мне, иди, сладкий ты мой...

А другая принялась ему расстёгивать брюки, мурлыкая что-то себе под нос.

— Хочешь с меня последние джинсы снять? Они не клёвые и не классные, мэйд ин Торжок, — сказал он, отвёл её руки от ширинки и спросил девицу на ложе: — А где мой конверт?

— Вот он. Иди ко мне, получишь конверт, — она достала его из-под подушки, повертела им и сунула туда же.

— Иду, лови! — неожиданно согласился он, упал на ложе и тут же оказался в объятьях обеих сразу.

Кто-то из них совал ему в лицо сосок своей груди, кто-то запустил опять руку ему в ширинку, а он тем временем шарил под подушкой, нашупал конверт и высвободился от ошалевших девиц. Вскочил на ноги и, помахивая конвертом, направился к выходу:

— Счастливо оставаться. Ничем помочь не могу.

— Вали отсюда, импотент несчастный!

— А конверт не тот, не тот, ха-ха-ха!

— Покажи тот! Ну!

— Не нукай. Не запрягал. Даже не трахнул...

Он опрометью ринулся прочь, чего доброго, девицы могли заблокировать входную дверь — уж она-то здесь бронированная. Это не дом, а какой-то броненосец или бронепоезд. А эти девочки, думал он, которых по телевизору с утра до ночи моют, чешут, мажут, прокладывают, а они умильно выводят нежными голосками «Каждый день с кэфри!», словно у них никогда не прекращаются омерзительные выделения, способны на все. Мало того, что на «винт» тут можно намотать такое, что никакой диспансер диагноз не поставит, так они ещё от нечего делать, скуки ради, могут отпирать за решётку — набросился, изнасиловал, совершил покушение на их девичью честь. Их две, попробуй доказать, что ты не «кэмел». О времена, о нравы!..

Только оказавшись за оградой, он перевёл дух, вскрыл конверт. Там было несколько бумажек и записка «Минус 300 тыс за ниуважения к хазяивам плюс пива». Дамской рукой, между прочим, исполнена записочка...

— Ух, жлобы, ух, сволочи... — заскрежетал он зубами, а в окне на втором этаже показались девицы. Они корчили ему рожи и показывали языки. А он им показал, что ищет камень, чтобы запустить в них — девицы отпрянули от окна.

А дома...

Лена копной сидела на крыльце, держась за поясницу. Рядом лежал узел, судя по всему, с одеждой. По лицу жены струился пот, она постанывала от боли.

— Валечка... началось... где... же... так... долго... ходил...

— А Рита, Рита где?

— За... машиной...

И тут, вздымая клубы пыли, возле дома остановился старый, дребезжащий «мо-сквич».

Спустя час Лена была уже в роддоме. Ехали медленно, осторожно, несколько раз останавливались. «Что же вы, папаша, так затянули! — ругалась медсестра в при-ёмном покое. — Воды уже отошли!» Лену увезли прямо в родильное отделение. Рита предложила ему вернуться домой на машине, мол, обычное бабье дело — рожать. Лена — девица крепкая, в два счёта справится. Но Валентин Иванович подобное и представить не мог: как он может оставить тут Лену одну?! Рита махнула на него рукой и уехала.

Ещё через час или два, может, даже три, поскольку Валентин Иванович не знал, сколько времени он проторчал перед роддомом, с надеждой вглядываясь во все окна, наконец, в одном из них появилась медсестра, та самая, ругучая, показала ему белый свёрток с красноватым, должно быть, орущим сколько было мочи, пятном. Вывела на стекле пальцем «сын» и поставила восклицательный знак. Потом, видимо, ей этого показалось мало, она кивнула головой вглубь палаты, мол, жена твоя и твой сын — во, на большой.

«Алёша, сынок», — прошептал он с новым, неведомым раньше чувством, с тем же чувством осенил себя крестом и тут же, не помня себя от радости, исполнил какой-то дикарский танец. И медсестра, и две роженицы, занявшие соседнее окно, улыбались.

До Стюрвиш добрался на попутке где-то в полночь, но все окна светились. Он вбежал в дом и крикнул:

— Алёша у нас, Алёша!

Рита прижала указательный палец к губам, и только теперь Валентин Иванович заметил, что в доме полно старух, что тётка Агафья лежит на сундуке со свечой в скрещенных руках.

— Не дождалась, соколик, твоей весточки, преставилась сердешная, — сказала какая-то старуха.

В глазах у Валентина Ивановича потемнело. Он вышел на крыльцо, бился лбом о ребро столба — не чувствовал боли, от обиды и несправедливости хотелось плакать, но он давно уже разучился плакать. Рядом щёлкнула зажигалкой Рита, закурила.

— Будь мужчиной, братишка.

— Ну почему, почему, Рита, так?! У меня за всю мою жизнь один по-настоящему счастливый день, не день, а только полдня, всего несколько часов, и тут же тебя обухом по голове! За что же, сестрёнка?!

— Не спрашивай, а привыкай, — ответила она, помолчала, затем добавила: — А вы — настоящие педагоги! Подумать только — подгадали Алёшу точно к первому сентября!

6

В ту ночь Валентин Иванович не сомкнул глаз. Попросил у соседней переноску, провёл свет в сарай и, сняв с чердака доски, стал ладить тётке Аграфене гроб. Из одних и тех же досок и домовина, и зыбка, думал он, строгая пересохшую, твёрдую, как камень, древесину. На кроватку тебе, сынок, отец твой ещё не заработал...

Рита тоже не спала, то и дело заглядывала в сарай. В их прежней жизни смерть была понятием весьма отвлечённым. Конечно, однокашники по детдому погибали

в горячих точках, кого-то убивали в опасной нынешней жизни, но вот так наглядно, когда в доме, где они жили, лежала покойница, они со смертью столкнулись впервые. Валентина Ивановича это ошеломило, Риту — тоже, хотя она и не подавала виду, однако держалась поближе к братишке, вдвоём было легче, не так страшно и не так все необъяснимо.

— Рита, гроб ведь чем-то обивают. Ты не знаешь? — спросил он. — Да и как...

— Не знаю, — впервые услышал он такой ответ от Риты.

— Спроси у старух. Если у них есть для этого материал, так я куплю. Деньги есть, почти триста тысяч.

— Богач.

— Сходи и спроси.

Рита ушла и вернулась со старухой с клюкой.

— Это тётя Маня, послушай её, — сказала сестрёнка, усаживая гостью на колоду.

— Соколик, не убивайся, — начала старуха проникновенно. — Беда небольшая, когда старый человек умирает. Все там будем. С Агашей, царствие ей небесное, мы дружили с детства. Весной нас, по случаю 50-летия Победы, пригласили в военкомат — по сто тысяч дали и по подарку. Мы с ней в партизанах были. Не думай, соколик, и ты, дочка, что тётка Агафья всегда была такой забубёхой. У меня одна медаль с войны, а у неё боевой орден и две медали, юбилейные не в счёт. Она и партейная была, председателем колхоза сразу после войны была. Одна вдовая солдатка несла с фермы бутылку молока своим деткам, своей коровы у неё не было, а уполномоченный из района её и поймал. Да в кутузку, а дома — пять сирот голодных, мал мала меньше. Уж как Агаша умоляла уполномоченного простить несчастную — её Матрёной зовут, приползла только что, оплакивает свою защитницу... А уполномоченный — ни в какую. «Ты воевал, гад?» — спросила тогда его Агаша. «Какое это имеет значение?» — выверился уполномоченный. «А вот такое!» — сказала Агаша да оглоблей, оглоблей давай его охаживать. И ногу ему перебила, и рёбра поломила — еле отняли его у неё. Ежели бы не партизанка, не орденоска, не партейная, то все бы двадцать пять дали, а так только пять лет. Вместе с Матрёной и отсидели. Суженый был у Агаши, да оказался ряженым. Сгинул куда-то, не пожелал с тюремщицей знаться. Потом Агаша призналась мне, что от этого уполномоченного её старшая сестра понесла и повесилась. Эх, и жизнь была...

Старуха вздохнула, сняла одну руку с клюки, закрыла ею морщинистое, скукоженное лицо, и Валентину Ивановичу показалось, что она заплакала. Нет, не заплакала, провела пальцами по лицу сверху вниз, словно снимая с него только ей ведомое наваждение.

— Да, — поймала прежнюю нить своего рассказа тётя Маня, — так идём мы из военкомата, я и говорю: давай зайдём в магазин да кофточку тебе купим. В чём в гроб тебя класть, подруга? Вот как раз и дали на кофточку, завоевала ты её, а что останется — сахарку купим, самогонки наварим на похороны. На мои ли, на твои ли — пусть стоит. Не прокиснет. Сказано — сделано. Так что насчёт выпивки да закуски не беспокойтесь. Внуки Матрёны с утра могилку выкопают. А ты, соколик, не вздумай гроб в атласы да бархаты обряжать — отродясь мы их не носили. У тебя сыночек родился, для него копейку сохрани. И попа пригласим, не боли об этом твоя голова.

— Спасибо вам, — сказал Валентин Иванович.

— Тётка Аграфена, оказывается, героическая личность. И не подумаешь, — вслух размышляла Рита.

Тётя Маня, поохивая, поднялась, переступила с ноги на ногу, поосновательней опёрлась на клюку.

— Вот что ещё, соколик. Не приведи, Господь, чтобы Лена узнала. Молоко-то может и пропасть, что делать будете? Это вам не город, тут детского питания нету. Когда выйдет из роддома, потом и скажем. А Сергею отбей телеграмму. Похристиански поступи. Пусть сам решает: приезжать ему или нет... И ещё одно, как бы это тебе сказать, — почмокала губами старуха. — Покойная, царствие ей небесное, всё-таки была с прибабахом. Осерчала она как-то на Лену и кому-то отписала дом. За выпивку. А кому — сама не может вспомнить. Зимой я её донимала: Агафья, ты пригласила племянницу к себе на житьё, а кому-то дом отписала! Что же ты так с сиротой обходишься?.. Убей меня, говорит, не помню, как это было. Охотники из города приезжали, вот кому-то из них по пьяни дом и подарила. Больно уж хорошие мужики были. Я её спрашивала: «Печатью заверяли?» «Какая печать, Господь с тобою!» Так вот, подруга, говорю, пока мы с тобой на ногах, пойдём и оформим завещание на Лену. Чтоб с печатью, честь по чести, не по пьяни. Сделали мы его, за икону спрятали. Там оно, я проверяла... Ну, заговорилась я с вами. Пойду к подружке. А насчёт домовины, соколик, не переживай. Мы её чёрной красочкой покрасим, стружек намостим, белые рюшечки приладим — мягко и красиво Агаше будет...

То, что рассказала тётя Маня, отозвалось в мятущейся, сбитой с толку душе Валентина Ивановича — там пошла, он чувствовал это, какая-то нужная и полезная работа. В его сознании как бы распутывались узлы, пока немногие, но ведь распутывались. К нему неожиданно, как ему показалось, пришла мысль о том, что они, детдомовские, были лишены не только материнской и отцовской любви и заботы, но ничем не восполнимой ласковой мудрости бабушек и дедушек. Да и только ли они, детдомовские? Не отсюда ли неприкаянность, беспривязность к чему-либо или к кому-либо, убеждение в том, что жизнь — это то, что хочу, то и ворочу, поскольку ты — космос, если не Вселенная, то уж по крайней мере пуп Земли? Он давно простил свою мать, которая отказалась от него в роддоме, простил после того, когда развеялись, как дым, детские ожидания, что вот-вот появится мама или папа, что они обнимутся и вместе сладко-сладко заплачут. В десять лет с неприсущей его возрасту зрелостью он рассудил: он ей не судья, кто знает, может, она не могла поступить тогда лучше, а если она виновата, то Бог непременно накажет её. Теперь он понимал, что не месть самое страшное для неё, а воздаяние по заслугам, от которого ей никуда не деться. Зло не исчезает, оно непременно возвращается к тому, кто его породил. И ещё: теперь он понимал, что она совершила нечто большее, чем просто оставила его в роддоме. Каждый человек — звено в цепи предков и потомков, а она выломала его из неё, лишила своего рода, обрекла его в этом смысле на вечное одиночество, на жизнь среди чужих. Значит, и она по своей дури или по чужой воле тоже выломалась, ожесточилась, потеряла облик человеческий — у неё даже не проснулся материнский инстинкт. Неспроста, ох, неспроста у тех народов, где старые люди пользуются самым большим уважением и почётом, прочные традиции, крепкие семьи, много детей... А у нас «хазяйва» даже тридцатилетних списывают из жизни: чем зеленее да глупее, тем легче лепить по образу своему и подобию?..

— Валька, что с тобой? Ты плачешь? Очнись! — затормошила его за плечи Рита.

— Задумался.

— Ничего себе — задумался! Стоишь и стоишь, молчишь и молчишь, потом слёзы показались, опять стоишь и молчишь... Тебе выпить надо, расслабиться. Вкалываешь, как папа Карло, а разрядки никакой. Я испугалась, подумала, что у тебя

крыша поехала. Братишка, тебе надо принять. У меня тут шкалик коньяку где-то припрятан. На всякий случай, вот он и пришёл, случай...

— Мне на работу к восьми утра...

— Да кто тебя осудит — сын родился! И тётка умерла... Так я пошуршу?

— Пошурши.

«Странно, как вода», — подумал Валентин Иванович после несколько глотков прямо из «шкалика», и тут же всё поплыло у него перед глазами. Рита совала ему в рот конфету, а он бормотал:

— А ты говорила: лженарод... Есть люди и лжелюди... Первых, таких как Алексей Алексеевич, как тётя Маня, всё равно больше. Пока больше. Только они слабее. А слабее потому, что порядочнее...

7

В школу Валентин Иванович явился в половине восьмого. Анна Иоановна, в строгом тёмном костюме с огромным белоснежным воротником, была особенно монументальна. Она командовала учителями и учениками, которые, как могли, пытались придать обшарпанной школе хоть какой-то торжественный вид. Он поздоровался и поздравил её с праздником.

— Спасибо, вас тоже. Всё знаю, дорогой вы мой, — она взяла его под руку и повела в свой кабинет. — Нельзя же так, Валентин Иванович. Вы весь почернели, нет, обуглились! Не предъявляю никаких претензий: знаю, что вы день и ночь шабашили, зарабатывали деньги. Закрывает глаза и на то, что вы даже не появились на районной учительской конференции. Кое-кому это очень не понравилось, ну да Бог с ними. Как Елена Дмитриевна, как малыш? Да что же это я: совсем из ума выжила что ли — забыла поздравить! С первенцем вас, с наследником! Как они?

— Не знаю.

— Как это — не знаю?! Звоните немедленно, вот телефон, — она решительно поставила перед ним аппарат. — Впрочем, лучше через две-три минуты, я уйду, а вы звоните... А по печальному поводу — примите мои соболезнования. Вы свидетельство о смерти оформляете?

— Какое свидетельство? — удивился он.

— Да чем же вы занимались? — воскликнула Анна Иоановна возмущённо.

— Я из роддома в полночь приехал, до утра гроб делал.

— Он и гроб делал! Сам?

— Сам.

— Боже мой! — она всплеснула руками. — Неужели у нас совсем мужиков не осталось? Вокруг ещё люди живут, Валентин Иванович! А со свидетельством... Вы знали, что без него нельзя хоронить?

— Нет.

— Да откуда вам и знать... Вы же у нас, извините великодушно, инкубаторские. Дайте сюда телефон! И садитесь, нечего торчать...

Она звонила в больницу, милицию, загс, а директору совхоза — насчёт бортовой машины. Потом опять в больницу, доказывая им, что во вскрытии нет никакого смысла, вам, мол, делать больше нечего, как кромсать старушек, вы и меня, наверное, когда умру, искромсаете? На вскрытии настаивает милиция? Анна Иоановна звонила участковому, кричала ему, что они инкубаторские, племянница родила, а бабушка Богу душу отдала. Да, Иван Максимович, они о жизни никакого представления не имеют, не то что о смерти! Что вы, Иван Максимович, что вы... Да вы

что?! Это вы меня разыграть решили, не иначе. Не верю!.. Да, да... Если уж такой порядок, то тут ничего не попишешь... Заходи, Иван Максимович, давненько не виделись...

— Фу-у, — Анна Иоановна бросила трубку. — Дорогой Валентин Иванович, ещё вчера следовало отправить тело в морг... Хотя, до этого ли вам было... Значит, так: сейчас за телом приедут. К концу дня, дай Бог, получите заключение и потом с её паспортом поедете в загс за свидетельством. Так что похороны завтра, не раньше. Насчёт бортовой машины я договорилась. Теперь скажите мне честно, как сказали бы, извините, родной матери: сколько у вас денег, они вообще есть у вас?

Валентин Иванович сжал губы, потому что родной матери он ничего бы не сказал, но не стал уточнять это обстоятельство, пересилил себя:

— У меня почти триста тысяч, у Лены сто пятьдесят.

— Что у Лены — это не в счёт. На старые — это чуть больше тридцати рублей. И на похороны, и на крестины, — помрачнела Анна Иоановна, потом решительно подошла к сейфу и выложила перед Валентином Ивановичем ещё триста тысяч. — Возьмите, потом напишете заявление о материальной помощи. У школы больше нет, дома у меня — тоже, а эти я держала на самый крайний случай.

— Анна Ивановна, я не могу взять последние деньги, — заявил он и сделал два шага назад от стола.

— Знаете что?! — заорала она вдруг, покрываясь красными пятнами. — Он ещё кочевряжится! Берите! — она схватила бумажки и воткнула их в нагрудный карман пиджака. — И выметайтесь отсюда! Нет, стойте, пойдём вместе на торжественную линейку.

— Извините, Анна Ивановна.

— Вот-вот, теперь — извините, — она достала пудреницу и принялась запудривать красные пятна. — А где мне нервов на вас набраться? Ещё не начинался учебный год, а нервы уже — ни к чёрту. Впрочем, они давно уже такие... Не обижайтесь на меня, старуху, только откуда вы берётесь на мою голову такие: что учителя, что ученики... Ну, настроение, настроение! — убеждала она себя, закрыв глаза. — Пойдёмте!

Дальнейшее Валентин Иванович воспринимал как во сне. Вроде бы ему солнце било в глаза, когда он стоял на крыльце с педагогами, представителями власти и общественности, вроде бы ему маленькая, остроносенькая дама в больших дымчатых очках язвительно заявила: «Наконец-то мы имеем честь видеть вас», из чего следовало, что это завуч Лиля Семёновна, «гадюка». Рита показала глазами на неё и взглядом сказала: «Слыхал? Я тебя предупреждала!..»

Он почему-то очень отстранённо видел внизу школьников, стоящих не по классам, а толпой, в которой находились и две племянницы «кабана», глазели на него нагло и при этом презрительно лыбились. Откуда-то издалека доносился сильный и торжественный глас Анны Иоановны, разносящий по округе положенные по такому поводу слова и поздравления, и словно не он, а другой Валентин Иванович, думал: «В самом деле, мы — инкубаторские, ничего в жизни не понимаем, а тем более — в смерти...»

Потом, кажется, Анна Иоановна стала представлять его персону. Говорила о том, что он окончил институт и аспирантуру, что он молодой учёный, и Стюрищи ещё будут гордиться, когда он станет академиком. Валентин Иванович приехал вместе с женой, тоже учительницей, однако Елена Дмитриевна отсутствует по весьма уважительной причине: вчера, первого сентября, у них родился мальчик. Как вы его назвали?

— Алёшей, — ответил он, разомкнув чужие, неподатливые губы.

— Поприветствуем Валентина Ивановича и поздравим его! — воскликнула Анна Иоановна и первая захлопала. — Девушки, цветы молодому учителю и молодому папе!

Его окружили старшеклассницы, завалили цветами. Подошли и племянницы. Подождав, пока они не останутся втроём, сказали:

— О вчерашнем забудь, учитель. Не то... дядя заставит замолчать. Навеки...

И тут Валентин Иванович словно пришёл в себя. Сознание стало ясным, и теперь не тот, прежний, а другой, подлинный Валентин Иванович, закипел от негодования, но сдержался, процедил сквозь зубы:

— Как-нибудь обойдусь без советов разных поблядюжек...

— Ну-ну, — ответили они и опять заулыбались.

— Теперь мы знаем имя ученика, который через семь лет придёт к нам в первый класс. Его зовут Алёша! — продолжала Анна Иоановна. — Он будет стоять там, где сейчас стоят дорогие наши мальчики и девочки, которые сегодня впервые пришли в школу. Дай Бог, чтобы было так всегда, — голос у неё дрогнул, нервы опять не выдержали, и на глазах Анны Иоановны засверкали слёзы. — Теперь выпускники берут за руку наших самых младшеньких и ведут на первый урок в их жизни.

Зазвенел школьный звонок, заиграла музыка, все аплодировали. Растерянные детишки доверчиво совали ладошки дядям и тётям, которые, оказываясь, тоже учились в школе. В том числе и племянницам, которые, повиливая бёдрами в тугих джинсах, повели девочек в местный храм знаний. «Это не фантазмагория, это, Валентин Иванович, сегодняшняя жизнь», — мысленно сказал он сам себе.

8

Сентябрь выдался тёплым, тихим и солнечным. Здешние места всё больше нравились Валентину Ивановичу, и он теперь не испытывал особого затруднения, когда приходилось ему говорить «у нас, в Стюрвищах». После похорон он и Рита устроили генеральную уборку в доме: выбросили всякий хлам, скоблили, мыли, проветривали. Он подновил глиняным раствором печь, а сестрёнка где-то раздобыла известь и побелила её. На окна повесила новые занавески. Валентин Иванович сделал зыбку — вложил в неё всё своё умение, всю душу, повесил не на крюк несчастной Дуни, который он выкрутил, дырку забил и место застрогал, а на новый и в новом месте, рядом с их кроватью. Зыбка осветила дом тёплым медовым светом. Она, украшенная резьбой, розетками, изображающими лучистые солнышки, которым надлежало по замыслу мастера освещать и согреть жизнь Алёши, стала как бы центром их маленького мироздания.

— Голь на выдумки хитра, ох и хитра! — восхищалась Рита, довольная тем, что к появлению в жилище младенца они сделали всё необходимое и в лучшем виде.

Ночью Валентин Иванович проснулся от настойчивого стука в дверь. «Эй вы, сонные тетери, открывайте брату двери!» — доносилось с крыльца. «Сергей?!» — мелькнула догадка, и точно — это был он. Ввалился в дом вместе с облаком запаха солярки, шумный, поскольку родной сестры и родного племянника тут ещё не было. Приехал на «КамАЗе» — напросился в такой рейс, чтобы можно было заехать в Стюрвищи.

На шум внизу вышла Рита. Спускалась по лестнице в розовом халате, и Сергей при её появлении прямо-таки остолбенел.

— Ни за что бы не поверил, что это Рита Чернова. Ты — Рита?

— Собственной персоной. С приездом, братишка.

— Послушай, да я же весной где-то в этих местах, кажется, видел тебя. Смотрю: какая-то мадам голосует. Мне показалось, что это ты была. Потом подумал: неужели Рита так расцвела?

— Остановился бы, — с вызовом сказала она.

— Пока до меня дошло, что это могла быть ты, пока вспомнил, что ты живёшь у тётки Аграфены, я уже был далеко. Шёл с прицепом — ни развернуться, ни дать назад. До меня же, как до жирафа, на третий день все доходит... В том числе и телеграммы. А наши молодцы — колониями живут, надо же... Когда за Леной и Алёшей едем?

Валентин Иванович взглянул на Аграфенины ходики — они показывали половину третьего.

— Сегодня.

— Тогда ложка к обеду.

— Чай, кофе, закуску? — Рита выбрала по отношению к Сергею почему-то ироничный тон.

— Какую закуску — утром за руль! За Алёшкой на «КамАЗе» надо ехать. Спасибо, ничего не надо, сестрёнка. Двое суток не спал. Телеграмму только позавчера увидел — из рейсов не вылезая. Мне поспать бы... Валька, за мной!

Сергей подавал из кузова грузовика подарки и объяснял их происхождение: детскую коляску, упакованную в бумагу, — по наследству от двоюродных Иры и Алёши, она ещё ничего, сезон проходит; новую прогулочную коляску — от дяди Серёжи; баул с ползунками, распашонками, пелёнками, пинетками и погремушками — от тётки Светы, которая всё это накопила и сберегла для племянника. Ещё какие-то коробки, пакеты, наконец, огромный арбуз — это от какого-то джигита Ахмета, везде они нынче арбузами торгуют.

Когда всё это перенесли в дом, Сергей, передавая Рите тяжёлый пакет, распорядился:

— Здесь мясо. В холодильник.

— Братишка, извини: а что это такое — холодильник? — съязвила она.

— Эх! — гость хлопнул себя по лбу. — Какого я маху дал: стоит дома без дела «Морозко», мы давно большой себе купили. Как бы он тут пригодился: без холодильника с маленьким ребёнком — нельзя. В следующий раз привезу или передам... А мясо в ведро да в погреб. Утром встану и на шашлык замариную. Погреб-то хоть есть?

— Есть, ваша честь, — продолжала дурачиться Рита.

Сергей с детдомовских времён сильно изменился. Возмужал, раздался в плечах, подбородок у него как бы ещё больше потяжелел и ещё сильнее раздвоился. Он производил впечатление вполне уверенного в себе человека, чувствовалось, что он в этой жизни освоился. Пока Валентин Иванович учился в институте, а потом в аспирантуре, Сергей отслужил в армии, в какой-то горячей точке его контузило — года два у него дёргалась голова. На грузовике он объездил всю страну, женился тоже на детдомовке, и получалось, что по жизни Сергей ушёл далеко вперёд по сравнению с Валентином Ивановичем, который к ней, этой жизни, выходило так, только готовился.

И ничего удивительного не было в том, что Сергея, когда они подкатили на «КамАЗе», а не Валентина Ивановича принимали за папашу. «Будем снимать?» — естественно, у Сергея спросил парень с видеокамерой. «Будем. Сколько» — мгновенно среагировал тот. «У нас нет видеомagneфона и не предвидится», —

скомплексовал Валентин Иванович. «У нас тоже с видаком напряжёнка. Зато есть две плёнки из роддома. Накопим побольше плёнок — придётся покупать видак!» — спокойно и легко рассудил Сергей. И сообщить Лене о смерти тётки вызвался тоже он, мол, я знаю, как ей сообщить, не волнуйся.

Сергей знал то, о чем Валентин Иванович даже не догадывался. Например, о том, что мальчику положена голубая лента, которой в приданом Алёши, приготовленном Ритой, не оказалось. Пришлось папаше побегать по магазинам в райцентре. Не знал ничего Валентин Иванович и о «выкупе», которым следовало отблагодарить нянечку. Сергей и тут сразу сориентировался, разузнал местные «расценки» и сообщил: «Двадцать тысяч за мальчика, а за девочку — пятнадцать».

— А девочке какая лента положена? — поинтересовался Валентин Иванович.

— Молодец, Валька! Замётываешь на будущее? Розовая! — и чувствительно хлопнул лапищей по плечу.

Как ни готовился Валентин Иванович к торжественной встрече с сыном, сколько бы раз он ни проверял в кармане «выкуп» — не растерялся, не опозорился бы, но когда на крыльце показалась нянечка со свёртком («Голубая лента — мой!»), затем и Лена, стройная, похорошевшая, только с уставшими глазами, он всё равно стушевался. К тому же нянечка Сергею, а не ему сказала:

— Папаша, принимай сыночка!

— Нет, я не могу быть самозванцем, вот отец, — Сергей решительно толкнул его вперёд.

Валентин Иванович уж и не помнил, сунул он вначале нянечке «выкуп», а потом взял Алёшу на руки или это всё произошло в обратном порядке. В руках ведь были ещё и цветы для Лены, он её поцеловал, она ответила тоже поцелуем, а потом повисла на шее у брата.

Он отошёл от них, с величайшей осторожностью и бережностью отогнул уголок одеяльца — какой же он, мой Алёша? Тот спал, едва слышно посапывая, и пошевеливал крохотными губёшками. Лицо у него было маленькое, с кулачок, и розовое.

— Какой он маленький, — разочарованно произнёс Валентин Иванович.

— А ты хотел, чтоб он сразу тебя матом послал? — засмеялся Сергей и, вспомнив, что их снимают, сказал парню с камерой: — Ты это того, вырежь...

— Почему — маленький? — с обидой спросила Лена. — Три пятьсот, пятьдесят три сантиметра.

— Да что он понимает в этом, Лена?! Парень — богатырь. У моего Алёшки три триста было, а сейчас такой бутуз!

— Откуда мне знать, какими они рождаются, — оправдывался Валентин Иванович. — Я вообще впервые в жизни держу младенца на руках. Да ещё своего...

— Тогда давай его сюда, — потребовала Лена. — Я, между прочим, на него тоже ещё не посмотрелась.

— Тут что папаша, что мамаша — сливай воду, — развёл руками Сергей и опять обратился к парню: — Снимай, снимай, потом они обхохочутся. Обязательно снимми, как они грузиться на «КамАЗ» будут. Плёнку — мне!

О смерти тётки Сергей сообщил сестре неожиданно и решительно в тот момент, когда Лена, что называется, расчувствовалась и сияла вся от счастья. Ещё бы — и брат, и муж рядом, и маленький на руках, все здоровы, все друг другу рады.

— Приедем домой, а моей любимой тётки там нету, — рассуждал за рулём Сергей. — Вовремя старушка отдала Богу душу. Лена, не переживай, её похоронили несколько дней назад, всё честь честью. Радоваться тут нечему, большой грех, но и убиваться нет смысла. Старый, больной человек, нам бы до таких годов дожить. Что случилось, то случилось...

— Лена, ты не представляешь, сколько Сергей привёз всего: две коляски, детскую ванночку, мешок распашонок и пелёнок, — сообщил вдруг Валентин Иванович, поглядывая опасливо на жену, боясь, как бы слова Сергея не стали для неё потрясением.

Но она вела себя спокойно, уловку мужа разгадала — иронично усмехнулась в ответ, потом крепко сжала губы, позволила двум слезинкам скатиться по щекам.

— Не старайтесь, ребята, — произнесла она ровным, грустным голосом. — Я узнала об этом на второй день после рождения Алёши. Медсестра сказала. У неё родственники в Стюрвишах. Что же касается тебя, — она повернулась к мужу, взяла

его для убедительности за руку, — то твою заботу я оценила. Только прошу впредь: не надо меня таким образом жалеть. Не скрывай ничего, как бы потом мне тяжело ни пришлось...

— Леночка, извини, мы все боялись за тебя, вдруг от стресса молоко пропадёт!

— Не пропало, — она крепко сжала его руку. — Но ждала, когда ты скажешь. Ты молчал, и я молчала. Тоже мне, конспиратор...

— Да, братишка, тут мы дали маху, — замотал головой Сергей. — Самый могучий радиус действия у радиостанции ОБС — «одна баба сказала». Дружно снимаем шляпы, Валька!

— Я же сказала: хватит об этом.

Но окончательную точку в этом разговоре поставил Алёша. Он пискнул, завозился, потом заплакал, Прижимая ребёнка к груди, Лена приговаривала:

— Потерпи, мой маленький. Мы сейчас приедем. Потерпи, Алешенька, чуть-чуть осталось. Мама тебя покормит, скоро покормит.

И он, казалось, прислушивался временами к её словам, прекращал плакать.

9

В октябре теплынь продолжалась, хотя по ночам уже подмораживало, трава покрывалась инеем. Валентин Иванович разрывался между школой и уборкой урожая на полях — там он зарабатывал на зиму картошку, капусту, свёклу, морковь. В школе его приняли неплохо, хотя с завучем Лилией Семёновной в первые же дни произошёл небольшой конфликт. Она так разбросала его уроки по расписанию, что он был занят в школе все шесть дней в неделю, как правило, с перерывами на два или три часа между уроками.

— Лилия Семёновна, я прошу вас изменить расписание моих уроков, как-то сгруппировать их, — сказал он.

Завуч — маленькая и низенькая злючка, видимо, только и ждала этого разговора. На носу у неё возникла даже сборочка морщинок — точь-в-точь, как у собачонки в начале рычания.

— Валентин Иванович, вы ещё не директор школы, чтобы давать мне указания! — неожиданно выпалила она.

— О чём это вы, не понял?

— Вы знаете прекрасно, о чём. Вы молодой педагог, я полагаю, что вам надо время для подготовки к каждому уроку.

— Я прошу вас под видом заботы не устанавливать для меня такие огромные окна. К тому же, когда и как готовиться к занятиям — это сугубо мои проблемы, а не ваши. Контролируйте качество подготовки, пожалуйста. Но мои несчастные часы вы размазали по всем дням недели с максимальными разрывами.

Он и сам не подозревал, что способен на такой отпор, не говоря уже о Лилии Семёновне, на которую это произвело довольно сильное впечатление. Затаилась она или решила наладить добрые отношения с ним, он не знал. Во всяком случае она сгруппировала его уроки, теперь у него по пятницам и субботам вообще никаких занятий в школе не было, то есть для приработка вышло три дня подряд.

В начале октября произошли отрядные события. Почти неожиданно он получил первую зарплату, между прочим, и за август тоже — добрая душа Анна Иоановна простила ему отсутствие в школе и продолжала его опекать. А Рита, получив деньги за полгода, укатила в очередной раз к Гарику и вернулась, спустя несколько дней, с маленьким, но всё же цветным телевизором.

— В коммисионке отхабачила, — объяснила она. — Это тебе, Лена, окошко в наш бездушный, жестокий и лживый мир. Иначе ты без радио и телевидения совсем очеловечишься, а ты должна поддерживать себя в зверской форме. А надо знать, как и что они врут.

Конечно, Лена была на седьмом небе от счастья. У них был лишь транзисторный приёмник, но она его уронила, после чего он, несмотря на старания Валентина Ивановича, молчал, как партизан в плену у фашистов. И ещё была удача: Сергей сдержал слово, и какой-то дядька доставил им холодильник «Морозко» с очередной порцией подарков для Алёши.

После этих событий везенье оставило их и, как казалось Валентину Ивановичу, навсегда. Жизнь стала наносить удар за ударом, он пытался выдержать их, сделать всё, чтобы как можно меньше они сказывались на Лене и Алёше. Но силы были слишком неравными.

Что-то ужасное творилось с Ритой. Когда ещё стояла теплынь, она уехала в очередной раз к Гарику и не вернулась. Повезла в «рога и копыта» очередную партию «семейных» трусов, которые Лена едва выкраивала время строчить. Поэтому она попросила Риту взять работу на более продолжительный срок или, если не получится, пока отказаться от неё: Алёша оказался очень болезненным и беспокойным ребёнком, не давал ей покоя ни днём, ни ночью.

Накануне исчезновения сестрёнки Валентин Иванович стал свидетелем жутковатой сцены. Рита появилась очень поздно вечером, вся растерзанная, то ли пьяная до потери сознания, то ли просто безумная. Косметика была размазана по мокрому, заплаканному лицу, волосы распущены и всклокочены, дамская сумочка буквально волочилась по полу на длинном ремне. Рита медленно поднималась по лестнице, запрокидывала голову назад, которая у неё, как у цыплёнка, падала вперёд, упиралась подбородком в грудную клетку, а она её вновь запрокидывала и вполголоса, с какой-то не человеческой, а волчьей тоской звала:

— Ау, Мисюсь, где ты?! Ау, Мисюсь, где ты?!

Лена как раз кормила грудью Алёшу, а Валентина Ивановича сестрёнка поразила настолько, что он буквально остолбенел и, вместо того, чтобы помочь ей подняться, смотрел, наверное, с разинутым ртом, как она, словно привидение, шествует по лестнице. Как он потом жалел об этом! Надо было подойти, попытаться узнать, что с нею случилось, но подобная мысль даже не пришла ему в голову.

Покормив и уложив Алёшу в зыбку, Лена поднялась в мансарду, которую они почему-то дружно называли мезонином. И даже подшучивали, что Рита — девушка из «Дома с мезонином». Видимо, поэтому она и вспомнила концовку чеховского рассказа, но в каком контексте! Что-то произошло, но что именно, не удалось узнать и Лене — она вскоре вернулась вниз и высказал предположение:

— Наверное, перебрала подруга. Не желает разговаривать...

Утром Рита, осунувшаяся и угасшая, тоже молчала, не отвечая даже на прямые вопросы. Тогда Валентин Иванович использовал проверенный на деле детдомовский приём: стал как бы рассуждать вслух о ней в третьем лице. «Может, ей не ездить сегодня в райцентр? Или мне с ней поехать?» — советовался он с женой. И тут Рита откликнулась, отказалась от помощи, сказав, что она сама справится и, захватив сумку с готовой работой, торопливо покинула дом.

Когда Рита пропустила первый рабочий день, это вызвало лишь неудовольствие Лилии Семёновны. После второго пропущенного рабочего дня Валентина Ивановича пригласила к себе Анна Иоановна. И опять он предстал перед директрисой в качестве недоумка: поехала к Гарику, а кто это такой, кто его видел или знает, где

он живёт — здесь он ничего не смог прояснить. Не смог даже ничего ответить на вопрос о том, что, возможно, его жена, Елена Дмитриевна, что-нибудь о нём знает.

— Был ли Гарик, — неожиданно мрачно подвела итог бессмысленному разговору Анна Иоановна.

Дома Валентин Иванович принялся за расспросы Лены — оказалось, что и она знала не больше, чем он. Невозможно было представить: ближайшая подруга ей никогда и ничего не говорила о своём Гарике.

— Ты ничего не скрываешь, Лена?

— Нет, ничего.

— А если хорошо подумать? — спросил он, почувствовав неуверенность Лены в своём ответе.

— Сколько ещё можно думать? — вспыхнула Лена. — Я и так день и ночь о ней думаю! — и зарыдала.

Спустя неделю после исчезновения Лены из Стюрвищ Анна Иоановна попросила Валентина Ивановича найти чёткую её фотографию и ехать в райотдел милиции. В райцентре он разыскал «рога и копыта», там подтвердили, что на прошлой неделе Рита была у них, сдала работу, получила деньги, но новый заказ не взяла. Более того, оставила сумку, пообещав потом за ней зайти. Приёмщица не собачилась, как это обычно бывает, а уделила ему внимание и принесла синюю сумку с красными ручками. Валентин Иванович заглянул внутрь — там лежали шестьдесят тысяч, ровно столько, сколько должны были заплатить Лене. Валентин Иванович предъявил свой паспорт, написал приёмщице расписку и пошёл с сумкой и деньгами в милицию.

В райотделе капитан с тяжёлым, квадратным подбородком, который, как показалось Валентину Ивановичу, он где-то раньше видел, не выслушав его и до половины, дал лист бумаги, не попросил, а потребовал изложить всё на бумаге, при этом оставив место сверху. Посмотрим, мол, что это будет по форме — заявление или объяснение. Потом долго изучал написанное, шевеля губами, поднял глаза на автора и стал смотреть на него в упор. Валентину Ивановичу было здесь неприятно с первой минуты, а под тяжёлым взглядом стало совсем невмоготу.

— А почему у тебя глаза бегают? — спросил капитан.

— Потому что я не люблю, когда на меня так бесцеремонно пялятся.

— Ах, да, подавай вам церемонии. Так вот, мы с тобой церемониться не будем, потому не будем, что ты написал абсолютное фуфло.

— Что это такое — фуфло? И почему вы мне тыкаете?

— А липа — ты знаешь, что это такое?

— Не вижу в этом знании никакого смысла.

— А я вижу. Не слепой. Знаешь, сколько через мои руки прошло таких, как ты?

— Представляю, — с иронией сказал Валентин Иванович. — План по раскрытию преступлений вы выполняете, наверное, процентов на триста. А что касается меня, то я прыгаю от радости, что встретился с таким опытным товарищем или господином. Всё, что относится к делу, я написал, остальное, как полагаю, ваша работа.

— Пришла целая неделя. Почему раньше не пришёл? Обдумывал?

— Что?

— Вот этого я пока не знаю.

— Не пришёл раньше, потому что мы надеялись: вернётся. Я в школе работаю, а сегодня директор школы освободила меня от уроков и направила к вам.

— Директор школы, значит, — впервые за время разговора задумался капитан, и тут Валентин Иванович вспомнил, где его видел: среди гостей «кабана».

— Может, она попросту загуляла? Уехала к родственникам?

— Насчёт «загуляла» — не знаю, не уверен. Родственников у неё нет, она детдомовская.

— Не уверен — не обгоняй. У нас в районе нет ни одного Гарика, ни по имени, ни по кличке. Так что ты тут за неё не расписывайся и не распинайся.

— Меня настораживает то, что она в сумке оставила деньги. Значит, были какие-то обстоятельства, которые заставили её оставить деньги. Это же всего две бумажки, их можно было взять с собой. Но нет, она их оставила. Почему?

— Настораживает, — передразнил его капитан. — Ты её совсем не знаешь. Так что не распинайся насчёт неё...

— Объясните тогда мне, в чем дело.

— Что тут объяснять... Плечёвка она! Подорожница...

— А это, простите, что такое?

— Вот именно — простите. Только прости-господи. Проститутка на автомагистралях, обслуживает дальнбойщиков.

— Да как вы смеете?! — Валентин Иванович от возмущения даже вскочил на ноги, готовый вlepить обидчику пощёчину. И если бы это происходило не в помещении милиции, то так оно и случилось бы.

— Смею. В том-то и дело, что смею. Первое задержание было семнадцатого мая. Вот протокол, — он поднял над столом несколько листков бумаги. — Второе случилось двадцать шестого августа. Если в первый раз ограничились предупреждением, то второй раз решили сообщить на работу. Тоже мне — учительница... Чему она может научить, а?!

— Мало ли что можно написать в протоколе, — не сдавался Валентин Иванович. — Вы сейчас можете написать протокол о том, что я убил её, а потом моей жене покажете бумажку...

— Мне что — делать нечего? — выверился капитан. — Но в данном случае к протоколу приложены объяснения трёх дальнбойщиков, которые её коллективно трахали. По двадцать пять тысяч с носа, вернее, с...

— Всё равно — не верю... Чтобы Рита... Не верю... — упрямо мотал головой Валентин Иванович.

— Ещё раз повторяю: не расписывайся за неё! Бери свою сумку, бери свои деньги и отправляйся домой. Если разыщем, то сообщим. Может, сама ещё найдётся. Только вряд ли...

10

С утра моросил занудный холодный дождь. Автобус в Стюрвищи ходил редко, обычно туда добирались попутками — выходили на шоссе возле моста, а там прямо по лесной дороге с километр и — дома. Валентин Иванович ещё по дороге в райцентр весь промок и продрог, а когда вышел из милиции — его всего затрясло, тело охватила неумная дрожь. Поэтому он решил возвращаться автобусом, на автобусной станции можно было хоть укрыться от дождя. Но ему повезло — автобус как раз отправлялся, и Валентин Иванович, забившись на заднем сиденье в угол, думал о том, как ему после всего услышанного повести себя с Леной, как объясняться с Анной Иоановной. Лена кормит грудью, не надо бы ей знать всё это, Алёша и так всё плачет и плачет — при мысли о сыне боль в душе стала нестерпимо жгучей...

Она просила не скрывать от неё ничего, но как сказать ей всё это, как? Какой смысл этому капитану наговаривать на Риту? У него два протокола, объясне-

ния дальнбойщиков. Учительница-проститутка, плечёвка, подорожница... Если до Алексея Алексеевича дойдёт — не перенесёт такого позора... А племянницы «кабана» — ученицы-проститутки... Вообще-то в педуниверситете поговаривали, что студентки подрабатывают на панели, однако подозревать в этом Риту? Парни всегда к ней липли, но она была к ним равнодушна. Сколько раз он знакомил с нею своих приятелей, приличных ребят — они не производили на неё никакого впечатления. Нет, не принц, отвечала она Виктору Ивановичу, когда он, бывало, интересовался её мнением. А вдруг она была лесбиянкой, и тогда Лена — кто? Просто подруга или... Валентин Иванович закрыл ладонью рот — чтобы не закричать на весь автобус: нет, нет, нет!

Добравшись до Стюрвищ, он пошёл не домой, а в школу. Он был почти уверен теперь в том, что в растерзанном виде Рита появилась домой после разговора с Анной Иоановной. Той сообщили, ну она и разошлась... Рита после разговора решила отсюда уехать — иного объяснения исчезновения сестрёнки у него не было.

Анна Иоановна в одиночестве пила чай. Он наотрез отказался от угощения, не до чая ему, однако она настояла на своём.

— Вы опять обуглились, — вздохнула она. — Хотите несколько капель коньяку в чай? Очень рекомендую. У меня пониженное давление. Как поплывёт всё перед глазами, всё окутывают сумерки — добавляю в чай коньяк. Помогает. Только не подумайте, что я пьяница. Мне бутылки на несколько месяцев хватает. А вам сейчас это просто необходимо. Несколько капель?

Валентин Иванович молча кивнул — сопротивляться Анне Иоановне было бесполезно, да и, по правде говоря, он не возражал бы сейчас выпить и побольше, чем несколько капель. Она достала из шкафа бутылку, плеснула в чай глоток-полтора.

— Как теперь? — поинтересовалась.

— Ароматный, совсем другой...

— Вот видите, — она была довольна тем, что Валентину Ивановичу понравилось, а потом, тяжело вздохнув, спросила: — Вам всё в милиции рассказали?

Он молча кивнул.

— Валентин Иванович, дорогой, когда мне сообщил наш участковый о том, чем занимается Рита Даниловна, я тоже не поверила. Это было второго сентября, тогда мы с вами занимались печальными хлопотами. Как раз перед торжественной линейкой! Господи, как у меня тогда инфаркт не приключился! После занятий я попросила Риту Даниловну зайти ко мне. Трудный разговор был. В прошлом году у меня с нею разговор был несколько по другому поводу. Извините, что я посвящаю вас в бабьи заботы, но вам это пригодится в будущем. Так вот, стали все поговаривать, что Рита Даниловна спуталась с Петькой-афганцем — есть у нас такой местный проходимец, просто бандюга, сидел два раза, а всем говорит, что воевал в Афганистане. У него две дочери — Зоя и Зина Кирьяновы — близняшки из десятого класса. Тоже ведь стервы, таскаются с дачниками, «новыми русскими». И мать там такая же, склочница, скандалистка, сквозняк в подоле... Короче говоря, семейка та ещё. «Рита Даниловна, говорю, я не хочу, чтобы нашу учительницу прямо в школе таскали за волосы». Она ответила, что сама не знает, как от него отделаться. Ничего у неё с Петькой-афганцем не было, она и повода никакого не давала, просто он выдаёт желаемое за действительное, распространяет слухи.

А вот второго сентября разговор был тяжёлый. Хотела поговорить с нею как мать, спросила её: «Дочка, неужели это правда? Расскажи мне всё, как рассказала бы своей матери». После этих слов она взбеленилась, я боялась, что она вообще выцарапает мне глаза. Я налила ей воды — у неё зубы так стучали по стакану, что

вспомнить страшно. Потом немного успокоилась, открыла душу. Никому и никогда не рассказывайте, Валентин Иванович, даже жене, то, что сейчас услышите! Заклинаю вас!

Анна Иоановна пригубила чай. Она и представить не могла, что для Риты Даниловны, оказалось, самым ненавистным словом было *мать*. Ей и семи лет не исполнилось, когда родительница, алкоголичка, охотница за удовольствиями, уложила её в постель к своему хахалу. Потом — к другим мужикам, которые за это приносили ей выпивку. Так продолжалось больше года, пока эта стерва не повесилась. «Как же мне тогда было больно!» — воскликнула Рита Даниловна и заплакала навзрыд.

Анна Иоановна, рассказывая об исповеди Риты, всхлипнула, извинилась за свою слабость и предложила Валентину Ивановичу выпить просто по рюмке коньяку, без всякого чая. Он опять молча кивнул.

— Извините, Валентин Иванович, пожалуйста, меня ещё раз за то, что я так откровенно передаю бабьи разговоры. Я очень рассчитываю, что в будущем году вы замените меня. Поэтому и рассказываю всё вам без утайки, чтобы вы знали всё, как оно есть. Вам придётся работать с женским коллективом, а это, поверьте, ой как нелегко.

Так вот, когда Рита Даниловна немного успокоилась, она сказала, что всю жизнь боялась и ненавидела мужчин. В детдоме она, правда, полюбила, как дочь отца, бывшего директора. Его нельзя было не полюбить, сказала она. Вы для неё — братишка, у вас все сестрёнки да братишки...

«Рита, теперь ты мстишь мужикам?» — спросила я.

«Нет, — ответила она. — Тогда бы я часто вспоминала детство, а мне и сейчас думать о нём жутко. Просто мне ходить было не в чем, сапоги в мастерской даже в починку не взяли — такие они старые и гнилые. Продала швейную машинку, купила новые. Зарплаты нет, как жить? Пыталась подрабатывать репетиторством — не получилось... Однажды я несколько дней ничего не ела, разве что чаю гайдаровского стакан в школе на большой перемене. Вот тогда я и вышла на большую дорогу, надеясь, что, может, кто-нибудь хоть покормит...»

«Почему вы не обратились ко мне? Оказали бы какую-нибудь помощь», — сказала я.

«А вы что, думали, что я должна святым духом питаться и одеваться? Почему же вы не спросили, как я живу?» — она опять взбеленилась.

Дальше разговор не получился. Но при этом я ей твёрдо сказала: Рита Даниловна, этот метод подработки несовместим со званием педагога. Вы работаете в деревне, здесь утаить ничего нельзя. Она сказала, что найдёт себе работу в другом месте. На том и договорились... А теперь я вот какую уж ночь подряд не сплю и молю Бога, чтобы с нею ничего не случилось...

Анна Иоановна со слезами на глазах истово осенила себя широким крестом, зашептала слова молитвы...

О судьбе Риты ещё ничего не было известно, как у них объявилась новая напасть. Тётка Аграфена, как выяснилось, много лет не платила за электричество, задолжала без малого миллион рублей. Пока она была жива, никто не посмел отключить свет у старой партизанки, боялись скандала. В феврале, видимо, Рита заплатила за несколько сот киловатт-часов, но надо было заплатить более, чем за восемь тысяч. Комиссия, которая проверяла показания электросчётчиков и правильность

уплаты за свет, предупредила Лену: если в течение недели они не погасят задолженность, то их отключат от сети.

Валентину Ивановичу пришлось ехать в райцентр, но там и слышать не захотели о том, что они живут в Стюрвищах всего два месяца, что у них нет таких денег, что они погасят задолженность, но постепенно. Не смогла помочь разобраться с электриками и Анна Иоановна: школа тоже была по уши в долгах у райэнерго, директриса попросту побаивалась звонить туда, напоминать о себе лишней раз. Единственное, что она смогла, так это выписать ему опять триста тысяч рублей в качестве аванса, да и то при условии, чтобы ни одна живая душа об этом не пронюхала. Он тут же отнёс их в Сберкассу, то есть в отделение Сбербанка по-нынешнему, оставалось ещё около семисот тысяч. Но где их раздобыть? Знакомых, которые одолжили бы такую сумму, да ещё на неопределённый срок, у них не было. Подработок на дачах в связи с окончанием сезона совсем не стало. И тогда он предложил Лене продать телевизор.

— Он не наш, — ответила она.

— Разве Рита тебе его не подарила?

Лена только пожалала плечами в ответ. Рита не сказала тогда ничего определённого, во всяком случае, считать его подарком было трудно. К тому же, Лене не хотелось расставаться с ним.

— Тогда придётся продать твою швейную машинку — какой в ней толк, если отключат электричество?

— Нет, машинку я не продам. Умирать с голоду буду, но не продам. Помнишь, как Рита об этом говорила? То-то же...

Валентин Иванович помнил. Теперь он понимал, что Рита, продав машинку, в конце концов вышла на дорогу...

— Может, в областном городе есть ломбард, там можно заложить вещи, а потом выкупить их?

— Валя, да какие у нас вещи? Машинка да телевизор. Да и принимают ли их там... Дорога дороже обойдётся. Что хочешь делай, но машинку я не позволю даже за порог вынести. Я напишу Сергею.

— Мало он нам помогал?

— Он мой родной брат, тебя это почти не касается.

— Как это — не касается? Ты моя жена.

— Это для меня не новость. Речь идёт о том, чтобы где-то взять займы. Почему я не могу обратиться к Сергею? Не отдадим? Всё равно отдадим.

Непреклонность, с которой Лена отстаивала свою швейную машинку, наводила на мысль, что она многое знала о делах Риты. Если раньше он с большой вероятностью допускал это, то теперь на этот счёт оставалось очень мало сомнений. Не настолько же Рита была скрытной, не настолько себе на уме, чтобы в какой-то момент не открылась ближайшей и единственной подруге. После этого отошли на второй план и угрызения совести о том, что он ничего не рассказал Лене о посещении районной милиции, о разговоре с Анной Иоановной — а со второго плана они легко соскользнули куда-то вглубь его сознания.

Лена написала письмо брату и, не показав его, как обычно, Валентину Ивановичу, чтобы тот приписал один-два абзаца от себя, отправила. Конечно, она не обязана была показывать его, но всё-таки неприятный, какой-то чужой осадок на душу опустился. Не всё, видимо, могло быть приятно ему читать в её письме, если она даже не пересказала содержание в двух словах. Прежние сомнения развеялись, но их место заняли другие, ещё более болезненные. Теперь, как заноза, не давала

покая мысль: неужели он совершенно не знает Лену? Риту не знал — вот тут уж нет никаких сомнений. «Только не это, только не это, — убеждал он сам себя, повторяя эту мысль, как заклинание, с утра до вечера. — Нельзя же быть таким подозрительным. Лена другая, она меня любит, и я её люблю, и Алёшу мы очень любим. Нам просто отчаянно трудно, однако всё это временно. Недаром же говорят: время лечит. Только не надо ничего преувеличивать — без этого тошно!»

Дошло письмо до Сергея или нет, но в середине ноября, по первому, что называется, снежку, возле их дома появился мужик неопрятного и даже окаянного вида. Лицо у него было не то что злое, а прямо-таки свирепое, с запойным фиолетовым оттенком. На животе висел широкий монтажный пояс с позвякивающей цепью, на плече — железные когти. Не заходя в дом, он бросил когти на землю, пристегнул их к ногам, накинул цепь на столб и стал по нему подниматься. Валентин Иванович выскочил к нему в чём был, закричал, что они уже заплатили треть, в самые ближайшие дни — всё остальное. Но мужик, насыщая окружающую атмосферу густым запахом только что выпитой водки, не обратил на него никакого внимания. Тогда Валентин Иванович схватил его за ногу, мужик дёрнул её, но не тут-то было.

— Отпусти, падла, не то — решу!

— Не отпускаю! Вы не имеете права это делать.

— Ты это делаешь в отместку Рите, да?! — кричала с крыльца Лена, простоволодая, выскочившая в одном халате. — Если назло, то она теперь здесь не живёт!

Валентин Иванович догадался: это был знаменитый Петька-афганец.

— Какая ещё Рита? — спросил он и выругался.

— Сам знаешь, какая! — не сдавалась и Лена.

Валентин Иванович в какой-то момент потерял бдительность, обескураженный самим фактом перепалки жены с этим чудовищем, и выпустил ногу. Теперь Петька-афганец беспрепятственно поднимался вверх.

— Накинь на себя что-нибудь, — с досадой крикнул он жене. — Простудишься! И мне куртку принеси...

Лена опомнилась, бросилась в дом, тут же появилась в пальто и, застёгиваясь, продолжала кричать на Петьку-афганца. Откуда-то появился участковый и, подерживая фуражку за козырёк, чтобы та не свалилась, спросил электрика:

— А ты зачем туда залез, Пётр Игнатьич, а?

— Велено — вот и залез.

Появление участкового и его вопрос вдохновили Лену, и она всё прокричала снова.

— Пётр Игнатьич, ты же слышал: в доме маленький ребёнок, а ты такое трудовое рвение нам демонстрируешь... Люди заплатят, начали уже платить, причём чужие долги!

— Подводные лодки вырубают, и то хоть бы хны. А тут, подумаешь, — ребёнок... Мы вообще без света выросли!

— Оно и заметно, Пётр Игнатьич! А я всё думал — ну почему ты у нас такой?

— Какой это такой, гражданин начальник?

— Хвалю, на правильное обращение перешёл. Давай-ка спускайся вниз, тут я тебе на вопрос и ответчу. Насчёт Маргариты Даниловны Черновой по душам побеседуем. Есть одна у меня мыслишка, обсудить её надо.

— Никакой Маргариты Даниловны я не знаю!

— Как же так — не знаю? — возмутилась Лена. — А кто ухлёстывал за ней?

Тут Петька решительно дважды щёлкнул кусачками и провода, извиваясь в кольца ещё в воздухе, безжизненно застыли на земле.

— Подонок! — вскрикнула Лена и тут же подавилась слезами, ушла в дом.

— Сделал своё нехорошее дело? — строго спросил милиционер. — Вот и посиди теперь там, гражданин Кирьянов. Можешь до середины столба опуститься и замри там.

— Не имеешь права, гражданин начальник! Прокурору буду жаловаться за измывательство! В суд подам! Вот они — свидетели!

— Так они и побегут наперегонки тебя выгораживать! Как же — такого благодетеля! И запомни — я тебя не заставлял на столб взбираться, ты сам залез. Так что будь, пожалуйста, на высоте. Не хочу я тебя пристёгивать наручниками к столбу — мне с гражданином вот переговорить надо...

— За что?!

— Знаешь, за что. И замри там, иначе шаг вниз, как и в сторону, считается побегом.

Участковый, в годах уже, с мятым, морщинистым лицом, вроде бы понравился Валентину Ивановичу, тем более, что пытался усюветить Петьку-афганца. Но от того, что он услышал от участкового, у него потемнело в глазах:

— Нашли Маргариту Даниловну, вернее, её тело, в другой области. Её убили. Но об этом я вас прошу не говорить никому не слова. Никому! Идёт следствие. Анна Ивановна поставлена в известность, она посоветовала ввести в курс дела и вас. Тело в очень плохом состоянии, и его кремировали. Дело ещё в том, что она была больна СПИДом. Скольких она наградила этим удовольствием — разбираться и разбираться. Да не бледней, держи себя в руках, ты же мужик, СПИД пока не передаётся бытовым путём!.. А там — кто его знает, — участковый закурил, взглянул на Петьку-афганца, тихо застывшего на столбе, который пытался расслышать, о чём шёл их разговор, и продолжил: — Постарайтесь по-тихому от жены сжечь её личные вещи, бельё, сами знаете, выбросьте бритвы, пилки, щипцы... Поскольку ваша семья больше всех контактировала с больной, то завтра под видом детской лаборатории приедут наши медики и возьмут на анализ кровь у жены и ребёнка. Ну а вы уж сами сдайте.

— И у двухмесячного ребёнка? — ужаснулся Валентин Иванович.

— Бережёного Бог бережёт. Ничего не напишешь, папаша. Вообще-то, и это опять сугубо между нами, её убил тот, кого она заразила. Одиннадцатого октября, а это была пятница, она посетила областной центр анонимного обследования и тест на ВИЧ-инфекцию был однозначно положительным. Работница центра опознала её по фотографии. Кто это сделал, мы, конечно, найдём. А начнём с этого, что на столбе. И алиби тут — лишь отрицательный результат теста на ВИЧ-инфекцию.

— А если у меня СПИД, то, значит, я её убил? Или у ребёнка, которому десять недель от роду, так, значит, это он убил? — с возмущением спросил Валентин Иванович.

— Мне говорили, что вы умнее. Мы не из подозрений делаем вам анализы, а вам же на пользу.

— Какую ещё пользу?!

— Да хотя бы ради вашего спокойствия...

Настала жизнь беспросветная не только в прямом, но и переносном смысле. Когда он вернулся после разговора с милиционером в дом, там было уже сумрачно. Лена, что называется, рвала и метала, искала свечи, но их нигде не было, спра-

шивала его через каждую минуту, не видел ли он где-нибудь керосиновую лампу, — должна же она быть в сельском доме, ведь здесь нередко выключают свет. Но лампы нигде не было.

— Ну что ты стоишь? — набросилась она на него. — Сделай же что-нибудь. Как я к ребёнку ночью вставать буду? Как ему греть еду, как?! Сделай же что-нибудь — уже темнеет.

— Давно уже всё потемнело, — философски откликнулся он.

— О чём ты так долго с участковым говорил?

— О грибах, рыбалке... — съязвил он. — Конечно, о Рите. О чём же ещё, — и упреждая вопрос о деталях разговора, уточнил: — Опять: когда ушла, кто такой Гарик...

— А почему он меня не расспрашивал?

— В свете такого яркого примера женской логики в ответах я слаб и беспомощен.

— Но ты же ни черта не знаешь, а если и знал, то перезабыл!

— А кто тебе мешал выйти и исполнить свой гражданский, так сказать, долг? В конце концов, долг ближайшей подруги? — Ему было всё труднее придерживаться ироничного тона, наваливалось и требовало выхода раздражение.

— Как будто ты не знаешь, кто!

— Не грехи на младенца! — прикрикнул он, а потом подошёл к жене, посмотрел ей в быстрые, беспощадные глаза, положил руку на плечо и тихо сказал: — Лена, я прошу тебя: не будем ругаться. И так тошно. Дай денег, я схожу в магазин и куплю лампу, или свечи, или фонарик.

— А жить на что будем? У нас всего семьдесят тысяч. Может, сходишь к тёте Мане, попросишь лампу?

— Сходи сама, я прошу тебя.

— Я не гордая, схожу, — ответила она с вызовом и сорвала пальто с вешалки.

Валентин Иванович разжёт печь. Пламя заплясало в чёрном бархатном её зеве, освещая бликами и жильё. Огонь всегда завораживал, приносил умиротворение в душу, однако теперь было иначе — он был сам по себе, а Валентин Иванович — тоже сам по себе, зажатый со всех сторон проблемами и обстоятельствами, погружённый в невесёлые раздумья, тяжкие, вязкие, засасывающие, как в трясины.

В зыбке завозился и заплакал Алёша. Валентин Иванович заменил мокрые пелёнки, взял сына на руки и сел с ним к огню. Глазёнки у Алёши заблестели, огонь ему нравился — мальчишка! И завораживал настолько, что он временами переставал работать соской, а потом, словно спохватившись, принимался за неё снова. Валентина Ивановича пронзили, как током, нежность и жалость, любовь к сыну — душа ещё была способна отзываться большими чувствами, порождать тепло, согревающее и украшающее довольно безрадостное существование.

«Лампада!» — вдруг вспомнил он и, уложив сына в зыбку, подошёл к божнице. Фитиль вначале затрещал, словно был недоволен тем, что его побеспокоили, закоптил, а потом разгорелся, пламя выровнялось, осветило в окружении бронзовой фольги потемневший лик Богоматери с Младенцем. «Матерь Божья, — произвольно зашептали его губы, — спаси нас, умоляю тебя. Спаси и помилуй, огради нас от несчастий и испытаний. Научи, как выжить в проклятой этой жизни, помоги!» Он опустил на колени, крестился и бил поклоны, истово и умело, словно молился так каждый, а не первый раз в жизни. И хотя в глубине сознания не давала покоя мысль о том, что Анна Иоановна молилась за Риту, и это не помогло, но всё же в душе Валентина Ивановича затеплилась надежда на что-то хорошее.

Помогла ли Богоматерь или ему всё-таки улыбнулась судьба, однако ВИЧ-инфекции у них не обнаружили. Поскольку кровь чистая, на радостях подумал Валентин Иванович, то её можно сдавать за деньги! Сказано — сделано. В районном донорском пункте, где ждали очереди на сдачу крови несколько учительниц да две библиотекарши, он узнал, что в Москве платят гораздо дороже. К тому же, поскольку кровь можно сдавать только раз в месяц, то в столицу стоило ездить ради второго раза — так они и делали, хотя дороговизна проезда сводила на нет московскую щедрость.

После сдачи крови Валентин Иванович выяснил, куда в районе следует обращаться, чтобы подключили свет. Нужной дамы на месте не оказалось, и он, присев на стул в коридоре, пытался бороться со слабостью, но всё же уснул. Когда его растолкали, и он предстал перед должностной дамой, то так путанно и сбивчиво объяснил суть дела, что та спросила раздражённо:

— Вы пьяны, что ли? Или и того хлеще?

— Не-е-ет, — замотал головой Валентин Иванович и при этом по-дурацки улыбался.

Должностная дама ему не поверила. Вообще должностные лица после перестройки перестали кому-либо верить, усматривая в каждом посетителе если не преступника, то, во всяком случае, вору или жулика. Это Валентин Иванович уже подметил, подумав, что «человек человеку — друг, товарищ и брат» давно отменено, теперь действует вовсю «человек человеку — волк». При такой организации человеческих отношений чиновникам вольготно, вытворяй, что хочешь, измывайся над людьми, как душе угодно. Поэтому на участие должностной дамы, лицо которой было как бы окутано сизой дымкой, он не рассчитывал — иначе признался бы, что только что, чтобы немного погасить долг за электричество, продал два стакана собственной крови, причём подоходный налог высчитали. Это ж как замечательно поставлено дело — подоходный налог платишь за собственную кровь! Ещё и налог на добавленную стоимость, наверное, содрали — кто её добавляет, эту стоимость, пусть и платил бы, а не тот, с кого содрать можно. Если с него не взяли, то с того, кому вливать будут её в вены, непременно жлобский этот НДС возьмут...

При таких мыслях Валентин Иванович продолжал по-дурацки улыбаться, а должностной даме до служебной аллергии надоели просители, которые норовили любыми способами украсть её родную электроэнергию, подключаясь к сети напрямую, без счётчиков, умудряясь вообще не платить за свет под любым предлогом. Поэтому она, не упуская случая прочитать нотацию, совершенно не была настроена на какое-либо снисхождение, поскольку из-за таких, как он, могут отключить весь район. Объяснения Валентина Ивановича по поводу того, что они с женой живут в этом доме всего несколько месяцев, что ему, как сельскому учителю, положены какие-то деньги на коммунальные платежи, но их не платят, поскольку учителя сидят без зарплаты, что школа не намерена платить за прежнюю хозяйку, что вообще в стране сложилась дикая ситуация, она, само собой разумеется, пропустила мимо ушей.

— Вам надлежит уплатить с учётом пени выплатить шестьсот семьдесят три тысячи двести двадцать четыре рубля, — вынесла служебная дама приговор, возвращая ему расчётную книжку.

«Вам надлежит», мысленно повторил за нею Валентин Иванович, возмущаясь не столько несправедливым начётом, сколько этим словом — «надлежит». Не про-

сто «лежит», а почему-то «над»... Он его вообще, наверное, впервые в жизни услышал. Как бы он ни возмущался, но это не помогало делу — в кармане у него лежало почти на шестьсот тысяч меньше, чем требовалось.

Спустя две недели он вновь предстал перед служебной дамой и опять после сдачи крови. К тому времени Лена получила от Сергея перевод на полмиллиона рублей и, чтобы собрать нужную сумму, умудрилась продать какой-то своей новой знакомой прогулочную коляску за сто пятьдесят тысяч — всё равно она ещё не нужна, а когда Алёша подрастёт, она выкупит её обратно.

— А вы говорили, что не найдёте денег! Нашли же! — просияла дама, но придирчиво рассматривала штамп сбербанка в платёжной книжке — тут бди и бди, иначе в два счёта обведут вокруг пальца.

В этот раз Валентин Иванович видел её отчётливей — вероятно, его организм решил привыкать к регулярным потерям крови. Обыкновенная тётка, занимающая крохотную, но видную в районе должность. Положение обязывало её прилично одеваться, следить за причёской, демонстрировать землякам обилие украшений в ушах и на пальцах. В этот день она была в пушистом мохеровом свитере, который как бы подчёркивал и без того красноречивые передние формы, придавал ей обманчивый домашний вид и даже некую уютность. Лицо у неё было лживо симпатичным — юркие серые глазки, тугие пухлые щёки и беспощадный рот, покрашенный пламенно-алой помадой.

— Когда теперь вы нас подключите? — поинтересовался Валентин Иванович.

— Ах да, вас же, как злостных неплательщиков, обрезали, — вспомнила дама. — Вам надо написать заявку на подключение и за вызов монтажера надлежит заплатить сто тысяч рублей.

В глазах у Валентина Ивановича потемнело. Такого подлого удара он не ожидал. Не было у него и не предвидится проклятых ста тысяч рублей. Он не знал, где их можно было найти. Лена так надеялась, что наконец-то у них будет электричество, что не надо будет по ночам зажигать керосиновую лампу, что можно будет подогреть Алёшину бутылочку в кастрюльке на электроплитке. Что она скажет, когда узнает: заплатить надо ещё сто тысяч?

— Вам что-то непонятно? — спросила жёстко дама.

— Не знаю, — сдавленно отозвался он. — За что ещё сто тысяч?

— Повторяю: вас обрезали, как злостных неплательщиков. В этом случае за подключение к электросети вам надлежит заплатить сто тысяч рублей. Что ж тут непонятного?

— Всё непонятно. Поймите же, в конце-то концов, что я сельский учитель, зарплату нам не платят. Маленький ребёнок, жена не работает. Мы взяли займы, чтобы рассчитаться с чужими долгами. Чтобы заплатить вам, я вынужден даже сдавать кровь. Где я возьму ещё сто тысяч?

— А вот этого я не знаю, — поставила его на место служебная дама. — Вы же нашли вон столько денег, не найдёте ещё каких-нибудь сто тысяч? Вы же мужчина!

И тут взгляд Валентина Ивановича упал на её пальцы, украшенные перстнями и кольцами. Его осенило: выход есть! Он снял со своей левой руки обручальное кольцо и протянул его даме:

— Купите за сто тысяч.

Глазки у неё возгорелись, но и сомнения были очень большие.

— А золото настоящее? — поинтересовалась она.

— Настоящее.

На всякий случай она ему не поверила — ведь ходят тут всякие...

История с подключением к сети разрешилась самым неожиданным образом. К ним заехал Сергей буквально на несколько минут — оставить новые подарки племяннику и ехать дальше. По словам Лены, он рвал и метал, надел на ноги ремень, забрался на столб, подключил провода, хотя те и находились под напряжением. Валентин Иванович в это время был в школе, и в рассказе Лены он почувствовал лёгкое презрение к себе, как к недотёпе и к гнилому интеллигенту уже в первом поколении...

В самом деле — он же мог сам подключиться к сети. В школе есть даже резиновые монтерские перчатки — почему же Сергей сразу нашёл выход, а он даже не подумал об этом, продолжая комплексовать? Однако презрение Лены, пусть и лёгкое, произвольное, пусть не презрение даже, а пренебрежение, пусть упрёк, нанесло ему неожиданно ощутимую обиду. Он настолько обиделся, что, не отдавая себе отчёта в том, что делает, выложил Лене всё сразу: о том, что Рита была плечёвкой и болела СПИДом, что её убили, а кровь у них брали на анализ потому, чтобы проверить, не заболели ли случайно они, что он раз в две недели сдаёт свою кровь за деньги, что он даже решил продать за сто тысяч обручальное кольцо, но ему не поверили, что золото настоящее...

Потрясённая его откровениями Лена бросилась на шею, стала покрывать лицо поцелуями, называла его родным и любимым, плакала и просила прощения, оправдывалась тем, что она ничего не знала. Валентин Иванович стоял перед женой и не отвечал на поцелуи. Закрыв глаза и стиснув зубы, он молча плакал.

Спустя полчаса после бурной сцены он уже сожалел о своей исповеди. Она не принесла никакой разрядки, никакого облегчения — ещё одно доказательство его слабости, неприспособленности к этой жизни. Какие такие планы он, слабак и никчём, смеет строить на будущее? И это он решил продолжить дело Алексея Алексеевича здесь, в Стюрвишах? Не зря Рита не уставала ему твердить: разуй глаза, братишка!

Как он мог позволить Лене продать, пусть и не насовсем, прогулочную коляску, которую он, отец, даже не смог приобрести для своего сына?! Анна Иоановна советовала ему обратиться в суд на неправильные действия электросети, обещала поддержку, а он что? Как только услышал, какие нравы теперь в судах, что надо нанимать адвоката, составлять исковое заявление, искать свидетелей, так и отказался от самой мысли об этом. Опять же нужны деньги, и как бы история со светом не обошлась им ещё дороже — ведь Лена унаследовала дом Аграфены, следовательно, и её долги. А при чём здесь он? Конечно, ждать не одну неделю судебного разбирательства без электричества в доме — удовольствие, прямо скажем, ниже среднего. Но всё равно не стоило опускать руки, нет, теперь он добьётся своего, пойдёт в суд. Что ж, теперь око за око, зуб за зуб.

И действительно, на следующий же день он попросил Анну Иоановну дать ему письмо в суд с просьбой возратить деньги, несправедливо взысканные с него районной электросетью. Что и говорить, не был уверен в своей правоте, но в данном случае речь шла не о ней, а о его способности дать надлежащий отпор, постоять за себя и свою семью, быть мужчиной.

Тётя Маня без всяких уговоров подписала письмо о том, что Аграфена не платила за свет много лет. Другие соседи уклонились засвидетельствовать этот совершенно очевидный факт, но зато завуч Лилия Семёновна, которая жила совсем не рядом, а в другом конце деревни и, как здесь говорили, в казённом доме, без всякой его

просьбы написала своё письмо для суда. Прослышав о том, что новый учитель собирает какие-то бумаги для суда, возле их столба объявился Петька-афганец. Он хотел, было, отрезать вновь провода, поскольку факт незаконного самоподключения был налицо.

— А этого не хочешь? — спросил Валентин Иванович и показал ему топор.

Вид у него, должно быть, был самым решительным и даже свирепым — Петька-афганец изменился в лице и, пробормотав: «Ну и ну!», ушёл восвояси.

Ещё одна надежда Валентина Ивановича не оправдалась: он всерьёз вознамерился разнообразить меню своей семьи за счёт рыбы, плавающей подо льдом славной речки Стюрвицы. Купил набор зимних мормышек, моток лески, сделал две зимние удочки, пробил на речке там, где была заводь, две полыньи — за весь день на крючки подцепилось два окушка. Не было у него ни мотыля, ни приличного прикорма, кроме того, не было и никакого рыбацкого опыта — таков был и результат, ещё одно разочарование.

После сцены с исповедью Лена стала как бы роднее, заботливее и внимательнее к нему, однако в то же время в её поведении появилось нечто настораживающее. Как только Алёша выздоравливал, а он все эти месяцы много болел, она тут же начинала очень деятельно искать для себя возможность приработка. Казалось бы, только радоваться Валентину Ивановичу, когда она, оставив на него здорового Алёшу, уезжала в «рога и копыта», чтобы продолжить дело изготовления «семейных» трусов. Оттуда она возвратилась ни с чем, поскольку эта шарашка приказала долго жить, теперь там не ателье, а продают водку, и в то же время чем-то удовлетворённая. Объясняла она так: нашла ещё одни «рога и копыта», обещали дать надомную работу, предложили приехать через две недели. Когда же она уехала в назначенный день, то страшная догадка явилась к нему: Лена тоже продаёт кровь!

И точно — она вернулась бледная, озябшая, но с сумкой детских смесей. Он потребовал показать ему вены на руках — она спокойно ответила, что в этом нет нужды, да, она тоже сдаёт кровь.

— Лена, что же ты делаешь?! — закричал он на неё. — Алёша только-только перестал болеть! Ты же кормящая мать, какое же молоко будет у тебя, если ты сдаёшь кровь! Да будет ли оно у тебя после этого вообще?!

— Оно у меня и так не очень хорошее, — с убийственным спокойствием ответила она. — А Лёшу пора приучать к искусственному кормлению, переводить на детские смеси. Сейчас вообще многие не кормят грудью с первого дня.

— Без материнского молока из младенцев вырастают зверёныши! — взбеленился Валентин Иванович. — Тебе что, мало нашего проклятого детства? Одумайся, Лена! Умоляю тебя: ни в чём не отказывай Алёше! Мы обязаны сделать всё, чтобы детство у него было по-настоящему счастливым. Я для этого готов не только сдавать кровь...

Это было правдой — не только кровью.

После Нового года учителя наметали организовать в Москве пикетирование правительства, и его, как единственного мужчину, педагогический совет решил направить в столицу. А там Валентин Иванович замыслил не только сдать кровь, но и разыскать анатомический музей, которому, как ему подсказали знакомые на донорском пункте, можно продать свой скелет. Утаивать от Лены свой замысел не стал, убеждал её, что в этом нет ничего страшного — живёшь нормально, а потом, когда умираешь, твой скелет поступает в распоряжение музея.

— Давай лучше продадим телевизор, — предложила она без раздумий и тут же задала убийственный вопрос: — А ты подумал о том, что скажет Алёша своим детям, когда они спросят: «Папа, а где наш дедушка?» Он станет объяснять, что их дедушка не похоронен, а стоит в музее? Это же хуже, чем наложить на себя руки — самоубийц хоронят за оградой кладбища, но хоронят. А тут? Не по-христиански это. Мы и так прокляты своими родителями. Валька, родной, — Лена приблизилась, положила руки ему на плечи и, взглядывая в глаза, с мольбой в голосе предложила: — Давай договоримся: я больше не сдаю кровь, а ты, пожалуйста, выбрось из головы дьявольскую задумку. Как-нибудь проживём. Договорились?

В глазах у Лены стояли слёзы. Валентин Иванович привлёк жену к себе, как бы закрыл своими руками, попытался оградить её, мать его ребёнка, свою любимую, от жестокой, несправедливой и чуждой им жизни.

Между тем поездки Лены на донорский пункт имели последствия — накануне Нового года она заболела. Рано утром тридцать первого декабря она разбудила Валентина Ивановича и сказала, что ей очень плохо, что болит левая грудь. Лицо у неё пылало — поднялась высокая температура, и Валентин Иванович побежал за врачом в Стюрвищенскую больницу.

Врач Вера Михайловна, пожилая, но не растратившая в нынешней жизни чувство сострадания, такая же, как и они, обездоленная сельская интеллигентка, осмотрев Лену, укоризненно покачала головой.

— Вас бы в больницу, дорогая моя, — произнесла она. — Только куда вам с такой крохой ложиться? Кроме мастита, у вас ещё и бронхит. Как же вы не убереглись? Сейчас эпидемия гриппа, если я вас помешу в стационар, то вы обязательно загриппуете. А этого вам только и не хватает. Да и что нынче представляет наш стационар? Лекарств нет. Причём элементарных. Дожили...

Он сняла очки, поскольку они запотели, и Валентин Иванович увидел её глаза — серые и некрасивые, но мудрые и спокойные. Это были глаза безмерно уставшей женщины, добросовестно исполнявшей свой долг, о которой забыли государство и сильные мира сего, затеявшие беспримерный по жестокости эксперимент над несчастным народом. Реформы не отменили болезней, напротив, обострили их и оставили таких, как Вера Михайловна, наедине с ними — без лекарств и даже без нищенской зарплаты.

Это всё равно что оставить на передовой солдат без боеприпасов и без пищи, подумал Валентин Иванович. Сердце у него разрывалось от боли — он жалел свою самоотверженную до глупости жену, а уж как было жалко Алёшу, теперь лишённого материнского молока... А Вера Михайловна неторопливо, казалось, уже вечность всё протирала очки и то ли от старательности, то ли от невесёлых мыслей покусывала губы. Наконец, она обратилась к Валентину Ивановичу:

— Супругу вашу надо лечить всерьёз. Само не пройдёт. Так будем лечить?

— Будем.

— Тогда доставайте лекарство. В данном случае не имеет никакого значения, что вам зарплату тоже не платят, — неожиданно жёстко сказала она, перейдя на тон, не допускающий каких-либо возражений. — Инфекции ведь не ведают, что у нас очень правильный курс реформ. Посему: сумели заболеть — извольте излечиться. Я выписываю лекарства, а вы сегодня же находите их. Сейчас я пришлю медсестру, она сделает укол, боль будет поменьше и температура снизится. Когда вы убедитесь, что жена хорошо перенесла лекарство — аллюр три креста в районную аптеку. Это лекарство там есть, купите на полный курс лечения.

Отправляясь в город, Валентин Иванович взял с собой все деньги, но, поскольку он не знал, сколько их уйдёт на кучу рецептов, выписанных Верой Михайловной, к тому же, надо было выкроить на детские смеси, от приобретения билета в автобусе воздержался. Как назло, тут же в автобус вошли две румянощёкие с мороза ревизорши и потребовали, чтобы он оплатил не только стоимость проезда, но и штраф.

— У меня нет денег, — отвечал он на все их притязания.

— Тогда мы отвезём вас в милицию.

— Везите, — безучастно согласился он.

Убедившись, что милиция его не пугает, ревизорши вздумали посадить его из автобуса. Но не тут-то было: неожиданно за него вступились незнакомые стюарвищенские женщины. Да как вам не стыдно высаживать человека посреди леса, кричали они, у него жена больна, он едет в район за лекарствами — откуда они уже знали, что Лена заболела? Он же учитель, а им сейчас зарплату раз в полгода платят, какие у него могут быть деньги?

— Так вы учитель? — спросили у него ревизорши.

— Да.

— Так что же вы сразу не сказали! — возмутились они. — Мы с учителями давно билеты не спрашиваем. Вы же хуже безработных — тем хоть пособие платят.

— А я, дурак, всё время билеты брал, — признался он, чем вызвал в автобусе всеобщий смех.

Смех смехом, но веселья не было: такого унижения он давно не испытывал. Невыплата заработанного — тоже унижение, только к нему уже все притерпелись, короче говоря, к этому их уже приучили. Но когда ревизорши, зарабатывающие свой кусок хлеба на штрафах безбилетников, считают его, сеятеля разумного, доброго, вечного, представителем совсем нищей, с их точки зрения неприкасаемой, касты, да ещё выговаривают ему при этом, что он скрывает свою принадлежность к ней и напрасно им головы морочит — это было уже слишком. Он возмутился так, что, порывшись в карманах, достал деньги и потребовал у ревизорш билет. В автобусе ахнули от удивления, а один подвыпивший мужичок с заднего сиденья произнёс сиплым, прокуренным голосом:

— А теперь можно и пешком!

Но никто не засмеялся — все увидели, как побледнел Валентин Иванович, когда он сажился на своё место, как его стало трясти. Дрожали не только руки, но и ноги, стучали зубы, словно он промёрз до костей — и не было никаких сил справиться с этим. Первыми на помощь пришли ревизорши: по-бабьи жалостливо смотрели на его руки, пустившиеся в пляс, и всё спрашивали у него, не болеет ли он падучей.

— Н-н-не з-з-з-н-н-н-аю, — с невероятным трудом выдал он из себя.

Ревизорши сунули ему в рот таблетку валидола — кто-то из них на всякий случай был, наверное, при лекарствах, но всё равно их принялись отчитывать. Вот, мол, до чего человека довели. Да разве мы его довели, огрызались ревизорши, тут бери повыше, до Кремля. Молодой, а такой нервный, вслух удивлялись те, кто придерживался в перепалке с ревизоршами нейтралитета. У молодых как раз нервы и ни к черту, развивали они сами для себя эту тему дальше. То Афган, то Чечня, то либерализация, то прихватизация — тут никаких нервов не хватит. Вот спросите у него, когда он последний раз получал зарплату, осенью хоть у дачников подрабатывал, а ведь дома жена и маленький ребёнок...

Он еле дождался конца злополучного рейса, выскочил первым из автобуса, забрёл в какой-то безлюдный переулок, отдышался там и успокоился, а потом пошёл искать аптеку. На лекарства денег хватило, осталось даже на пачку детской смеси — а дальше как?! На обратный билет денег уже не было, от одной мысли про автобус его опять едва не бросило в дрожь.

Как они надеялись на то, что наступит Новый год и всё у них пойдёт по-новому, конечно же, гораздо лучше, чем в уходящем. Он ёлку пушистую срубил, вместе с Леной мастерил из картона и фольги игрушки — если их не хватит, то в дело пойдут Алёшины пустышки-погремушки. Из фольги Лена должна была нарезать дождик... Ставить и наряжать первую в жизни свою ёлку решили тридцать первого декабря — чтобы до праздника не потеряла своей привлекательности, чтобы радость на праздник была полной и многообещающей...

А теперь он стоял на центральной улице районного городка, мимо него шли люди, озабоченные предновогодними хлопотами, ещё не растерявшими, как он, предпраздничных ожиданий и надежд на лучшее будущее. Он знал, что праздника у них с Леной в новогоднюю ночь не будет. Ёлку он поставит, украсит немудрёными игрушками и дождик из фольги нарежет, а ощущения счастья, на которое они так рассчитывали, у них не будет. От осознания этого ему стало невыносимо тоскливо и одиноко, хотелось завывать по-волчьи — даже в детстве он не испытывал такой щемяще обидной ненужности, неприкаянности, обречённости на боль и страдания. Постоял он, постоял, справляясь с нахлынувшими на него чувствами,

а затем направился в ювелирный магазин в надежде на то, что там купят его обручальное кольцо.

15

Новогодняя ночь и последующие несколько дней для Валентина Ивановича были настоящим кошмаром. У Лены температура подскочила до сорока, находилась она как бы в полусознании — не в сознании и не в бреде, и только перед утром уснула, хотя он вначале подумал, что она потеряла сознание. Но ещё больше, чем за жену, он боялся за Алёшу — инфекция могла попасть в его организм через материнское молоко. Но, слава Богу, температура пока у него не повышалась. Но он всё время плакал, срыгивая детскую смесь и требуя материнскую грудь. Алёшенька, не плачь, родной мой сыночек, видишь, как наша мама заболела, успокаивал он малыша, прижимая тельце к себе и шагая по дому из угла в угол, пока не наступил рассвет. А утром у Алёши опять разболелся животик, Валентин Иванович то и дело менял пелёнки, с ужасом думая о том, что ослабленный детский организм не выдержит изнуряющего поноса.

Как ни странно, однако, узнав о болезни Лены, к ним зашла Лилия Семёновна. Поздравила с наступившим Новым годом, принесла Алёше маленькую мягкую тряпичную собачонку, а затем вынула из сумки какие-то травы, сама заварила и заставляла Лену пить огненный отвар.

— Не бойтесь, у меня бабушка ведьмой была, — шутила завуч. — И внучку кое-чему научила.

Лена так ослабела, что без её помощи не смогла оторвать и голову от подушки. Губы у неё запеклись, лицо осунулось, скукожилось и постарело, глаза, и без того большие, стали огромными, болезненно сверкали. Дышать ей было трудно, ко всему прочему её давил сухой, дерущий кашель. Отхлебнув ведьмино зелья, Лена брезгливо отвернулась, прошептала умоляюще:

— Не могу.

— Нет, можешь! — перешла вдруг на ты Лилия Семёновна. — Не дури, а пей. И терпи. Пить надо как можно более горячим. Если чуть-чуть остынет, то потеряет силу. Сделаешь десять глотков — потом разотру бабушкиной мазью, выпьешь ещё десять глотков, укрою, и хворь начнёт выходить с потом. Пей, Лена, ты же видишь: Валентин Иванович опять почернел, Алёша плачет. Подумай о них, если себе добра не желаешь и не хочешь подняться на ноги. Знаю по себе — горькое, противное зелье, но через три дня забудешь про хворь.

И Лена уступила. Преодолевая отвращение и еле сдерживая рвоту, она давилась дымящимся паром зельем, а Лилия Семёновна, как неуступчивый бухгалтер, считала их. Потом она раздела её и принялась растирать маленькими, ловкими ручками грудь и спину Лены, накрыла тёплым одеялом и вновь заставила пить бабушкино снадобье. Наконец она закончила свою процедуру, накрыла Лену ещё и своей шубой и велела ей спать.

— Валентин Иванович, и вы тоже прилягте, поспите хоть часок, я побуду с Алёшей.

— Нет, я схожу в магазин, — заявил он.

— Какой магазин — первое января!

— Ах да, — вспомнил он. — Магазины сегодня закрыты.

— Поспите, Валентин Иванович, вам ночью силы ещё пригодятся. А Алёшеньку давайте сюда, — протянула она руки, и Валентин Иванович отдал ей малыша.

Странно, но он и не пикнул в её руках. Может, его успокаивало её сюсюканье или же он заинтересовался незнакомой тётей, однако они сразу же поладили. Валентин Иванович бросил фуфайку на огромный Агафьин сундук, лёг и уснул под воркованье ведьминой внучки: у собачки боли, у кошечки боли, а у Алёшеньки не боли...

Он проснулся, когда окна были тёмными и испугался тишины. Соскочил с сундука, огляделся: Алёша посапывал в зыбке, Лена боком полулежала в постели и, измученная, улыбалась.

— С добрым утром, Валентин Иванович! — услышал он голос Лилии Семёновны.

Оказывается, пока он спал, Лилия Семёновна истопила печь, сварила обед, перестирала пелёнки, высушила и теперь гладила их. Проспал он и визит Веры Михайловны, которая осталась довольна Леной, сделала два укола и наказала ей продолжать лечение, не взирая на снадобья ведьминой внучки.

— Тебе получше? — спросил он Лену и приставил тыльную сторону ладони к её влажному лбу — страшного жара уже не было.

— Конечно, получше, — ответила жена. — Ты не представляешь, какая молодец Лиля. Из меня пот лил ручьями, она дважды меняла простыни, всё белье. Дышать стало куда легче... Спасибо тебе, Лилечка, если бы не ты, у меня и сейчас было бы под сорок.

— Рано говорить спасибо, — протестующе подняла руку Лилия Семёновна, недовольно посверкивая очками. — Когда окончательно станешь здоровой, тогда и говори. Кризис позади, но до спасибо ещё далеко. Завтра всё повторим, а сегодня ты ещё немножко потемпературишь.

— Опять, извини, жлоктить эту гадость? — взмолилась Лена.

— Нет, не эту. Ещё хуже, — пообещала завуч и распрощалась.

Спустя три дня у Лены температура стала нормальной и, как предсказывала Лилия Семёновна, она поднялась с постели. Её шатало, всё плыло перед глазами, но, главное, она, пусть и страшно потрёпанная болезнью, могла ходить и даже что-то делать по дому, ухаживать за Алёшей. С Лилией Семёновной они подружились, и это радовало Валентина Ивановича — всё-таки объявилась у них в Стюрвицах после Риты хоть одна близкая душа. Однако Лилия Семёновна не пришла к ним ни четвёртого, ни пятого января. Лена заволновалась, рассказала Валентину Ивановичу, где она живёт, и попросила сходить к новой своей подруге.

Завуч жила в однокомнатной квартире трёхэтажного совхозного дома — она приехала в Стюрвищи ещё в те времена, когда молодых учителей в обязательном порядке обеспечивали жильём. Поднявшись на третий этаж и найдя нужную квартиру, Валентин Иванович нажал на кнопку звонка.

— Кто там? — спросила Лилия Семёновна, не открывая дверь.

Валентин Иванович назвался.

— С Леной что-нибудь случилось? — встревожилась Лилия Семёновна, однако дверь по-прежнему не открывала.

— Нет, с Леной всё нормально. Второй день на своих ногах.

— Так зачем же вы пришли? — на этот вопрос в другой обстановке Валентин Иванович ответил бы грубостью: неужели она думает, что его соблазняют её женские прелести?

— Лена беспокоится, попросила узнать, почему вы третий день не появляетесь.

— У меня грипп. Уходите отсюда немедленно, не дай Бог вирус подцепите. Уходите сейчас же!

— Как вы себя чувствуете?

— Что за глупый вопрос — как можно чувствовать себя при гриппе? Уходите из нашего дома — здесь все гриппуют.

Да, Лилия Семёновна, наверное, тоже из племени Алексея Алексеевича, думал он по пути домой. На её счёт он не обольщался — есть у неё свои недостатки, есть и достоинства — человек как человек. Но сколько времени это племя ещё продержится? Если бы жизнь была хоть в чём-то нормальной, не такой беспросветно безнадежной и бездарной, как сейчас, оно бы держалось всегда. Сегодня оно держится только за счёт осознания и понимания своего долга — исключительно за свой собственный счёт. Однако всему есть пределы.

Валентин Иванович давно заметил, как в нём истончается слой доброты и порядочности, который нарастил в его душе Алексей Алексеевич. Нет, он не поддался всеобщему осатанению, устоял, не сломался, как Рита, однако почти за полгода жизни в Стюрвицах стал совсем другим. Не таким наивным, не таким неприспособленным к жизни — это хорошо. Плохим было другое — все его чувства и ощущения, как ему казалось, не были больше острыми и яркими, борьба за выживание отупляла, огрубляла его и как бы из-под покрывала Алексея Алексеевича наружу прорывались злость, мстительность, а порой бессердечие и жестокость. От этого он, конечно же, становился не сильнее, а попросту опаснее для других, но некоторые принимали это за силу и твёрдость его характера. В действительности же борьба за биологическое существование расчеловечивала плод многолетних усилий Алексея Алексеевича, и Валентин Иванович не мог ещё сформулировать это, осознать то, что с ним началось, хотя интуитивно тревожился: с ним творилось что-то неладное и нехорошее.

Денег, вырученных за обручальное кольцо, хватило на пять дней. Лену надо было кормить полноценной пищей, а деньги совсем кончились. Собственное бессилие, неспособность обеспечить свою маленькую семью элементарным питанием переворачивали душу Валентина Ивановича. Очередная сдача порции крови приходилась на четвёртое января, но, как назло, оно было объявлено выходным днём. Неужели теперь можно будет сдать кровь только восемнадцатого января? Крошечный холодильник «Морозко» был пуст — как прожить эти две недели, как? На сколько хватит Алёше двух пачек детского питания? А ведь ему ещё нужны соки. Разве выздоровеет Лена на картошке да на грибах? Ей нужны белки, витамины, а где их взять?

Деньги, деньги, деньги... У Алексея Алексеевича дети практически не знали, что деньги вообще существуют на свете. На детдомовских мероприятиях старшеклассники продавали гостям немудрёные поделки воспитанников, устраивали аукционы. Первые огурцы и помидоры созревали в детдомовских теплицах. У них всегда было больше, чем им требовалось, картошки, моркови, свеклы... Излишки продавались.

Однажды был гигантский урожай капусты. Девать её попросту было некуда, и тогда Алексей Алексеевич бросил клич: «Квасить!» Бригады «капустников» даже освобождались от занятий, с утра до вечера они под руководством Ирины Степановны шинковали капусту и морковь, мяли и квасили в бочках почти месяц — шестьдесят тонн, целый вагон! Вырученные деньги пошли в общую кассу — на средства из неё для малышни покупались сладости и подарки именинникам, билеты в кино, приобреталась обувь и одежда выпускникам, те же электрические швейные машинки девочкам.

Но там деньги были всё же частью общей игры, они не имели такого значения, как за пределами детского дома. Да и никогда на Руси деньги не были целью жизни, никогда раньше презренный Мамона, злой дух стяжательства и наживы, не был

богом, как теперь, и никогда он не собирал такую богатую нравственную дань. Есть у тебя деньги — ты человек, а нет — ты ничто и никто тебе не поможет. Всем ровным счётом наплевать на то, каким способом ты обзавёлся деньгами. Грабь, воруй, обманывай, насилуй, убивай, но будь при деньгах, а если честно станешь их зарабатывать, то будь готов к тому, что тебе их, вероятнее всего, не заплатят — такого на Руси тоже ещё никогда не было...

16

Что и говорить, невесёлые думы думал Валентин Иванович, когда шестого января, в сочельник, опять пошёл на речку в надежде поймать хоть несколько рыбёшек. Опять у него не было мотыля, сколько-нибудь приличной привады, ловил на катышки хлеба да на белые личинки, которых вылушивал из стеблей растущего по берегам чернобыльника. Стояла оттепель, по всем канонам должна была клевать плотва, однако два красных поплавка в лунках оставались неподвижными. Он просидел час, два, а клёва всё не было. Буду сидеть до тех пор, пока не поймаю на уху хотя бы для Лены, решил он, буду сидеть хоть до первой звезды...

Он собирал чернобыльник, выколупывал из его стеблей личинки, бросал их в лунки, приваживая привередливую и осторожную рыбу. Безрезультатно. Тогда он стал мормышить — и крючок за что-то зацепился, на нём затрепыхалась рыбёшка. Наконец-то хоть одна плотвичка валялась на льду, и Валентина Ивановича охватил такой азарт, словно он надеялся поймать огромную царь-рыбу. В порыве признательности он осенил себя крестом, подумав, что есть всё-таки Бог, не может быть такого, чтобы его вообще не было.

За полчаса он вытащил из лунки ещё трёх плотвичек, а потом — как отрезало. Должно быть, стайка подобрала все личинки и уплыла восвояси. «Господи, ну в честь Рождества ещё хотя бы одну дай поймать, — умолял он Всевышнего. — Уха от неё наваристее не станет — плотвички по пятьдесят граммов, но я уверюсь, что ты меня, мою жену и моего сына не оставил, что милостив к нам и великодушен. Клянусь: поймаю одну — сразу уйду, Господи, мне нужен твой знак, а не уха. Неужели ты не видишь, что я бьюсь, как рыба об лёд? Дай знак, и я окрепну духом...»

А мысль другая, страшная, тоже не давала ему покоя, и хоть ставить Создателю какие-то условия само по себе составляет большой грех, но он ещё и загадал: поймается ещё одна рыбёшка — не *решился* он, а нет — что ж, тогда на всё воля Божья. Он просидел ещё часа два, стало темнеть, но больше поплавки даже не шелохнулись. «Бог-то Бог, да сам не будь плох», — подумал он с ожесточением. И в этот миг он *решился*.

— В прошлый раз три штуки поймал, сегодня — четыре! — обрадовалась его успехам Лена. — Если так и дальше пойдёт, то мы всегда будем с рыбой.

Он промолчал. Поставил в печь чугунок, и пока чистил картошку с морковкой и рыбу, вода вскипела. Луку в доме не нашлось, зато от тётки Аграфены остался большой пакет лаврового листа. Отыскалось даже пшено — разжевал несколько крупинок, нет, не прогоркло, тоже можно бросать. Потомив готовую уху, посолил, ещё немного потомил, наконец налил тарелку и поставил на стол.

— Ешь, пока горячая, — сказал Лене.

— Сейчас, только уложу Алёшу, — ответила она и понесла малыша к зыбке.

— Я покачаю, — отстранил он жену.

Алёша не хотел спать. Посасывая пустышку и поблёскивая глазёнками, улыбался отцу. От этой улыбки Валентину Ивановичу перехватило горло: прости, сынок,

если что, прости своего отца... А Лена нахваливала уху, мол, ничего вкуснее в жизни не ела — это был тот самый случай, когда люди нахваливают кушанья из вежливости.

— Если хочешь, наливай ещё, грейся, — не оборачиваясь к ней, сказал он.

— А тебе? Ведь ты сегодня ничего не ел!

— Мне нельзя.

— Почему?

— До первой звезды есть нельзя.

— А мне, выходит, можно?

— Ты не в счёт, ты больная.

— А звезда первая, наверное, уже появилась...

— Я сказал: ешь, — рассердился он, и малыш сложил в обиженный бантик губки, скривил личико, приготовился вот-вот зареветь. — Нет, нет, Алёшенька, это я не тебе, это я маме говорю. Я на речке зарок дал: сегодня рыбу не есть. Вот когда ты вырастешь, мы с тобой будем во-о-от таких рыбищ ловить, и варить, и жарить, и вялить будем. Правда, будем? Конечно, будем, хороший ты мой...

Голос у него дрожал, казалось, что зыбка — это вовсе не зыбка, а маятник, покачивания которого отсчитывают время новой жизни не того Валентина Ивановича, который был ещё час тому назад, а совсем другого, неведомого ещё никому, непонятного даже ему самому.

Почувствовав неладное, подошла Лена, заглянула ему в глаза.

— Что с тобой?

— Ничего, — ответил он, но отвернулся.

— Первая звезда уже давно на небе — ведь темно уже, поешь, — попросила она.

— Нет, моя звезда взойдёт около десяти, — он взглянул на ходики, — через полтора часа...

— Но ты же ничего сегодня не ел! — воскликнула она.

— Я сказал, — угрожающе напомнил он.

И Алёша всё-таки заплакал, почувствовал: что-то творится с отцом. В конце концов Лена его убаюкала, легла в постель и больше не сказала Валентину Ивановичу ни слова. Вроде бы, они как поссорились — нет худа без добра, не надо в этом случае объясняться, подумал он, выключил свет и подошёл к окну. Небо заволокло тучами, и когда зажглась его первая звезда, он этого, разумеется, не видел. Стараясь не потревожить жену и сына, он оделся, снял с гвоздя вещмешок и вышел из дома.

— Так значит «минус 300 т за ниуважение к хазяивам плюс пива»? — произнёс он на улице и заскрипел зубами. — Уважать себя заставляете, подонки вонючие? Что вам, жлобью, мои несчастные двести тысяч? Это для меня они сегодня целое состояние, а для вас, которые мясные торты для собак покупают? А мне они бы помогли поднять на ноги Лену, не подохнуть до восемнадцатого...

Его снова стало трясти. Зачерпнув ладонью снег, он растёр им лицо, прислонился спиной к сосне, закрыл глаза... С приступом надо было справиться или же возвращаться назад. В глазах вращались кроваво-красные круги, в ушах гремело, потом круги погасли, и наступила тишина — только задумчиво шумели вершины сосен. Ни руки, ни ноги больше не дрожали, и он продолжил путь к намеченной цели.

Пошёл густой крупный снег. Это хорошо, отметил он, следы заметёт. А потом стала грызть совесть: «То, что ты задумал, совершенно невозможно для тебя, ведь ты — учитель!» Он возражал: «Я возьму своё, заработанное». «Ты — вор», — перешла она на оскорбления. «Да какой же я вор? Вот они — да, ворюги!» А совесть гнула свою линию: «Никто не утверждает, что они — не воры. Более того, кое-

кто из них вор в законе. Но ты, сеятель разумного, доброго, вечного, не имеешь права опускаться до их жлобского уровня, до уровня одноклеточной амёбы или инфузории-туфельки. Тебя сразу же поймают, поскольку они умеют воровать, а ты? Если не искалечат, не убьют, то представят так, что ты покушался на их священную частную собственность. Их фазенду наверняка какой-нибудь поп освятил, как же нынче без этого». «Пусть лучше убьют, чем жить так, как мы живём», — ответил он. «А Лена, а Алёша? А Алексей Алексеевич, что с ним будет, когда он узнает, что ты вор?» — она была наповал, в самое больное место.

— Замолчи! — закричал Валентин Иванович, закрыл руками лицо, а потом побежал вперёд, побежал, чтобы не вернуться назад.

17

В посёлке коттеджей стояла тишина. В доме «кабана» не светило ни одно окно, к нему не вёл ни один след. Валентин Иванович перемахнул через забор, приблизился к углу дома, разрёб по-звериному, не руками, а как бы лапами, снег там, где находилось узкое окно в погреб хозяйки. Ещё летом он заметил, что на окне нет решётки, что щит держится на честном слове, хотел, было, предложить все недоработки устранить, но не успел. И предложил бы, если бы они с ним так не обошлись.

Теперь щит подался, даже не примёрз. Валентин Иванович провёл рукой в проёме, нет ли решётки. Её не было. Тогда он лёг вдоль проёма, спустился ногами в подвал и, только почувствовав под ногами твёрдый пол, включил фонарик. Все полки были заставлены картонными коробками с консервами.

— Ага, вот и сгущёнка, — сказал он вслух, а не шёпотом. — Возьмём десять банок. Не по себестоимости, а по рыночной, как нынче и положено, будем брать. В магазине она у нас по четыре тысячи, итого сорок тысяч. Какао с молоком... Эти, наверное, по пять тысяч. Берём пять, значит, уже шестьдесят пять. Тушёнка, «Алеет Восток» или «Великая китайская стена» — тысяч по восемь сойдёмся, не больше. Берём десять банок, получается уже сто сорок пять тысяч. «Плюс пива» — не в счёт, это угощение, если это можно так назвать, «кабана». «Сок манго»? Что такое манго? Может, Алёше понравится? А сколько оно стоит? Пусть по пять, возьмём на десять тысяч. Итого — сто пятьдесят пять. Ещё десять банок сгущёнки и одна какао — вот и в расчёте я с вами, господа «хазяива».

Он завязал вещмешок, вытолкнул его в проем окна, выбрался сам. Поставил щит на место, забросал снегом и только наклонился к вещмешку, как страшный удар обрушился на него сверху. Он упал ничком в снег. Остервенело рыча, огромная овчарка грызла его предплечье, и кто-то пинал его ногами, страшно матерясь и торжествуя крича:

— Наконец-то попался, сволочь. Попался, домушник, теперь ты за всё ответишь, падла!

— Убери собаку! — кричал в снег Валентин Иванович. — Я не ворюга, я взял то, что они летом мне недоплатили!

— А-а, так ты не ворюга?! Дик, фу, — и когда собака отошла, его стали бить ногами по бокам, по голове, пока он не потерял сознание.

Пришёл в себя от того, что ему в рот лили водку. Он поперхнулся, водка обжигала разбитый рот. Ему светили фонариком в лицо. Валентин Иванович заслонился рукой, а потом вскочил на ноги, но что то больно врезалось ему в шею и зазвенело — его посадили на цепь! Схватился за шею — там металлический ошейник, от него цепь к столбу, тому самому, к которому «кабан» привязывал летом козлят.

Он был почему-то абсолютно голым, но холода никакого не чувствовал — должно быть, это сон...

— Не трепыхайся, учитель, — услышал он знакомый голос. — Ты меня заставил на столбе поторчать, пока закладывал ментяре. Теперь твоя очередь, — Петька-афганец захохотал. — Теперь я банкую. Если заложу теперь тебя ментяре — посидишь на цепи полдня, а если нет, то будешь охранять имение, пока хозяева не приедут. Хорошо, если они появятся сегодня, на Рождество Христово, а если на Пасху?

Валентин Иванович дотянулся рукой до Петьки-афганца, схватил его за воротник полушубка, чтобы проверить, спит ли он или же всё это происходит наяву, и тут же получил удар в лицо.

— Не тяни лапы, падла!

Нет, все происходило наяву: после такого удара и мёртвый проснётся, а когда он сплюнул — на снегу зачернел комок.

— Начинай колоться, фраер. Скажи тихонько, на ушко мне, кто твой напарник, и получишь одежду. Иначе околеешь. С кем ты шуруешь дачи? Обнаглели совсем: тут электроникой все напичкано, ты только через забор перемахнул, а у меня на пульты лампочки замигали, сирена врубилась.

Валентин Иванович молчал. Его охватило полное безразличие ко всему происходящему. Он не чувствовал по-прежнему ни холода, ни боли. Ему хотелось спать. Он так устал, так измотался, изнервничался, что теперь хотел только спать. В его сознании, конечно, существовали Лена и Алёша, но из его эмоций они как бы выпали, как, впрочем, и Алексей Алексеевич, и мать-кукушка, которая оставила его в роддоме. Ему хотелось только спать...

— Петька, тебя мать родила или волчица? — чужим ртом и чужим голосом спросил он.

— О, это уже теплее, мы начинаем говорить! — засмеялся тот.

— Так вот, я повторяю: они мне недоплатили двести тысяч летом за работу, я пришёл и взял банок на эти двести тысяч.

— Не заливай! Поймаю твоего дружка — тоже ошейник получит, — в руках у Петьки зазвенела ещё одна цепь. — Так что, если хочешь спасти свою шкуру — колись и закладывай. Тем более, что тебе не привыкать.

— Если бы я тебя заложил, ты давно бы сидел.

— Слушай, а это резонно. А кто Ритку замочил?

—... нет, тебя не мать человеческая родила... — Валентин Иванович попытался покачать головой, и цепь зазвенела.

— Пока я здесь с тобой травлю, твой напарник коттеджи чистит! Вот тебе пузырь, он распечатан, всё-таки праздник! Прихлёбывай и вспоминай дружка. И не вздумай в генерала Карбышева сыграть — зарюю, как собаку.

Когда Петька-афганец вместе с овчаркой ушёл, Валентин Иванович с облегчением закрыл глаза. И его сразу окутала дрема. Он летел. Летел долго и приятно, его сознание готово было угаснуть, но напоследок высветлило картину: к ним в гости приехал Алексей Алексеевич, держит он на руках Алёшу, а тот радуется, раскрыл беззубый ротик, даже пустышку уронил, а глазёнки так и блестят...

Как током ударило Валентина Ивановича. Он пришёл в себя. В руках у него была бутылка, он плеснул водки на грудь и принялся растирать тело. И чем дольше он себя растирал, тем больше становилось холоднее. Тем явственнее и отчётливее доходил до его сознания весь ужас случившегося с ним. Спасти его могло только движение, и он, положив руки на колени, стал, гремя цепью, вприсядку прыгать. И

тут же заболела и закружилась голова, круги в глазах, толчки крови в ушах, и опять проклятая дрожь во всём теле, жуткий озноб.

Ему казалось, что он окончательно замерзает, тогда как в действительности согревался, и не сознание, а подсознание заставляло упираться ногами в столб и пытаться разорвать цепь. Ошейник был завинчен на болт и гайку, а цепь вокруг столба была замкнута замком. Не помня себя и не отдавая никакого отчёта в своих действиях, он схватил цепь и принялся её перепиливать на ребре бетонного столба, стирая кожу на пальцах до костяшек и не чувствуя никакой боли. Цепь была стальной и прочной, она не поддавалась, и когда Валентин Иванович осознал, что растаяла последняя надежда на освобождение, что он скорее окоченеет, чем перепилит звено, то упал на четвереньки и, как зверь, завыл на весь белый свет. И как ни странно, сознание в этот момент подсунуло фразу какого-то француза из далёкого XVII века: «Сколько держав даже не подозревают о моём существовании!»

Звериный вой и фраза Блеза Паскаля были так чудовищно несопоставимы, что лишь потом Валентин Иванович догадался, почему так произошло. Сознание отвлекло его чувства и ощущения, а подсознание, подстёгиваемое инстинктом самосохранения, собрало его жизненные силы в мощный комок энергии, и когда он в очередной раз упал спиной на снег, упёрся ногами в столб, то цепь вытянулась, как свинцовая, и лопнула, казалось, сразу в нескольких местах. И тут уж он, наверное, что называется, с цепи сорвался.

Сколько бы не силился потом Валентин Иванович вспомнить, каким образом он смог заполучить обратно свою одежду и свой вещмешок с банками, как он взвалил его на спину, как дошёл домой, это ему никак не удавалось. Ужас в глазах Лены запомнился на всю жизнь: она гладила его по волосам, а иней на них не таял.

На Крещение в Стюрвицах разнёсся слух: Петька-афганец по пьянке приковал себя на участке одного из новых русских к столбу и овчарку заодно на цепь посадил. А ключ от замка то ли выбросил, то ли уронил так, что дотянуться до него не смог. Выжрал две бутылки водки — пустая посуда валялась рядом, и замёрз. Оголодавший Дик, когда их нашли, совсем озверел и обглодал хозяину ноги до пояса.

БРОНЗА ЛИСТОПАДА

(о книге Владимира Коробова «Сад метаморфоз»)

*То ли боги от нас отступились,
то ли нам наплевать на богов.*

Владимир Коробов

Уже настолько привыкли мы, что стихотворение — это непременно «эксцесс», «удар по нервам» (можно продолжить ряд: «эффектный жест», «шедевр», «кунштштюк», «самоутверждение мастера», а в другом ряду: «плевок в небеса», «экстатическое покаяние», и т.д.), — настолько, повторяю, привыкли мы к такого рода эффектности, что отсутствие её у поэта делает его в наших глазах неуловимым ловцом ускользающих бликов, исповедником тихих радостей, наблюдателем мерцающих в невесомости метаморфоз духа.

Мало того, что Владимир Коробов пару раз помянул такие метаморфозы, так ещё и книгу свою новую назвал: «Сад метаморфоз». Тут уж ясно, к каким шёпотам, к чьему робкому дыханию надо его пристроить, каких соловьёв помянуть среди предтеч. Юрий Кублановский поминает Тютчева, слышавшего подземный гул там, где другие весело внимали грозе в начале мая; поминает Анненского, которому в самосветящейся тьме не нужно было иного света...

И никакого желания кроиться миру в черепе? Никакого. Даже Брюсов гравюрно чёткий помянут у Коробова исчужа, даже Блок далековат от него в поле катастрофических предзнаменований. И уж, конечно, это вам не Бродский! То есть — никаких претензий на место в иерархии гениев. Тихий свет, и только...

А Хлебников?! Помянут же! И в отзвуках иногда слышен: «Звёзды сбились в стаи, как мальки, в пригоршне недремлющего бога». Ну и что? Чехов тоже помянут. Естественно: человек, получивший диплом Литературного института, имеет Хлебникова в ближайшем ассоциативном фонде. Человек, проработавший пять лет в ялтинском Музее Чехова, чувствует обаяние «краткости» метаморфоз. Чехов-то тут, в общем, родной, чего не скажешь о Хлебникове.

Батюшков? Помянут — по смежности. В Крыму лечился.

Фофанов? Помянут из жалости, как отодвинутый во второй ряд русской лирики.

Из современников — Жигулин, у которого Коробов учился в Литинституте. Соколов...

Вот Владимир Соколов — самый точный ориентир. Простота ясности. Классическая прозрачность стиха. И сквозь эту подкупающую прелесть — смертоносные вехи истории. У Соколова вехи кровью мечены: 1941 год врезан в память, Павел Коган отзывается.

А у самого Коробова какие вехи? Родился в 1953 рубежном году. Сталина не застал. Не застал уже той крутой эпохи. Из Тобольска в двухлетнем возрасте вывезен в Крым.

Но и сибирской «крутости» в себе не осознал. Произрос в метаморфозах всесоюзного курорта. А что в столицу подался на изломе от 80-х к 90-м — так кто тогда не подался? Кто не поддавался метаморфозам большой политики, кого тогда не закужили её метаморфозы?

Но Коробов-то тут при чём? Никакой у него в стихах явной политики. Никаких поколенческих манифестов.

Однако вопрос неизбежен: какую мироориентацию принимает человек, появившийся на свет на переломе эпох, на грани поколений, на повороте: от послевоенных скептиков — к тем «детям Застоя», для которых и либеральная Оттепель 60-х уже стала детской сказочкой.

Так ведь и до Оттепели этим слушателям сказочек надо было ещё дожить. Надо было расстаться с тем сказочным вождём, который к моменту их появления на свет был богом. А потом канул во тьму.

Осознание этого падения — через десять лет. Когда бронзового кумира ночью тайком сволакивали с пьедестала, распиливали на куски, закапывали по частям, и надо было как-то отнестись к низвергнутому главнокомандующему (это пришлось сделать старшим: либо проклясть за аресты и расстрелы, либо сохранить верность победителю, либо, на крайний случай, подёргать за усы...).

А Коробов? Да ничего такого «эксцессивного» — ни за, ни против. Смыслы обрушены. Бронза опала. Видны веревки и «край литого сапога». Десятилетний мальчишка плачет надрывно не потому, что может осознать что-то в этом переворачивающемся мире, а от ужаса, что мир вообще вот так запросто переворачивается.

Очередной переворот — перестройка.

И тут кое-что сказано впрямую. И резко. Тут редкий у Коробова врез в политику на фоне садовых метаморфоз настолько эксцессивен, — что стих сам за себя скажет больше, чем любой к нему комментарий.

Итак, исповедь поколения:

*Мы жаждали правды, искали успеха —
нам в лица бросали бульжники смеха!*

*Пока на парадах палили из пушек,
мы души сгноили в подвалах пивнущек.*

*Какие мы, к чёрту, поэты, пророки —
мы кожей впитали эпохи пороки,*

*и, не протрезвев от повальной попойки,
вскочили случайно в трамвай перестройки.*

Все-таки откомментирую.

Так чего вы жаждали? Правды или успеха? Правда — она, как я вообще понимаю, от успеха не зависит. И не потому ли над вами слегка посмеивались (а вам эти легкие смешки казались бульжниками), что вы ещё не успели решить, что вам важно? Успех или правда?

Ладно. Те, кто сделали выбор, были не лучше. Отказались «палить из пушек» (то есть работать в составе Системы, Державы, Структуры) и развернулись к Системе задом. Не обязательно, чтобы пойти в диссиденты (как самые крутые из идеалистов-«шестидесятников»), но — как тогда говорилось: чем в Систему, так лучше в сторожа и дворники.

«Подвалы пивнушек» — где-то рядом. Но уже с некоторым сдвигом в сторону сомнения: всё ж сам стих Коробова, лишённый всякой патетики и тронутый налётом горечи, — свидетельствует о том, что из пивнушек надо было выйти на свет божий. Не в пророки, чёрт бы их побрал вместе с поэтами, — а в трезвеющие после коммунистического опьянения ряды борцов за демократию.

Опohмелялись ряды, как мне уже приходилось писать, пепси-колой. Учились отличать по оттенкам родное дерьмо от заграничных пищевых добавок. Оттенки различать того и другого.

Коробовский стих обходится без этих добавок и без ассенизационного гурманства. Он чист. Он — между эскапистами послевоенных залежных неудобий и эксцессистами оттепельной клумбы.

«Вскочили случайно в трамвай перестройки...»

А где оказались?

Ну сказано же: в саду метаморфоз.

Про перестройку и ее социопсихологические метаморфозы в стихах более никаких сигналов. Смысл того, что зафиксировано в стихах, шире. Контур размытее. И Творец — загадочен в своем бытии-небытии.

*Лишь только лист земли коснётся,
свой волен замысел стереть
Творец...
И значит — остаётся
в небытие перелететь.*

Листопад. Сад. Жасмин. Сирень.

Казалось бы, эти мотивы навеяны Крымом, где Владимир Коробов, привезённый младенцем из Сибири, прожил тридцать лет и три года.

Но что от Крыма осталось в поэтической памяти? Богоданная Таврида? Сад грёз? Да ничего похожего! Заледенелый зимний берег. Стеклярус волн. Из новейших примет — щегольской «Мерседес» у щегольского коттеджа. Гривны: с одной «свисает ус Богдана», с другой «тарашится Тарас». Вынужден извиниться за коробовские формулировки: видеть, очень ему обидно, что «умыкнули хохлы» эту землю. Но и то, что виднеется сквозь узор этих смушек, — всё равно чужое. Потерянное. Нереальное.

*Так вот она — мечта, так вот она — Таврида:
какой-то шум в ушах, бессонница и бред,
губернский городок, трактир, кариатида,
сквозь пыльное стекло — татарский минарет.*

Губернский городок — тоже знаковая метаморфоза: образ этого утло-жалкого русского места жительства — важнейший мотив у Коробова, и выведен сильно и горько. Городок-голубятня. «Облезлый плакат и продмаг с каланчою пожарной». Провинциальное убожество. Базарная баба, торгующая грибами и рябиной, сплёвывает лузгу и доверчиво поглядывает на заезжего столичного профана, который думает о чём-то своем.

О чём думает этот столичный профан?

*Друзья судачат о Париже,
о визе грезят, о турне,
хоть выросли в навозной жиже
в глухой российской стороне.*

*Из них зовёт домой не многих
распутица родных дорог...
Прости нас, сырых и убогих,
провинциальный русский Бог!*

Бог нас забыл или мы его забыли?

Горше всего Коробову тогда, когда метаморфоза запустения вырастает до образа страны. Страна – нищенка. Страна – пепелище. Страна, бредущая в бреду. Теряющаяся в потёмках. Пропадающая в пурге.

«В московской пурге», – уточняет лирический герой, со времён перестройки переселившийся в столицу. Так что нечего вешать собак на перестройку. Не в ней беда, а в вековечном российском ощущении невоплотимости рая, который маячит в тумане и манит в обман.

*Зачем? Об этом знает Бог,
что жнёт и сеет нас, как травы,
и властно манит за порог,
где нет ни родины, ни славы...*

За какой уж там «порог»? За крымский, что ли? Пути теряются в тумане! Сад метаморфоз качается в глазах. Огни и воды едва не поглотили душу – и зачем? Медные трубы не маячат в будущем. Поколение, подцепившееся за поручень перестройки и угонившее из Застоя в Распад, ищет, на что бы опереться душой.

А если не на что? Если пустота?

Поэзия может опереться и на пустоту.

Да как же это? Ведь стихов люди больше не воспринимают! «При полном зале – ни души живой!» Где читатели? Как жить, когда в газетах – сплошная ложь?

Но бог-то – есть. Он и сеет, и жнёт. А мы – трава.

Талант – от бога? Куда с талантом-то? Что делать человеку, которому выпал от бога – талант? Какой сад выращивать?

*Больничный сад зарос травой.
Сжигают мусор у оград.
И над опавшею листвою
кружит последний листопад.*

Больной ребёнок сквозь толстые стёкла очков наблюдает этот бронзовый листопад.

*Потом, когда больное зренье
устанет всматриваться в тьму, –
души ранимые прозренья
помогут мир открыть ему.*

Поколению Владимира Коробова – уже шестой десяток. Увидят середину нового века?

А что увидят их дети, пытающиеся сейчас восстановить историческое зрение? Они увидят то, на что мы их зрение настроим. Может, бронзу. А может, прах.

Вот такие метаморфозы.

Лев Аннинский

ВЛАДИМИР КОРОБОВ

ИЗ КНИГИ «САД МЕТАМОРФОЗ»

БАБОЧКА

Как будто вырезана, сшита
Перстами лёгкими, она
Спешит присесть на куст самшита,
Благословляя жизнь. Весна!

Господнее благодаренье –
Благоухающий овраг,
И белой бабочки паренье,
Когда она вступает в брак.

Белянка? Бархатница? Кто ты?
Как безупречен твой узор!
Спеши! Заполнит скоро соты
Июль, и пожелтеет бор.

Лишь только лист земли коснётся,
Свой волен замысел стереть
Творец... И значит – остаётся
В небытие перелететь.

* * *

Л.

И море остыло. И лодки забыты.
И пляжи до лета фанерой забиты.

Так, значит, как раньше, так, значит, как прежде,
Вдвоём не бродить на пустом побережье,

Так, значит, уже не сбежать нам с тобою
К весёлому морю весёлой тропею,

Не плыть, не лежать на заброшенном пляже,
Касаясь волны, словно пенистой пряжи...

Что было – прошло. И всё реже и реже
Мне верить погоде и верить надежде.

То хрупкое лето волною разбито.
И море остыло. И гавань размыта.

Ржавеют в воде ненадёжные сваи.
Кричат о беде перелётные стаи.

Я выйду на зов. Постою на причале.
Прочнее, чем эта, не будет печали.

Пройдёт теплоход и вдали растворится.
Ничто не вернётся и не повторится.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Холодная осень... А Бунин – с афиши
Глядит недоверчиво: может, во сне
Он видит Россию, московские крыши,
Знакомые улицы в рыжем огне.

Родные названья! Волхонка. Ордынка.
Но дальше – чужие на всём имена.
От Божьего храма и старого рынка
Остались руины. Не те времена.

Он смотрит устало, с тоской эмигранта,
На милую родину, прах деревень,
Кладя на алтарь непомерность таланта,
Как странник кладёт свою ношу на пень.

А там, в небесах, так легко и маняще
Летает, как прежде, всё та же листва,
И дождик идёт затыжной, леденящий...
Холодная осень. Россия. Москва.

ЛАСТОЧКА

Вот опять она летает
Над беседкою в саду,
Домик сломанный латает,
Воду черпая в пруду.

И пока шумят народы,
Грозно спорят кто про что, —
С чувством счастья и свободы
Лепит ласточка гнездо.

СОН

Памяти мамы и брата

Чайная Горка. Черешни в цвету.
Март расстилает туман по оврагам.
Переступив незаметно черту,
В детство войду нерешительным шагом.

Странно бродить в этом сумрачном сне
По сорнякам босиком в огороде.
В хрупкой, сырой и далёкой весне
Вновь оказался я, Господи, вроде.

Мать улыбается, смотрит в окно.
В дверь постучу — встанет брат на пороге.
Прошрое крутится, словно кино,
Где все герои сопьются в итоге...

Как мне спасти их, вернувшись назад?
Правду от них я старательно прячу.
Только войдя в наш черешневый сад,
Не удержусь вдруг и горько заплачу.

* * *

Уличному скрипачу

Блаженна калеки улыбка —
Он рад приближенью весны —
Рыдай, одинокая скрипка,
На злом пепелище страны,
Рыдай в подворотнях московских
И на площадях городских,
И, вместо курантов кремлёвских,
Рыдай в наших душах пустых.
Пусть робко, и жалко, и хрипло
Играет калека-скрипач,
Рыдай, одинокая скрипка,
По нищенке-родине плачь!

ГОРОДОК

Голубики горсть. Глубинка.
И небес голубизна.

У заплёванного рынка
Клянчит голь глоток вина.

А в саду – разгул гармошки.
Слякоть. Дом с кривым крыльцом.
И прилип к стеклу в окошке
Дед морщинистым лицом.

У него глазищи сини,
Как озёрная вода.
Сколько вас по всей России,
Голубятни-города?

Храм. Погост. Судьба. Дорога.
Дед вздыхает глубоко:
«Высоко отсель до Бога
И до правды далеко».

* * *

Последнее лето двадцатого века,
Бесславьем увенчанный Крым.
И волны на скалы взлетают с разбега,
В стеклянный развеяны дым.

В стихии разгульная есть ещё сила,
Бескрайняя хлябь глубока.
Отныне великой державы могила
Прописана здесь на века.

Разбойные ветры кочуют с Босфора,
Молчит виновато Форос.
И к даче злосчастной, как месту позора,
Путь горькой полынью порос.

Последнее лето двадцатого века,
Наследная наша вина...
Кровавым пятном, что на лбу у генсека,
Ты стала, родная страна.

БОЛЬНАЯ ЯБЛОНЯ

Тревожно в сумерках роняет
Больная яблоня плоды,
Как будто чувствует и знает,
Что близок час большой беды,

Что дряхлый домик в два оконца
И дворик, и деревьев ряд,

И эту даль, и это солнце
Уже скупили, говорят,

И что хозяин жизни новой,
Сметливый и проворный бес,
Построит дом здесь образцовый,
Поставит новый «мерседес»...

И по ночам, как гул набата,
Плоды стучат, стучат, стучат
О том, что всё пройдет когда-то:
И новый дом, и новый сад.

* * *

Тем ягодам не зреть на сломленных ветвях... –
Запомнил я сквозь сон навязчивую строчку
И тут же позабыл, оставив второпях
Пометку на листке – пустую оболочку.
И вот, пока я жил, блуждал в чужих краях,
Надежды растеряв и старясь в одиночку,
Строка вдруг проросла –
...на сломленных ветвях
тем ягодам не зреть, – в судьбе поставив точку.

ТРОЕКУРОВСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Памяти Анатолия Жигулина

Вот и пришли мы к вам в гости.
Тихо и пусто окрест.
Словно на сельском погосте:
Капли росы на берёсте,
И покосившийся крест.

Здесь, у последнего края,
В пышном убранстве могил,
Ваша – не в камне, простая,
Встала, берёзкой сверкая,
Видеть её нету сил.

Бабочки лишь да стрекозы
К сорной прибились траве –
Радости краткие слёзы,
Сны или метаморфозы
В каменной сердцем Москве.

Комья разошедшей глины,
Горестный путь ваш земной,
Веточка чёрной калины –
Всё это станет отныне
Болью и нашей виной.

ФОРМУЛА ЛЮБВИ

Пройдут года. Ты станешь вдвое старше,
В знакомый двор войдёшь однажды вновь...
А формула наивная всё та же:
Она плюс он равняется любви!

Цветным мелком её писало детство,
Ещё не зная, к счастью, что она
Почти невыносимая для сердца:
Земная мука плюс твоя вина.

Пара

Парафраз

Действующие лица:

Мада.

Авей.

Учитель.

Юрий Парамонов.

Зоя Хасянова.

Женя Пономарёва.

Мать Жени

Дядя Вова

Абитуриенты, студенты, облака.

Парафра́з (*парафра́за, парафра́зис; от др. — греч. παράφρασις — пересказ*) — пересказ, изложение текста своими словами. Парафразами называются разные виды переработки текста (в частности, литературного произведения): подробное объяснение краткого текста, сокращённое изложение большого текста (адаптация), упрощённое изложение трудного для понимания текста с краткими разъяснениями, переложение прозаического текста в стихи, переложение стихов в прозу или драму. Парафразом также может называться частичный пересказ текста. Некоторые лингвисты употребляют термины «парафраз» и «перифраз» как синонимы, но это мнение не является общепринятым, и поэтому их не следует путать.

Парафразом называется, в частности, особый, учебный тип комментария к теоретическому тексту, который представляет собой близкое к тексту изложение оригинала с объяснением. Изобрёл этот тип комментариев древнегреческий комментатор Аристотеля Фемистий. Его парафразы предназначались для того, чтобы читать их параллельно с соответствующими текстами Аристотеля.

Аудитория Академии Ангелов — так мы могли бы условно обозначить место действия нашей комедии. А когда и где всё это происходило — пусть для начала останется загадкой.

Звенит звонок, но лучше бы его сравнить с хрустальным перезвоном. Ученики собираются на урок — всё, как в нашей обычной школе, только парты не такие и стоят не в ряд. Один рыжий парень подсел к кудрявой девушке.

— Мада, привет.

— Здравствуй, Авей. Какая сейчас ПАРА?

— Ну, даёшь... У нас парapsихология. Ты не была на прошлом уроке, Учитель обещал тебя вызвать к доске. Готова?

— А какой ПАРАграф задавали? Может, успею прочитать, если не с меня начнут...

— Двадцать семь. Хочешь, я тебе буду подсказывать без слов?

В аудиторию входит Учитель, такой же молодой, как и ученики.

— Привет, двоечники! Кого сегодня вызовем к доске? — спросил он, глядя на Маду. — А ты всё в облаках витаешь?

— Я пропустила прошлый урок. И не готовилась.

— Вот за это сейчас и ответишь. Прошу.

— Лучше сразу ставьте ПАРУ.

— Да ладно, сразу обижаться. Мы тебе всем классом подсказывать будем, — улыбается Учитель. — Может, вытянешь на троечку.

Девушка идёт к доске, точнее панорамному полупрозрачному экрану, щёлкает клавишами управления. Возникает сначала плоское, а потом трёхмерное изображение — и в аудитории появляется молодой человек. Он поворачивается, словно ему кто-то невидимый отдаёт строевые команды: кругом, равняйся, смирно.

— Это что ещё за марионетка? — смеётся Авей.

— Вот Мада пусть нам и расскажет, — отвечает Учитель, — всё, что про него думает.

— Юрий Парамонов, поступает в лётное училище, — задумчиво говорит Мада. — Или летнее? Кажется, это учебное заведение для военных. Видимо, дело происходит в древней Спарте?

— Наша Мада ошиблась всего на двадцать семь веков, ничего страшного — подкорректируем. Чуть-чуть подкрути колесо времён, — подсказывает Учитель. — Парнишка не прошёл медкомиссию, его не допускают к вступительным экзаменам. Тебе его не жалко?

— А что его жалеть? Какой-то оловянный солдатик.

— Честно говоря, мы его подбирали специально, чтобы тебе с ним заняться. Как и ты, он очень любит небо, облака, звёзды. Но он одинок и несчастлив. Родители в детстве его не крестили в храме — и теперь у него нет персонального помощника свыше. Не хочешь на пару часов стать ему защитницей?

— Учитель, вы же знаете, — оправдывается Мада, — люди мне не так интересны. То ли дело облака! Большие, белые, беззлые — я готова с ними летать и днём, и ночью. А тут какой-то зелёный муравьишко марширует...

— Согласен, им далеко до облаков, — не отстаёт Учитель. — Однако и люди временами бывают разумными. Посмотри на него, ведь он сейчас заплачет.

— И что мне прикажете? Носик ему подтереть?

— Для начала вспомни, какая у нас сейчас пара.

— Ну, парапсихология. Я ему ПАРУ должна найти?

— А тебе трудно? Не бросать же его одного...

— Ладно, попробую, — Мада склоняется над клавиатурой. — В Казанский авиационный институт сейчас поступает девушка с подходящими психологическими ПАРАметрами. В будущем была бы ему хорошая жена... А, нет, Женя — это её имя! А институт... Казанский или Казахский? Не пойму, нечёткие данные.

— Всё верно, парень родился и вырос в Казахстане, — поправляет её Учитель. — А в России есть город Казань — корень родственный, но много севернее.

— Наша Мада не только с парапсихологией, — улыбается Авей, — но и с географией не очень. То ли дело облака!

— Там тоже была река большая, — оправдывается Мада. — Сырдарья.

— И тоже впадает в большое озеро, которое в те времена называли Аральским морем. А Волга впадает в Каспийское море, хотя оно давно стало озером, — подсказывает Учитель. — И Казань стоит на Волге. От Казахстана недалеко, всего то пару тысяч километров. Тем более, Юрий Парамонов домой возвращаться не хочет.

— Тогда наша задачка просто решается! Пусть едет в Казань, поступает в КАИ, — Мада щёлкает клавишей. — А в летнее своё училище попробует поступать следующим летом.

— Мада, Мада, полегче, — улыбается Учитель. — Тебе за ошибку в пару тысяч лет и километров мы можем поставить пару — и ты её, конечно, потом исправишь. А парню всю жизнь можно так поломать... В их измерении ничего нельзя повернуть назад и переписать заново.

— Поздно, Учитель, — сказал Авей. — Вот и девчонка на экране появилась. Только они пока не знают, что друг другу пара.

Мада щёлкает клавишей — изображение снова стало трёхмерным.

1985. Юрка возле приёмной комиссии КАИ. Подходит к двум подружкам.

ЮРА. Девочки, я только что приехал. Ещё не поздно документы сдавать?

Он смотрит на ту, что светленькая и высокая, но отвечает ему та, что поменьше ростом и смуглая.

ЖЕНЯ. Сегодня последний день. Ты на какую специальность идёшь?

Высокая отвернулась, так что ему пришлось отвечать подружке.

ЮРА. Всё равно. Я медкомиссию в лётное училище не прошёл. Сказали, ещё успешнее куда-нибудь поступить на гражданке.

ЖЕНЯ. Тогда тебе туда, лётчик. Иди скорее, а то опоздаешь. И просись на двигатели — там проходной балл меньше.

Трёхмерное изображение из 1985 года медленно гаснет.

— Молодец, Мада! — похлопал Учитель в ладоши (и трёхмерное изображение нашего мира окончательно исчезло). — Сразу свела Парамонова с его половинкой. А говорила, пару ставить...

— Только он не на половинку, а на её... подружку пялился, — сказала Мада. — В их измерении парни почему-то воспринимают только внешность девушки. Они что, не научились ещё смотреть внутренним зрением?

— Внутреннее зрение и слух в их времени были утрачены, — пояснил Учитель. — Они могут смотреть лишь глазами, слышать одними ушами. И считают свой мозг вычислительной машиной. Но давайте сделаем первые выводы.

— Этот Юрка какой-то придурок, — подытожила Мада. — Мне, конечно, хочется ему помочь. Но в голове у него такая каша... Он совсем ещё ребёнок.

— В их мире люди — до старости дети, — сказал Авей. — Только игрушки с возрастом меняют — плюшевого мишку на машину или реактивный самолёт.

— Как все дети, они считают себя взрослыми, — уточнил Учитель. — На самом деле они ещё не научились обдумывать свои действия хотя бы на пять секунд вперёд — и в любую минуту могли погибнуть под колёсами самосвала, утонуть, разбиться... Приходится за ними приглядывать, как за маленькими. Но это не даёт нам права смотреть на них сверху вниз. Так что, Мада, крути ручку, пока не кончился урок.

— Пару лет прокручу, — сказала Мада. — Я не вижу у Юрки желания самому сделать первый шаг. Пусть Женя сделает его сама.

Снова трёхмерное изображение нашего мира, гремит музыка, мигают разноцветные проектора — в институте праздничная дискотека.

— Убавь звук, пожалуйста, — просит Учитель. — Молодёжь в то время считала, что музыку нужно слушать очень громко. И совершать под неё движения, похожие на ритуалы первобытных предков — это у них называлось дискотекой. Один из немногих способов в их измерении сойтись двум половинкам. О чём они говорят?

— Как только они умудряются друг друга слышать? Наверное, читают по губам. — сказал Авей. — Юрка встретил тех подружек и пытается к ним вклиниться. Снова заглядывается на высокую. Дурачок, ведь рядом твоя судьба! Повернись к ней. Учитель, можно, я ненадолго этот грохот оборву?

1987. *Гром дискотеки стих неожиданно. Свет перестал мигать.*

ЮРА. Кажется, магнитофон плёнку зажевал. Ваши диск-жокеи — сапожники. Девчонки, мы не познакомились. Юрий Парамонов, чемпион института по парашютному спорту.

ЖЕНЯ. А мы знакомы. Между прочим, мы тебе в приёмную комиссию дорогу показывали.

ЮРА. Неужели? Вот так встреча!

ЖЕНЯ. А шоколадку нам за труды зажал. Если бы не мы — ты на вступительные экзамены не успел бы и сейчас в КАИ бы не учился.

ЗОЯ. Ну что, где музыка? Женька, пошли отсюда. Здесь нормальных танцев не найдётся.

ЮРА. А мне можно с вами?

ЗОЯ. Свободен, мальчик. (*Уводит Женьку за собой*). Кончай со всякой шантрапой трепаться. Договорились же, знакомимся только с местными.

ЮРА (*снова оказался у них на пути*). Девушки, кажется, не желают знакомиться с известными спортсменами? Чем же они занимаются?

ЗОЯ. Сказала, свободен. Девушки заняты наукой.

ЖЕНЯ. Меня зовут Евгения Пономарёва. Я всю жизнь мечтала прыгнуть с парашютом.

— Вот это Мада! — снова захлопал в ладоши Учитель (и на дискотеке снова загремела музыка). — Только, знаешь, милая, ты забыла, наверно, но мы помогаем не Евгении Пономарёвой.

— А мне Женька больше нравится, — ответила Мада. — А ваш поросёнок Парамонов на неё вообще иначе внимания не обратит.

— В общем, он прав. Подружка действительно лучше, — сказал Авей. — Прямая и упрямая. Зоя Хасянова точно знает, что ей надо, и летит стрелой в мишень.

— Зойка по-своему красивая, конечно. Но в каждой человеческой расе свои представления о красоте, — возразила Мада. — То худые в моде, то полные.

— Нашей Маде представление о красоте навязали мыслеформы облаков, — сказал Авей. — А по мне — нет ничего красивее лесов.

— Что ты имеешь против облаков? — вспыхнула Мада. — Мы у них могли бы многому научиться. Например, с какой заботой они орошают твои любимые леса тёплыми дождями.

— Авей, не спорь с Мадой, — улыбнулся Учитель. — Отправляемся к облакам, на первый Женькин прыжок с парашютом.

Танец облаков. *В небе сверкает серебряная мушка самолёта-«антошки».*

ЮРА. Боишься? Ничего страшного. Если основной купол не раскроется, то дёргай запасной.

ЖЕНЯ. А если и он не раскроется?

ЮРА. Тогда инструктор выдаст новый комплект. Это наша дежурная шутка. От перворазрядников для перворазрядников. Не трусь, я буду рядом.

ЖЕНЯ. Может, в другой раз?

ЮРА. С ума сошла! Меня инструктор убьёт... Пошла!

В фильме эту сцену можно было бы снять очень эффектно — белый самолёт, белые куполы парашютов среди белых облаков. В театре всё проще — восторг полёта можно выразить в танце или пантомиме. Облака увлекают в свой танец Юру и Женю. Он приземлился первым, бежит к снижающейся Жене.

ЮРА (*кричит ей вверх*). Ноги вместе, помнишь, как я учил? Слегка напряжены и согнуты в коленях...

ЖЕНЯ. Если разобьюсь — знай, что я тебя любила! Бумц...

Она покатила след за парашютом, Юра помогает ей погасить купол.

ЮРА. Молодец, Женька! Что ты там орала, ненормальная?

ЖЕНЯ. Не помню... Как-то очень быстро всё произошло. Я не распробовала.

ЮРА. Придётся повторить прыжок. Но запомни: в парашютном спорте самое страшное — не летальный исход, а быстрое привыкание. Как к наркотикам.

ЖЕНЯ. Я жива? Какое счастье!

— Отчаянная Женька! — воскликнул Авей. — Учитель, теперь они поженятся?

— А это мы сейчас у Мады спросим. Ты читала двадцать седьмой параграф?

— Не успела, — призналась Мада. — А что у людей означает жениться? Ведь их уже связали небеса — неужели этого недостаточно?

— А ты сама у них спроси, — подсказал Учитель. — Только постарайся, чтобы они ничего не заметили.

— Женька готова всю жизнь быть с ним вместе, — ответила Мада. — Но, похоже, он об этом ещё не догадывается. Вот ПАРАзит... О чём думает!

— У них парни только об этом думают, — загоготал Авей.

— Можно подумать, ты от них далеко ушёл! Кручу дальше?

1988. *Аэроклуб.*

ЮРА. Женька, привет! Какими судьбами в наши края? Прыгать надумала?

ЖЕНЯ. Да нет. Слушай, как у тебя с деньгами? Не хочешь подработать?

ЮРА. Сколько?

ЖЕНЯ. Мне не взаимы... А тебе. Я думала предложить подработать.

ЮРА. Не Дедом Морозом?

ЖЕНЯ. Я на Новый год домой собралась. У нас в лесхозе для ёлочных базаров подрост пилят. За два-три дня можно месячную стипендию получить.

ЮРА. А что, идея! Чем в новогоднюю ночь в общаге париться... А твои родители — не заругают?

ЖЕНЯ. Мама в лесхозе сейчас за главную, писала — рабочих рук не хватает.

ЮРА. Я согласен. А Зоя тоже с нами поедет?

ЗОЯ. Я уже приглашена на Новый год. В ресторан. Снегурочкой.

— Учитель, они что — деревья будут рубить? — удивился Авей. — Что это за варварский обычай?

— Почему-то у них считалось, что начало очередного календарного года нужно отмечать очень весело, — пояснил Учитель. — Если всю ночь на 1 января не спать, а есть до отвала, то весь год обязательно пройдёт счастливо. Для чего в каждом доме они ставили труп молодого хвойного дерева и наряжали его стеклянными бусами, признаться, для меня загадка.

— Я же говорю — дикари! — возмутился Авей. — Вот бы им самим ноги перерезать и лампочки разноцветные в разные места засунуть...

— Не забывайте, перед нами люди прошлого тысячелетия, — ответил Учитель. — Они ещё не научились чувствовать чужую боль, а разумными на Земле считают одних себя. Но ведь за это мы не будем их меньше любить, верно?

1989. *Старый бревенчатый дом в лесхозе. Предновогодний вечер.*

ЮРА. А где мать?

ЖЕНЯ. Пошла встречать Новый год к дяде Коле. Это мой крёстный. Он всех приглашал. Хочешь пойти?

ЮРА. Познакомиться со всей твоей родней? Не рановато ли?

ЖЕНЯ. А дома и стола накрыть нечем, салат мама туда унесла.

ЮРА. Мы без салата. Давай включим музыку. У тебя какие пластинки есть?

ЖЕНЯ. Только советское, старые песни. И выпить нечего, когда куранты двенадцать пробьют.

ЮРА. Я не пью. Иди ко мне.

— Это ты изображение отключила? — заёрзал на месте Авей. — Мада, включи, сейчас самое интересное будет!

— Детям до шестнадцати, — ответила Мада. — Будто ты не видел никогда в своём лесу, как звери спариваются.

— Ну что тебе, жалко, — засмеялся Авей. — Хотя бы чёрно-белое изображение оставь.

— Успокойся, это они свет погасили, — сказал Учитель. — Мы можем только звук прибавить.

ГОЛОС ЮРЫ. Ты знаешь, прошлым летом я снова в лётном училище медкомиссию проходил. Сказали, вестибулярка стала лучше. Может, на следующий год поступлю.

ГОЛОС ЖЕНИ. А ты всё равно хочешь летать?

ГОЛОС ЮРЫ. Честно говоря, мне военной кафедры в институте хватило... Просто у меня с детства была мечта. Я тебе не рассказывал, что родился в городе Ленинске?

ГОЛОС ЖЕНИ. Говорил, конечно. Это в Казахстане, на Сырдарье.

ГОЛОС ЮРЫ. Только я не всё говорил, об этом не положено трепаться. На самом деле наш город построили для тех, кто служит на космодроме Байконур. Отец мой работал на первом пуске и меня назвал в честь Юрия Гагарина. Я родился в тот год, когда он трагически погиб.

ГОЛОС ЖЕНИ. Твой отец?

ГОЛОС ЮРЫ. Нет, Гагарин. А на отца через четыре года чем-то плеснуло во время испытаний... Он долго лежал в больнице, с мамы взяли подписку, что никому не расскажет, какой он там лежал... Акта вскрытия, понятно, ей не показали. Похоронили в закрытом гробу. В тот день я поклялся, что обязательно стану космонавтом. Конечно, я был пацан совсем.

ГОЛОС ЖЕНИ. Включить свет?

ГОЛОС ЮРЫ. Не надо, мне так легче.

ГОЛОС ЖЕНИ. Ты обязательно полетишь в космос, Юрка! Главное, иди к своей мечте, не сворачивать и не бояться. Я верю, ты поступишь.

ГОЛОС ЮРЫ. Только никому об этом, ладно? Мы в школе писали сочинения «Кем быть» — и всем мальчикам полагалось писать, мол, хотим стать космонавтами. Когда мы подросли, то все смеялись над теми детскими мечтами. В те годы наши космонавты гибли часто — Пацаев, Волков, Комаров... Их огромные портреты вешали у нас в актовом зале. Я даже маме не говорил, что хочу в космос. В лётное училище тайком поступал.

ГОЛОС ЖЕНИ. В самом деле, зачем тебе лётное? Бортинженером будешь в космосе. В Звёздный городок и с нашими дипломами специалисты нужны.

ГОЛОС ЮРА. А мне нужна только ты!

Эротические эпизоды в кинематографе если и удаются, то в основном благодаря операторским уловкам. В театре же избежать натурализма и пошлости можно через условности танца или пантомимы.

— Самое интересное пропустили, — вздохнул Авей, — и всё же, что бы вы ни говорили, а любовь даже в физиологическом смысле — это прекрасно!

Достаёт из-под парты (а лучше прямо из воздуха) букетик цветов, протягивает Маде.

— Спасибо. Ты бы лучше подсказывал, на какие клавиши нажимать.

— Это прямо из весеннего леса. Называются — подснежники. Красиво...

1990. *В общежитии Женя жила в одной комнате с той самой Зоей Хасяновой. Женя ставит букетик (брошенный Мадой на клавиатуру) в пустую бутылку из-под кефира. И в этот момент раздаётся стук в дверь — в комнату ворвался Юра.*

ЮРА. Привет, девчонки! Слушайте, в вашу общагу вам не пробиться, на вахте такие бабушки сидят, просто волки, мля...

ЖЕНЯ. Тебя пустили?

ЮРА. Вахта не пустила, спасибо пацанам. Они окно открыли между первым и вторым этажами.

ЗОЯ. По трубе забрался? Вот дурак! А обратно как? Парашют не прихватил?

ЮРА. Не угадала, Зочка, обратно я надеюсь спланировать на крыльях любви.

ЖЕНЯ. А говорил, не пьёшь.

ЮРА. Так вышло, день рождения у друга.

ЗОЯ. Могли бы пригласить.

ЮРА. Так я за тем и шёл! Пойдёте, девочки? А то у нас там слишком много мальчиков...

ЖЕНЯ. Я не пойду.

ЗОЯ. А я с удовольствием! Только выйди, мне переодеться. (*Вытолкала его за дверь, быстро одевается*). Ты чего сидишь? Он же за тобой пришёл.

ЖЕНЯ. Не хочу.

ЗОЯ. Он тебя обидел? Ты так и не рассказала, как вы съездили домой.

ЖЕНЯ. Нормально.

ЗОЯ. А как родителям твой парашютист...

ЖЕНЯ. Нормально.

ЗОЯ. Так у вас как?

ЖЕНЯ. Нормально.

ЗОЯ. Заладила... Женька, мы же с тобой подружки. Так ничего и не расскажешь?

ЖЕНЯ. Что тебя интересует?

ЗОЯ. Было?

ЖЕНЯ. Что?

ЗОЯ. Сама знаешь.

ЖЕНЯ. А тебе зачем? Сходи на день рождения — может, и у тебя будет.

ЗОЯ. И пойду! Раз ты разрешаешь... Только вот с кем останешься? Или хочешь в лесхоз после института возвращаться? Автоматизированные системы управления там, среди волков и ёлок, очень даже пригодятся!

Зоя уходит. Женя ждёт, не вернётся ли Юра.

— Что же ты, Мада? — удивился Учитель. — У тебя так хорошо получалось Женьке помогать. А тут вдруг ты отступилась...

— Он же пьяный, — ответила Мада. — Она его ждала столько дней, а этот паразит появился, будто ничего не произошло. Почему он ушёл с Зоей?

— Возможно, испугался ответственности, — сказал Учитель. — Думаешь, он сам не понимает, что должен теперь на Женьке жениться? Всё понимает, но не готов к такому шагу. Юре Парамонову некому больше помочь, поэтому мы и вызвали тебя к доске... Пусть ты не прочла двадцать седьмого параграфа, но эти прописные истины всем известны без учебника: мы в ответе за тех, кого полюбили. Или я не прав? Юрка тебе безразличен?

— Разве было когда-нибудь такое, чтобы наш Учитель оказался не прав. Парамонов, конечно, мне уже интересен, — Мада выключила экран и встала. — Просто я сразу предупредила, что не могу с людьми... Каждый мнит себя «пупком вселенной»! Лучше я буду в облаках витать. Ими хотя бы движет желание отдавать себя другим — первый признак разумной деятельности. А эти... Только послушать, как они друг с другом общаются!

— Девочка, милая, мы теперь не можем бросить Парамонова на перепутье. Во всяком случае, он не жаждет стать самым сильным или самым богатым, чтобы всех нагнуть и бить палкой по голове! Верно? Уже ради этого мы могли бы ему помочь. Между прочим, до звонка осталось не так много...

— Поняла, — сказала Мада и снова села за клавиатуру. — Крутим колесо.

КАИ. *На следующий день.*

ЮРА. Привет, Женька. Как живёшь?

ЖЕНЯ. От сессии до сессии, как все студенты... Зачёты сдала, теперь к экзаменам готовимся...

ЮРА. У вас в лесхозе больше не нужны рабочие?

ЖЕНЯ. Ты разве на каникулы домой не едешь?

ЮРА. На Байконуре зимой погано. Морозы, туманы... Вода из крана бежит солёная. Скоро должны новый водозабор пустить — можно будет воду даже некипячёную пить. Кстати, не хочешь к нам в гости? Мама будет очень рада.

ЖЕНЯ. А меня к вам без пропуска пустят? Ты говорил, космодром оцеплен военными.

ЮРА. Ленинск от космодрома за тридцать вёрст находится. Поезд Казань — Ташкент останавливается на станции Тюратам, любой может там сойти.

ЖЕНЯ. А Зоя с нами поедет?

ЮРА. Какая Зоя? Ты чего... Жень, прости за вчерашнее. Сам не знаю, как вышло... Пацаны прицепились, приведи своих знакомых. У одного из нашей группы день рождения отмечали. А Зойка разве ничего тебе не рассказала?

ЖЕНЯ. Да мы о мальчиках с ней не разговариваем. Всё больше об автоматизированных системах управления. А теперь ещё о перестройке.

ЮРА. Она красивая, конечно. Но дура дурой.

ЖЕНЯ. То есть я не красивая, но умная? Спасибо за откровенность.

ЮРА. Да чего ты! Я, правда, не знаю, как быть. Учимся мы в разных зданиях, общага ваша на другом конце города. А жилье, даже комнату, на что снимем?

ЖЕНЯ. Ты что, мне предложение делаешь? Тебе же Зоя больше нравится.

ЮРА. А ты мне больше подходишь. Можно, хотя бы до общаги провою?

— В общем, я понял, — вставил Авей. — Ему хотелось бы жить с ними обеими, только у них так было не принято. А что, верблюды в пустыне Байконур по несколько самок охаживают — и это нормально. И львы живут прайдами.

— Учитель, он мне мешает, — сказала Мада. — Вызовите лучше его к доске.

— Авей груб, но прав. В парапсихологическом смысле люди ещё не умели любить других, как самих себя. Жаль, что ты не читала двадцать седьмого параграфа.

— Я сразу сказала, ставьте пару. А вашему Парамонову я не позволю крутить шашни с обеими!

— Тогда сделай так, чтобы Женька его крепче к себе привязала.

— А если родится ребёнок? Разве мы имеем право...

— Ну, эту проблему мы легко разрешим. Сейчас запрошу деканат, может, у них имеется свободная вакансия на рождение в их измерении.

— А что говорится в двадцать седьмом параграфе? — Мада ткнула Авея в бок. — Ты же обещал подсказывать без слов.

— Я с самого начала тебе подсказываю. Пусть опять едут в лесхоз.

— На наш запрос ответили, — сказал Учитель, — что рождение возможно, но позже. В конце концов, даже если ты получишь пару за сегодняшние безобразия, рождение новой жизни, нового человека всегда приветствуется.

Стук в дверь. Все оборачиваются, но оказывается, что стучат не в аудитории ангелов, а в общежитии, где живёт Женя.

Стук продолжается долго, пока она не открыла.

ЗОЯ. Ты чего закрылась?

ЖЕНЯ. А ты чего так рано?

ЗОЯ. Ты не одна?

ЖЕНЯ. Как видишь.

ЗОЯ. Я не смотрю.

ЮРА. Сейчас оденусь.

ЗОЯ. Я помешала...

ЖЕНЯ. Как ты догадалась?

ЗОЯ. Так что мне — на улице мёрзнуть?

ЮРА. В Красном уголке можно телевизор посмотреть.

ЗОЯ. Знаешь, вали к себе в общагу командовать!

ЖЕНЯ. Не кричи, он не к тебе пришёл.

ЮРА. Это её и бесит. Вот если бы к ней...

ЗОЯ. Нужен ты мне!

ЖЕНЯ. А мне нужен.

ЗОЯ. Да мне-то что... Любитесь, коли приспичило. Но вы хотя бы предохраняетесь? Или у Парамоши на презервативы грошей нема?

ЮРА. А мы не привыкли в скафандрах. Не тот кайф.

ЖЕНЯ. Зоя, в самом деле, может, дашь одеться? А после мы поговорим.

ЗОЯ. Об автоматизированных системах управления? Или про перестройку? Да пусть одевается, подумаешь, голых мужиков мы не видели... Но знай, с ребёнком он тебя сразу бросит. Останешься одна!

ЖЕНЯ. Как одна? Ты же сама сказала, с ребёнком.

ЮРА. Девочки, не ссорьтесь. Я оделся. Может, мы все вместе чаю попьём? Или у вас на ужин сегодня припасов не имеется?

ЗОЯ. Вот паразит!

— В самом деле, паразит, — сказала Мада. — Учитель, я кручу колесо вперёд.

— На девять месяцев? — хихикнул Авей.

— Нет, в деканате сказали, что подходящая монада готова воплотиться в их времени только через год-другой, — уточнил Учитель. — В общем, даже лучше, они как раз успеют закончить институт.

1991. *Снова коридор КАИ, как в первой сцене знакомства.*

ЮРА. Что же нам теперь? В прошлом году выпускникам распределение давали, молодым специалистам на месте предоставляли жилье. А нас вышвырнули, как щенков! И на Байконур я не могу тебя везти. Там сестра замуж вышла, у них свой вот-вот народится... А мне ещё в армию осенью.

ЖЕНЯ. В таком положении ты всё равно не сможешь мне ничем помочь. Поеду домой, как-нибудь объясню родителям. Ты за нас не бойся.

ЮРА. Я поеду с тобой. Пусть твоя мамаша мне не больно рада...

ЖЕНЯ. Пока от тебя будут приходиться письма, я буду знать, что ты нас помнишь.

ЮРА. И любишь.

ЖЕНЯ. Как будто.

ЮРА. Правда-правда.

ЖЕНЯ. А замуж не зовёшь.

ЮРА. А ты пойдёшь?

ЖЕНЯ. С нами тебе трудно будет попасть в отряд космонавтов.

ЮРА. Ты хоть телефон оставь. У вас в лесхозе есть телефон? И адрес...

— А что, мобильных телефонов у них не было? — удивился Авей. — И электронной почты не существовало? Каменный век!

— Ни интернета, ни спутниковой связи тогда ещё не существовало, — сказал Учитель. — Представьте себе, у половины населения телевизоры были чёрно-белыми, в них работали всего четыре канала. И по всем одновременно 19 августа 1991 года показывали балет «Лебединое озеро».

Танец маленьких лебедей. *Трёхмерное изображение сменилось чёрно-белой кинохроникой «путча». На баррикадах Белого дома Юра пишет письмо:*

«Здравствуй, Женька! Представляешь, я приезжаю в Москву — а в городе танки! Никто ничего не знает, все как с ума посходили. Добрался на электричке до Звёздного, там такой же бедлам. Ни от кого толком не добьёшься, что происходит. Но мне повезло: на обратном пути подсел в автобус, который вёз в Москву сторонников демократии. Познакомился с молодыми ребятами, мы вместе с ними две ночи провели на баррикадах у Белого дома. Нас кормили военные из полевой кухни, хотя мы, вроде бы, выступали против них. Видели Ельцина — сначала на танке, потом на балконе. Все кричали, я так и не понял, кто за кого... Но было очень весело!

Потом вернулись в Звёздный — и нас встречали на центральной площади как героев революции! Передо мной сразу открылись все двери высоких кабинетов. Сказал, что хочу в отряд космонавтов, но мне сначала надо в армию. Временно взяли на Чкаловский аэродром помощником укладчика парашютов, обещали устроить, чтоб и срочную службу я проходил здесь, в службе обеспечения полётов.

На пару дней смотался в Казань, выписался из общаги и отнёс в военкомат направление. Оттуда пошлют мои документы в Звёздный... Видел Зойку, она решила остаться в Казани, правда, не рассказала, где и с кем. Передаёт тебе привет. Мне писать пока некуда, ночью то у одного приятеля, то у другого. Вот призовусь в армию — там будет полевая почта. И письма бесплатно, без марки. Пробовал заказать переговоры до востребования, но сказали, что в вашем лесхозе на почте нет междугородного телефона. Так что пока у нас может быть переписка лишь односторонняя. Целую. Люблю. Юра».

1992. *Пономарёва Антонина Ивановна с дочерью говорит трубным басом, с внуком — сладким фальцетом. С одного регистра на другой мать переходит виртуозно и громкость голоса (с грома на горлинку) меняет мгновенно.*

МАТЬ. Антосик, внутик! Наса бабуська плисла — молотька плинисла...

ЖЕНЯ. Ты в Паратах была? На почту заходила? Писем не было?

МАТЬ. Сказано тебе, не ходила на почту. Что ходить, денежных переводов нам ждать неоткуль! В правление — и обратно. Полгода ребёнку, а до сих пор без метрики. *(Поёт)*. Нашего внутика записали, расти большым зелали...

ЖЕНЯ. Ты Антошку зарегистрировала? Где же свидетельство о рождении?

МАТЬ. Как бабуска по внутнику соскутилась... Нашто оно тебе? У меня целее будет. Мы нашего Антошку никому не отдадим. Ты в город сбежишь к своему ветродую... А мы с внутиком будем ласти басие, красивые, сильные.

ЖЕНЯ. Куда я сбегу? Если только сама выгонишь...

МАТЬ. Я не выгону. Люди со свету сживут. *(Орёт)*. В лесхозе только и разговоров, откуль у дочки начальницкой дитё завелося — вроде аисты на крыше гнёзд

не вили. (*Поёт ласково*). А у нас какой мальтёночка завёлся — щёчки медовые, пяточки шёлковые, попотыка сладкая...

ЖЕНЯ. Люди пусть говорят. А что мне мать родная скажет?

МАТЬ. А то и скажет, мол, спасибо, доченька, выучила я тебя до полной учёности — ославила ты меня на весь лесхоз! Глаза на люди не покажешь.

ЖЕНЯ. А ты нас в лес отвези, к сосне привяжи, чтобы волки съели.

МАТЬ. Тебя мало волкам скормить! Тебя к позорному столбу на площади голышом... А мово мальтика я воспитаю. Накормлю, напою, одену принцем!

ЖЕНЯ. Опять начинаешь? Антошку я тебе не отдам.

МАТЬ. Открой дверь! Зараза такая, открой, тебе говорят! Антошку кормить пора. Внучек мой, мамка тебя совсем не кормит, не жалеет... Женя! На что мы жить-то будем? Ведь зарплату не только у нас — нигде уже не платят!

— Мада, Мада, — окликнул Учитель увлёкшуюся студентку. — Скажи, пожалуйста, а зачем мы опять залезли в лесхоз? Ты ведь взялась быть ангелом-хранителем Парамонова. Верно?

— Да что с ним в армии делается.

1993. *Мы снова видим чёрно-белую хронику и слышим Юркино письмо:*

«Здравствуй, Женька! Я сообщил тебе адрес полевой почты, но письма в нашу воинскую часть доходят с большим запозданием, да и то, кажется, не все. И ты не все мои, наверное, получаешь. Я тебя спрашивал, как маленького назвали, но так и не получил ответа. Возможно, на почте затерялось... Мы потеряли великую страну, что же говорить о маленьком письме! Как вы там живёте у себя в лесхозе? В Подмосковье продукты подорожали — просто жуть! Может, и правда к лучшему, что меня забрили на полтора года, переживу все эти либерализации цен на армейских харчах. Служу нормально, на том же аэродроме, откуда раньше отправляли космонавтов на Байконур. Правда, когда теперь случится следующий старт — никто не знает. Неужели советская космонавтика погибла вместе с СССР?! Мама пишет, Ленинск переименовали в Байконур, оттуда все бегут в Россию, кто может. Полгорода на чемоданах... Пиши мне, родная, не забывай! Целую вас с маленьким Парамошей. Ваш папка».

— Молодец, Мада, — улыбнулся Учитель. — Кажется, твой Юрка справился.

— Может, на этом и закончим? — встала Мада из-за пульта. — Я всё сделала, теперь Парамонова пригласят в Центр подготовки. И если очередь до него дойдёт — когда-нибудь и его пошлют на орбитальную станцию «Мир». Честное слово, не знаю, как ему ещё помочь. И больше не хочу.

Она выходит из аудитории. Учитель идёт за ней. За пульт к экрану подсаживается Авей, щёлкает клавишами. Мы слышим трели птиц.

В весеннем лесу. *Вечернее солнце легко пронзает стволы сосен.*

ДЯДЯ ВОВА. Вам помощь не нужна?

ЖЕНЯ. Не подходите, я драться буду!

ДЯДЯ ВОВА. Во как! И откуда же такие бойкие забрели в наш тихий лес?

ЖЕНЯ. Я на станцию шла.

ДЯДЯ ВОВА. Так Параты — в другой стороне совсем. Тут на десять вёрст ни одной живой души. Девушка, всё же, с вами ничего не случилось?

ЖЕНЯ. Ногу подвернула. Не подходите — я кататэ в институте изучала!

ДЯДЯ ВОВА. Это в каком же советском институте разрешают преподавать запрещённые боевые искусства? Вот уж не поверю! Я сам ещё год назад преподавал в вузе, так что не надо меня на пушку брать.

ЖЕНЯ. У нас в КАИ секция была.

ДЯДЯ ВОВА. Казанский авиационный? Так мы одноклассники! Правда, я закончил девятый факультет тому почти пятнадцать лет. А что с ногой?

ЖЕНЯ. Не подходите, сказала!

ДЯДЯ ВОВА. Да не бойся, девочка, это я с виду такой страшный, грязный, бородатый. Потому что в лесу зимовал. Только посмотрю, вывих или что серьёзное. А в свёртке что?

ЖЕНЯ. На ногу наступать больно, но не очень сильно. Идти смогу. А за свёрток — убью!

ДЯДЯ ВОВА. Да ты что, с ребёнком в путь отправилась? С ума сошла, через час темно будет. А ночи ещё, знаешь, какие холодные.

ЖЕНЯ. Мы заблудились.

ДЯДЯ ВОВА. Сами мы не местные? А чего же так орала, раз дитяtko спит?

ЖЕНЯ. Он привык, когда громко разговаривают.

ДЯДЯ ВОВА. Ладно, тут недалеко моя землянка, до ночи успеем.

ЖЕНЯ. А вы, правда из КАИ? Я подумала, на беглого вроде не похож...

ДЯДЯ ВОВА. Дома паспорт покажу. В определённом смысле я, конечно, бежал из колонии. По распределению меня направили в Прибалтику. А сейчас там независимость провозгласили, русских объявили оккупантами, колонизаторами. Вот и получается — беглый! Из бывшей колонии перебрался в метрополию. А программисты и здесь никому теперь не нужны — завалили страну импортными компьютерами. Ни семьи, ни родины, ни профессии... Меня в Казани сокурсник приютил, мы по молодости сюда на сплав ходили. У них тут некое «Тайное братство землян»: вместо туристских палаток они землянок себе накопили, в три наката. Даже зимой приезжают Новый год справлять! Сейчас сама увидишь, как у нас здорово. Тебя как звать? Я для студентов был Владимиром Геннадьевичем. А стал просто дядей Вовой — сторожем Земляничной заставы. Ты ведь лесников на нас не натравишь?

ЖЕНЯ. А я из дому сбежала. Мать достала... Меня Женей зовут. Это мой Антошка. Давайте посидим ещё немножко? Не хочется будить.

Учитель снова входит в аудиторию, обнимая за плечи Маду.

— Ну, вот, мы и вернулись. Пара ещё не закончилась, будем продолжать. А ты, Авей, опять в лесу? Нам пора уже эту историю заканчивать.

— Я хотел помочь Маде.

— Не надо мне помогать.

Мада согнала Авея с кресла. Щёлкнула клавишей. И вот по заснеженной улице лесхоза идёт Парамонов. Встречает пьяного, на тропке не разойтись.

ЮРА. Здравствуйте! Не подскажете, где мне Женю Пономарёву найти?

ЖОРА. А ты что за снежный ком с горы?

ЮРА. Извините, но мы на брудершафт не пили. И вам, кажется, хватит...

ЖОРА. К Женьке, что ли, прикатил? Вот и катись, откуль пожаловал!

ЮРА. Хорошо, я сейчас пойду на гору, куда Макар телят гонял. А вы за мной идите.

ЖОРА. Сам пошёл, пока дрыном не погнали!

ЮРА. Слышь, друг, чего ты такой неприветливый?

ЖОРА. Моя Женька! Мы с первого класса за одной партией... И сын у ней Антошка — от меня.

ЮРА. Вот как... Значит, сына Антоном назвала. Так где, говоришь, они проживают?

ЖОРА. Так как, говоришь, тебя прозывают? Уж не ты ли мою первую любовь спортил? А ты знаешь, что я сейчас свисну — и сюда весь лесхоз с колыями сбежится!

ЮРА. Иди-ка ты лучше на кудькину гору, пока на ней рак не свистнул.

ЖОРА. Что ты сказал? Кого ты послал? Ну, козёл, тебя предупреждали.

Он замахивается — и сразу валится в снег с одной Юркиной подсечки.

ЮРА. Заметь, я тебя не трогал, ты сам поскользнулся. И не пей больше так — козлёночком станешь.

ЖОРА. За козлёнка ответишь! Да я тебя за Женьку укатаю...

ЮРА. Укатали сивку крутые горки, на которые телят не гоняли.

ЖОРА. Ладно, погнали по-взрослому! Тебе не жить, падла городская...

ЮРА (*бьёт без замаха*). Последний раз спрашиваю, где Женька живёт.

ЖОРА. Вот бугай! Чего сразу в зубы-то... У нас тут стоматологов нету. А у вас в городе, видать, ещё есть что пожрать. Откормили! У крёстного она. Мать выгнала. Женьку осенью дядя Коля в лесу нашёл — у себя жить оставил. Последний дом по улице.

ЮРА. Спасибо, друг. Что ж ты сразу не сказал? Без мордобития-то лучше.

ЖОРА. Она всё равно меня любит! И я всем сказал, что сын — мой.

ЮРА. Рад за тебя. Не проводишь? Впрочем, ты уже точно не дойдёшь.

Парамонов никак не может справиться с калиткой. Из дома выходит Женя.

ЖЕНЯ. Ты откуда взялся?

ЮРА. Я же писал, Жень...

ЖЕНЯ. И часто писал?

ЮРА. Ты не получала моих писем?

ЖЕНЯ. Их матушка получала. И сжигала, не распечатывая. Почтальонша потом рассказала, когда уволилась.

ЮРА. Я писал тебе два года, но не получил и двух строк в ответ. Ты меня забыла?

ЖЕНЯ. Очень хочу забыть.

ЮРА. Больше не любишь?

ЖЕНЯ. А ты?

ЮРА. А кто это там на меня весь лесхоз с кольями хотел поднять? Говорит, за одной партой с тобой сидел.

ЖЕНЯ. Жорка? Ты с ним лучше не связывайся. Он два года отсидел за два кубометра... Недавно освободился.

ЮРА. Женька, очнись! Я же не на танцах все это время упражнялся. Вообще-то я был на действительной срочной службе.

ЖЕНЯ. А что же твой космос? Раздумал лететь?

ЮРА. Издеваешься... Да, меня уже допустили к занятиям в центре подготовки, на тренажёрах гоняли. Если хочешь знать, тесты я у них все проходил нормально. А тут вдруг снова попал в Белый дом. Видела, наверно, по телевизору, как его танками расстреливали. Вот мы и поехали опять, как в девяносто первом... а нас менты записали в защитники парламента. Меня сразу же демобилизовали, посоветовали убраться подальше от Звёздного.

ЖЕНЯ. Постой, постой, в какой такой Белый дом? Разве жёлтый дом перекрасили? А мы тут живём в лесу, ничего не знаем...

ЮРА. Напрасно смеёшься. Если б ты видела, сколько там народу положили! Царь Борис и Хасбулат удалой чуть гражданскую войну в стране не начали.

ЖЕНЯ. Знаешь, меня политика не интересует. Меня волнует другое. Например, почему ты до сих пор не спрашиваешь, где наш сын.

ЮРА. Жду, когда его покажешь.

ЖЕНЯ. А вот не покажу. И не ломай калитку, а то крёстного позову.

ЮРА. Почему? Женька, что случилось?

ЖЕНЯ. Потому что нет нашего сыночка... Мать забрала себе. Потому что мне Антошку кормить нечем! Пока вы там в Белом доме большой политикой занимаетесь, мы тут последнюю картошку доедаем! Ты понял меня? А теперь вали отсюда и никогда больше не показывайся!

ЮРА. Я ехал два дня, добирался на четырёх транспортах. И в пять минут — такой облом... Никуда я не пойду. Я вам денег дам. У меня немного, правда. Но я заработаю. Я буду вам помогать. Только не гони меня.

ЖЕНЯ (*сдерживает себя из последних сил*). Я не гоню. Просто сама с сыном кормлюсь на пенсию дяди Коли. Тут никакой работы мужикам нет, все спиваются от отчаяния, бегут кто куда... Если у тебя есть возможность нас с Антошкой забрать отсюда, то увези куда-нибудь. А нет — тогда привет.

ЮРА. Вот такая, блин, лав стори... Мне самому больше некуда податься. Думал, может, хоть здесь меня ждут... На Байконуре ещё хуже, к тому же там теперь за граница. Как только сам устроюсь, я вас отсюда вытащу.

ЖЕНЯ. Когда? Опять через два года? Я тут умру. А впрочем, лучше уезжай.

— Не получается у меня, — вздохнула Мада. — Пусть лучше Авей закончит эту историю.

— Всё получается, — успокоил её Учитель. — Просто обстоятельства бывают сильнее людей.

— А можно, я ему помогу заработать для Женьки побольше денег? Ведь в те годы не одни бандюки и олигархи богатели. Чтоб не на чужой беде и крови.

— Такие возможности есть всегда, — подтвердил Учитель, — но даются не всем. Попробуй направить Парамонова в нужное время и нужное место.

1995. *Юрий снова приезжает в лесхоз. Но теперь его трудно узнать — он в дорогом прикиде, с красавцем-кейсом в руке, с золотой печаткой на пальце. И ухажёра Жору он тоже не признал — тот оброс, обрюзг, опустился до последней степени.*

ЖОРА. Ба, знакомые все лица! Фирма мэйд ин за граница? Снова к Женечке моей Пономарёвой заявился... Дай миллиончик — провожу.

ЮРА. Сам найду, спасибо, адрес знаю.

ЖОРА. Ну дай миллион. Что тебе, жалко, что ли, деревянных бумажек? А не то сейчас свисну — сюда пол-лесхоза с кольями сбежится. Дядя Жора быстро оциплет жар-птицу и поджарит.

ЮРА. Так ты тот самый Жора! Тогда на тысячу — только не провожай.

ЖОРА. Обижаешь, я не халявщик. А за пару кусков, так и быть, подскажу. Женька сейчас в конторе. Она у нас на бухгалтера выучилась — и теперь в лесхозе всем управляет. А контора — в другую сторону.

В правлении лесхоза было немного народу, и все сразу вышли, как только вошёл Парамонов. Женя осталась сидеть за столом, поскольку первая её попытка встать вышла неудачно. Он положил на стол кейс, сел напротив.

ЮРА. Это ты очень кстати выучилась на бухгалтера. Можешь пересчитать наличность. О, у тебя и сейф имеется! Он нам тоже пригодится.

ЖЕНЯ. Сколько украл?

ЮРА. Обижаешь. Пусть не совсем трудовые доходы, но вполне легальные. На купюрах нет ни крови, ни слёз обманутых владчиков. Видела по телевизору про партия Ленью Голубкова?

ЖЕНЯ. А того Мавроди арестовали, вроде...

ЮРА. Так это не от МММ... Во всяком случае, не совсем. Знакомьтесь, брокер Юрий Парамонов. И тут — законные сто миллионов. Нужно их взлохматить и потратить — по возможности с пользой.

ЖЕНЯ. Ты с ума сошёл. За два года ни разу не написал. И почему ты так уверен, что мы тебя с Антошкой ждали?

ЮРА. Не писал, потому что не было чего хорошего о себе сообщить. Крутился в Москве, как белка в колесе или, точнее, собачка Стрелка на орбите... Два года ушло на то, чтоб я мог без проблем оплачивать комнату в общежитии. Про снять квартиру — и не говорю. Вижу, ты тут в полном порядке?

ЖЕНЯ. Мать совсем сдала, работать больше не может. Ладно, успела меня сюда в правление воткнуть, пока лесхоз совсем не разворовали. Сейчас немного выправляемся, хотя по-прежнему на зарплату всем не хватает.

ЮРА. Вот и давай прикупим у лесхоза немного продукции. У бухгалтера работа появится, а мне, возможно, на коттедж брусово-образцовый хватит.

ЖЕНЯ. Ты у нас строиться решил?

ЮРА. Я для вас хочу дом новый. Если ты, конечно, не возражаешь.

ЖЕНЯ. Но мне не с кем больную маму оставить... И Антошка тебя совсем не знает. В общем, не знаю, что у нас получится. Может, эти деньги ты в Роскосмос отнесёшь? А они тебя туристом на станцию «Мир» отправят...

ЮРА. Космос — заветная мечта моего пионерского детства. Не надо на эту тему шутить! Я пять лет мечтал об этой минуте — а ты меня мордой об стол?

ЖЕНЯ. А ты убери со стола свои миллионы.

ЮРА. Женька, я серьёзно спрашиваю. Ты меня любишь? Мы будем вместе?

ЖЕНЯ. Не знаю я...

ЮРА. Ну и зараза же вы, Евгения Павловна!

Он выбежал из конторы. На улице все ещё стоял Жора с тысячной бумажкой.

ЖОРА. Слышь, командир, на фанфурик одной не хватит. Может, добавишь?

ЮРА. Где тут у вас магазин?

ЖОРА. Вам обручальные кольца? Так это в Волжск надо ехать.

ЮРА. Мне водки, и желательно побольше. Но лучше на троих.

ЖОРА. Неуль отшила? Госпожа Пономарёва у нас крутая стала — кому хошь рога отшибёт!

ЮРА. Жора, ты ходить можешь? Давай включай третью космическую.

ЖОРА. Третьего мы враз организуем. Вокруг сельмага завсегда алконавты крутятся!

ЮРА. Ну, Пономариха, я тебе устрою... Я повергну ваш лесхоз в беспробудное пьянство и алкогольный психоз! Жора, не отставай...

— Слушай, Мада, — встал с места Авей, — а давай его лучше в лес отправим?

— Зачем? Пусть на пилораме заброшенной ночует.

— Он вряд ли местных перепьёт, ведь те на самогоне выросли! Его ещё палёной водкой отравят... А у дяди Вовы на земляничной заставе Юрка отлежится. К нему туда Женька придёт — и они обо всём договорятся.

— Ну что ты со своим лесом пристал! — Мада встала из-за пульта. — Хочешь на свою заставу — крути сам!

Лес. *Полная темнота, гробовая тишина. Слышен кашель, потом мычание.*

ЮРА. Кто здесь?

ДЯДЯ ВОВА. Проснулся?

ЮРА. Где я?

ДЯДЯ ВОВА. Не пугайся. Мы в землянке. Ты что, не помнишь, как тебя сюда Женя привезла? Она тебе рассказывала — я дядя Вова.

ЮРА. А почему так темно? Тут окошек нет?

ДЯДЯ ВОВА. Сейчас ночь. Могу свечку запалить, да спичек мало осталось.

ЮРА. Тогда не надо... Что со мной было?

ДЯДЯ ВОВА. Сначала, говорят, ты пил недели две. На третью Женечка тебя подобрала и ко мне привезла.

ЮРА. А пить у вас есть?

ДЯДЯ ВОВА. Водки нет. В чайнике отвар из трав, но холодный. И не курю я.

ЮРА. Я тоже... Так вышло, знаете, когда на слабó — кто кого перепьёт. Все местные слабаками оказались. Ни один дольше меня не выстоял...

ДЯДЯ ВОВА. Молодец, не посрамил нашей альма-матер! Вот чай, поставь рядом с собой. Кружку держишь?

ЮРА. Спасибо... Так вы тоже из КАИ?

ДЯДЯ ВОВА. Я там теперь преподаю. На каникулы сюда уезжаю.

ЮРА. А Женька когда приедет?

ДЯДЯ ВОВА. Она не приедет. Сказала, как отлежишься, в себя придёшь — сам решишь, в какую сторону тебя проводить. На станцию или в лесхоз.

ЮРА. А вы как думаете?

ДЯДЯ ВОВА. Думаю, утро вечера мудренее. Поживи у меня с недельку. Сил наберись.

— В лесу сейчас хорошо, — улыбнулся Авей. — Ты Женьку сюда приведи. Только дядю Вову надо куда-нибудь отправить.

— Вот и займись своим дядей Вовой, — сказала Мада.

— Действительно, идея! Авей, можешь увести куда-нибудь с поляны дядю Вову? — спросил Учитель. — А Мада нашу пару в загс отправит. До конца урока осталось пять минут...

ДЯДЯ ВОВА. Кто тут?

АВЕЙ. Я здесь.

ДЯДЯ ВОВА. Неужто леший в прятки со мной играет?

АВЕЙ. А разве вы верите в нас?

ДЯДЯ ВОВА. Я не верю, я — знаю. У леса есть своя душа. А как её ни назови — лешим ли, Шурале или Шреком... Она всё равно умнее нас, людей. Ты где?

АВЕЙ. На голос иди. Хочу показать тебе что-то. Не бойся, не обману.

Юра вылез из землянки, услышав Женины шаги.

ЖЕНЯ. Не уехал?

ЮРА. Завтра дядя Вова собирается в Казань. Вот, думаю, с ним... Зойке привет передать?

ЖЕНЯ. Какой Зойке?

ЮРА. Твоей соседке по общаге. Уже забыла?

ЖЕНЯ. А ты её в Казани встречал?

ЮРА. Еле узнал. Бомжует на вокзале.

ЖЕНЯ. Да ты что! А мне говорили, Хасянова — вся в шоколаде. Дом трёхэтажный, полный гараж джипов...

ЮРА. Женишка её пришили свои же. Слишком крутым оказался. Дом и все, что в нём, на дальних родственников было записано. В общем, облом. Впрочем, так же, как и у меня... Тоже, что ли, в бомжи податься? Или здесь в лесу зазимовать...

ЖЕНЯ. В лешие решил податься? От Белого дома до землянки по-чёрному — за-видный путь!

ЮРА. А что, для нашего поколения — вполне типично. Понравилось мне на Земляничной заставе. Правда, что Антошка здесь ходить учился?

ЖЕНЯ. Дядя Вова научил. Где он, кстати?

ЮРА. Только что был на поляне. Что же сына не привела?

ЖЕНЯ. А ты действительно хотел его видеть? Фотографию принесла. Гляди.

ЮРА. Ты гляди... На Гагарина похож! Хорош... Зачем ты меня в лес затащила?

ЖЕНЯ. А что, слушать байки по всему лесхозу про твои пьяные подвиги — лучше? Антошке уже пацаны на улице наболтали, мол, папка твой приехал, на пилораме с алкашами водку пьянствует... Спасибо, про сто миллионов собутыльникам не рассказал. Я чемодан твой в сейф закрыла.

ЮРА. Он — твой. Меня отфутболила — а от денег зачем отказываться?

ЖЕНЯ. Я же не знаю, может, за твоим чемоданом братва сюда заявится.

ЮРА. Да сказал же тебе, мои это! Не ворованные, заработанные на бирже. Пока я тут от пьянства в лесу отхожу, наверное, ещё столько же там на счету накапало... Так что тот чемодан твой. Я ведь обещал тебе денег.

ЖЕНЯ. Мне не деньги, мне ты был нужен. И ребёнку отец...

ЮРА. А теперь, значит, не нужен?

ЖЕНЯ. А теперь Антошка папу-космонавта ждёт.

ЮРА. Ну не вышло из меня героя. Я в том виноват? Тогда убей меня за это!

ЖЕНЯ. Тебя мало убить. Ты сто раз мог вернуться. Но не вернулся. А мы сто раз могли тут помереть от голода — но выжили. И теперь у нас всё нормально. И больше не хочется лишних хлопот.

ЮРА. То есть — от ворот поворот. Прощай, Пономарёва. Что в этот раз ребёнку сочинишь?

ЖЕНЯ. Он с трёх лет про тебя спрашивал. Вот я и сочинила сказку про папу-космонавта. Как его в полёт готовят, как приходится своей очереди ждать. И вот мальчишка ждёт, что папа к нему прямо с неба на парашюте спустится.

ЮРА. Почему на парашюте? Из космоса в спускаемом аппарате обычно приземляются.

ЖЕНЯ. Так аппарат-то на парашюте... Что ты хочешь от маленького ребёнка, выросшего в лесу? Антошка запомнил слово «парашют» и всем мальчишкам рассказал... А ты помнишь, как я с тобой в аэроклубе с парашютом прыгала? Это был самый счастливый момент в моей жизни, Парамонов.

ЮРА. Теперь не прыгнешь? А то поехали бы...

ЖЕНЯ. Отпрыгалась. Мать не на кого оставить. Она уже не встаёт.

Звонит звонок, напоминающий хрустальный перезвон.

— Всё, — вздохнул Учитель, — запишите домашнее задание.

— Что, — спросила Мада, — пару поставите? Может, не надо в журнал?

— Ты всё в облаках витаешь, девочка. Двум хорошим людям жизнь поломала. И что тебе за это прикажешь ставить?

— Как я могу приказывать, Учитель? Я всего лишь прошу. Помогите им, пожалуйста, — заплакала Мада. — Они же не виноваты, что я двоечница. В самом деле, мне так было трудно. Они совсем ничего не хотят понимать...

— Что ты от них хотела! Они же маленькие, несчастные... И не всегда у них получается быть такими же умными, добрыми и чистыми, как твои облака. Одним облаком можно целый город накрыть, — Учитель подошёл к экрану. — Так и быть, закончим эту историю красиво.

Финальный танец облаков. *Над лесхозом на закате кружит пароплан. Антонина Ивановна Пономарёва с трудом выходит на крыльцо.*

МАТЬ. Женька, ты где? Слышь, жужжит!

ЖЕНЯ. Мама, ты зачем встала? Тебе нельзя...

МАТЬ. А где Антошка?

ЖЕНЯ. С мальчишками на площадь побежал. Говорят, парашютист туда сядет.

МАТЬ. Неуль твой баламут опять! Женька, что же делать?

ЖЕНЯ. Ты уже всё сделала. Мы сами как-нибудь, ладно?

— За подснежники спасибо, — сказала тихо Мада Авею. — И за подсказки.

— Все закончилось, как в сказке, — улыбнулся Авей. — А как у нас?

— А у нас все будет, словно в песне, — ответила Мада. — Ты мне её напиши.

СЫН (*бежит по улице*). Мама! Мама! Парашют! Папа прилетел!

МАТЬ. Смотри, Женька, теперь мужика не упusti. Послушай мать...

ЖОРА (*остановился у забора*). На третий круг пошёл. Только купол у него какой-то странный — не белый и не круглый.

ЖЕНЯ. Крыло у пароплана обычно прямоугольное.

ЖОРА. Ты гляди — прямо алые паруса! Прилетел к своей Ассоль... Карлсон долбанный с моторчиком. Евгения Павловна, может быть, примем его в лесхоз обходчиком? Точнее, облётчиком. С таким пропеллером он пятерых наших лесников переплюнет.

МАТЬ. Как низко летит. Он нам антенну на доме не зацепит?

— Жалко её маму, — тихо сказал Авей. — Мне кажется, она скоро умрёт.

— Улетит на небо, — ответила Мада. — И будет на них глядеть с облака.

ЮРА (*поёт сверху*). Антошка! Антошка! Пойдём копать картошку...

СЫН (*подбежал к Жене*). Мама! Мама! Папа на пугательном аппарате прилетел, как ты сказала. Он сесть на нем сможет? Я боюсь. Вдруг он разобьётся!

ЖЕНЯ. Не бойся, миленький. Наш папка обязательно приземлится. Слышишь, он тебя зовёт. Пойдём его встречать.

§ 27

Парапсихология — наука жить в паре. Когда человек научится думать и чувствовать себя в семье (ячейке общества) единым целым, ему будет легче встроиться в более крупные социальные сети. Для чего это нужно? Чтобы постепенно, ступень за ступенью, научиться сочувствовать и со-радоваться вместе со всеми людьми, со всем живым на Земле, в том числе с самой планетой, наконец, со всеми жившими прежде — и всей Вселенной.

Обратная задача — разделить людей по расам, языкам, полам и прочим признакам, разрушить семьи, родовые связи, чтоб индивидуум перестал ощущать единство с семьёй, родиной (деревней) и был только «сам за себя». Такого легче заставить думать и поступать, как выгодно закулисью. Такими легче манипулировать. Человек сам решает, на чьей он стороне в этом вечном поединке.

(Примерно так записано в § 27, который Мада не прочитала.
За точность текста не ручаюсь — автор).

ВАЛЕНТИН СОРОКИН

ОБЛАКА УЙДУТ

Облака уйдут за горизонт
И опять,
Невыразимо знойный,
Развернётся и повиснет зонт,
Солнечный, над Родиной спокойной.

Самолёту путь и кораблю,
Журавлю и страннику открытый,
Сто дорог!..
А я тебя люблю
На тропине, той, не позабытой!..

Храм звонит – себя побереги,
Храм звонит – храни меня едино:
Радонежье!
Сергия шаги!
Русским светом полнится долина!

Поцелую, молча обниму –
Стон счастливый!..
Ветер!..
И созвездья!
Сеющие ненависть и тьму
Приближают скорое возмездье.

К сумеркам грустнеют небеса,
Птицы тихо в травы опустились,
Ну зачем, зачем твои глаза
На моих, дрожа, остановились?

Видишь, обелиски и кресты,
Видишь,
Избы на старух похожи,
Это – мы с тобою, я и ты,
Это – свет и Сергей!..
Боже!..
Боже!

ГОЛУБОЕ ОЗЕРО

Очень неширокое, недлинное,
Только слава про него былинная.
В нем, я слышал, круглые года
Голубая добрая вода.

Ночью серебристая форель
Тишину пронзает, как свирель.
И свою робеющую тень
За собой ведёт лесной олень.

Не гремит сурово якорями,
Не грозит погибельной волной,
Но зато со многими морями
Озеро поспорит глубиной.

ЗОЛОТОЙ ВЕЕР

Золотые листья осени,
Что случилось, в самом деле:
Вы меня совсем забросили –
Поднялись и улетели.
Ну а я, с тоски и голода
По моим полям великим,
За стеной бетонной города
Снова стал угрюмоликим.
Солнце прячется на Севере,
День прощальней и короче.
В золотом осеннем веере
Слышу оклик я из ночи:
Это мама вещим голосом
Преграждает путь к бездню
И мои седые волосы
Гладит бережно ладонью.
Много ей страданий выпало, –
Мама, мама, в Поднебесной
Нас, поэтов, столько выбыло
По тропе своей отвесной.
Посмотри, она не рушится,
А над нею листьев стая,
Чуть меня касаясь, кружится,
Золотая, золотая!..

* * *

Целовала, пела, торопилась,
Радостью одаривая, жгла.
А теперь в туманах растворилась
И совсем из памяти ушла.

Но тревожат серые, большие,
Русские отважные глаза.
Неужель теперь они чужие,
Как в чужих дорогах небеса?!..

Если мы с тобой обыкновенны,
Муками страданье не купить.
Неужель клянутся для измены,
Ну а любят, чтобы разлюбить?

Не летит в ночи над речкой пламя,
Не зовёт призвания страда.
Разве ты не слышишь, как над нами
Умирает медленно звезда?!..

Шорохи, серебряные стоны.
На ветру колышется полынь.
Уплывёт лицо твоё в затоны,
В тихую дремотную теплынь.

* * *

Сад весенние свеи колышет.
Растворилась в тумане метель.
И душа воскрешённая слышит,
Как звенит и рыдает капель.

И душа воскрешённая верит:
Скоро, скоро, в сверкающий дождь,
Распахнёшь ты знакомые двери
И ко мне, улыбаясь, войдёшь.

Будет солнышко таять и литься.
Будут реки полны серебра.
Будет встреча до полночи длиться,
Ну а с полночи – вновь до утра.

Ненасытную лаской забытья,
Поцелуями, трепетом рук
Ты захочешь, упавшая птица,
Прямо к сердцу приникшая вдруг.

Голос юности, звёздные годы,
Горе памяти, дерзость и страсть:
Эти русские крылья свободы
Не дадут нам и в бездне пропасть!..

АНТОНИНА СПИРИДОНОВА

СВЯТКИ

Золотою буквицею солнце
На лице небесном просияло.
До рассвета девица по блюдцу
Наливное яблочко катала.

В старину над святочным гаданьем
Склонится головка золотая,
Губы шепчут милому признанье —
Пропадаю, ладо, пропадаю...

У всего свой час, своя причина.
Новый век, он многое меняет,
С ноутбука шлёт теперь дивчина —
Пропадаю, ладо, пропадаю...

Провода гудят от напряженья,
Но всё так же всходит за оконцем,
Улыбаясь разным поколеньям,
Золотою буквицею солнце.

* * *

Природу-кошку гладит Бог
По нежной спинке,
И в небесах переполох,
Летят дождинки
К земле, дрожащей от любви,
Грома грохочут.
Всем хватит серебра. Лови!
И пей, кто хочет!
И радуга среди дорог
Взошла над полем...
Природу-кошку гладит Бог,
И сам доволен.

ЖАРА 2010

Нынче выдалось лето жаркое,
Колос не дорос, поле жалкое.
Поле хлебное, а за ним погост,
Древние кресты, травы в полный рост.
Дедам-прадедам поле жалится –
В трещинах земля, солнцем палится...

Хорошо, когда под рукой вода,
В доме есть еда и тепло всегда.
Соберёшь семью за одним столом,
Молодеешь сам, молодеет дом.
От него к земле корни тянутся.
Пока дом стоит, Русь останется.

Но пришла беда и оброк взяла,
Всё село кругом – чёрная зола...
Испекла беда каравай ржаной,
Замесила хлеб на крови живой...
Не сгорел хором губернатора,
В крае главного демократора...

Уцелел дворец на пожарище,
Был приказ – тушить всем товарищам,
Поглотит огонь дачу царскую,
С кресел полетят зады барские...
Вся страна горит, до Кремля дымит.
Ядовитый смог над Москвой висит.

Под державною мы заботою,
Круглосуточно морг работает...
Защити живых, Богородица,
Ниспошли нам дождь, –
церковь молится.
Обещает царь выдачу рублей,
И дома к зиме, и приход дождей,

Даже нового губернатора
Вместо старого вороватого.
Царь посулами не откупится.
За простой народ Бог заступится.
Упадёт зерно в землю влажную...
Не простит народ власть продажную!

НАТАЛИЯ ЯСНИЦКАЯ

АВТОПОРТРЕТ

Завяжу я волосы травяным узлом,
Распишусь под тучею золотым пером!
Дождь прольётся ведрами – соберу в горсти,
Тяжело ладонями целый дождь нести...

* * *

Загасив свечной огарок,
и, спружинив в темноту,
к полусводам сонных арок
прикасаюсь на лету.
И звенят-звенят стекляшки
звёзд, подвешенных в ночи,
будто в скважине замочной
кто-то пробует ключи.

ОБЛАКА

Значит, так и суждено нам
Плыть, как этим облакам,
Ветром в небе удлинённым,
И надорванным слегка.

То сжимаются в объятьях,
То расходятся вдали
Наши ветреные братья –
Неземные корабли...

* * *

Зима. Снега и снега,
И неба портал подвесной.
Снежинок парча дорога,
Но пахнет уже весной.

Отмерено полпути,
А сердце волнуется вновь,–

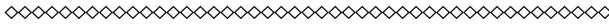
Успею ли я дойти
Туда, где живет любовь?

ГРОМ

«Вначале было Слово...»

Гортанное грассированье грома –
Не формула, скорей, а аксиома
Священного служения с дождём.

По буквам разложив раскаты в слово,
В молитву – тайный код всего живого,
РОДИЛСЯ ДЕНЬ. А мы всё чуда ждем...

ОЛЬГА БЕДНАЯ

* * *

Поэтессу любить бесполезно.
Поэтессу любить ни к чему.
У неё что ни слово – железо,
За которое садят в тюрьму.
Ночью лампы горят беспрестанно,
Днём от спущенных штор полумрак...
Но мужик, как она, окаянный
Отыскался и любит «за так»
Всю неправильность женщины этой
И решёток тюремных запрет.
От него прибавляется света,
Уменьшается дым сигарет.
И представьте, рождаются дети,
Белокурые, точно, как он.
И рябины кудрявые ветви
Окружают их маленький дом...
Бесполезность любви остаётся,
Как синица в горячей руке,
А перо журавлиное вьётся
В небесах и в последней строке:
Поэтессу любить бесполезно!

* * *

На лавке в электричке спит дитя:
Русоволосо, мягко, неподвижно.
В нём слиты наши будущие жизни,
И прошлое сплетается, шутя.

А электричка трудится всюю –
Везёт дитя по сказочным просторам.
И прибавляет, прибавляет скорость,
Пересекая света полосу.

А мать дитя погладила рукой,
Отец прикрыл зелёным одеялом...
И вдруг тепло всему вагону стало.
И в душу каждого вошёл покой.

* * *

Ах, как бы мы спали,
Прижавшись друг к другу.
И солнце бы шло по законному кругу.
Луна бы свои исполняла законы,
И мерно по рельсам стучали вагоны.
Но ты остаёшься, а я уезжаю
И руку твою отпускать не желаю.
И солнце к закату.
Луна – одиночка
Бежит за вагоном
Оранжевой точкой.
Вагонные окна промыты до блеска,
Колышется вышитая занавеска,
Купейная дверь открывается мягко...
И нету ни боли, ни грусти, ни страха.
Лишь рук твоих сила
И нежности стоны
Навек отменяют
Земные законы.

ОЛЕГ СОЛДАТОВ

ПОД РЯЗАНЬЮ

В путь

В августе, после яблочного Спаса в местах под Рязанью красоты необычайные. Как не сорваться, не сбежать от городской кутерьмы? Чуть светает — оставляем сонную столицу, небоскрёбы и супермаркеты, и вот уже поток машин редет, дорога узится, лишь мотор урчит, да шуршат по асфальту колёса.

Мы вдвоём, я и приятель — хлебосол и добряк. За разговором дорога короче. Час и другой пролетели незаметно. Свернув с шоссе, минуем укрытое туманом поле и рощу, катим по усыпанной выбоинами деревенской дороге. Вдоль обочины важно прохаживаются пугливые куры. Из-за низких дощатых штакетников поглядывают с затаённой надеждой местные огородники: не покупщики ли пожаловали за огурцами? Отдадут почти за бесценок — в разы дешевле, чем приведётся купить в Москве. Земля тут что пух, чёрная, как смоль, воткни палку — зацветёт и палка. Без всяких теплиц и парников, без которых севернее Москвы и думать об урожае забудь, здесь собирают по осени такое богатство, что любо-дорого.

В деревне больше ста домов — рассыпались по холмам, полого сходящим заливыми лугами к разрукавистой Оке. Нижние этажи — кирпичные, штукатуренные и белёные, стены толстые, оконца маленькие крест-накрест, с расчётом на зиму, внутри царствует русская печь; верхние — деревянные, под мансарду.

Хозяйство

По укатанной щёбёнке взбираемся к нашему пристанищу. Разводим потемневшие деревянные ворота, хозяйка-старуха семенит навстречу из сеней. Две серо-полосатые кошки трутся у ног.

— Привет, Никандровна! — Старуха улыбается в ответ, сотня морщин бежит по лицу.

— Газ кончается, скока банок накрутила, электричества четыре дни не было, вчера только дали, — жалуется она.

— Пойдём смотреть хозяйство, — приглашает приятель.

За домом огород и сад. Тыквы, кабачки, патиссоны, помидоры и, конечно же, огурцы. Чуть поодаль, у ограды — кряжистые яблони клонят отяжелевшие ветви. Тут и Штрифель, и Антоновка, и Белый налив...

— А вот эти, — говорит приятель, указывая на молоденькие пяти-шести летние деревца, — я недавно посадил. И вишь, что делается!.. На каждой ветке россыпь. Вкусные, черги, до уюса! Зимостойкий сорт...

Срываем по яблоку, пробуем с хрустом, сок так и брызжет... Кабы не утро, пора бы и за приезд... под прохладное яблочко...

На рыбалку

Надеваем высокие сапоги, облачаемся в одежку попроще, прикапываем червей тут же в огороде, хватаем удочки, ведёрко и шагаем к реке. У тропинки приятель подбирает с земли солидный осколок кирпича.

— А это ещё зачем? — спрашиваю.

— Увидишь.

За соседскими огородами — луга. Чёрная мохнатая коза на привязи, жуёт, потрясывает бородой и со вниманием провожает нас глазами.

Взбираемся на земляную насыпь, протянувшуюся вдоль берега в обе стороны сколько хватает глаз. Что за бруствер? Рельсов нет...

— Была, говорят, здесь узкоколейка в стародавние времена, — объясняет приятель. — Может, лет сто назад, а может, и меньше... То ли лес возили, то ли зеков — дела тёмные...

У воды продираемся сквозь высокий хмель. Дрожат пухлые шишки, цепляют одежду и выются зелёные побеги. Чем не джунгли? Тут бы и мачете пригодился. Впереди за осокой поблескивает Ока. Напротив — заросший бурьяном и диким лесом остров.

— Я зимой по льду ходил туда, — кивает приятель. — Половить хотел на мормышку. Поймать — ничего не поймал, а на обратном пути провалился по поясу. Лёд возьми и тресни. Течение здесь приличное, да и морозило не слабо... Хорошо ещё, что я в резиновом комбинезоне — сапоги со штанами... Правда, дырявые они оказались. Так что всё одно — вымок. Пока домой шёл, ветром прихватило... С тех пор поясницей маюсь...

Донка

На манку ловим верхоплавков, для живца. Приятель загодя «заварил» её дома. Осторожно щепкой «наматываем» кашу на крючок. Закидываем на метр-два от берега. И вот уже в ведёрке бьются несколько уклеек и два колючих ёршика. Этих «скользунув» пока стащишь с крючка, исколешь все пальцы.

Приятель обматывает кусок кирпича бечевой, к ней привязывает несколько метров резинового шнура, к свободному концу крепит леску и протягивает кирпич мне.

— Бросай что есть силы, чем дальше — тем лучше...

Метать гранату нас учили ещё в школе. Широко размахнувшись, кидаю дальше середины протоки, хоть поначалу казалось, заброшу и на тот берег... Но кирпич тяжёл и летит совсем не так, как я задумал...

— Это ничего... Главное, чтоб лег правильно. — Приятель осторожно тянет леску и следом вскоре вытягивает на берег и кирпич. — Давай ещё разок, метров на пять левее.

Как бы не сорвать руку. Беру левее. Кирпич летит ещё дальше. Пробуем — есть натяжка.

— Заарканился, — определяет приятель. — Коряк на дне хватает.

Крепим поводки, насаживаем пойманных живцов. Отпускаем плавно, и резинка утягивает всю конструкцию в воду.

Приятель крепит конец лески к прибрежному ивняку.

— Главное теперь, чтоб другие не заметили. Тут охотников много...

Маскируем леску осокой и идём по берегу вдоль течения. У старой ракиты гудят сердитые шершни, до нас им нет дела. Барражируют низко над протокой к острову и возвращаются обратно в дупло.

Краснопёрки

Под серым небом в лёгкой дымке раскинулась болотистая гладь. Над пеленой невдалеке выступают лес и холмы. Тихо и безветренно. Под ногами хлопает вода, перебираемся с кочки на кочку.

— Там заводь, — говорит приятель. — В прошлом году я два ведра краснопёрок надёргал. Правда, закидывать далеко, а ближе не подойти — топь.

Приятель указывает на прогалину среди осоки и кочек, размером с приличное корыто, метрах в десяти от нас. У меня удочка шесть метров, но попадаю я не сразу. Повезло ещё, что обошлось без серьёзного зацепа. У приятеля пятиметровая, но рыбак он матерый, закинул с первого раза, поплавок качнулся и встал рядом с моим. Теперь только успевай следить, чтоб лески не перепутались.

Пошла поклёвка, подсёк он, я следом. Трепыхнулись в воздухе и забились в траве парочка красавиц с рубиновыми плавниками. Каждая величиною с ладонь.

— Я это место открыл, — говорит приятель. — Никто больше не знает. Бродил как-то раз — нигде не клюёт, думаю, дай заброшу, местечко уж больно привлекательное — и два ведра только так!

Два не два, а полведра мы наловили, пока я не «развесил» по осоке все запасные крючки.

Кошки

На закате возвращаемся к дому.

У ворот нас встречает дымчато-полосатая кошка. Мурчит, танцует у ног, трётся о ведро и сапоги.

— Чует улов, — говорит приятель, усмехаясь. — На, полакомись. — Он достаёт из ведра и кидает ей рыбёшку.

В два прикуса проглотив добычу, попрошайка вновь вертится под ногами.

— Однако же вот это скорость, — поражаюсь я.

— Да уж, — соглашается приятель, — это тебе не городские домашние. Тут не успеешь съесть сам — другие мешкать не станут. Их в округе хватает. Там вон, за садом, Черныш живёт — громадный котяра, злощий, я и то его иной раз побаиваюсь, особенно в темноте. У соседей — рыжих целая орава. А кот ихний, Васька — по всей деревне ходок. Они с Чернышом, понятно, не в ладах. Тот ему ухо порвал. Борьба у них нешуточная, с боевыми песнями и кличами — ночью заслушаешься. Усядутся друг против дружки, раздуются, будто шары меховые, и орут на все лады. Я утром на рыбалку иду, встречаю частенько рыжего — морда свежерасцарапана, ухо рваное, а взгляд такой — лучше не подходи...

Сосед

Вечером за ужином стук в окно. Приятель вышел в сени. Слышен приглушённый говор:

— Да я... того... по-соседски... чтоб, ну, как говорится... может, надо чего... значит... ежли что...

Голос низкий, клокочущий, словно бы самою утробой говорит человек. Выглядываю в сени. Вижу: топчется кто-то. Мятая кепка, потёртая куртка, брюки пузыряются на коленках, заправлены в кирзовые сапоги. Приятель достаёт из шкафчика лафитник, откупоривает. Человек выпрастывает кисть руки из обшлага рукава. Рука искорёжена, словно изжёвана диким зверем.

— Будь здрав, хозяин... — В три глотка, коль считать по ныранию багрового кадыка, стакан пуст.

Хлопнула дверь.

— Кто это? — спрашиваю.

— Сосед — Колька Король. Тракторист. С прошлого месяца гуляет... Года три тому назад курнул возле бочки с солярой, полыхнул как свеча, насилу потушили, думали каюк — доктора, и те открестились. Ан нет, выкарабкался. И снова на трактор. Сколько переворачивался, и в кюветы, и с моста в пруд, скольких кур передалвил... Дороги тут узкие, извилистые... А Колька трезвым не бывает... Он и привлекался по пьянке. Завернул как-то с дружкой в продмаг, а там закрыто. Непорядок!.. Стучали, стучали — не открывают. Ну и вышибли дверь. Не беда, что два часа ночи... И ничего ж не взяли окромя портвейна...

Налим

Утром идём проверять донку. Вытягиваем. На первом поводке ничего, и на втором пусто, на третьем добыча — налим поменьше локтя. Серебристый в крапинку, на подбородке ус вьётся. Определяем его в ведёрко. С последнего поводка сняли обглоданного живца.

— Этого, видать, щука брала, — определяет приятель. — У меня был такой случай: сначала живца взял щурёнок, а того после взяла крупная щука, да проглотить не смогла... Так я их обоих и вытянул.

Натягиваем леску, обрезаем по краю... Сколько ещё на дне покоится бульжников и кирпичей — одним ракам ведомо. Но только пока мы шли вдоль берега, с десяток чужих донок повстречали.

Щуки

Берём резиновую лодку, вёсла, спиннинги. Блёсны — гордость приятеля — из столового серебра.

— Свадебный подарок, — хвастает он. — Я тотчас понял, на что ложки годны. Блёсны из них такие, что щука берёт, не раздумывая... Последние, вот, две остались. Жена сперва в крик, но потом простила. Что рыбак, говорит, что охотник — один чёрт — сумасшедшие. Только охотники — буйно помешанные, а рыбаки — тихо.

Спускаем лодку в русле Оки. Петляем по заводям, среди осоки и камыша. У меня катушка японская, шесть подшипников, а у приятеля самая простая — барабан алюминевый. Блёсны у меня покупные, пусть, думаю, он сам своё серебро топит. И точно, первую блесну зацепил мой приятель, со дна не выдернул. Но, видно, кто последним рискует, тому и везёт. На вторую блесну взяла щука с приличное полено. Долго приятель её водил, наконец, подтащил к борту, подхватил рукой за жабры и перекинул в лодку. Там уж мы её черпаком усыпили. Килограмма на три рыбина. Блесну вынули. Приятель прямо ей в зубастую пасть плюнул — это, говорит, примета такая, чтоб рыбалка задалась. Кидаем опять. Окуней не считаем. У приятеля вторая щука, поменьше. На этот раз вынимаем её подсачеком. Ловим дальше. Приятель жереха подцепил, а у меня ничего.

— Дай, — говорю, — я с твоей стороны заброшу.

Он усмехается.

— В блесне всё дело.

Наконец и мне везёт. Щучка небольшая, килограммовая. Но тоже — трофей. Выгребаем к берегу. Лодка маленькая, едва двоим уместиться. А уж такой компанией совсем тесновато.

* * *

Внутри квартиры городской
 не различить зимы и лета,
 а тянет нынче к краю света,
 где Млечный путь кривой дугой
 над светлячками дачных окон.
 Там тысячи пахучих, жёстких
 плодов бессонных яблонь волжских,
 перерождаясь в банки сока,
 встают на полки погребов —
 к солёным огурцам, варенью...
 и пахнет луком и смиреньем,
 и к заморозкам сад готов.
 Взмывая вверх, идя в пике,
 две бабочки ночные бьются,
 во тьме любовники смеются,
 собаки лают вдалеке...
 Как мы друг другу надоели!
 А всё же — можно поручиться —
 всё это было в самом деле,
 и, может быть, ещё случится.

* * *

сложно любить людей а некоторых особо
 и не то чтобы вид у них или характер не тот
 но придет однажды к тебе просветлённейшая особа
 и стесняясь расскажет какой ты вообще урод
 и не то чтоб ты сам-то себя выставлял святошей
 но обидно ей Богу и думаешь ну и ну
 а хотелось со всеми дружить и вообще хорошим
 быть хотелось... ну ладно...
 а письма я все верну...

* * *

Мне до тебя расти и расти —
 наверное, в этом фокус.
 Когда говоришь: «Ну, прости, прости...»,
 я требую новый глобус —
 мне нужен маленький, золотой
 с каёмочкой голубую,
 ведь я же лучше вон той,
 и той, и всех, кто бывал с тобою.
 А ты улыбаешься, как дурак,
 родной и неповторимый,
 и ты говоришь: «Ну, зачем ты так...
 давай успокойся, Каримова»...

ГАЛИНА ДУБИНИНА

* * *

Ты спешишь – у тебя жена,
У меня же в друзьях вольный ветер,
Дома – холодом обожжена,
А на улице он приветит.

Обласкает и закружит,
Унесёт, отогрев, под деревья,
В кронах шёпот листвою ворожит
Лёгким вздохом его: «Ты верь мне!»

И на зов откликается слух,
Окунаясь в воздушность стихии,
Где России свободный дух,
Словно дань собирает стихи ей.

Этих звуков не расплескать,
Я их все согреваю Светом,
У тебя – жена: приласкать,
У меня – судьба: быть Поэтом!

* * *

Узоры вычерчу стихов
И вышью песнь веков о вечном.
Нижу, нижу я жемчуг слов
На нить в потоке бесконечном.

И по канве каскад миров
Читаю судьбами поэтов,
Ищу незыблемых основ
В предощущенье Божьем света.

Гадаю рифмами стихов,
Метафоры тасую, тропы,
И лунный след скользит во вновь
Образовавшиеся строфы,

Что, от меня сбегая прочь,
Пьют звёздный свет, и с силой новой
Судьбой Поэта правит ночь,
В слиянье с ним рождая Слово.

РОССИИ

Какое Слово мне найти,
Чтобы беду твою утешить,
Унять, руками развести,
От росных губ и глаз отмежить.
От родниковой синевы,
Весной сбежавшей с косогора,
Отлить всю суетность молвы
В потоке жгучего укора.

Какое Слово написать,
Чтоб улеглись полей печали,
Чтоб каждый шаг оберегать,
Дорог минуя горьких дали...
Касаясь взором стёртых ног
Деревьев, жмущихся к забору,
Взойти на дедовский порог,
Встречающий в любую пору.

Какое Слово мне напеть,
Древнейших тайн открыв страницы,
Чтоб душу Родины согреть
Под вздох домашней половицы.
О, если бы вела меня
Над Миром неземная сила,
Россия, деточка моя,
Я б на руках тебя носила.

ОЛЬГА КУЗЬМИЧЁВА-ДРОБЫШЕВСКАЯ

ПТИЦА

Весна. Ясное утро. Буйно цветёт сад, наполненный радостным щебетом птиц, влажным, сладковатым запахом земли и зелени после ночной грозы.

Ты и я — в загородном старинном доме с высокими мраморными колоннами, огромными арочными окнами, распахнутыми настежь.

Стою у окна. Ветерок развеивает моё длинное белое платье. Распущенные волосы нежно щекочут лицо. Я улыбаюсь и смотрю на тебя.

Ты тоже в чём-то светлом. Стоишь, прислонившись к косяку открытой двери, тихо поскрипывающей от сквозняка. Ты улыбаешься и смотришь на меня.

Молчим. Словно боимся, что нечаянное слово спугнёт небывалое счастье, вместе с утренней свежестью волнами разливающееся по комнате. Мы тонем во взглядах друг друга и растворяемся в дыхании пространства, будто две вольные реки, влившиеся в огромное море, имя которому — Любовь.

Мы радуемся: друг другу, солнечному утру, отдохновению после страстной ночи. Мы наконец-то вместе...

Вдруг в комнату влетела птица. Метнувшись под высоким потолком в один угол, в другой, она села на зеркальный паркет, как раз посередине между мной и тобой. Раскрытый клюв и трепетание крыльев выдавали то ли испуг, то ли напряжение от неожиданно завершившегося стремительного полёта. Она бросала короткие взгляды то в мою, то в твою сторону, будто хотела сообщить что-то важное.

Мы замерли, глядя на ворвавшееся чудо: птица — чуть больше голубя, её оперение похоже на золотые чешуйки, ярко горящие в косых полосках света, а глаза — на большие стразы с быстрыми стрелами огня, вырывающимися из глубинной синевы.

— Я сейчас её поймаю, — громко шепнул ты.

— Не надо, — возразила я.

— Почему?

— Не знаю...

Я медленно присела на корточки, чтобы хоть как-то приблизиться к птице. Клюв её был уже плотно сжат, пёрышки перестали дрожать. Она повернулась, сделала несколько шажков мне навстречу и замерла, вслушиваясь в тишину, которая неожиданно заглушила собою все звуки. Затих и сквозняк. Я не шевелилась и, кажется, не дышала... Ещё несколько шажков... И вдруг птица вспорхнула и села мне на колени. Тогда я осмелилась слегка её погладить. Она спокойно приняла мои прикосновения. Тогда я нежно обняла её ладонями. Птаха доверчиво поджала лапки и легла мне в руки, как в колыбель. Живое тепло разлилось под пальцами, и я почувствовала

нежное, но настойчивое биение сердечка. Ещё мгновение, и это биение пульсом передалось мне в вены...

Я встала, бережно прижимая нечаянную гостью к груди, повернулась к ясной голубизне в окне, вытянула руки вперёд и раскрыла ладони. Птица оглянулась, бросив мне в сердце жаркие синие стрелы, и улетела.

Снова потянуло душистым сквозняком. Зашелестела листва. Зазвенели пичуги. Тихо скрипнула дверь.

- Что это было? — задумчиво произнёс ты.
- Не знаю, — так же ответила я и вышла в сад.

- Ты далеко? — взволнованно спросил ты.
— Не знаю... — так же ответила я.

В МОРОЗНЫЙ ДЕНЬ

Зима нынче суровая, многоснежная: трудно передвигаться по городу не то что бы пешком, но и на машине — высокие сугробы, глубокие колеи...

А вот птицам, кажется, всё нипочём. Порхают с ветки на ветку, от дерева к дереву... Однако раньше я никогда не замечала голубей, высоко сидящих на деревьях. Всё чаще они смело прогуливаются по дорожкам под ногами прохожих, а иногда садятся прямо на ладони сердобольных горожан, благодарно принимая крошки и семечки. И вверх взмывают лишь для того, чтобы отдохнуть на подоконниках или спрятаться под тёплыми крышами. А тут сидят — крупные, нахохлившиеся — раскачиваются на ветках рябин и диких яблонь, прогнувшихся под тяжестью солидных гостей.

И ведут себя птицы странно: настороженно озираясь по сторонам, тянут шеи вниз, при этом неуклюже взмахивают крыльями, чтобы удержаться на ветках сверху. Зачем? Оказалось, голуби приступили к зимней трапезе, склёвывая мелкие яблочки и сладкие ягоды рябин, как это обычно делают воробьи, снегири да синицы. Только маленькие птички легко переворачиваются вверх лапками и, зависая под прутьями, проворно расправляются с лакомством. А голубям такая акробатика не под силу — привыкли они уверенно ходить по земле. Но, похоже, суровая зима пробудила в городских птицах давно забытые повадки предков.

Я ШАГАЮ ПО КАЗАНИ

ВЛАДИМИР КУРАШОВ,
*профессор, заведующий кафедрой
философии Казанского государственного
технологического университета*

УДЕРЖАТЬ КРАСОТУ

Когда встаёт вопрос о сохранении зданий, представляющих архитектурную, культурологическую и историческую ценность, всегда возникает желание удерживать *красоту*, хотя бы в её фрагментах.

Каждый современный город решает две актуальные проблемы. С одной стороны, ни одно поселение не может оставаться в одних и тех же границах, а его обитатели не могут проживать в одних и тех же домах. Словом, любой город должен обновляться, чтобы выжить в новых условиях, и важными факторами его развития являются возрастание плотности населения, увеличение объемов коммуникаций и средств передвижения.

С другой стороны, у каждого города есть своя история, без сохранения которой он не сможет существовать. Казань уже не будет Казанью, а Москва — Москвой, если в них будет уничтожена большая часть архитектурного наследия. Более того, если не сохранять в себе и вокруг себя прошлое, то изменятся и сами жители городов: казанцы уже не будут казанцами, а москвичи — москвичами по культурному духу.

Сказанное показывает сложность и, можно сказать, диалектичность проблемы развития современных городов, но ни в коем случае не оправдывает сокрушение их исторической части, порой доходящее до уровня примитивного вандализма. Много не только можно, но и нужно реставрировать, восстанавливать и сохранять во времени.

Идея книги-альбома «Деревянная архитектура Казани» родилась из сформулированной мной когда-то житейской мудрости: «Человек говорит себе: «Всё пропало!» намного раньше, чем когда действительно всё пропало. Друг ещё не покинул вас, поезд ещё не ушел, дверь ещё не закрыта, жизнь ещё не окончена». Лет тридцать назад, прогуливаясь по тем местам Казани, где родился и вырос, я начал фотографировать, а затем и систематизировать снимки казанских деревянных построек и их элементов: резных наличников, карнизов, «полотенец», слуховых окон. В результате появился краткий сюжет по телеканалу «Эфир». А затем на официальной встрече 23 сентя-

бря 2003 г. с Президентом Республики Татарстан М. Ш. Шаймиевым (по поводу присуждения работникам нашей республики государственных наград) я высказал пожелание о бережном отношении к облику Казани в части её деревянной архитектуры. Президент отнёсся одобрительно, так как уже и сам обратил внимание градоначальников на необходимость сохранения интересных деревянных домов в районе мечети Марджани. Всплеск одобрительных отзывов о нашем проекте вызвала публикация Т. Мамаевой «У дома было доброе лицо» (газета «Время и деньги», 26.07.2007). Проект был поддержан Министерством культуры Республики Татарстан, получил одобрение и высокую оценку министра культуры РТ З. Р. Валеевой.

Отеческие предания даны нам не только в слове, но и в музыке, в изобразительных искусствах и, конечно, в архитектуре. Красота — единственная из платоновских идей, которую можно созерцать непосредственно, причём воспринимать одновременно и умом, и чувством. Другие мирозданческие идеи менее доступны.

Без памяти невозможно ни самосознание отдельного человека, ни самосознание народа. Сохранение памяти и является идеей нашего издания, его позитивной задачей. Необходимо сохранить, по крайней мере, на уровне фотодокументов, искусство деревянных построек. Мы надеемся, что лет через 30–50 кто-то из архитекторов найдёт наш альбом и на его основе сможет что-либо воссоздать в реальном пространстве городской среды. Что же касается сегодняшнего дня, то вполне возможно, и более чем достойно, сохранить часть домов деревянной архитектуры, а также заново отстроить в исторически старой части города небольшую улицу с тремя-пятью зданиями по каждой стороне, которые по своей архитектуре будут напоминать нам удивительные здания уходящей деревянной Казани.

В издании представлены фотографии, сделанные в 2001–2009 гг. Они систематизированы по историческим названиям слобод Казани (особо выделена *Центральная часть*, по сути это расширенный посад).

Адмиралтейская слобода — название, происходящее от места расположения Казанского адмиралтейства, созданного по указу Петра I;

Академическая слобода получила название от Казанской духовной академии;

Суконная слобода получила название от Суконных мануфактур, учреждённых Петром I;

Архангельская слобода — от церкви Михаила Архангела;

Старотатарская слобода — место компактного проживания татар после завоевания Казани.

Эти исторические названия не являются названиями административных районов Казани, таковыми были полицейские участки — околотки (в 1913 году их было 6).

Кадышево — старинное селение, основанное в период Казанского ханства, а с 1557 г. — русское село (ныне находится на окраине Авиастроительного района Казани).

В альбоме представлены преимущественно *жилые дома* деревянной Казани; иных деревянных построек (церквей, усадеб, казённых домов) не сохранилось, за исключением Троицкой церкви близ Казани в Свияжске и части усадьбы Боратынских на улице Горького, 25...

В основе любого деревянного дома лежит венец из четырёх бревен. При такой конструктивной простоте многие жилые деревянные дома представляют эстети-

ческую ценность, являя нам разнообразие деревянного декора (балясины, коньки, наличники, карнизы, пилястры, подзоры, фронтоны, эркеры, которые помимо геометрических конструктивных решений украшены разного типа резьбой: углублённой выемчатой, сквозной или накладной).

Сохранение деревянной архитектуры имеет принципиальное значение для воспитания и поддержания чувства патриотизма и душевного комфорта у соотечественников, а также для посещения нашей страны иностранными туристами. Первый фактор имеет прямое отношение к национальной безопасности, последний — к сохранению достойного места России в мировой культуре.

Мне дружески помогали выполнить эту большую работу Г. К. Будников, Ю. Г. Будникова, С. В. Варшавский, И. О. Григорьева, Т. М. Журавлева, В. Л. Калманович, Е. В. Карпухин, Е. В. Липаков, Т. В. Мамаева, Н. В. Маневская, А. И. Меречин, В. С. Мустафин, С. В. Орешина, В. Н. Печников, Л. В. Печникова, А. Попович. Особая благодарность — Ф. С. Мустакимовой, А. Н. Добренькову, Д. А. Надершиной и А. Г. Шамову за помощь на этапах подготовки этой книги к изданию.

Скажу также, что эта работа сделана инициативно (не по какому-либо заказу) и подвижнически (не в связи с получением грантов или наград). Всё лучшее делается подвижниками — это знает каждый творческий человек. Я не стесняюсь это высказать и о себе, и обо всех, кто участвовал в данной работе.

УДЕРЖАТЬ КРАСОТУ

Деревянная архитектура Казани

Ул. Гладилова, 46

Ул. Достоевского, 6

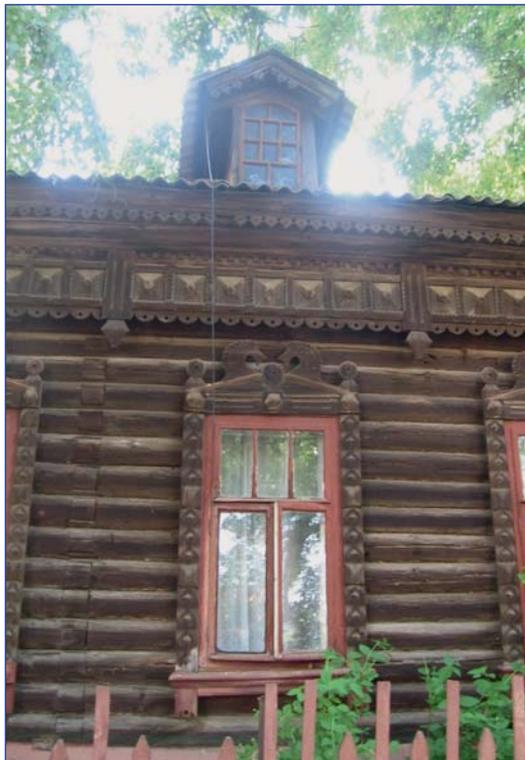
Ул. Горького, 5

Катановский переулок, 6

Ул. К. Маркса, 56

Ул. Атласи Хади, 11

Ул. Достоевского, 71

Ул. Достоевского, 65

Ул. Щепкина, 2

Ул. Тельмана, 10

Ул. Тельмана, 10

Ул. Маяковского, 25

Ул. Ульяновых, 16

Ул. Щепкина, 1

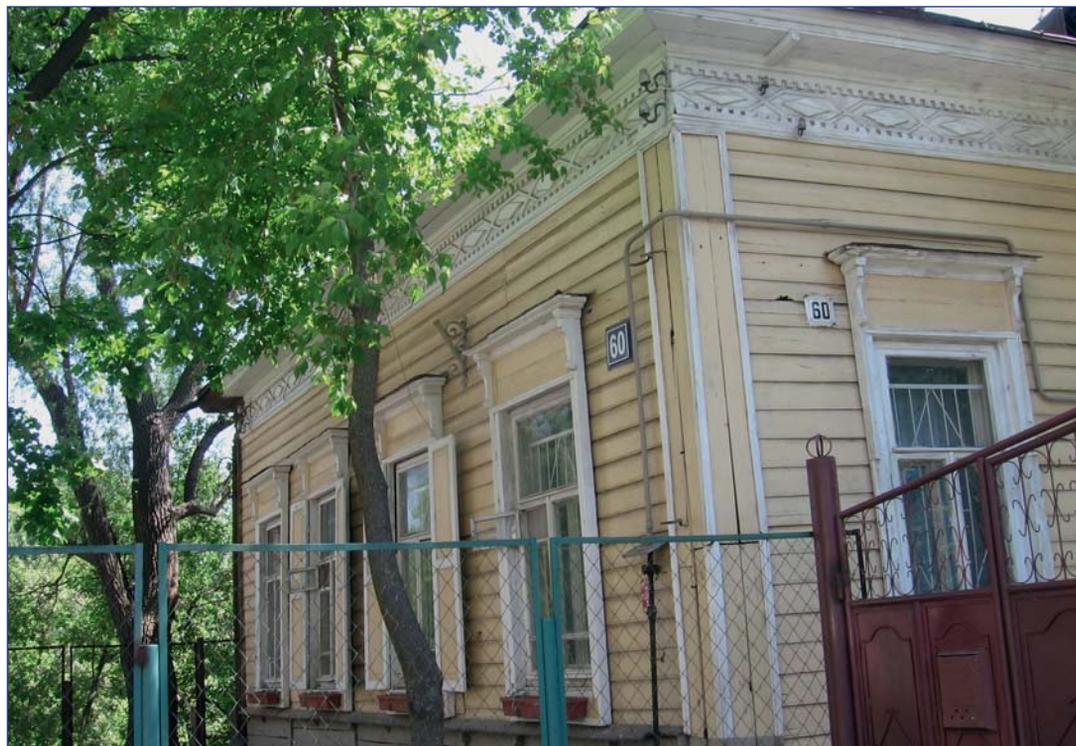
Ул. Маяковского, 27

Ул. Ульяновых, 3

Ул. Маяковского, 9 — Школьный пер., 8

Ул. Ульяновых, 60

Ул. Ульяновых, 65 (вид со стороны ул. Муштари)

Ул. Зои Космодемьянской, 2

Ул. Волкова, 4

Ул. Волкова, 42

ЖЕНСКОЕ ИМЯ В ПОЭЗИИ

ЕЛЕНА ДЕРБИЛОВА

ФИАЛКИ В ЯНВАРЕ

ФОНТАН

Седые парики фонтана
В цветных лучах
Бассейн примеривает рьяно,
Вскипает пеной океана
Во всех углах.

Хлоп-хлоп – ритмично струи плещут,
Вверх-вниз, подряд
Аплодисментами трепещет
Цветной каскад.

Взлетают струи-алебарды,
Хвосты комет,
А кранов бронзовые гарды
Бликуют свет.

Все ладушки-хлопки сливая
Шипящих струй,
Ближайший родственник Версаля,
Фонтан, ликуй!
И Петергофа правнук юный,
Фонтан, резвись!
Воды натянутые струны
Взлетают ввысь!

Полунамёками репризы
Журчат слова.
Под маской – Сомова маркизы
И Бенуа.
Богемской люстрой хрустальной,
Волн чередой
Фонтан танцует музыкальной,
Ах, Боже мой!

На площадь Руднева несётся
Аква-Дракон,
В ночной бассейн окупётся –
Невидим он,
И только чешуя сверкает
В разводах вод –
Монетами воспринимает
Её народ.

Ты уезжаешь на чужбину?
Проси – вернись.
Дракон серебряную спину
Возносит ввысь.

* * *

Истерика – наплывом чувств
И только после – ясность мысли.
Кто в мир вошёл жрецом искусств –
В себе не волен. Не причислен
К отряду добрых работяг
Для дисциплины и режима
Труда и отдыха. Их шаг –
Неуловима, недвижима,
Необъяснима связь вещей,
В искусстве должны воплотиться.
Художник сам не свой, ничей,
И не способен измениться.
К сотворчеству призвал Творец.
Художник – зеркальца осколок,
Мир отражающий. Венец
Терновый, лавровый – всё колок.
Романтик, странен человек –
Художник, ищущий весь век.

БАРВИХА

Анатолию Дербилову

Течёт с рекою тень и тишина,
И бурелом за тропкой у Барвихи.
Дорожка от коттеджа чуть видна,
Там – роскошь, здесь – завал, неразбериха.

С тобою мы идём к Москва-реке –
Упрямая нефритовая лава
За елями блестит невдалеке.
Вдоль берега нечёсанные травы.

А в травах колокольчик, одинокий,
 Нежнейшею лиловостью таится —
 О чём-то еле шепчущий роток,
 И пьёт с поклоном радужная птица,

Как бусина муранского стекла.
 Цепочка буса розово-лилова.
 Вся эта сторона затенена,
 Напротив — побережье солнцелова.

Палитрою на барвы * не щедра
 Барвиха в отдаленье от столицы.
 Зачем аристократке мишура?
 Достаточно одной нарядной птицы.

Забудется безвкусный особняк,
 Лягушка «Ламборджини» ярко-жёлтой
 Хозяев местности. Но вспомнится — да как! —
 Мне этот берег русский, где прошёл ты.

И ты там был, и мрамор воссиял,
 Тобой одушевлённый, мой ваятель,
 Москвы-реки изменчивых зеркал
 И скромных колокольчиков приятель.

* * *

Дягиль, ангелик, дудник —
 Зонтичные цветы.
 Зонтик дождливым будням,
 Здесь, неужели —
 ты?
 Заросли — выше роста
 В детстве моём и теперь,
 У ручейка вознёсся
 Лесом дремучим.
 Пей —
 Шепчешь мне — ключевая
 Льётся, льётся вода.
 Как «Анжелику» читая,
 Мы подружились?..
 — Да-а.

Снадобье фармацевтом,
 Ангельская трава.
 Дягилева концерты —
 Кружится голова!

* Барвы — краски, цвета (укр.)

Венецианских дождей
Русский в Париже сезон...

Широколистой кожей
Проливаешь озон
С верхотуры древесной,
Колдовская трава.
Дудник, дудочка, лестны
Флейты нежной слова
Ангельские,
Ангелик.
Воспоёт соловей:
В родниковой капели
Умывайся —
прозрей!

* * *

Всем откровениям родословной
Я — вопреки.
Рыбка из моего улова
Им — не с руки.
Ни на кого я не похожа
В своём роду.
Не ко двору. Иные — строже.
В каком бреду
Чечётка дробно ритм стучала,
Как дятел, мне.
Русалка колыбель качала
В ночь при луне.

Но бабушкины песни,
Но дедушкина скрипка,
Но мамыны рисунки,
Вертинского улыбка —
Одномоментной искрой
Бумажный лист зажжён.
Вибрирующее, чисто
Поёт струна времён.

* * *

Марево. Заревом чиркнула молния,
Ливнем вскипел тополиный испуг.
Не отдалённое прошлое —
вспомнила:
Твой День рождения летом,
мой друг.

В этом июне правит гроза,
 Нам подмигнули неба глаза.
 Облако выгнуло бровь –
 Плачет царевна Любовь.

* * *

Ты – соплеменница пантер...

А. Блок

Так выходи же на охоту
 И продолжай свою работу –
 Пусть аплодирует партер.
 Не признают нигде, никак,
 Ни в деревнях и ни в столице?
 О красоте толкуют – знак,
 Что не читают ни страницы.
 Ну что ж, играющим – играть!
 Не нить, не киснуть.
 Цветные мячики бросать
 Пантерой – киской.

* * *

Никакого особого такта –
 Лишь размеренный ритм один.
 Я в начале Большого Тракта
 Музыкального – паладин.
 Мои ритмы теснят друг друга –
 То пешком, то ползком, то вскачь.
 Вот и песенки мне по кругу,
 Бросают мелодии мяч.
 Пусть играют они, резвятся,
 Забыв бестактность мою,
 Никого – ничего не боятся.
И я их уже пою.

* * *

Туманом вуалетки
 Не скрыть лукавый взгляд –
 Моей судьбы отметки...
 Дорогу наугад
 Спросите – указывает
 Октавы первой: ДО–о–о.
 Кукушечка кукует:
 Вы кто?
 Вы кто?
 Вы кто?

ДО – достояние души,
РЕ – реконструкция былого,
МИ – милосердие тиши,
Фантасмагория, что ново,
СОЛЬ – солидарность у любви,
ЛЯ – ласковоющие взоры,
СИ – ситуация борьбы,
ДО – доброты доспех, уборы.
Поётся под сурдинку
Октавами моя
Настройка, в окаринку
Свищу:
Кто я?
Кто я?
Елена – эллин, ливень
Всех звёзд на Цареград,
Желаньями моими
Зажжёнными стократ.
Моей святой Елене
Молитвы возношу,
На сновиденной сцене
Пляшу.

* * *

Образ, что в сердце носили
Через истории муть
Именем светит – Россия –
Сил зачерпнуть.
Зачеркнуть?
Вскормленные Украиной –
Родина – шире грудь!
Чаша России – мессии –
Нам зачерпнуть.
Зачеркнуть?!
В жизненной школе задача:
Миловать или казнить –
Где запятая? Плачу.
Не дано разделить.
Буквой одной решают..
Черпаем – не зачеркнуть.
Родиной называю
Русско-украинский путь.

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ

На пыльных дорогах ищи – свищи
Архивы своей родословной.
Тем – ананасы, а этим – щи
Достанутся, безусловно.
Листаю книгу времён былых
С завидной долей упрямства,
Жадно ищу отражения в них
Родственного пространства.

Дрёмой легчайшею наплыву
На век девятнадцатый с краю.
Вижу отчётливо – наяву –
Лица, улыбки мелькают.
Вот скрипка дедушки, ряд крестьян –
Плечо у плеча – танцуют,
Руки крест–накрест обняли стан.
Смоленщина презентует.

Чем восемнадцатый тешит взгляд?
Два всадника – гордых пана
На белом, гнедом коне летят
В расшитых шёлком кафтанах.
Боярыня в пурпурном стоит,
Кокошник острый жемчужный.
Фату кисейную теребит
За надрукавьем досужим.

А чья треуголка – Петров каприз?
Семнадцатый век, привет вам!
Дама по лестнице сходит вниз –
Ждёт кавалер с букетом.
Сквозь анфиладу комнат лечу
Среди знакомых предметов.
Кто догадался зажечь свечу
На канделябре этом?

Что мне дала в наследство родня,
Что – пряником, а что – плетью?
Всё оберну перстенёчком я
В третьем тысячелетии.

* * *

Собирательница самоцветов,
Временной принесённых рекой,
Не сомкнувшая глаз до рассвета –
Что нарушило твой покой?

Мозаичную кладь картины
Из находок своих слагать
И не лень тебе? Сумрак хлынул
В ученическую тетрадь.

И зачем тебе эти бредни?
День и пища тебе даны,
Но какой-то лучик последний
Наяву посылает сны.

Что тебе до времён давнишних,
До следов ушедшей родни?
Беспокоит ропот неслышный –
Что-то вспомнить просят они.

Я придумала это. Значит –
Эта тема – только каприз.
Кто-то в толще архива плачет,
Тихо просит:
«Страниц коснись!»

* * *

Уже привычно вглядываюсь в окна
Старинных и запущенных домов,
Где времени сплетаются волокна
Косицами растрёпанными снов.

Фасадом – буржуазный пережиток.
Капризы респектабельных господ.
За ним пространство – ониксовый слиток
Спрессованных восторгов и невзгод.

Неясное дыхание столетий
Колелет драпировки пыльных штор.
Камеями прозрачнейшими эти
Взирают окна тайно, но в упор.

Являясь современным человеком,
Участвуя в пленительной игре,
Чего хочу от минувшего века?
Наверное, фиалок в январе.

ЖЕНСКОЕ ИМЯ В ПОЭЗИИ

СВЕТЛАНА ПОПОВА

И ТИХО В СЕРДЦЕ НЕЖНОСТЬ ПРОРАСТАЕТ...

* * *

Жить в деревушке, в доме на отшибе,
Встречать восход, вечернюю звезду,
Смотреть на то, как голенастый чибис
Спешит к болоту или же к пруду.

Избавиться от суетности зряшной,
Ничтожных мыслей и нелепых дел,
Любить цветы, луга, леса и пашни
И вдруг услышать свист славянских стрел.

Мне на дороге встретится Добрыня.
Он – богатырь, он Господом храним!..
Дом на отшибе навсегда покину,
Чтоб мчаться на заставу вместе с ним.

* * *

Мир сказочный,
радостный,
древний.
Искрящийся зимний простор.
Звенят от мороза поленья,
Звенит и проворный топор.

Любви да покоя немножко
Нам надо на этой земле:
Отведать вкуснейшей картошки,
Печёной в горячей золе.

Напиться горячего чаю,
Пропахшего горьким дымком,

Да с теми, кого почитаем,
Пройтись-прогуляться леском.

РАЗГОВОР

Прежде, чем закатиться,
Солнце меня спросило:
– Как ты живёшь, сестрица?
Что тебе в жизни мило?

Не удивившись даже,
Солнцу я отвечала:
– Радости нет в продаже –
Радости в жизни мало.

Что я люблю? Озёра,
Пажити и дубравы,
Ясные в небе зори,
Броды и переправы.

Пастбища и покосы,
Птичий весёлый гомон,
Гордого неба просинь,
И березняк знакомый.

Прежде, чем закатиться,
Солнышко рассмеялось:
– Счастье – уже родиться,
Это совсем немало.

* * *

Ещё прохладно. Воздух свеж и чист.
Тревожат душу тайные догадки.
А ум твердит (он более речист):
«Не беспокойся, будет всё в порядке».

Уже теряя перья и хвосты,
Смешно дерутся воробьи-задиры,
А мартовские храбрые коты
Схватились насмерть в рыцарских турнирах.

Пугливой птицей ясный день летит.
Пройдёт неделя – мокрый снег растает.
Весна спешит. Она уже в пути.
И тихо в сердце нежность прорастает.

* * *

Голубой, ослепительный май,
Взрыв черёмух – метель из соцветий.
Солнца,
неба,
любви – через край,
Но тревожно опять на рассвете.
В мыслях полный разлад и разлом.
Вспоминаются встречи, измены,
А над всем, что пришло и прошло,
Сумасшедшее буйство сирени.

У ОЗЕРА

К озеру тропа, петляя, вышла.
С удивлением вижу я, что тут
Две берёзы, с берега спустившись,
«Лёжа» по-над водами растут.

Корни обнажённые подмыты.
Страшно. Далеко ли до беды?
Ряской, словно саваном, покрыты,
Листики касаются воды.

Хлынет дождь, по-летнему обильный,
И деревья с треском рухнут вниз,
Но последним, горестным усилием
Как они цепляются за жизнь!

НЕ СПЕШИ

Вспорхнула птица. С веток льётся иней –
Серебряные зимние дожди...
Жизнь, задыхаясь, мчится: близок финиш,
А я прошу: «Помедли, подожди...»

Ещё хочу я испытать хоть вкратце,
Что дорого мне было на земле.
Пусть деревцем, пусть тучкой задержаться
На одинокой, горестной скале.

Согреть того, кто замерзает в стужу,
Спасти того, над кем гуляет плеть,
Отчаявшихся, слабых и недужных,
Не унижая, молча пожалеть...

Всегда я шла от строчки и до строчки.
Покойно мне не в городе – в глуши.

Как много дел, и никакой отсрочки.
Жизнь, подожди,
помедли,
не спеши...

ГРОЗА

Деревья, как в бреду, метались:
Им что-то чудилось.
И вот
Дождь хлынул с грозным блеском стали
И опрокинул небосвод.

И всё в душе перевернулось...
Природа не ласкала слух:
Тугие градины, как пули,
Стреляли звонко по стеклу.

Борьба стихий была вначале,
Суровый гром гремел вдали.
А молнии так бесновались,
Что даже радугу сожгли.

НАРОД

В нём основное – чувство долга,
Работа – и сейчас, и впредь.
Терпеть он может очень долго,
А если надоест терпеть?

Всё время числясь виноватым,
Он от чинуш отводит взгляд.
В кольце коррупции проклятой
Стоит со связкою гранат.

ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ

Мне всё понятно, словно дважды два:
Меняется и жизнь сама с годами.
Уже уходят в прошлое слова,
Которые веками жили с нами.

Долг, честь, Отчизна, слава, патриот...
Не каждый скажет, что это такое.
В страну мою, народностей оплот,
Неологизмы хлынули рекою.
Дефолт, гламур, скинхеды, лохотрон,
Назначить стрелку, жить в роскошной вилле.
Возведено ничтожество на трон,

Когда в героях ходит наглый киллер.

Какой же смысл в происходящем скрыт?
Цинизм всеобщий — далеко не новость.
Давно забыли, что такое стыд,
Совсем не знают, что такое совесть.

Душа, духовный? Это было встарь.
Апостол, ангел? Это изначально.

Как быстро обновляется словарь!
Всё больше в нём страниц и слов печальных.

СВОБОДА

Привыкнув господам в угоду
Работать, слушая враньё,
О, как хотели мы свободы,
Как мы боролись за неё,
Теряя в лютых схватках силы,
Царизм почил — и глух, и нем.
Нас коммунисты убедили:
«Кто был никем — тот станет всем!»

...Кричали, сталкиваясь лбами,
И в ожидании щедрот
Опять остались мы рабами
Коммунистических господ.
Потом, надеждами богаты,
В чужой рванули огород.
И тут явились демократы,
Чтоб оболванивать народ.
Вначале всё казалось мило:
Они решили нас «спасать»
И потихоньку прихватили
Все недра, воды и леса,
А нам вещали про свободу,
Отаре, скопищу овец.
И мы, разбив свою колоду,
Освободились наконец
От послушаний, от запретов,
От обещаний и от клятв,
От благородства —
пыль столетий
Нам вовсе не ласкала взгляд.
Освободились от морали,
От чести, совести, ума.
Зачем нам книги?
Есть солярий.

Пусть знания – свет,
Нам ближе тьма.

И не терзают нас сомненья,
Привыкших лгать,
рубить с плеча.
Чего добились?
Озверенья
Да права лаять и рычать.
Нас убажуют побрякушкой:
Кому-то – хлев, кому-то – дом.
Сегодня у пустой кормушки
Опять небесной манны ждём.

Бегут стремительные годы,
И мы, конечно, не у дел,
А пресловутая свобода,
Вдруг превратилась
в Беспредел.

«СЕЙ ОБРАЗ ПРЕКРАСНОГО МИРА...»

«ЗВЕЗДА ПОЛЕЙ...» НИКОЛАЯ РУБЦОВА

Не порвать мне мучительной связи

С долгой осенью нашей земли...

Николай Рубцов

Появление русского национального поэта Николая Рубцова по всем признакам было вроде бы невозможно и даже немислимо после столь жестоких революционных, социальных и духовно-мировоззренческих потрясений России двадцатого века. Казалось, что такое чистое, поистине народное дарование уже не выберется из-под господствовавших идеологических глыб, свирепо навязываемого атеизма и искоренения православной веры. Поэтому современникам он представлялся поэтом *ожидаемым* и в то же время *неожиданным*... После долгих идеологических бесчинств люди отвыкли от подлинной поэзии. Многими литераторами, находившимися в плену расхожих стереотипов, он оказался просмотренным. Причём, людьми, хорошо знавшими поэта и слышавшими к тому времени уже созданные им шедевры русской лирики. Это дало полное право Глебу Горбовскому честно заметить, что «многие, даже из общавшихся с Николаем, узнали о нём, как о большом поэте, уже после смерти...»

Понятна причина неразличения, неузнавания современниками поэта, а значит и своего природного мира. Если обществу десятилетиями навязываются атеистические «революционные ценности», если всё народное жестоко подавляется, как опасная крамола, то передовым и прогрессивным почитается всякий маргинал, бунтарь, диссидент, разрушитель, а не созидатель, не сын гармонии, к которой истинный поэт призван по самой своей природе. В таких условиях для того, чтобы стать «прогрессивным», достаточно уверовать в идеологические догмы, случайные и далёкие от народного самосознания. Отсюда — целые поколения писателей, в принципе не мыслящих образами и категориями литературными, словно перед ними не стоит непреходящим уроком и примером великая русская литература второй половины девятнадцатого века. Точно выразил это странное и печальное положение Юрий Кузнецов: «Три поколенья после Блока серы, соперника не родилось ему». Отсюда же — какое-то обывательское, позитивистское понимания явлений духовных, как, к примеру, в суждении Сергея Викулова о Николае Рубцове. Логика тут более чем

проста — коль поэт ушёл из жизни рано, значит, он чего-то не успел: «К сожалению, поэт ушёл от нас слишком рано, и талант его не успел раскрыться полностью». (Николай Рубцов, «Последний пароход», М., «Современник», 1973 г.). На самом деле всё обстоит как раз наоборот. Поэт потому столь рано и ушёл, что совершил всё, предназначенное ему судьбой, что талант его полностью раскрылся, и ему, собственно, ничего больше не оставалось здесь делать. И не его вина, не его беда в том, что созданное им не стало достоянием общественного сознания при жизни поэта. Если, конечно, судить о его судьбе по самой природе поэтического творчества, а не исходить из каких бы то ни было отвлечённых соображений. По такой логике у большинства русских поэтов талант «не успел раскрыться», ведь они почти все уходили рано... Но поэт обыкновенно свершает всё, ему предназначенное, и вовсе не количеством прожитых лет определяется его творческий путь и подвиг.

В иной форме в воспоминаниях о Николае Рубцове постоянно встречается удивление якобы *несоответствием* стихов и человеческого облика поэта. Причём, в этом не стесняются признаваться даже литераторы. Приведу одно из многочисленных таких признаний как наиболее характерное. Как видно по всему, одной из тех «экзальтированных девиц или дамочек», которые бежали в общежитие Литинститута «посмотреть на Рубцова», что раздражало поэта. Валентина Коростелёва все ещё воспроизводит своё давнее удивление: «Как, вот этот угрюмый, в серой, выдавшей виды одежде... почти без волос... непонятный какой-то — и есть Рубцов?» («Российский колокол», № 1, 2006 г.). На это, и вовсе обывательское представление, так и хочется возразить: а собственно, каким вы представляли поэта? Румяным добрым молодцем, при галстукке и с визитными карточками? Так вы бежали «посмотреть на Рубцова» или послушать его стихи? И почему вообще столь назойливо возникает вопрос о «несоответствии»? Выходит, что поэт оценивался по второстепенным, а то и вовсе случайным признакам, но не по своему главному доводу — поэтическому слову. О, как понятно нам это «несоответствие» человеческого облика писателя и его духовной мощи, скажем, в судьбе Михаила Шолохова!

Оказывается, оно не такое безобидное, так как десятилетиями позволяло мордовать доверчивую читательскую публику сомнениями в «авторстве» «Тихого Дона».

Закономерно, что, впадая в обывательское представление, поэтесса В. Коростелёва выдвигает *абсолютно несуществующие* с точки зрения литературы «проблемы»: «Николай Рубцов ушёл и оставил в наследство, *кроме* щемящих душу стихов, — две проблемы. Одна: устарела ли такая поэзия в век компьютеров и виртуальной реальности? И вторая: прощать ли убийцу поэта, за что ратуют и некоторые видные писатели?» Характерно это выведение поэзии из круга обсуждения: *кроме стихов...*

Что касается «прощения» убийцы, то юридическая оценка случившемуся дана и не подлежит сомнению. Ставить же этот вопрос в моральном плане можно было бы при условии, если бы происшедшую трагедию можно было поправить. Но коль это

невозможно, нравственная оценка её остаётся неизменной на все времена. Всякие же ссылки на *наше* время, как якобы отменяющее духовные и нравственные понятия являются или лукавством, или следствием идеологической ангажированности и несамостоятельности мышления. И потом, как собственно представляется поэтессе это «прощение» убийцы «по-христиански»? Кто должен её прощать: дочь, общественность, церковь или «видные писатели», почему-то оказавшиеся заодно с убийцей, а не с поэтом?..

К сожалению, это сомнение в существовании поэзии «в век компьютеров и виртуальной реальности» нисколько не является новым. Так же точно в своё время сомневались в существовании поэзии в век паровозов, при этом непременно с придыханием произносимым: «В наше время, когда...» Как видим, эти обывательские суждения о поэте и абсолютизация своего времени в конечном счёте проистекают от непонимания самого существа поэзии. Поэзия, как выражение живой души, всегда противостоит бездушному прогрессу, являющемуся всего лишь *средством*, но не *целью* бытия человеческого. При этом не отменяя и не покушаясь на него, но указывая ему истинное место в человеческой цивилизации. Вспомним Евгения Боратынского:

*Исчезнули при свете просвещенья
Поэзии ребяческие сны,
И не о ней хлопочут поколенья
Промышленным заботам преданы...*

Как это перекликается с рубцовским пониманием в стихотворении «Поэзия»:

*Теперь она, как в дымке, островками
Глядит на нас, покорная судьбе, —
Мелькнёт порой лугами, ветряками —
И вновь закрыта дымными веками...
Но тем сильнее влечёт она к себе!*

В начале миновавшего железного века эта проблема со всей остротой предстала перед Александром Блоком, как «цивилизация и культура». Но даже тогда А. Блок нисколько не усомнился в том, что дело поэта не устаревает, что сущность поэзии неизменна даже тогда, когда устаревает её язык...

Неужто лишь степень сложности технических приспособлений является основанием для того, чтобы вновь усомниться в поэзии? Ведь сами по себе сомнения в том, что истинная поэзия устарела, уже являются её отрицанием.

Вот что стоит за этим удивлением «несоответствия» стихов и человеческого облика поэта. Что уж говорить об обывателях, довольствующихся расхожими, стереотипными понятиями, если даже в стихах Станислава Куняева проявилось это противопоставление внешнего облика поэта и его духовной мощи:

*Он выглядел
Как захудалый сын
Своих отцов —
Как самый младший
Третий,
Но всё-таки звучал высокий смысл
В наборе слов его
И междометий.*

О многом говорит это снисходительное «всё-таки...!»! Ведь за ним просматривается убеждение многих современных Николаю Рубцову поэтов, в том числе и его московских друзей, что он — один из них, такой же, как и они, а не единственный, с только ему предназначенной в русской поэзии миссией. Теперь, по прошествии лет, неловко читать какие-то и вовсе школярские признания того же Станислава Куняева о «недостатках» в стихах Николая Рубцова: «*Немало* несовершенно можно найти в книгах Рубцова. Иногда он бывал наивен, иногда высокопарен, порой банален. Но чего невозможно найти в его поэзии — так это недуга, может быть, самого разрушительного для искусства: вируса неправды», («Воспоминания о Николае Рубцове», КИФ «Вестник», Вологда, 1994 г.). И ещё более определённой: «Трудно сказать, какое место занимает Николай Рубцов в современной поэзии». И немногие, совсем немногие из современных ему поэтов, смилив гордыню и преодолев самолюбие, смогли оценить значение его в русской поэзии объективно, как, к примеру, Глеб Горбовский: «Николай Рубцов — поэт долгожданный. Блок и Есенин были последними, кто очаровывал читающий мир поэзией — не придуманной, органической».

То есть одарённые стихотворцы в этот долгий период русской истории были, но поэзии, *не придуманной* и *органической*, по сути, не было, ибо духовная преемственность в русском народе была прервана. И многие стихотворцы, сами того не вполне осознавая, не преодолевали этот трагический, зияющий разрыв в русской культуре, а только усугубляли его. Как писал сам Николай Рубцов, цветы поэзии «как подснежники, ещё бывают занесены холодным снегом декларативного рационализма, юродства разной масти». Конечно, отдельные прорывы к подлинной поэзии были, особенно у поэтов фронтового поколения и у некоторых современников Рубцова, но цельного миропонимания, выходящего из русского мира до него со времён Блока и Есенина не было...

Очень точно определил место Николая Рубцова в русской поэзии и русском самосознании Александр Романов, замечательный поэт и вологодский товарищ: «А в стихах его забелели обезглавленные храмы, словно вытаяли они из-под страшных сугробов забвения. Сама природа русского духа давно нуждалась в появлении именно такого поэта, чтобы связать полувековой трагический разрыв отечественной поэзии вновь с христианским мироощущением. И жребий этот пал на Николая Рубцова. И зажёгся в нем свет величавого распева и молитвенной исповеди».

Как видим, Александр Романов оценивает Николая Рубцова не как одного из многих, но как единственного, отмеченного редким Божиим даром, в чьём творчестве наиболее полно и глубоко сказалось возвращение русского народа к правосознанию, к своей исконной вере. Не случайно ни один поэт во второй половине двадцатого века не привлекал к себе такого всеобщего, народного внимания, как Николай Рубцов. Такая участь в наши дни выпадает разве только Юрию Кузнецову — уже на закате русской литературы, на закате, устроенном вполне рукотворно.

Была ещё одна причина ревностного отношения к Николаю Рубцову собратьев по перу. Кроме, разумеется, банальной зависти, в русских писателях особенно неистребимой. Он рано сформировался как большой поэт, знающий себе цену. Вместе с тем, он изначально так сумел поставить себя в обществе, чего никому не удавалось из его современников. Ведь он нигде не служил, не работал, а был всецело занят только поэзией. Кроме того, он избежал партийно-комсомольского «становления» в журналистике, чего не избежал, пожалуй, никто из его современников. Справедливо писал тот же Александр Романов: «Николай Рубцов счастливо миновал всё это. Перешагнув политическую конъюнктуру, он сразу очутился наедине с отзвуками родных преданий, с порывистым шумом природы, с горькими путями жизни».

Ведь за весь советский период это удалось разве только Михаилу Шолохову. И что примечательно, — мы не слышали в связи с именем Рубцова спекулятивных стенаний о «тунеядстве», как это было, скажем, с Иосифом Бродским. Удивительное различие, если учесть, что положение поэтов было абсолютно сходным. Но за такой выбор Николай Рубцов заплатил тем образом жизни, который он вёл и который, в конечном итоге, стал причиной его столь раннего ухода из жизни...

Безусловно, что трагическую судьбу поэта определяли и общая жестокость жизни, только начавшая входить в свои исконные берега в послевоенные годы, и его сиротство, и бездомность. Но если говорить о Николае Рубцове, как и должно, прежде всего, как о большом поэте, а не просто, как о человеке, то суть его трагедии предстаёт несколько в ином смысле. Во всяком случае, не к житейским тяготам и неудобствам она сводилась, к которым он был вполне равнодушен. Суть его трагедии состояла в том, что ему приходилось, что называется, на каждом шагу отстаивать право подлинной поэзии на своё существование, противостоять тем искажённым представлениям о ней, которые господствовали в обществе.

Эти искажения имели не только советскую природу, но брали своё начало во временах дальних, ещё с революционных демократов позапрошлого века с их пресловутой «социальностью», с помощью которой они «объясняли» явления духовные. Ко времени вхождения Николая Рубцова в литературу всё было заполнено так называемой *эстрадной* поэзией, далёкой от народного мировоззрения. Вместе с тем представители её выдавали себя за эдаких бунтарей и оппозиционеров по отношению к официальной идеологии и политике... Без всяких на то оснований, конечно. Просто такого рода поэзия, иначе утверждаться не могла, кроме как через внешний эффект или даже скандал, но не через слово само по себе. Господство этой поэзии было столь повсеместным, что один из самых близких Николаю Рубцову людей Сергей Чухин вспоминал потом, что до встречи с ним для него «чуть ли не единственным мерилom современной поэзии, был тогда Р. Рождественский». Рубцов же исповедовал *извечное* понимание поэзии, говоря, что «современность есть вечность». То есть придерживался блоковского понимания, что «несовременного искусства не бывает». Если, конечно, это искусство, а не стихотворная конъюнктура, чем грешили многие и многие его современники.

Эта незримая борьба за поэзию была суровой и беспощадной. Она ведь велась не только собственно за поэзию, но — за душу человеческую. А потому я ещё остановлюсь на литературной ситуации того времени, так как она во многих мере определила трагедию Николая Рубцова. Пока же скажу, что из неё происходила раздражительность поэта в последние годы жизни. Примечательно в этом смысле замечание Василия Оборотова из воспоминаний о поэте: «Мне довелось не раз видеть его возмущённым, и не помню, чтобы он был неправ». Этим как раз и доказывается, что Рубцов в спорах отстаивал не просто своё мнение, но право на существование истинной поэзии в обществе, где идеологические догмы порождали, конечно, не поэзию, а её заменители. Тут сокрыта трагедия поэта, так часто не понимаемого, судящего о поэзии с высоты своего редкого дарования, у которого к тому же в результате бездомного и неприкаянного образа жизни оставалось всё меньше сил сопротивляться этому бездуховному нашествию. Такую ношу выдюжить было непросто. Точно заметил товарищ Николая Рубцова по Литинституту Анатолий Чечётин, что ему было тяжелее «всех нести бремя судьбы». Но обыденному сознанию трудно понять, о чём это печётся Анатолий Чечётин, как и невозможно понять то, о чём писала Мария Корякина: «От того он был такой сложный и противоречивый, что не давал ему спокойно жить его большой талант». В более широком смысле слова в судьбе Николая

Рубцова выразилась вся трагичность истории страны, так как он свою жизнь, как и должно истинному поэту, прямо соотносил с судьбой России.

Есть у Николая Рубцова четверостишие «О Пушкине». В этой строфе он, конечно же, думал не только о Пушкине, но и себе, о своей судьбе. И, как оказалось, пророчески:

*Словно зеркало русской стихии,
Отстояв назначение своё,
Отразил он всю душу России,
И погиб, отражая её...*

Я не предполагал писать о Николае Рубцове после всего написанного о нём, если бы не одно обстоятельство, вдруг несколько по-новому высветившее для меня его творчество и его личность. Я обнаружил, что в Москве находятся две первоначальные рукописи его знаменитой книги «Звезда полей», вышедшей в издательстве «Советский писатель» в 1967 году, рукописи, по сути не вошедшие в научный обиход. Точно так же, как в своё время в Москве долгие годы таилась рукопись «Тихого Дона» Михаила Шолохова, пока её приобретение Институтом мировой литературы не вылилось в громкую не только литературную, но и государственную акцию.

Первая по времени рубцовская рукопись принадлежала товарищу поэта по Литературному институту Анатолию Ивановичу Чечётину, учившемуся на семинаре драматургии. Анатолий Иванович описал в воспоминаниях то, как эта рукопись оказалась у него.

Эта, наполовину машинописная, наполовину исполненная от руки рукопись (будем в дальнейшем называть её рукопись Чечётина) помечена на титуле 1964 годом. Это был трудный год для Николая Рубцова — его исключили из Литературного института по совершенно пустяковому происшествию в Центральном доме литераторов, выставленному как дебош и хулиганство. Выгнали из общежития. Не имея нигде своего угла, а значит и прописки в родной стране, поэт вынужден был уехать в село Никольское Тотемского района Вологодской области, как бы на свою малую родину, которая таковой для него, по сути, не была. Долгие месяцы он жил в селе. Вместе с тем, этот год оказался для него самым творчески продуктивным в жизни. Никогда более так вдохновенно ему не работалось, как в этом году. Кроме того, благодаря хлопотам его московских друзей, и прежде всего Вадима Кожина, появляются его замечательные публикации в «Октябре» и в других журналах.

Датировка рукописи Чечётина позволяет сделать вывод, что поэт предложил рукописи в Северо-Западное издательство и в «Советский писатель» по сути одновременно — весной 1964 года. Маленькая книжица «Лирика», наполовину перепотрошенная, вышла в Северо-Западном издательстве в 1965 году. Сложнее обстояло дело с рукописью книги «Звезда полей» в «Советском писателе». Даже при рекомендации руководителя творческого семинара Николая Николаевича Сидоренко, подрабатывавшего в этом издательстве.

Житейская неустроенность Николая Рубцова была такой, что он даже не имел возможности отпечатать рукопись и первоначально представил её в издательство переписанной от руки. Правда, с просьбой к заведующему редакцией русской советской поэзии Егору Исаеву найти машинистку, чтобы к редактору она попала уже в отпечатанном виде. Полгода Рубцов терпеливо ждал ответа из издательства, но, не получивши его, вновь обращается к Е. А. Исаеву с письмом: «В конце весны я принёс и сдал в Ваше издательство рукопись книжки своих стихов под названием «Звезда полей». Сейчас когда прошло до-

вольно много времени, мне хотелось бы узнать у Вас, что же Вы намерены сделать с этой рукописью, что Вы решили насчёт неё». Письмо помечено концом 1964 года. И только 2 июня 1965 года поэт пишет заявление Е. А. Исаеву, в котором сообщает о том, что ознакомился с редакционным заключением и просит заключить с ним договор, то есть рукопись читалась в издательстве ровно год. Издавалась же книга в «Советском писателе» ровно *три года*. Согласимся, что это срок довольно значительный.

Всё это время состав рукописи неоднократно пересматривался и она вновь перепечатывалась. Кроме того, в стихи вносилась значительная правка, как авторская, так и редакторская, во всяком случае, под давлением редакторов.

Судя по сохранившемуся письму в Северо-Западное книжное издательство, там с Николаем Рубцовым особенно не церемонились. Он для областных издателей был — начинающий автор, выпускающий первую книгу... Вот почему пришлось убрать из рукописи «почти половину стихов», как он сам писал. Он настойчиво, но безуспешно отстаивает отдельные, особенно дорогие для него стихотворения. По сути, с тем же самым он столкнулся и в московском издательстве «Советский писатель», выпуская «Звезду полей». Долгая работа над книгой свидетельствует о том, что исправления, вносимые в неё, помимо авторской доработки, носили в основном вовсе не цензурный характер, хотя в отдельных случаях, как, видимо, полагают редакторы, стихи были опущены по соображениям идеологическим. Здесь даже не субъективность мнений была определяющей, а общее понимание поэзии и литературы вообще, преобладавшее в обществе, где ценилась прежде всего «позиция автора», декларативность и прямое высказывание. Ну и требование пресловутой «современности», хотя понятно, что всякая преднамеренная установка на «современность» в стихах, как правило и почти неизбежно, является спекулятивной, конъюнктурной, потому что поэт по самой природе своего дарования призван вовсе не *отражать* современность, (как к этому призваны другие жанры), но постигать извечную духовную сущность человека. Кроме того, по заведённому тогда обыкновению редакторами были поэты. И это, логически вроде бы оправданное, установление оборачивалось для истинного поэта если не бедствием, то многими неприятностями и хлопотами. Ведь каждый поэт по его собственному разумению — «велик». Да и кто мог тогда предположить, что какой-то Николай Рубцов, студент Литературного института, призван перевернуть представление о поэзии в обществе, точнее, вернуть её традиционное для русской литературы понимание... Кстати, такое представление о поэзии, царившее тогда, сказалось и в оформлении книги. Художник А. Ф. Бучнев сделал столь аляповатую суперобложку, что поэту приходилось всякий раз, подписывая кому-то книжку, с негодованием её убирать.

Итак, у Николая Рубцова в очередной раз возникла срочная необходимость перепечатать рукопись «Звезды полей». Такой возможности у него не было, и он обратился за помощью к своему другу Анатолию Чечётину. Анатолий Иванович нашёл машинистку и когда вручал ему отпечатанные экземпляры, увидел, как Рубцов пытается черновой вариант рукописи выбросить в урну. Он остановил его и попросил оставить рукопись у него.

Эта рукопись — на шестидесяти девяти страницах, в неё вошло пятьдесят шесть стихотворений, двадцать три из которых — рукописные, а во многие стихотворения внесена правка.

Вторая рукопись «Звезды полей» на восьмидесяти страницах, в которую вошло шестьдесят два стихотворения, — машинописная с правкой поэтом отдельных стихотворений, сохранилась у друга Николая Рубцова по Кировоградскому горнохимическому техникуму Николая Никифоровича Шантаренкова. В молодые годы два Николая жили в одной комнате общежития, были в добрых отношениях, о чём

свидетельствует обширная баллада «Прощальные стихи» с посвящением: «Шантаренкову!», написанная при уходе Рубцова из техникума.

Друзья поддерживали отношения и позже. Бывая в Москве, Николай Рубцов оставался у Шантаренкова. От него он уносил в издательство «Советский писатель» очередной вариант «Звезды полей», один экземпляр которой подарил другу на память при прощании, уже в метро.

Николай Никифорович Шантаренков — искусствовед, фольклорист, издатель. Окончил театроведческий факультет ГИТИСа, работал в издательствах «Искусство», «Молодая гвардия», редактировал молодёжные журналы по искусству и культуре. Впервые начал публиковать русский фольклор для молодёжи, будучи ответственным редактором альманаха «Молодёжная эстрада». Активный участник Московского творческого объединения «Казачий Круг» и Культурно-просветительской Инициативы «Походь». Знаток и исполнитель казачьих народных песен.

Зная о том, как непросто Николай Рубцов сходил с людьми и что совсем не многим людям он посвящал стихи, думается, что далеко не случайно он подружился с Н. Н. Шантаренковым. Может быть, уже тогда распознал в нём склонность к народному творчеству и традиционной культуре.

Сравнивая эти первоначальные рукописи с уже вышедшей книгой, приходишь к выводу, что многие изменения вносились в неё самим поэтом. Ведь это были, начиная с 1964 года, пожалуй, самые лучшие, творчески активные и плодотворные годы в его жизни.

Вносимые правки в рукопись обусловлены и своеобразной манерой работы поэта над стихами и высокой требовательностью к себе. Борис Тайгин вспоминал, что Рубцов «постоянно исправлял уже готовые строки и даже строфы». Кроме того, это своеобразие было обусловлено, в конечном счёте, его неприкаянным, бездомным образом жизни, когда надо было, что называется, всё своё носить с собой, запоминающая складывающиеся строки, не имея ни своего угла, ни рабочего стола, ни архива, ни библиотеки под рукой. Об этой своей манере работы над стихами он писал Сергею Викулову: «Вообще я никогда не использую ручку и чернила и не имею их. Даже не все чистовики отпечатываю на машинке — так что умру, наверное, с целым сборником, да и большим, стихов, «напечатанных» или «записанных» только в моей беспорядочной голове».

Понимали ли его старшие товарищи, так сказать, собратья по перу, чего ему стоили такие признания, чем была обусловлена такая «манера» работы и как вообще жилось поэту, который каждый день должен был думать о том, где и как он сегодня переночует... Или считали это некой причудой молодого, «начинающего» поэта, уже создавшего такие шедевры русской лирики, каких никому из его современников создать не удавалось? Судя по тому, что «Звезду полей» издавали три года, это мало кем вполне осознавалось. Но об этом стоит говорить, ибо от этого во многом зависела дальнейшая судьба Николая Рубцова. Убийца поэта пришла на уже подготовленную почву и лишь довершила то, что свершало, так сказать, общество, не без участия людей, поэта окружающих, в том числе и близких...

Сравнивая первоначальные варианты рукописей и вышедшую книгу, я поразился тому, что научная, текстологическая работа, совершенно необходимая в постижении мира поэта, по сути, не проделана. В связи с этим нельзя не заметить и другую особенность постижения наследия Николая Рубцова, сказавшуюся в наше литературное безвременье. Со времён первой книги Вадима Кожинова («Николай Рубцов», «Советская Россия», М., 1976 г.), литературоведы о нём, за редким исключением, не писали. О поэте всё больше писали воспоминания: то о превратностях его судьбы,

то о трагической гибели, но только не о стихах. То есть духовное, как часто у нас бывает, оказалось подменённым обыденным...

Конечно, отрадно, что находятся подвижники, не филологи вовсе, влюблённые в поэзию Николая Рубцова, создающие рубцовские центры, предпринимающие издания книг о нём. Это своеобразная народная реакция на то упразднение литературы в России, которое уже, по сути, произошло. Логика этих увлечённых людей такова: «Оказывается, что так называемые дилетанты умеют проделать такую работу, которую не хотят, не могут или не способны выполнить некоторые образованные филологи». (Юрий Кириенко-Малюгин, «Российский писатель», № 22, 2005 г.). И всё же умиляться таким вынужденным, неестественным положением нет никаких оснований. Особенно это касается книг о поэте, ибо, не обладающие навыком литературной работы, такие увлечённые и искренние люди создают нечто самодельное, не постигая глубин поэзии Николая Рубцова...

Всякие же заверения в том, что поэзия-де сама за себя говорит и не требует никаких объяснений, а заслуживает лишь восхищения и преклонения — представления обывательские, по сути, не берущие в расчёт то, как поэзия живёт в общественном сознании.

Николаю Рубцову выпал короткий и трудный путь в литературе. И это было вызвано не случайным и не недобрым стечением обстоятельств, как полагали многие, но неизбежно выходило из той ситуации в литературе, которая в то время сложилась, а так же из особенностей его поэтического мира. Трудность и даже трагичность его пути, помимо самой природы поэтического творчества, была обусловлена тем, что ему довелось восстанавливать русскую литературную традицию, что не могло не встречать сопротивления, причём, самого жёсткого. Он стал вовсе не жертвой «нелепо трагических обстоятельств», как полагали даже его друзья, а совсем иных причин, более глубоких и внешне не таких явных. Всё, конечно, определялось тем, что в то время всецело господствовала так называемая «эстрадная поэзия», большей частью декларативная, рационалистическая, с изрядной долей «юрродства разной масти», по выражению самого Николая Рубцова, далёкая от народной культуры и народного самосознания. Причём, являясь агрессивной, со скандальным тоном, она подавляла всё остальное в литературе. Её представители, сытенские «бунтари» бузили у памятника Маяковскому, что само по себе уже указывало на то, какой «традиции» они придерживались. В этом сказывалась давняя расколотовость русского самосознания, в разные эпохи представляемая по-разному, но имеющая всё ту же суть — принудить русского человека верить «иным богам» в целях вполне меркантильных. Вплоть до, казалось бы, безобидной дискуссии о «физиках» и «лириках». И не столь важно: осознавали ли это исповедники такого «направления» в литературе. Степень искренности здесь — не аргумент.

Но были в то время и другие центры поэтической мысли. Это сложившееся к концу шестидесятых годов литературное явление национальных поэтов, продолжавших, а не прерывавших, как «эстрадники», русскую поэтическую традицию. В их кругу естественно и закономерно оказался и Николай Рубцов как наиболее яркий и самобытный поэт. Но и здесь он стоял особняком, ибо к их «поэзии был снисходителен, ценя больше дружбу самих людей, чем их творчество» (Эдуард Крылов). Точнее было бы сказать, что в противовес эстрадным «бунтарям» в это время в Москве существовал, противоположный поэтический центр — центр Николая Рубцова в общежитии Литературного института на улице Добролюбова, 11. Ведь никто из тогдашних московских поэтов традиционного направления не обладал такой поразительной притягательностью, как Николай Рубцов. Повторюсь: в общежитие Литинститута приходили «посмотреть на Рубцова», послушать его песни. Удивительно, что и де-

сять лет спустя, когда мне довелось учиться в Литинституте и часто бывать в общезжитии, дух Рубцова там всё ещё присутствовал, так как на неформальных встречах моих ровесников, так или иначе, всплывало его имя.

Но парадокс состоит в том, что истинная картина русской литературы второй половины двадцатого века всё ещё остаётся искажённой. Ну странно же, в самом деле, что наиболее сильная часть поэзии того времени, продолжающая русскую поэтическую традицию была обозвана «тихой лирикой», а лучшая проза — «деревенской», хотя не по тематическим, не по внешним, формальным, не, тем более, по сущностным признакам ни проза, ни поэзия под эти определения не подходили. Безусловно, это было в определённом смысле литературным шулерством, так как ярлыки были явно уничижительными — всё исконно русское в литературе представить всего лишь «тихим» и «сельским».

Попутно нельзя не сказать и ещё об одном поэтическом явлении той поры, носившем массовый характер, — песнях Владимира Высоцкого. К сожалению, поэты традиционного, «патриотического» направления, даже те из них, кто в определённом смысле считал себя организатором литературно-художественного процесса, просмотрели его явление, отдав его на откуп тем же эстрадникам. Их почему-то в ту пору раздражала даже сама гитара в молодёжной среде, как якобы не соответствующая представлениям о народности. Неужто хотели в руках молодых людей видеть только балалайку? Но это ведь и вовсе какое-то ортодоксальное представление о народности. Тот же Станислав Куняев в год смерти Николая Рубцова, отвечая на письмо читателя писал: «Вы сравниваете две несравнимые судьбы...», всецело относя Высоцкого к «массовой культуре» («Русский дом», № 9, 1998 г.).

Если для А. Вознесенского Владимир Высоцкий был «златоустый блатарь», то это вовсе не значит, что таковым он был для миллионов его почитателей. Такая широкая популярность песен Высоцкого не могла быть и не была лишь рукотворной. Не всё ведь поддаётся пресловутой «раскрутке», это мы уж знаем из дня сегодняшнего. Но теперь-то ясно, что если бы традиционалисты не отнеслись к Высоцкому столь воинственно, может быть, и не случился бы тот зияющий провал между поколениями, который сегодня очевиден, и песенная культура не свелась бы к шоу-бизнесу, где живой человеческой душе уже не находится места... Может быть, не сложилась бы та трагическая ситуация в культуре, которую мы пока переживаем, когда о литературе собственно уже говорить не приходится, так как она вытеснена комиссарами капитализма на обочину жизни, как крамола и опасность.

«На том и стою», — с гордостью писал С. Куняев, наставляя читателя, для которого песни Высоцкого — не просто «массовая культура». Но гордиться здесь, собственно, нечем. Иначе получается, что целые поколения, и молодёжь в особенности, были охвачены песнями Высоцкого, находя в них и свои переживания, а упорствующему поэту до этого вроде бы и дела нет, чтобы хоть как-то объяснить этот феномен...

Несколько озадачивает здесь другое. Ведь, казалось бы, что обширное послевоенное поколение, оказавшееся в городах и в значительной своей части вышедшее из сельской России, запоёт щемящие песни Рубцова, во всяком случае, ему окажется ближе — «Я уеду из этой деревни», чем ностальгия по городскому детству с чёрным пистолетом на Большом Каретном. Но этого не случилось. Ну да, понятно, Высоцкий был актёром, что само по себе предполагало выход его песен к широкой аудитории. Но и Рубцов ведь тоже ни в чтении своих стихов, ни в песнях, исполняемых под гитару или под гармошку, отнюдь не был «тихим». Но его ведь никто почти не удосужился толком записать на магнитофонную плёнку... Да и зачем, если он — один из нас, такой, как мы, а не единственный... Может быть, потому его и раздражало модное хождение «на Рубцова» — он видел и чувствовал: то, как он мыс-

лил себя в русской литературе, оставалось его читателями и слушателями по сути неосознаваемым.

Понятно, что в такую ситуацию в литературе и в культуре в целом Николай Рубцов вписаться не мог. Он исповедовал совсем иные представления о России, о русском мире, наконец, о самой поэзии как выразительнице народного духа. А потому, поэт и творчески, и житейски оказался отверженным. Ведь и то, что он в своём Отечестве не был даже прописан, не имел крыши над головой, — факт более чем символический... О том же, насколько это была жестокая духовно-мировоззренческая борьба, свидетельствует и тот запредельный факт, что спустя годы, когда, казалось, всё улеглось и во всём можно было уже разобраться, Е. Евтушенко, основной представитель «эстрадной поэзии», вдруг хлопчет о досрочном освобождении убийцы поэта... Оказывается, он заодно не с поэтом, а с его убийцей. (М. Полётова. «Пусть душа останется чиста...», М., Академия поэзии, 2005 г.). Это более чем странное, выдаваемое за некое «гуманистическое», действие можно объяснить только особым, специфическим типом воззрений, по характеру либеральным, выходящим из самой сути либерализма — защищать стеснённых в чём-то по формальному, а не сущностному признаку. Но такие воззрения истинный поэт не может исповедывать по самой природе своего дарования, о чём писал А. Блок, отвечая на вопросы одной из анкет: «Я художник, а потому не либерал. Пояснять это считаю излишним». Но то, что для великого поэта не требовало пояснений, теперь требует, а это, конечно же, свидетельствует о том, насколько поэтическое творчество подверглось искажению.

Николай Рубцов не мог рано или поздно не столкнуться с этой странной ситуацией в литературе, когда в ней преобладала неестественная, неорганическая поэзия, ну и со сторонниками такой поэзии — богемой. Это произошло в Ленинграде в 1962 году, когда он, уже приобретя определённый жизненный и литературный опыт, — поучившись в техникумах и пройдя флотскую службу, стал посещать собрания поэтов у Глеба Горбовского на Пушкинской улице у Московского вокзала. Это был очень важный период в духовном и мировоззренческом становлении Николая Рубцова, что и отразилось в трудной работе над стихотворением (это видно по вариантам), которое в конечном итоге получило название «В гостях».

Вначале на Николая Рубцова не обратили особого внимания. Но однажды он пришёл к Глебу Горбовскому со стихотворением, ему посвящённым, которое называлось «Поэт» — первоначальный вариант стихотворения «В гостях». Как вспоминал Глеб Горбовский, «стихи взволновали, даже потрясли своей неожиданной мощью, рельефностью образов, драматизмом правды... И Коля перестал быть для меня просто Колей. В моём мире возник поэт Николай Рубцов. Это был праздник».

Видимо, это стихотворение столь и поразило чуткого Глеба Горбовского, что в нём Николай Рубцов решительно отделял себя от богемы и шире — от того стихотворчества, которое тогда преобладало в литературе, давая ему точную характеристику:

*Он говорит, что мы одних кровей,
И на меня указывает пальцем,
А мне неловко выглядеть страдальцем,
И я смеюсь, чтоб выглядеть живей.*

Не только не одних, а прямо противоположных «кровей» оказался поэт с этой богемой, что сказалось потом и в переименовании стихотворения — «В гостях». Именно в гостях поэт был среди этой богемы, куда его «занесло». Он даёт характеристику этой богеме, прямо и недвусмысленно называя её злом: «И да минует вас такое зло!» И это вовсе не декларативная характеристика, так как поэт показывает последствия и результат деятельности богемы. Это обесмысливание чуда человеческой жизни,

«прекрасного образа мира», нарушение естественного порядка вещей, внесение в жизнь хаоса и уже не только для себя, но и для окружающих людей:

*Но все они опутаны всерьёз
Какой-то общей нервною системой:
Случайный крик, раздавшись над богемой,
Доводит всех до крика и до слёз!
И всё торчит.
В дверях торчит сосед,
Торчат за ним разбуженные тётки,
Торчат слова,
Торчит бутылка водки,
Торчит в окне бессмысленный рассвет!*

Такое решительное отстранение от богемы было, видимо, продиктовано не только её сутью, но и тем, что поэт заметил влияние её на себя. Это подтверждается тем, что в первоначальных вариантах стихотворения есть чисто диссидентская строфа, которую он потом убирает:

*Ещё мужчины будущих времён —
Да будет воля их неустрашима! —
Разгонят мрак бездарного режима
Для всех живых и подлинных имён!*

Но, как видно, уже тогда такое легковесное, диссидентское разрешение извечного вопроса о соотношении общественного, государственного и личного Николая Рубцова не удовлетворяло. Ведь это было формальное, спекулятивное по сути, не приводящее к декларируемым результатам представление, служащее как правило *самоутверждению*, но никак не *спасению*... Да и сводящееся к элементарной, примитивной логике: глупый царь или генсек, «бездарный режим» с одной стороны, и умные подданные с другой стороны, причём — не народ вообще, а лишь «избранные», богема, безответственная, ибо такой позицией всю ответственность за неустройство мира она перекладывает на царя, генсека, силу внешних обстоятельств, — кого угодно, но снимает её с себя... То есть тычет в лицо простому люду своей образованностью, которая на поверку окажется вовсе и не образованностью, а скорее начётничеством. Конечно же, такое представление не могло удовлетворить Николая Рубцова. Он уже тогда чувствовал в нём неправду. Неслучайно в последующих стихах у него настойчиво и последовательно проявляется пушкинское понимание соотношения государственного и личного, восходящее к «Медному всаднику».

Эти переключки в стихах Николая Рубцова с «Медным всадником» поистине примечательны и многое объясняют, но, кажется, никем пока не замечены. Сводятся же они к тому, что каждый человек, от царя до маленького человека, бедного Евгения, имеет свою меру ответственности перед Богом, перед жизнью и перед самим собой за всё происходящее в этом мире. Тема же «Медного всадника», как известно, имеет два аспекта. Это — *стихийность* жизни, неподвластная даже царям, и — преследование бедного, маленького человека. Оба эти аспекта с удивительной ясностью и определённо проявились в стихах Николая Рубцова.

Прежде всего — *стихийность*, неуправляемость жизни, выраженная в стихийном бедствии, в наводнении. Напомню эти строчки А.С. Пушкина из «Медного всадника»:

*Обломки хижин, брёвна, кровли,
Товар запасливой торговли,
Пожитки бедной нищеты,
Грозой снесённые мосты,
Гроба с размытого кладбища*

*Плывут по улицам!
Народ
Зрит Божий гнев и казни ждёт.*

Такую же картину неуправляемой стихии мы находим в стихотворении Николая Рубцова «Седьмые сутки дождь не умолкает»:

*Неделю льёт. Вторую льёт... Картина
Такая — мы не видели грустней!
Безжизненная водная равнина
И небо беспросветное над ней.
На кладбище затоплены могилы.
Видны ещё огромные столбы.
Ворочаются, словно крокодилы,
Меж зарослей затопленных гробы.*

И ещё, более определённой, с каким-то мистическим отблеском — в пророческом стихотворении «Я умру в крещенские морозы...»:

*На погост речные хлынут волны!
Из моей затопленной могилы
Гроб всплывёт, забытый и унылый,
Разобьётся с треском,
и в потёмки
Уплывут ужасные обломки.
Сам не знаю, что это такое...
Я не верю вечности покоя!*

Ну и тема преследования маленького человека, восходящая к «Медному всаднику», тоже сказалась в стихах Николая Рубцова более чем определённо. Скажем, в его знаменитой «Прощальной песне» («Я уеду из этой деревни...»):

*Ты не знаешь, как ночью по тропам
За спиною, куда ни пойду;
Чей-то злой, наступающий топот
Всё мне слышится, словно в бреду.*

Стихотворение «В гостях» имеет ещё одну мировоззренческую особенность, над которой, как видится по всему, мучился Николай Рубцов. Дело в том, что стихотворение это распадается на две части, на две темы. Первая часть: «Трущобный двор. Фигура на углу. Мерещится, что это Достоевский». И вторая часть, содержащая собственно описание богемы: «Куда меня беднягу занесло...» Видимо, поэт чувствовал и осознавал несоединённость этих тем: Достоевский и богема... Тем более, что в первой части он писал довольно ясно: «Не может быть, что это был не он: Как без него представить эти тени». То есть получалось так, что Достоевский является родоначальником и предтечей богемы. Вовремя почувствовав это несоответствие, поэт разбивает стихотворение на три главки, то есть отделяет Достоевского от богемы. А в первоначальных рукописях книги «Звезда полей», над которой он работал, напомним, в 1964 году и два последующих года, вообще отбрасывает вступление с упоминанием Достоевского и начинает стихотворение «В гостях» со строчки «Куда меня, беднягу, занесло...» Именно в таком виде стихотворение подготовлено для книги «Звезда полей» и в рукописи Чечёткина, и в рукописи Шантаренкова. Но, к сожалению, стихотворение «В гостях» не вошло в «Звезду полей», не вошло и в книгу «Сосен шум», а вошло только в посмертную книгу поэта «Подорожники». В связи с этим во всех изданиях оно публикуется не в том виде, в каком его готовил поэт для «Звезды полей». Как следовало бы публиковать это стихотворение сегодня? Видимо, полностью, со вступлением,

где упоминается Достоевский, но при этом, разбивая его на главки, как это делал сам поэт. И, конечно, ни в коем разе не убирая посвящения Глебу Горбовскому, которое почему-то опускается во всех последующих публикациях.

Так распознав сущность богемы и шире — той литературной идеологически ангажированной среды, в которой ему предстояло жить и работать, выразив решительное её неприятие и, конечно же, осознавая, что в ней ему нет места, Николай Рубцов должен был искать свой образ жизни, такой, при котором он смог бы исполнить своё предназначение поэта. Что можно было противопоставить той разрушительной нервной среде, где всё «торчит»? Конечно же, трудную, трагическую судьбу Родины, России и непростую участь её народа. Примечательно, что именно в этот, 1962 год, когда было написано стихотворение «Поэт» («В гостях»), Николай Рубцов впервые после долгого перерыва едет в село Никольское, где прошло его детдомовское детство. Эта тяга человека уже во все не сельского во глубину России, в вологодское село, поистине поразительна и имеет не столько биографический, сколько духовный смысл. Ведь у него не было там родительского дома, да по сути не было и малой родины в её привычном понимании, поездки на которую носят обыкновенно идиллический характер. Примечательна и очень значима ремарка биографов поэта о том, что ему со своей женой Генриеттой Михайловной Меньшиковой, с которой он вместе воспитывался в детдоме, пришлось заново знакомиться *заново*... Да, ему, уехавшему из Никольского по сути мальчишкой, пришлось *заново* знакомиться с этой сельской, северной Россией. Это было новое постижение Родины. Да и искать ему, сироте, кроме Родины, было нечего в огромной стране.

Эти встречи с Родиной не были идиллическими, так как носили не столько биографический, сколько духовно-мировоззренческий характер. Они были, по выражению самого поэта, *мучительными*: «Не порвать мне мучительной связи С долгой осенью нашей земли...» А в одном из писем он признаётся: «В прелестях этого уголка я уже разочаровался, т. к. нахожу здесь не уединение и покой, а одиночество и такое ощущение, будто мне всё время кто-то мешает, и я кому-то мешаю, будто я перед кем-то виноват и передо мной тоже».

Вообще это давнее, навязчивое и бесплодное противопоставление города и деревни как якобы испорченного цивилизацией мира и мира природного, непорочно — было надумано и ни на чём не основано. Это особенно остро осознаётся сейчас, когда русский сельский мир с помощью потаённо проводимых идей глобализации вообще оказался разрушенным... Такое противопоставление и дало повод лучшую часть русской литературы второй половины двадцатого века уничижительно обозвать всего лишь «деревенской» и «тихой лирикой». Человек ведь так устроен по самой своей природе, что находит себя, по сути, в любой обстановке. И потом, будем помнить, что дух веет, где хочет. Кстати, у самого Николая Рубцова мы не находим подобных ортодоксальных представлений. Наоборот, он уходит от формальных противопоставлений города и деревни, так как для него нет самой по себе сельской темы, но есть тема России и её судьбы. К примеру, в стихотворении «В городе»:

*Как часто, часто, словно птица
Душа тоскует по лесам!
Но и не может с тем не слиться,
Что человек воздвигнул сам!*

*Холмы, покрытые асфальтом
И яркой россыпью огней,
Порой так шумно славят альты,
Как будто нету их родней!*

Тут напрашиваются иные аналогии из русской литературы. Как Александр Блок постоянно ездил из Петербурга в подмосковное Шахматово, в самый центр сельской России, так и Николай Рубцов после долгого перерыва ездил в вологодское село Никольское. И это по общему мнению «городской» Блок (подумать только, из сорока одного года жизни тридцать шесть лет в весенне-летне-осенние месяцы жил в Шахматово, в сельской России!) Как Блок в роковые для страны годы обращается к теме России («Мы дети страшных лет России Забыть не в силах ничего»), так и Рубцов «в дни непогоды» обращается к теме Родины, судьбы России, и она становится главной и определяющей до конца его жизни. А потому Блок был особенно близок Рубцову, гораздо ближе, чем, скажем, Есенин с его захлёстывающей эмоциональностью, да и атеистическими блужданиями в начале пути, чего Блок и Рубцов избежали...

Здесь, видимо, надо отметить поразительный факт, к сожалению, остающийся неосмысленным. Из всех поэтов двадцатого века, — его второй половины, только Николай Рубцов, а позже Юрий Кузнецов в полной мере поняли Блока, восприняли и во всей глубине переняли тему России, её судьбы во всём её трагизме. Это оказалось не под силу даже поэтам фронтового поколения, да и поэтам-ровесникам Николая Рубцова и Юрия Кузнецова, которые были всё-таки в плену стереотипных представлений. Да и как могло быть иначе, если даже теперь, когда настало время бесстрастно перечитать русскую литературу и когда обнажилась вся глубина пророчеств Александра Блока, он в угоду каким-то произвольным тематическим концепциям, без всяких на то оснований и доказательств, всё ещё остаётся «рафинированным» поэтом (Сергей Большаков, «Богатые люди», «Литературная газета», № 28, 2006 г.). Что под этим надо понимать, неведомо. Видимо, некую тенденциозность и вообще неглубокое понимание поэтом вещей этого мира. Конечно же, это неправда, всё ещё кочующая по критическим статьям. А то и вовсе какой-то вульгарный социологизм, восходящий к двадцатым годам миновавшего века, выставляющий поэта полным «глубоких противоречий», человеком с «чёрной душой», сознание которого «обезбожено», что это якобы личность, «разрушающая основы русского государства, православные, семейные ценности» (Т. М. Сидоренко «Проблемы интеллигенции в творчестве А. Блока и В. Кожина. Материалы 3-й Международной научно-практической конференции. Армавир, 2004 г.). Вадим Кожин, конечно, глубоко и точно писал о феномене русской интеллигенции, только А. Блок тут абсолютно не при чём. Блок как раз наоборот решительно порвал с такой «интеллигенцией», как впрочем, позже и Рубцов, — с «богемой», обратившись к народной жизни и судьбе России. Всё это, как понятно, — литературоведческая демагогия, не имеющая никакого отношения к творчеству Александра Блока... Это разговор — не о поэзии. О чём угодно, только не о поэзии.

Там, в северном вологодском краю, Рубцов постиг совсем иной образ России, совсем иной её идеал, нежели тот, который был в современной ему поэзии. С такой любовью, с такой тоской и тревогой за неё со времён Блока и Есенина действительно ещё никто не писал. И с такой, конечно, глубиной понимания её судьбы.

Такие простые картины, казалось, уже давно не были предметом любви и восхищения:

*И мухи летают в крапиве,
Блаженствуя в летнем тепле...
Ну что там отрадней, счастливей
Бывает ещё на земле?*

*...Ну что ж? Моя грустная лира,
Я тоже простой человек, —*

*Сей образ прекрасного мира
Мы тоже оставим навек.*

С темой родины Николай Рубцов становится большим поэтом. Но не тема сама по себе делает его таковым, а та искренность, эмоциональность и тревога, с которыми он переживает судьбу России. Ну и, конечно, образная глубина осмысления её состояния и её положения в мире. Причём, в таких, казалось бы, простых картинах её бытия.

Попутно отмечу, что даже рубцовский «образ прекрасного мира» восходит к Блоку, являясь прямо-таки текстуальной перекличкой:

*Сотри случайные черты —
И ты увидишь: мир прекрасен.*

С таким первородным образом России, выходящим из всей её предшествующей судьбы, проникнутым православным пониманием мира, Николай Рубцов, конечно же, встречал сопротивление и редакторов, и непонимание идеологически ангажированной части читателей, представлявших Россию по-другому, для которых она начиналась с начала миновавшего революционного века, а всё, что этому предшествовало, представлялось «консерватизмом» и «патриархальностью», якобы только мешающим продвижению по пути прогресса... А тут было совершенно иное понимание Родины, шокировавшее отвыкших от истинной поэзии читателей:

*Здесь каждый славен —
мёртвый и живой!
И оттого, в любви своей не каюсь,
Душа, как лист, звенит, перекликаясь,
Со всей звенящей солнечной листвой,
Перекликаясь с теми, кто прошёл,
Перекликаясь с теми, кто проходит...
Здесь русский дух в веках произошёл
И ничего на ней не происходит.*

«Здесь русский дух в веках произошёл»... И более значимого события быть не может... В связи с этим мне представляются надуманными и даже ложными рассуждения о вере поэта и его якобы безрелигиозности. «Он не отличался особой религиозностью», — писал Н. Коняев. Думается, что такое утверждение всецело строится на стереотипном представлении, когда за веру принимается внешняя набожность, но не сам православный образ мыслей, растворённый в миропонимании поэта. Об этом писал Николай Рубцов в письме к Глебу Горбовскому: «Почти исчезли здесь классические русские люди, смотреть на которых и слушать которых одна радость и успокоение. Особенно раздражает меня самое грустное на свете — сочетание старинного невежества с современной безбожностью, давно уже распространившиеся здесь». Но несмотря на это, поэт постоянно сравнивает Русь, Россию с храмом, с собором и даже называет её *божеством*: «О сельские виды! О дивное счастье родиться В лугах словно ангел, под куполом синих небес». «Отчизна и воля — останься, моё божество!» Но при этом поэт не впадает в ортодоксальность, решительно расходясь как со своими современниками, большей частью если и не атеистически настроенными, то равнодушными к своей природной вере, так и с нынешними их последователями, вдруг ставшими набожными порой до неприличия:

*И я молюсь — о, русская земля! —
Не на твои забытые иконы,
Молюсь на лик священного Кремля
И на его таинственные звоны.*

И что примечательно, сравнивая Россию с храмом, причём с храмом разрушенным, Николай Рубцов во многих стихотворениях представляет её *спящей*, окутанной сном:

*Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны.
...И тайные сны неподвижных больших деревень.
...Лежат развалины собора,
Как будто спит былая Русь.
...Как сон столетний божий храм.
...И сон окутал родину мою.
...Купол церковной обители
Яркой травой зарос.*

Почему поэт обращался к образу сна? Конечно же, тем самым, в образной, не декларативной форме он говорил о степени *духовной разрушенности России*... Ведь известно представление, сближающее сон и смерть. А. Афанасьев в «Поэтических воззрениях славян на природу», писал, что смерть и сон «в мифологии различных народов являются между собой близкими, родственными. Гомер называет Смерть и Сон близнецами, а Гесиод — чадами Ночи... На такую древнейшую связь понятий смерти и сна указывают и наши предания. Народная пословица утверждает их братство: «Сон смерти брат». (Издательство «Индрик», т. 3. М., 1994 г.). В языке нашем до сих пор метафоричное обозначение смерти сохраняется как «вечный сон»... В согласии с этим древним представлением и в в стихах Николая Рубцова Россия *не просто спящая, но пребывающая в духовной разрушенности*...

Редакторы из такой глубочайшей образности не могли вывести прямой «крамола», чтобы предъявить её автору, но чуяли, что тут что-то не то, а потому и стремились убрать такие стихи из книг. Примечательна в этом плане работа Николая Рубцова над стихотворением «По вечерам». («С моста идёт дорога в гору...»). В сохранившемся письме в Северо-Западное книжное издательство он буквально умоляет в ответ на уступки оставить это стихотворение в книжке. Но — тщетно. Тогда он пытается спасти это стихотворение. Дописывает к нему последнюю строфу, из которой и берётся название «По вечерам»:

*Всё так же весело и властно
Здесь парни ладят стремена,
По вечерам тепло и ясно,
Как в те, былые времена...*

И по теме, и по настроению абсолютно ясно, что строфа эта дописана во имя спасения стихотворения. В самом деле, развалины собора, как образ спящей былой Руси, и стремена — ну никак не согласуются... Но даже и в таком виде стихотворение не вошло и в «Звезду полей», и вообще не было опубликовано в прижизненных книгах поэта, хотя он и предпринимал меры для его публикации. Во всяком случае 15 августа 1964 года в «доработанном» виде он высылает это стихотворение руководителю творческого семинара в Литинституте Н. Н. Сидоренко, который должен был со своим словом о поэте передать стихи в журнал «Огонёк». Но и там оно не было опубликовано... Никак не вписывался Николай Рубцов в существующую идеологическую и литературную ситуацию, отстаивая право русской поэзии на своё существование. И главное — с честной и пронзительной темой России в то время, когда само слово *русский* всё ещё выставлялось лукаво *шовинизмом*... Мешал он как официальным идеологам, так и «эстрадным поэтам» — трубадурам этой идеологии, которые теперь, благополучно дожив до старости и впад в графоманство, что тоже является закономерностью, задним числом цинично выставляют себя «гонимыми»...

Здесь надо сказать об одной особенности работы Николая Рубцова. Несмотря на ревностное отношение к своим стихам и принципиальность, он между тем не был эдаким поэтом-отшельником, но абсолютно понимал идеологическую ситуацию в обществе, адекватно на неё реагировал, входя в положение редакторов. Трогательно читать его письма к редакторам, в которых он, понимая, что какие-то строки могут не пройти, даёт их варианты: мол, если эта строчка не пройдёт, поставьте эту, но ни в коем разе не позволяя никому править свои стихи.

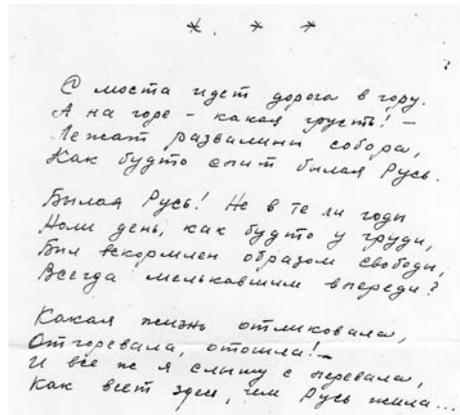
Нельзя не задаться вопросом и о том, почему довольно многие стихотворения поэта всё ещё продолжают публиковаться не в авторской редакции? Дело в том, что изменённые редакторами строки и даже стихотворения, а также те изменения, на которые поэт пошёл в качестве уступок, были опубликованы только в книге «Звезда полей». По заведённому же тогда этикету поэт, по сути, не мог повторить стихи в последующих книгах. Последней же прижизненной книгой поэта был сборник стихотворений «Сосен шум». Таким образом, в искажённом виде стихи остались в «Звезде полей», откуда и перепечатываются в последующих изданиях. Редакторы и составители берут теперь стихи из «Звезды полей», полагая, что они и есть канонические...

Но как же быть теперь со стихотворением «По вечерам»? По всей вероятности, его надо публиковать в том виде, в каком его готовил для «Звезды полей» сам поэт, каким оно сохранилось в рукописях А. Чечёткина и Н. Шантаренкова, то есть без последней «пристёгнутой» строфы и без отвлекающего внимание названия «По вечерам». Ведь это действительно одно из самых глубоких стихотворений в русской лирике двадцатого века:

*С моста идёт дорога в гору.
А на горе — какая грусть! —
Лежат развалины собора,
Как будто спит былая Русь.*

*Былая Русь! Не в те ли годы
Наш день, как будто у груди,
Был вскормлен образом свободы,
Всегда мелькавшим впереди?*

*Какая жизнь отликовала,
Отгоревала, отошла! —
И всё ж я слышу с перевала,
Как веет здесь, чем Русь жила...*

Автограф из рукописи «Звезды полей»

Образ «спящей России» в русской поэзии вовсе не нов. Но только Николай Рубцов, сравнив Родину с разрушенным храмом, с такой пронзительностью и точностью выразил её духовное состояние. Это ведь совсем не то, что у А. Блока:

*Ты и во сне необычайна,
Твоей одежды не коснусь.
Дремлю, а за дремотой тайна
И в тайне ты почишь, Русь!*

Рубцов же писал тогда, когда священных одежд Руси-России «коснулись», да так, что от неё остались развалины... И прежде всего были разрушены её духовные основы. В этом смысле Николай Рубцов, безусловно, стоит особняком в русской поэзии двадцатого века. А трагическая тема России, никем из его современников не постигнута с такой глубиной.

Но об этом образе «спящей России» стоит говорить и потому, что в русской общественной мысли он имел двоякий и прямо противоположный смысл, выходящий в конечном итоге из расколотости русского самосознания. С одной стороны — тютчевское понимание, к примеру, в стихотворении «Ужасный сон отяготел над нами...»:

*И целый мир, как опьянённый ложью,
Все виды зла, все ухищренья зла!..
Нет, никогда так дерзко правду божью
Людская кривда к бою не звала!..*

*И этот клич сочувствия слепого,
Всемирный клич к неистовой борьбе,
Разврат умов и искаженье слова —
Всё поднялось, и всё грозит тебе.*

В этом стихотворении гений Тютчева прозревает то, что всякое быстрое, кратчайшее разрешение житейских вопросов, тем более путём революционным, то есть варварским, в принципе ложно.

Но было ведь и другое представление, более упрощённое, воинствующее и в конечном итоге одержавшее верх. Это представление революционных демократов о том, что «спящую» Россию надо «будить», звать к топору, так как она, по их разумению, всегда или «больная», или «спящая», не поспевающая за всемирным прогрессом. Причём, всякая Россия — и самодержавная, и советская, и демократическая. И «будили» ведь до тех пор, пока от народной и государственной жизни не осталось камня на камне... Причём, «будили» не как-нибудь, а с помощью «колокола», что само по себе кощунственно и цинично, ибо колокол созывает людей на молитву, а не на резню... Примечательна оценка деятельности из дня сегодняшнего того же А. Герцена, издававшего «Колокол», позже раскаивавшегося, то есть признавшего ложность избранного им пути: «Нравственно ли, устроившись в Европе, бороться со злом крепостничества на деньги, получаемые от продажи русских крепостных душ? Не честнее ли было бы борцу с рабством для начала отпустить своих рабов на волю? С учётом всех бюрократических проволочек, это было не сложнее, чем эмигрировать, перевести капиталы в надёжные банки и организовать свободное издательство». (Людмила Сараскина, «Литературная газета», № 15, 2005 г.). Всякая же попытка оправдать такую революционную деятельность заботой о народе и его свободе, является в принципе ложной, так как она имеет не социальную только или организаторскую природу, но духовно-психологическую, и в определённой мере даже медицинскую. Да и потом, и это главное — она никогда не приводила к декларируемым результатам... Первопричина её — в самоутверждении личности, других форм для своего проявления не находящей, а вовсе не в чаяниях народа... В народном самосознании и в русской поэзии живёт другое представление: будить колокола души, то есть бороться за живую человеческую душу, выдерживая брань духовную. Как, к примеру, в стихах А. Блока:

*Иль может лучше: не прощая,
Будить мои колокола,
Чтобы распутица ночная
От родины не увела.*

Это напоминание о «спящей» России совершенно необходимо и для того, чтобы оттенить смысл вроде бы подобного образа в стихах Николая Рубцова для того, чтобы представить положение поэта, в конце концов, завершившееся трагедией. Ведь он жил и творил в эпоху торжества «революционных ценностей», а отстаивал народное

миропонимание. Его жестоко вытесняла из жизни эта денационализированная, антихудожественная, агрессивная среда, захватившая, к сожалению, и литературу. В этом состояла главная причина его трагедии и ранней гибели.

10 июля 1964 года, то есть за три года до выхода книги «Звезда полей», он пишет из села Никольского своему руководителю творческого семинара Н. Н. Сидоренко: «Вообще зачем это сидят там, в институте, некоторые «главные» люди, которые совершенно не любят поэзию, а, значит, не понимают и не любят поэтов. С ними как-то даже странно говорить о стихах (это в Литературном институте!). Они всё время говорили со мной, например, только о том, почему я выпил, почему меня вывели откуда-то, почему и т. п., как будто это главное в моей жизни. Они ничего не понимают, а я всё объяснял, объяснял, объяснял...»

Помимо внешних, житейских обстоятельств были ведь ещё и муки душевные, выходящие из самой природы поэтического творчества, неизбежные и неустрашимые, то, что поэт сам определил более чем ясно, как «адский дух»:

*Нет, не найдёт успокоенья
Во мне живущий адский дух!*

И в стихотворении с символическим названием «Расплата»:

*И опять по дороге лесной
Там, где свадьбы, бывало, летели,
Неприкаянный, мрачный, ночной,
Я тревожно уйду по метели...*

Расплата за талант, за то, что не изменил своему призванию, бережно неся свой крест. Примечательно, что в этой характеристике поэтического творчества Николай Рубцов ближе не есенинскому — «Дух бродяжий, ты всё реже — реже Расшевеливаешь пламень уст», но блоковскому пониманию, скажем, из стихотворения «К Музе» прямо-таки с текстуальными перекличками:

*Зла, добра ли? — Ты вся — не отсюда.
Мудрено про тебя говорят:
Для иных ты — и Муза, и чудо.
Для меня ты — мученье и ад.*

Более подробно А. Блок объяснял это в статье «Следует ли авторам отвечать критике?»: «Писать, значит пребывать в особом мире, значит поститься и трудиться. Писать трудно и должно быть трудно. Создание художественного произведения есть совершенно особый вид труда, и если он затрачен в меру силы художника, он даёт художнику и совершенно *особое удовлетворение*, сам по себе, независимо от всего».

Это общее свойство истинно поэтического творчества:

У Блока:

*Я — тоже здесь с своей судьбой
Над лирой, гневной, как секира,
Такой принижённый и злой
Торгуюсь на базарах мира.*

В другом стихотворении:

*А я склонён над грудой книжной,
Сухой и сгорбленный старик...*

У Рубцова:

*Сижу среди своих стихов,
Бумаг и хлама...*

Но этот «адский дух», бремя таланта, помноженные на постоянное житейское неустройство, подрывавшее здоровье, оказались для Николая Рубцова непомерны-

ми... Примечательно наблюдение Василия Оборотова, хорошо знавшего поэта: «Осенью 1967 года вышла «Звезда полей» Николая Рубцова. Выслушал он немало похвал, но оставался к ним равнодушен. Высказывались о книге или нет — он знал, что её читали, чувствовал истинное отношение к его стихам по интонации, по тому, как к нему обращались... Видимо, перегорел человек ожиданием: ведь столько вошло в эту книгу из давних стихотворений, цену которым он представлял уже тогда и от которых теперь далеко-далеко ушёл... Приём в Союз писателей Николай Рубцов тоже прошёл как должное, без особых восторгов. И к Литинституту уже охладел в то время, заканчивая его только по необходимости».

Естественно, что основной исток трагедии поэта таился в нём самом, помимо, так сказать, внешних, социальных обстоятельств.. И всё же нельзя не удивиться тому поразительному факту, что наиболее чуткие люди, во всяком случае в писательской среде, осознавали, что всё идёт к трагедии, к гибели поэта. Виктор Коротаев, к примеру, *при жизни поэта* написал даже строчки, которых потом сам испугался:

*Потеряем скоро человека,
В этот мир забредшего шутя,
У законодательного века
Вечно незаконное дитя...*

А Нинель Старичкова послала поэту новогоднюю открытку со словами: «Береги свою голову». Могла ли так называемая писательская общественность уберечь поэта? Может быть, и нет. Но она могла сделать то, что обязана была сделать, что, возможно, и изменило бы ситуацию, стремительно идущую к трагической развязке. Она могла оградить поэта от явного *сатанизма*. Но в том-то и дело, что это были писатели, воспитанные и выросшие в определённой духовно-мировоззренческой среде, для которых сатанизм как вполне реальная опасность не воспринимался. Более того, вологодские писатели вполне серьёзно собираются на обсуждение сатанинских стихов будущей убийцы поэта. Допускаю, что, собираясь, они не знали, что именно будут обсуждать. Но ведь узнали:

*...Когда-нибудь в пылу азарта
Взовьюсь я ведьмой из трубы
И перепутаю все карты
Твоей блистательной судьбы!*

Но дьявольский смысл этих стихов как вполне реальная и скорая угроза поэту просто не воспринимался. И самым нечутким и непроницательным оказался основной борец с «коммунизмом» Виктор Астафьев. Вот как описала это «обсуждение» стихов убийцы поэта, стихов, относящихся скорее не к литературе, а психиатрии, Мария Корякина: «Виктор Петрович толкнул легонько Колю в бок — они сидели рядом — и сказал: «А баба-то талантливая!» — Ну что Вы, Виктор Петрович! Это не стихи, это патология. Женщина не должна так писать». В этом мне видится один из основных истоков трагедии поэта Николая Рубцова.

В заключение выскажу отдельные текстологические замечания, которые должны быть учтены при последующих изданиях стихотворений поэта. Странно, во всяком случае, что текстологический анализ в наследии Николая Рубцова как бы даже не предусматривается. Насколько мне известно, разве только Вячеслав Белков предпринимал такой анализ.

Одним из принципиальных с точки зрения мировоззренческой разночтений является строчка: «Боюсь, что над нами не будет *таинственной* силы» в стихотворении «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны...» Другой вариант её: «*возвышенной* силы». Вячеслав Белков даже предположил, что «видимо, и сам поэт не мог оконча-

тельно выбрать одно из этих слов» («Автограф», № 42, Вологда, 2006 г.). И всё же сам ход работы над этим стихотворением даёт нам право считать, что канонической должна быть строчка «Боюсь, что над нами не будет *таинственной* силы...» В первоначальном варианте, по рукописи Н. Шантаренкова, она выглядела так: «Боюсь, что *со мною* не будет *возвышенной* силы», и там слово «возвышенной» было оправдано. Но коль поэт перевёл значение из личностного на общее, возникает слово «таинственной». Кроме того, и это, пожалуй, главное, — такой эпитет является традиционным в русской поэзии, восходящий к Ф. Тютчеву:

*Не поймёт и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В простоте твоей смиренной.*

И к А. Блоку:

И в тайне ты почишь, Русь.

Даже такое классическое стихотворение, как «В горнице» требует текстологического уточнения, причём, подтверждённым печатным источником. Первоначально в нём была строфа:

*Красные цветы мои
В садике завяли все,
Лодка на речной мели
Скоро догниёт совсем.*

Но потом поэт изменил её:

*Ранние цветы мои
К вечеру завяли все.*

Вносить исправления в книгу «Звезда полей» было уже поздно. Но Н. Шантаренков, редактор сборника «Стихи, стихи» (М., «Искусство», 1967 г.) успел внести исправления, сделанные поэтом в это стихотворение. Кроме того, такое исправление находится в русле особенностей поэтического мира Николая Рубцова, о чём в своё время писал Вадим Кожин, отмечая, что собственно цветочные детали в стихах Рубцова очень редки: «Это отсутствие цвета, конечно же, немногие цветочные детали, которые всё же есть в некоторых стихах Николая Рубцова, имеют случайный характер. Их могло бы и не быть, ибо поэт явно не ставил перед собой изобразительных задач». («Николай Рубцов», М., «Советская Россия», 1976 г.).

Поразительны такие, прямо скажу, провалы или недоразумения, какие происходят во всех изданиях с публикацией стихотворения «Памяти Анциферова». И в рукописи А. Чечёткина и в рукописи Н. Шантаренкова, и в воспоминаниях о поэте это стихотворение приводится полностью. Между тем, во всех изданиях оно публикуется без первой строфы, по всей видимости, убранный редактором «Звезды полей», как недостаточно оптимистической и довольно мрачной. Во всех автографах поэта стихотворение начинается так:

*Его проглотила земля,
Как смертного, грустно и просто.
Свела его, отдых суля,
В немую обитель погоста.*

Между тем, во всех изданиях стихотворение начинается со второй строфы:

*На что ему отдых такой?
На что ему эта обитель,
Кладбищенский этот покой —
Минувшего страж и хранитель?*

Ведь даже чисто логически не вполне понятно, если опускается первая строфа, о какой «обители» идёт речь, если она названа в первой строфе: «В немую обитель погоста». Совершенно очевидно, что это стихотворение в последующих изданиях должно публиковаться полностью. Кроме того, поэт хорошо помнит о том, что его друг Анциферов был шахтёром, поэтому, видимо, и писал так: «Его *проглотила* земля». К сожалению, последующие издатели стихотворения этого не заметили и вместо *проглотила* пишут *поглотила*...

Николай Рубцов был совершенно точен в деталях, неслучайно же он столь настойчиво отстаивал свои стихи. А потому, конечно же, должны быть внесены в стихи исправления, сделанные самим поэтом. В стихотворении «Видение на холме» — вместо «Траву жуют *стреноженные* кони» — должно быть, согласно правке поэта, «*опутанные* кони».

Конь был для Н. Рубцова символом свободы и воли, — это проходит через многие его стихи. А потому «стреноженные кони» относятся больше к коневодству, чем к образной системе поэта. В том-то и дело, что кони — «опутанные», то есть лишённые воли...

Ну и в стихотворении «Нагрнули» строчка: «Ты прости нас, *полюшко* усталое» вместо — «Ты прости нас, *родина* усталая» является чисто редакторским и даже цензурным исправлением. А потому, в публикациях этого стихотворения должно быть восстановлено: «Ты прости нас, *родина* усталая...».

Следует сказать ещё об одной особенности поэтического мира Николая Рубцова, которая ясно прослеживается по той правке, которую он вносил в стихотворения: чем труднее, невыносимее становилось жить ему самому, чем он становился всё более раздражительным, тщетно доказывая вещи очевидные, тем снисходительнее и мягче он становится к простому человеку. Не в пример «эстрадникам», с некой, как им, видимо, представлялось, «высоты», вечно предъявляющим счёт народу за то, что он живёт не по их разумению. Словно не замечая, что причина наших неустройств и бед вовсе не в народе, а в той схоластике, которую ему навязывали и по которой народ жить просто не может...

Виктор Астафьев, вспоминая о том, как были созданы «Вечерние стихи» («Когда в окно осенний ветер свищет...») писал о том, как Рубцов задремал в том ресторане «за Вологодой-рекой», а «официантка-стерва» толкнула его и он шмякнулся головой о стол... Словом — скандал. Да и была это не «блондинка Катя», как в стихах, а Нинка. Для стихотворного публициста это был такой повод поблести свою правоту. Но Рубцов с такой любовью пишет о блондинке Кате и её ресторане, где так уютно... Да ещё выходит на трудные размышления о жизни: «Вникаю в мудрость древних изречений О сложном смысле жизни на земле»...

В стихотворении «Русский огонёк» первоначально хозяйка, приютившая странника, «тупо слушала меня». Но уже в «Звезде полей» нет этого уничижения простой русской женщины, измотанной жизнью, но есть сочувствие ей:

*Потом хозяйка слушала меня,
Но в тусклом взгляде жизни было мало...*

А в стихотворении «Видение на холме» первоначально, по рукописи Чечётина, было:

*Люблю твою, Россия, старину,
Твои огни, погосты и молитвы,
Твои иконы, бунты бедноты,
И твой степной бунтарский
свист разбоя!*

Но уже в «Звезде полей» стихотворение приобретает принципиальные уточнения:

*Люблю твою, Россия, старину,
Твои леса, погосты и молитвы,
Люблю твои избушки и цветы,
И небеса, горящие от зноя,
И шёпот ив у омутной воды,
Люблю навек, до вечного покоя.*

«Бунты бедноты» и «свист разбоя» перестают быть дорогими сердцу поэта. Да это ведь и противоречило тому, что «русский огонёк» горит «среди тревог великих и разбоя»...

Уже только эти уточнения, внесённые самим поэтом, позволяют сделать вывод о том, как последовательно он стремился к народному самосознанию, к народным представлениям, подчас преодолевая первоначально захлёстывающую его эмоциональность...

Как и каждый большой поэт, Николай Рубцов, конечно же, осознавал своё место в русской литературе, ту непростую миссию, которая ему выпала, последовательно, несмотря ни на что, отстаивая своё назначение поэта. Это сказалось в его «Экспромте», который по Пушкинской традиции можно назвать «Памятником»:

*Я уплыву на пароходе,
Потом поеду на подводе,
Потом ещё на чём-то вроде,
Потом верхом, потом пешком
Пройду по волоку с мешком —
И буду жить в своём народе!*

ПРИМЯТЫЙ ЦВЕТ

(ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ЧЕРТЫ ПОЭМЫ ЮРИЯ КУЗНЕЦОВА «РАЙ»)

Мистериальная поэма Юрия Кузнецова «Рай» содержит, практически, только первую главу неосуществлённого авторского замысла. В произведении нет такой развёрнутой галереи персонажей, как в поэме «Сошествие в Ад», по художественной хронологии предваряющей последнюю часть гениальной кузнецовской трилогии. Однако в авторском неоконченном тексте есть множество смысловых и эстетических знаков, позволяющих судить о нём как о лирическом целом. В первую очередь, это касается приложения «райской» сюжетной завязки к реальной жизни, к месту в ней alter ego поэта, к динамике разворачивающейся картины, по масштабу — вселенской.

Надо сказать, что динамической пружиной всех трёх мистерий Кузнецова является изначальная авторская подача событий как происходящих «здесь и сейчас». В отличие от многих подобных произведений своих поэтических предшественников, в том числе и от дантовской «Божественной комедии», у Кузнецова поэт-рассказчик попадает в надмирное пространство не как турист, которому демонстрируют устройство мистической вселенной в виде когда-то сложившейся и к настоящему моменту «устоявшейся» структуры. В трилогии Поэт выступает как свидетель череды грандиозных событий. Он движется вослед Христу, проходя все этапы земной жизни Сына Божьего, следуя за Ним сначала в Ад, а затем уже — в Рай, наблюдая его великое «второе заселение».

Рай перед вами. Ступайте! — промолвил Христос.

Реяли светы вдали. Участь Рая решилась.

Элементом такого связующего пунктира можно назвать, к примеру, присутствие Поэта на свадьбе в Кане Галилейской, о чём в поэме «Сошествие в Ад» Иисус напоминает ему. Или фигуру Разбойника, который впервые появляется в сцене распятия, затем будет развёрнуто прорисован автором в «Сошествии» и, наконец, вот он замыкает сонм праведников, входящих в Райские Врата. Подчеркнём, что в последнем эпизоде Поэт на прощание обнимается с Разбойником как товарищ по греху, избавляющий земную жизнь духовным движением ко Христу. Здесь почти буквально отображены слова причастной молитвы: «но яко разбойник исповедую Тя».

В «райском» сюжете заметна скованность и неуверенность в себе кузнецовского Поэта, когда он приближается к Вратам, говорит с Христом, находится вблизи от страшного и притягательного Древа Познания. Здесь нет ничего, что было бы устроено по желанию Поэта автоматически. Он выступает малым просителем, для которого возможный отказ в просьбе и порицание, скорее, привычны, чем неожиданны.

Вместе с тем, Христос понуждает Поэта просить больше, чем подобает, и выше положенного мыслителю и художнику по его земной принадлежности. «Я дам тебе зренье», — говорит Поэту его Проводник. И эти слова характеризуют творение Кузнецова как духовное наблюдение, а совсем не как умозаключение.

Чувство собственного нравственного положения удивительно приближает не только главного героя, но и всю поэму «Рай» к читателю. Автором соблюдена важнейшая для этого повествования духовная дистанция между обычным земным человеком и Царством Бога, между художником, по-земному ограниченным, — и Христом, беспредельным и всеблагим.

Если вспомнить кузнецовскую «Атомную сказку», в которой грех разрушения красоты и тайны жизни целиком возлагался автором на Иванушку, т. е. на человека, то в «Рае» Поэта к Древу Познания притягивает, кажется, непреодолимая сатанинская сила, которую в одиночку, без помощи Ангела, ему не превозмочь.

...ангел, хранитель печалей твоих.

Если узнаешь его, то на малое время

Он облежит и потом, как в Раю, твоё бремя.

«Бремя в Раю!..»

И вот тут перед нами — кузнецовская поправка собственных давних слов, причём она не отменяет однажды сказанное, но проявляет ранее не зримое. Кроме того, автор показывает, что в Раю искушения и бремя возникают по отношению к телесному человеку — святые угодники в своём духовном воплощении этого не ведают. Таким образом, мы видим словно бы повтор адамова преступления, Кузнецов даёт возможность каждому примерить проступок первого человека на себя — не с помощью благоразумной авторской сентенции, а вводя читателя в круг действия, позволяя ему почувствовать свою слабость перед безмерностью высших сил. Это проекция мистического прошлого на сиюминутное настоящее.

Фигура Ангела-хранителя, спасающего Поэта от дьявольского искушения, не имеет видимых очертаний. Тем не менее, Ангел чуток и неотделим от порученной ему души. Он призывает на помощь в минуту необходимости Святого Георгия Победоносца, который поражает Ворона со змеиным взглядом, искушающего Поэта, что к Древу Познания «шёл, как слепец на обрыв, упираясь в молитву». Отметим, что молитва, не имеющая зримого образа, здесь показана как нечто материально осязаемое («**упираясь** в молитву»), тогда как Ангел, изображение которого знакомо нам по иконописи, дан автором в виде голоса:

— Так покажись. Я твой образ имею в виду.

— Голоса будет довольно. Я рядом иду...

Для верующего человека такой порядок вещей обыкновенен: и молитва, как посох, сопровождающая тебя по жизни; и голос ангела, который слышит твоя душа, порой обиходно именуемая «внутренним голосом». Но насколько лаконично это обозначено Кузнецовым в тексте — ясное, как божий день, и глубокое, как откровение. У поэмы «Рай» огромная плотность смыслов на строку, на картину, на образ.

Сходя в Ад, Христос и его сопровождение летят в Божественном мраке «под Вселенной». Устремляясь в Рай, их путь лежит «над Вселенной». В окрестностях Эдема простирается голая местность, покрытая туманом, — это «долина печали гнева», сотрясаемая вечным рыданием Адама о первом грехопадении. Райское пространство, напротив, предстаёт в виде «цветущей долины».

Кузнецовский текст насыщен противоположностями, однако они даются поэтом как-то исподволь, вне лобового столкновения. Автор чувствует огромность Боже-

ственного мира, неявные взаимосвязи его частей и примет, понимает, что всякому предмету соответствует его единственное место, и потому нет нужды в наглядном противопоставлении высокого и низкого, светлого и тёмного. И это тем более верно, что мистический Божественный мир наполнен прощением и волей Христа.

Нет ничего раз и навсегда определённого, даже из Ада можно попасть в Рай по молитве на земле или в райском Саду. Так град Китеж, первоначально низвергнутый в Ад, впоследствии, сияя куполами, внутри «вечной тучи» прилетает «к светлой звезде своего назначения».

Плач покаяния наполнил скорбную долину, «твердь отворилась, и хлынули тайные воды», смывая остатки «несвятости» с прибывших праведников.

— Эта святая вода вас омоет, народы! —
Молвил Христос. Все народы омыл водопад.

Однако земной и телесный Поэт не по праву находится рядом с Христом и святыми душами, и потому очистительная влага его не касается («мимо и тайно падали воды»). Но по воле Христа одна капля окатывает Поэта до пят и, высыхая, даёт ему странную одежду из трав волшебного узора. Так он предуготован к тому, чтобы молить Бога о возможности хотя бы на одно мгновение увидеть Рай. Сквозь просвет в игольное ушко он проникает в Сад, идёт, приминая цветы, оставляющие вечное благоуханье.

*Скоро ли, долго ли шёл я в цветущей долине,
Запахом скажет тот цвет, что примят и поныне.*

Замечательна деталь, характерная для стиля поэмы: протяжённость пути и его временная долгота показываются через запах примятых цветов, т. е. косвенно и как бы отстранённо от картины происходящего. А хронологическая метка «поныне» определено принадлежит другому времени, иному пространству, свидетельствуя уже о днях написания поэмы: путешествие состоялось, Поэт вернулся в земной дом и слагает повествование о судьбах мира. Но реально — он умер, ушёл от современников, однако былые следы его отчётливы: помимо земной поверхности они остались навечно в Раю, где только телесный человек может примять траву, ибо души праведников легки, практически невесомы (достаточно вспомнить рассказ Сергея Нилуса о батюшке Серафиме Саровском, страницы, где описывается его пребывание в Духе Святом).

Многие «райские» приметы Поэт сближает с явлениями здешними, материально плотными и вполне конкретными.

*Время летело, как лунь среди белого дня,
И, задремав на излёте, задело меня.*

На практике, разумеется, так и должно быть: непознанное, как правило, описывается через знакомое. Но в христианских поэмах Кузнецова этот обычный приём становится художественным принципом, позволяющим дать Бога в соприкосновении с человеком — окаянным и низвергнутым, прощённым и просветлённым, будто проявленным этой мистической связью.

Отношение Бога к человеку и человека — к Богу, поиск Божьего образа в себе самом — вот основа, на которой словами вышивается мистериальная картина, или иначе — та доска, на которой пишется «словесная икона» Кузнецова. Эпическое и мистериальное начала здесь сливаются воедино, и «склеивает» их особый лиризм

поэта, изначально содержащий редкую способность органически сопрягать великое и малое.

Кузнецов нарисовал контуры Рая, но персонифицированных фигур в отрывке поэмы нет. Были бы они в райском Саду, и кто бы в него попал — вопрос журналистский, по определению. Вряд ли жители Рая предстали бы перед читателем в подробностях, будто продолжая в ином контексте и ракурсе галерею грешников. Такой контраст автора, очевидно, не устраивал, и это подтверждает стилистическая канва всей трилогии. Кроме того, претенциозные, «школьные» пятёрки, наглядно поставленные душам праведников морализирующим поэтом, неминуемо разрушили бы грандиозный кузнецовский замысел.

Но конкретные человеческие характеры в поэме были бы обязательно. Наверное, Кузнецов показал бы в Раю «ситуационных» людей, в земном образе которых несмотря ни на что хранится Спасительное зерно, впоследствии становящееся залогом Вечной Жизни.

ТЕРПЕНИЕ ЗЕМЛИ И ВОДЫ

(ПОЭЗИЯ ДИАНЫ КАН И СОВРЕМЕННОСТЬ)

Оно так, деточки. Кто трудится, кто терпит, тот и старше.

Антон Чехов. «В овраге»

*...молчанью учусь у пустыни,
а пенью — у Волги-реки.*

Диана Кан

Покойный отец Тихон Агриков говорил, что мы живём в прибавленное время. Чрезмерное внимание к проблеме ожидания Второго Пришествия... уводит от настоящего, заставляет забрасывать текущие насущные дела, делает нас пассивными. Второе Пришествие ещё будет, а ты уже сейчас умираешь.

Протоиерей Николай Гурьянов.

Из «Бесед великих русских старцев»

Литература, по существу, есть смыслообразующая часть культуры. Так или иначе, все иные компоненты или духовно-телесные отображения культуры несут на себе отпечатки столь присущего литературе духовного поиска, раздвигающего душевные человеческие рамки, преодолевающего их и тем самым подтверждающего, казалось бы, не требующую доказательств давнюю истину: человек есть существо метафизическое.

Тем не менее, этот постулат всякий раз облекается многочисленными оговорками, и вот уже их плотная короста едва ли не покрывает его совсем, так что он только угадывается, почти удалённый из каждодневного человеческого существования — именно поэтому зримо лишённого черт надвременного бытия. Только в личностном начале присутствует таинственный бытийный сколок. Когда оно явно приглушено, быт берёт верх, тело управляет душой, а душа обречённо низвергается в сумеречную пучину подсознания.

Но вот однажды личность забывает себя, заземляет воздушные сердечные порывы, услащает горечь разочарований и собственной тяжкой вины — и обращается к примерам прошлого, утешается логикой разумного, убаюкивает себя тёплой негой инстинктивного... Так возникает духовная смерть, и человек начинает «жить в духовной смерти». Он становится рационален, послушен внешнему расчерчиванию его теперь съёжившегося «я» (прежде потенциально космического), уподобляется шахматной фигуре — схематичному облику, прикреплённому накрепко к алгоритму действий и перемещений, не существующему вне этого алгоритма...

В этих современных, удручающих обстоятельствах ответственность собственно литературы повышается неизмеримо. Она призвана объяснить читателю реальность, какой бы страшной и смутной та ни была... Показать высокое в человеке, потаённый отпечаток изначального образа Божьего... Приблизить горожанина к природе, чтобы вновь соединились мир зверей, растений, полей и рек — с миром трепещущей человеческой души, которая бесконечно устала от самой себя и ищет абсолютного закона доброты, правды, милосердия и любви.

И вот тут уместно обратить наш взгляд на современную русскую поэзию, поскольку именно ей в огромной степени свойственна интуиция и способность показать малыми словами — великое, а в житейском — проявить вневременное.

Но совершенно неожиданно мы обнаружим, что русская поэтическая почва перенасыщена семенами цветов и трав, прекрасных и целебных, однако в отсутствии древесных корней и плотного ствола являющих собой поросль в каком-то общем смысле сезонную, скоропреходящую. Она не связывает живыми жилами разные земные слои и не устремлена в наступающий день. И станет понятно, что современная поэзия обеднена талантами, к которым приложим образ родового дерева, объединяющего прошлое, настоящее и будущее. Это дерево словно бы присутствует моментально в разных временах и в разных пространствах, присоединяет к себе всё дорогое, лечит больное и чахнувшее, даёт живительный сок зелёным и слабым побегам, дабы на завтра они окрепли и продолжили русскую жизнь, у которой не видно начала и нет конца, ибо она — вековечна. Но всё же есть имена и стихи, поразительные по жизненной силе, сосредоточенной в них. Один из таких феноменов — поэзия Дианы Кан.

...В стихотворениях Дианы Кан практически невозможно обнаружить то бессильное уныние, которое, словно паралич, поразило нашу поэзию в последние годы. Не беря во внимание стихи бравурные, во многом внешние и крайне несовершенные в литературном отношении, можно увидеть, что тяжкий недуг тоски всё более утверждается в русском поэтическом организме. Крайне мало поэтов, которые, не призы-

вая к немедленной борьбе за возрождение родимой земли, так чувствовали бы её мощные подземные токи, так понимали бы её глубокое и величественное дыхание, так спокойно созерцали бы её почти мистическую красоту — бессмертную: ибо уйди человек-варвар в никуда, и воспрянет всё природное в своём дивном совершенстве, будто и не было века жестокости, беспамятства и сухого ума.

Жизнелюбие — едва ли не уникальное свойство в современной литературе — есть примечательнейшая духовная черта поэзии Дианы Кан. Это движение сердца, взгляда, ума охватывает в её стихах видимый земной мир и человеческое прошлое, оно устремлено в завтрашний день, вернее, к той черте, что отделяет сегодняшнюю, непроглядную ночь от наступающего рассвета. В поэтической речи Кан нет резонёрства и петушинных уверений в неизбежности русской победы над злом. Но есть какое-то тайное знание, что эта победа определённно произойдёт... Поэт должен обладать невероятно большим ростом, он парадоксально возвышается над временем, ему по силам озирать огромные земные пространства и приближать к глазам крохотные детали мира. Конечно же, перед нами метафизическая фигура певца, спрятанная в человеческое тело с неповторимым лицом, движением глаз, взмахом рук, голосом и походом. У него есть имя и фамилия, родичи и друзья, отчий край, любовь, ненависть, борьба и милосердие. И ещё — чувство рода... Ясно понимаемое слово «мы» наполнено для поэтессы не только совершенно реальным расширительным смыслом, но и мистическим, когда на одной линии могут стоять и древний богатырь, и крестьянин-пахарь прошлых десятилетий, и солдат Великой Отечественной, и учитель-подвижник, не жалеющий себя в нынешнее, вероломное и подлое время.

Певец способен охватить без разрывов большие временные отрезки. Он возвышается над приземным течением времени и не пленён текущей хроникой жизни, у него личное отношение к происходящему, сильный голос и спокойная, с несокрушимым достоинством интонация речи. Вот, в самых общих чертах, корень, из которого произрастают творческое вдохновение и нравственный стоицизм поэтессы.

Очевидна и почва, питающая русское древо сегодня. Она даёт опору телу и душе и скрывает под собой пласты старого жизнеустройства. Принимая минувший день, мы яснее видим отдалённое прошлое, созревает наше миропонимание, складывается наша репутация, формируется духовное задание.

Диана Кан предъявила современникам знаки почвы и поколения. Её поэтический профиль, таким образом, стал отчётливо узнаваем. Однако тайные пределы художественного мира поэтессы и законы его устройства не постичь без дополнительных, самых общих смысловых ориентиров. Множество стихотворений Кан неопровержимо свидетельствуют: это — земля и вода. Их сокровенная роль исключительно велика в её творчестве. И ещё — терпение...

У Дианы Кан всякое упоминание воды связано с реками, ручьями, дождём... Малые — говорливые Татьяна, Криюша, Сухая Самарка, величественная Волга со своими притоками-воложками, песенный казацкий Урал-Яик, Москва-река, мертвящая живую влагу, что питает её течение...

«Матушка Теплынь-река, неспешна и светла» видится поэтессе зеркалом традиционной русской жизни, которая «упорно, не спеша, торит земной тернистый путь...» Иные речки кажутся людьми, со своими повадками и житейской историей. Хотя их долгий век несопоставим с мгновенной человеческой жизнью. Они исподволь, как бы невзначай могут рассказать певцу многое о давнем времени, о людях былинного прошлого, о чудесных знаменьях и пророчествах. Вода у Кан всегда течёт, животворит, утоляет жажду и вместе с землей дарит крестьянину хлеб. Это — **пресная** влага, которая, даже собираясь в море-водохранилище, кардинально отличается от стихии

морской, горьковато-солёной. Собственно моря в стихотворениях поэтессы нет. И если в какой-то строке вдруг появится солёная влага, она окажется тёплой женской слезой, ещё одной приметой стоического русского быта.

В стихотворении «Не похвалялся, едуци на рать...» солдат, вернувшийся с победой в отчий дом, испил чистой колодезной воды... Таинственная родовая стихия, вода связывает землю и небо, касается человека, омывает его, но в руки не даётся, потому что является чем-то **изначально** живым, в отличие от любого иного предмета, даже луговой травы. По сравнению с измученным цивилизацией человеком, бег речной воды кажется мудрым и наивным одновременно.

У Дианы Кан речной говор переключается с песенным словом, и шире — с народной речью. Поэт одухотворяется этой языковой средой, её сокровенной правдой, исповедальной как в мистическом, так и в земном смысле, когда важно рассказать другому обо всём, что мучает твоё сердце. Такое понимание поэзии требует от художника ответственности, перекраивает его судьбу, заставляет трепетно ценить голубя как вестника Божия и снисходительно относиться к житейски рассудительной синице («ты — Слово, возводящее на крест — две тыщи лет сквозь мрак летящий голубь»; «вёрткое словечко-воробей»).

В стихотворениях Кан сосредоточено очень сильное строительное начало, что особенно заметно на фоне современной русской поэзии, до предела перенасыщенной погрёбальными или, напротив, баррикадными мотивами. В таком «психологическом устройстве» её художественной речи чувствуется некая внутренняя обязанность автора перед Вышним. Юность трав и весеннее детство земли поэтесса очень ценит. К человеку же у Кан — другой счёт: у человека должна быть задача. Он не может стать «наивной травой», однако непременно должен **быть** при траве, при дереве, при реке, при поле... Чуткий, милосердный и властный — для православного христианина в этих определениях содержатся самые общие характеристики Бога. Но и человеку-созидателю подобные свойства в той или иной степени присущи. Если читатель согласится с таким утверждением, для него в стихотворениях Дианы Кан станут понятными не только образы воина, художника, матери, но и олицетворённые образы Руси, Волги, ветра, всего русского космоса — «неоглядного пространства, посильного лишь для славянских глаз».

Совершенно реальные земли и реки у поэтессы соседствуют с былинными образами. И если реальность, попадая в художественное произведение, становится некоей идеей, словно бы парящей над грубой земной поверхностью, то мистический антураж, совсем наоборот, превращается во что-то осязаемое — его можно не только видеть в деталях, но и потрогать рукой. Таковы два стихотворения Кан о реке Смородине и Пучай-реке. В них лирическая героиня предстаёт в виде воительницы, призванной остановить нашествие тьмы и смерти на Русь.

В славянской мифологии Смородина — река, отделяющая мир живых от мира мертвых; место обитания Чуда-Юда поганого — от Родины, Руси Святой. Через Смородину переброшен Калинов мост, а меж берегов течёт огненный поток, кипящая смола (название реки от древнерусского слова «смород» — сильный, резкий запах, зловоние, смрад). У моста находится ракивов куст. По преданию, он вырос на самом первом на земле камне, выброшенном рыбой из моря. Это — место обитания птиц и животных, обладающих даром предвидения и особой силой. Среди них — Соловей-разбойник.

Противостояние на Калиновом мосту, на реке Смородине есть вечная битва Добра и зла, в христианской мистике — происходящая в сердце каждого человека.

Перед нами — не только преддверие битвы с нечистью, но и сторожевой дозор:

Ракитов куст. Калинов мост.

Смородина-река.

*Здесь так легко рукой до звёзд
достать сквозь облака.*

*И — тишина... И лишь один
здесь свищет среди ветвей
разгульный одихмантьев сын
разбойник-соловей.*

*Почто, не зная почему,
ступив на зыбкий мост,
вдруг оцетинился во тьму
мой верный чёрный пёс?*

И ворон гаркнул в пустоту:

*«Врага не проворонь!»,
когда споткнулся на мосту
мой богатырский конь.*

*Здесь мой рубеж последний врос
на долгие века...*

Ракитов куст. Калинов мост.

Смородина-река.

Тишина, словно перед бурей, зловещий посвист соловья-разбойника, небо закрыто облаками. Но взор богатыря видит звёзды сквозь тучи, и его рука, кажется, в состоянии достать до них. Здесь нет прозрачности природы, однако очевидна просветлённость главного героя. И очертания его роста, несопоставимого с бытовыми представлениями. Важно понять существенную особенность этих метафизических контуров воина: он — не надмирен, а как бы «сквозьмирен» и способен проникать в своём шаге и взгляде и времена, и пространства.... Может показаться, что богатырю помогают притемнённые персонажи, чей облик обнаруживает их связь со ступившимся за мостом мраком: «мой верный **чёрный** пёс»; «ворон гаркнул в пустоту: «Врага не проворонь!» (не названный прямо **чёрный** цвет).

Мир Божий насыщен множеством цветов, в числе прочих — и чёрный. А мрак — это отсутствие явного цвета и его границ, линий и полутонов, уничтожение формы — как свойства, которое Бог сообщил творению. И потому нередко ворон — вестник мудрости и прозорливости, а чёрный пёс — верный помощник и страж. По русским поверьям, двоєглазка — **чёрношерстная** собака, имеющая под глазами два белых пятна, которыми она усматривает всякую нечистую силу...

Мы должны понимать, что нас окружает, в какое время мы живём, что нам предлагает сегодняшняя культура с назойливостью «напёрсточника», — прежде, чем откроем книгу стихотворений Дианы Кан и войдём в её художественный мир, исполненный высокого национального задания и духовной ответственности.

В кругу молчаливых монашек

смирив горделивую грусть,

в букет монастырских ромашек

лицом покаянно уткнушь.

Туманы. Дурманы. Обманы...

Вот мир, где познала я тьму.

*«Отыди от мене, сатано!» —
при встрече отвечу ему.*

По древним русским народным представлениям, поверхность земли расстроена грехом, поразившим мир. Но в глубине лежит настоящее, чистое земное тело, с которым связан образ Богородицы. Так и человек, до предела опутанный мирской суетой и тяжкими проступками, не является существом, окончательно погибшим, потому что в глубине своей душа человеческая — христианка. Это же можно сказать и о современной России.

*Глубинка русская, держись!
Трудись, родная, дотемна!
Такая, зная, приспела жисть,
что ты столице не нужна...
С люб**ЫМ**, как с люб**ЫМ**, в пляс идёт,
весельем чумовым зайдясь...
Поберегись, честной народ!
Ей всё равно, что грязь, что князь.*

У Дианы Кан «заблудшая земля» ещё хранит заповедную чистоту в медвежьих уголках, малых селах, лугах и лесах, в то время как столица собственного нравственного падения совсем не стесняется, распространяя порок по русским городам и весям. Одухотворённые строки поэтессы, так или иначе связанные с образом земли, невозможно прикрепить к тесному пространству нынешнего российского центра...

Облики земли у поэтессы, как правило, разделены. Востоку принадлежит песок, вздымаемый ветром пустыни и заметающий царства, прежде славные и великие. Русь соединена со степью, каменистой и ухабистой дорогой, лесной поляной, болотиной, огородной пахотой, полевой стернёй. Только среднерусская пыль, взметаемая грозовым дуновением, как будто сроднена с пылевой азиатской бурей. Но если Восток внушает человеку мысли о тщетности земных усилий, какими бы целеустремлёнными они ни были, то российские просторы напоены дремлющей свободой и жизненной силой, спрятанной в слоях чернозема и готовой явить себя с первой тёплой дождевой или речной влагой.

Песок и пыль — символический аналог времени. Судьба связала детство и юность Кан с Азией, закалившей ее характер и волю. Корейская и казацкая кровь смешались в жилах поэтессы, породив жёсткий характер и мягкую отходчивость, ярость бойца и православную покаянность. Вместе с тем, Кан отчётливо понимает разницу между кровным родом — и родом духовным. Отдавая земле земное, не отрекаясь от прожитой жизни и всем существом впитывая жизнь настоящую, поэтесса чувствует мистику Святой Руси и собственную принадлежность к Небесному Отечеству.

Образы рек, и в особенности Волги; **лица** простых людей, тянущих нелёгкую жизненную лямку; печаль разорения и сердечное умиление красотой русского пейзажа; тяжкий труд униженных и оскорблённых соотечественников; почитание таинства свежего, тёплого хлеба; любовь и ненависть, терпение и стоицизм — всё слилось в некий художественно-бытийный поток, вдохновенный и властный. Такова поэзия Дианы Кан, в своей полноте и национальная, и православная... У Дианы Кан образная речь, по видимости, пряма и понятна, однако почти всегда в её строках содержится отблеск метафизики, едва заметный надмирный знак, свободно соседствующий с реальным чередованием слов и ритмов, красок и предметов. Это как мимолётный жест или мгновенное изменение лица, когда за наглядным — вдруг приоткрывается бездна.

Одновременно стихи Кан насыщены изобразительностью, причём очень часто — в отсутствие привычных поэтических тропов. Девочка-узбечка Тульганой дарит азиатскую лепёшку гостю, и та собирается увезти скромный подарок домой, в Россию.

*Я её за тридевять земель
увезу в страну берёз и елей,
чтоб приснился доченьке моей
рокот голубых памирских селей.
Там укрыл бескрайние поля,
словно хлопок, русский снег глубокий...
Пусть узнает девочка моя
голос моей Родины далёкой!..*

Художественное тут почти неуловимо: текст повествует о событиях и намерениях, а главное поэтическое сообщение передаётся поверх слов, из души — в душу. Как правило, подобная лирика не переводима на иной язык. Русский литературный XIX век дает нам множество подобных примеров, среди которых Пушкин и Некрасов — первые...

Множество стихотворений Дианы Кан рассказывают читателю о скромных русских реках, в которых поэтесса видит приметы самых разнообразных людских характеров. Скромница Татьяна, ворчливая, тщеславная Ваза, суетливые и старательные Самарка и Сок, погружённая в себя, неторопливая речка Моча. Мастерски развёртывая сюжет, Кан словно бы ведёт речь о дорожном попутчике, соседе, служивом человеке, о шумливой ребятне, оживляющей своими звонкими возгласами притихшую деревенскую улицу, порушенный городской двор. Она с поразительной лёгкостью поведает как будто житейскую историю, но внимательный взгляд обнаружит в одной её стихотворной строфе точные координаты времени и пространства, нравственные вехи и выбор, перед которым замирает человеческое сердце. Бытовое незаметно раздвинет свои границы, подобно театральному занавесу, и бытие замерцает неясным светом, обнаруживая то один мистический знак, то другой. Это свойство присуще едва ли не каждому стихотворению Дианы Кан. Кажется, нет темы, которая не смогла бы развернуться в полноте и противоречиях под пером автора.

Соединяя в собственном сознании и крови характер Востока с чувствами, воспитанными православной Русью, Кан словно бы даёт современной русской литературе ключ к пониманию отдельных событий и исторических глав. Преодолевая внутренний мировоззренческий разрыв, она научилась сочетать страстность духовного подвижника с мягкостью православной мирянки, требование жертвы и самоотречения — со снисходительностью к человеческим слабостям.

Когда поэтесса говорит, что учится у русских рек двенадцати наречиям, — это не поэтическая фраза, а настойчивое вникание в историю людей и земли: «они всегда по-разному расскажут о Руси». Тут необходимо терпение и спокойное желание понять коллизии прошлого и настоящего. И Кан обращается к образу Волги.

*Плывущая вдаль по просторам, как нава,
и речь заводящая издалека,
собой не тончава, зато величава
кормилица русская Волга-река.
По чуду рождения ты — тверитянка.
Слегка по-казански скуласта лицом.
С Ростовом и Суздаем ты, угличанка,
помолвлена злат-заповедным кольцом.
Как встарь, по-бурлацки ворочаешь баржи —
они и пыхтят, и коптят, и дымят...
Нет-нет, да порой замутится от саж
твоей, матушка, неба взыскующий взгляд...*

Широкое, просторное сказовое повествование, неспешное и негромкое. И одновременно — учительское слово воды, в коем таится что-то надчеловеческое. Как и в других стихах Дианы Кан, река — нить, связывающая воедино разные племена и народы. И потому говор волжского течения — как праречь, интуитивно уловимая разноязычными людьми. Реалистический эпизод, рисующий героиню на берегу Волги, на редкость точен в деталях, свобода передвижения взгляда рассказчика очень естественна... Так и певцу, который дерзнул вести беседу с Волгой, должен быть присущ огромный метафизический рост. В противном случае невозможно передать то уважение — почти семейное, по интонации идущее со стародавних лет, которое звучит в словах Дианы Кан, обращённых к Волге: «матушка». Также и дочернее стремление рассказать ей о самом потаённом («когда печаль-тоска сжигает душу, //и Волга-мать за далью не видна, //часами на Татьянку и Кришу //любуюсь из высокого окна»). Порой река предстаёт в образе старшей сестры или даже подруги... Называя речки-воложки своими сестрицами, лирическая героиня вместе с ними сливается в объятиях «с Волгой — матушкой родной». Интонация стиха и образное имя реки, по видимости, обращённые к разным ипостасям, могут непротиворечиво соседствовать в лирическом сюжете (строй речи — мать; поворот рассказа — подружка).

Диана Кан попала на берега Волги из Оренбуржья. В стихотворениях о Самаремачехе она не раз упоминала о чёрствости этого города — примерно так, как принято говорить о Москве, бьющей приезжего с носка и не верящей слезам. Подлинный поэт всегда и везде одинок, нищ и горд. На Востоке хан может умертвить певца, здесь же толпа — множественный образ хама — в состоянии перекричать песню и затоптать её автора тысячью снующих ног. Волга примиряет героиню с Самарой, умиротворяет душу и неожиданно дарит ей связь с землей, которая её не желала и гнала. Диану Кан по праву можно назвать поэтическим голосом Волги, которая является для неё источником вдохновения и примером присутствия в мире. В образе главной русской реки поэтесса видит отражение «реки словесной», стремящейся стать полноводной, большой и сильной...

Русская традиция с древних лет была одухотворена неосознанным присутствием Христа в обыденном человеческом распорядке, в семейном, домашнем укладе, и через Богородицу — в фигуре матери. Этот образ в поэзии Дианы Кан зримо привязан к Волге — матери русских рек. Однако речь поэтессы, обращённая к современникам, старым и молодым, содержит множество оттенков, которые подчёркивают сострадательное и одновременно требовательное материнское начало её лирики. Не показываясь портретно, в привычном облике зрелой женщины или согбенной старушки, голос Кан исходит словно бы от невидимой женской ипостаси — материнской души, которой дороги дети и внуки, малые и большие, далёкие и близкие, живые и отошедшие в мир иной. Даже бесприютный ветер похож на сироту, которому не хватает теплоты и ласки:

*Много ль, право, надобно ему?
Приголубь да обогрей дыханьем.
Да засунь в пустую котому.
Да утешь, как дитяtko, сказаньем.
Ибо в мире всё растёт во сне...
Спи, родимый, чутким сном объятый!
Вырастешь и на большой войне
будешь своей родине солдатом.*

Так повелось в многострадальной и долгой русской истории, что мальчики становились защитниками родины, а девочки держали дом на своих тоненьких плечах, растили ребятню и сохраняли землю-кормилицу в достоинстве и красоте. Этим мальчикам и девочкам, которых стоит воспринимать как неугасимую надежду на торжество русской Правды, посвящены проникновенные строки поэтессы.

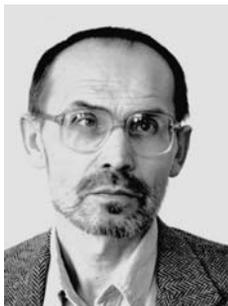
О, эти чудо-одуванчики,
 льяными бывшие и рыжими —
 совсем как новобранцы-мальчики,
 палёным ветром бриты-стрижены.
 Они по отчим неудобиям
 встают рядами поредельми.
 Иль жмутся к воинским надгробиям
 с их матерями поседелыми.
 Ужели им (уже не верится!)
 под всхлипы вешнего соловушки
 весной венки сплетали девицы
 и водружали на головушки?..
 Ужель совали им в карманчики
 гостинцы ласковые матушки?..
 Вчера лишь — маменькины мальчики...
 Сегодня — русские солдатушки.
 Они взойдут на поле ратное
 и сложат буйные головушки...
 И отцветут цветочки ранние —
 недолгие, как вдовьи солнышки.

Здесь присутствует некое общерусское материнство, пожалуй, не знакомое иноязычной литературе, которая ушла в частности — пусть порою очень важные, но расчленяющие народ на изолированные друг от друга судьбы. Тогда как в России чувство общей земли и доли всегда вело к единению людей, к возникновению непостижимого родства, истоки которого — в христианской любви и подвиге. Православное «братья и сестры» светится в этих юных лицах.

Поднимутся ранёшенько с постели —
 за всем в хозяйстве надобен догляд.
 Они прядут тонёшенько кудели.
 Они белым-белёшенько белят...

Это — глубинная Русь, как географически, так и духовно. Подо всем наносным, что легло чёрной печатью на облик русского человека, его «белое тело» не повреждено, так же как и сокровенная земля, однажды порученная ему Богом. Отблеск такого понимания отечественного бытия, чуткого и терпеливого, наполняет строки Дианы Кан... В стихотворениях поэтессы чрезвычайно много просторечных и диалектных слов, как услышанных где-то, так и новорожденных, впервые введенных в языковой обиход — литературный и разговорный. Русский язык в поэзии Кан резвится и радостно плещется, словно малое дитя в купели. Уже одно это дает ей ключ к отображению всего спектра глубокой и противоречивой русской жизни... Диана Кан — явление поэтически универсальное. В её стихах постепенно возникает художественная полнота русского бытия на пороге Апокалипсиса. Словно отвечая на возможные упреки литературных противников, которым не по душе резкие суждения поэтессы о болтунах-патриотах, о предательстве и слабости современного человека, она замечает: «Пускай я лгу... Но этот стих правдивей моего дыханья».

УКРАИНА — НЕРОССИЯ?

Двоим лучше, нежели одному; потому что у них есть доброе вознаграждение в труде их: ибо если упадёт один, то другой поднимет товарища своего. Но горе одному, когда упадёт, а другого нет, который поднял бы его. Также, если лежат двое, то тепло им; а одному как согреться? И если станет преодолевать кто-либо одного, то двое устоят против него: и нитка, втрое скрученная, не скоро порвётся.

Екклесиаст: 4; 9–12

1

У каждого народа свой норов, другим не всегда понятный. Оттого и трудно порой разным народам ужиться вместе. Как правило, в национальный менталитет откладываются результаты исторического опыта. Большею частью нелёгкого. Русский человек помешан на правде, но не надеется на справедливость. Почему-то за каждый относительный успех России приходится расплачиваться по спекулятивному курсу. За примерами далеко в историю ходить не надо. За освобождение от социализма страна заплатила утратой многих исторических территорий. Скромное место на мировом экономическом рынке куплено ценой значительного поражения в геополитических правах. Ослабление давления внутренних проблем отозвалось усилением нажима извне. Лёгкие победы режимов прозападной ориентации в новоявленных странах СНГ обусловлены субъективной невозможностью для России активно вмешаться в объективно направленные против её безопасности события. Дело не в слабости российской политики; настоящая причина в сильной антисоветской инерции общественного мнения Запада, незаметно для себя выродившейся в антироссийскую традицию. Цветные революции поддерживаются без разбору не оттого, что они соответствуют позитивным тенденциям развития, а потому, что они направлены против российского влияния в регионе. Никто не задумывается о последствиях; никто не отдаёт отчёта в том, что карнавалы перевороты не только не решают накопившиеся проблемы, но создают новые. Оранжевый цвет скороспелых революций — это не ответ апельсинов, которые

в восточноевропейском климате не приживаются, а отблеск раскалённых углей, которые Европа собирает себе на голову. Поощряя националистические тенденции в постсоветском пространстве, западная политическая элита косвенно провоцирует великорусский шовинизм как естественную реакцию на практику двойных стандартов.

Закрытие утопического проекта под аббревиатурой СССР мир принял с очевидным облегчением. Это понятно: угроза новой мировой войны, тревожащая благополучие Запада, развеялась. Издержки демонтажа социалистической системы были практически полностью отнесены на счёт России. Чем хуже ей придётся — тем лучше: другим неповадно будет своевольничать. По поводу подобного недалёкомыслия Талейран некогда предостерегал Наполеона: *это хуже чем преступление, — это политическая ошибка*. Потому что Россия рано или поздно вызволится из беды — не впервой! — а вот что будет дальше... В конце XX века на территории старого континента столкнулись два разнонаправленных процесса: интеграционный и дезинтеграционный. Единение европейских стран и распад евразийской системы. Продукты распада накапливаются по всему периметру бывшего Советского Союза как очаги напряжённости в мировых отношениях. Без консолидации постсоветского пространства нельзя рассчитывать на устойчивое равновесие в мировом масштабе. Проекту Единая Европа должен быть сопоставлен (а не противопоставлен!) проект Единая Евразия. И доминирование России в этом направлении предопределено. Чем раньше и определённое это будет признано, тем проще будет задача восстановления геополитического единства региона от Балтийского моря до Тихого океана и от Северного Ледовитого океана до Каспийского моря. Как ни гляди, а это немалый кусок глобуса.

Что же происходит сейчас? Мировое общественное мнение перевело все моральные долги советской истории от революции до застоя на счёт новой российской государственности. Погасить их нельзя. Как невозможно заставить Германию воскресить погибших во Второй мировой. Россия — как и любая другая страна — не должна выкупать свою историю из заклада у современной геополитики. На все предъявляемые бывшими союзниками по СССР обвинения Российская Федерация может выставлять встречные претензии, столь же неоспоримые, сколь и бессмысленные. Скажем, решающую роль в партии большевиков играли инородческие элементы. Победу красных в гражданской войне в решающих боях под Орлом в октябре 1919 года обеспечили латышские стрелки, эстонская дивизия и бригада украинских червонных казаков. Готовы ли Прибалтика и Украина покаяться перед русским народом за бедствия социализма? Организаторами террора были Иосиф Джугашвили (более известный как Сталин) и Лаврентий Берия, — так кому должна Грузия предъявить счёт репрессий? Грузия, страна незаконной радости, самая свободная в *союзе нерушимом республик свободных* (строка из Гимна СССР), ныне являет пример зависимости от мелких выгод и злопамятства в старых обидах. Прибалтика, героический бастион европейской культуры в советском окружении, избавившись от социализма, раздувает национальные комплексы в национал-социалистические. Осуждение советского тоталитаризма не может и не должно быть приговором российской истории и оправданием фашизма. Это всё равно, что изгонять беса именем дьявола. Но возникает впечатление, что европейское общественное мнение согласно закрыть глаза на все передержки исторических исков к России, лишь бы навязать ей комплекс вины и ввергнуть в геополитическую депрессию. словно тайная цель молчаливого заговора — нащупать и инициировать в менталитете нации точки суицида. Чтобы всё вышло по Достоевскому... Чтобы

встал русский народ в лице его лучших представителей перед суровым, но справедливым судом истории в покаянном порыве как некий обобщённый Родион Раскольников: *Это я... Это я кругом виноват, — вяжите меня, люди добрые...*

Нарастание претензий к российской политике это не инфантильная реакция аутсайдеров на историю, — это хорошо продуманная истерика. Типологию национального злопамятства описывает петербургский философ Александр Секацкий в эссе «Вариации судьбы»: *На арене истории неизбывность прошлого является такой же реальностью, как и успешное преодоление его настоятельности. Наряду с народами, успешно прошедшими очистительную процедуру забвения, «отреагирования», существуют и народы-невротики, заиклившись на своём предназначении, всё ещё переживающие нанесённую обиду или последствия внезапного испуга. Свой травмирующий опыт они с удвоенной энергией называют исторической памятью. Что особенно важно, — фантомные боли перекрывают болевые точки современности. Финны, выпрямив историю своих сложных отношений с Россией по линии Паасикиви, излечили невроз. Прибалтика его культивирует. Слезинка обиженного ребёнка, которую выжимают из себя исторические сироты, имеет целью разжалобить все влиятельные мировые инстанции, чтобы решить спорные вопросы в свою пользу. К такой критической оценке асимметричной дипломатии русская интеллигенция, склонная скорее к самоосуждению, чем к самооправданию, пришла через разочарование в объективности европейского интеллектуального сообщества. Не скажу за всех, но мою совесть патриота реально тяготят две памятные даты: Финляндия 1939 и Чехословакия 1968. Во всех прочих случаях нужен диалог свободных от старых обид собеседников. Горько, когда тебя не хотят понимать. Горше того, когда не желают слушать. Особенно тяжело, когда активное непонимание исходит от самых близких. Поэтому больнее всего в сердце России отзываются жалобы Украины...*

2

Украина никогда не будет для русских людей *другой страной*. Это не значит, что Россия не признаёт в полной мере государственный суверенитет Украины. Как и других бывших советских республик. С античности известно: *Сами боги не могут бывшее сделать небывшим*. Обратного хода нет: карта Евразии перекроена по новым лекалам. Но если Прибалтика, Молдавия, Закавказье и Средняя Азия обрели самостоятельность путём раздела, то Украина и Беларусь (и отчасти Казахстан) ценой разрыва. Беловежское соглашение 1991 года — своего рода мюнхенский сговор. Это была очень плохая политика. Позорное предательство национальных интересов ради политических амбиций. Проведённый перед тем референдум не дал санкции на роспуск СССР. Общественное мнение требовало изменения политической системы и смены экономической модели, но не демонтажа государства. Народ был против, но демократические лидеры наплевали на народ. Номенклатура расчленила страну на куски, чтобы приватизировать власть по национальным элитам. Пожалуй, только в эпоху усовиц, приведших к гибели Киевскую Русь, можно было вот так разделить государство на уделы: это твоё, а это моё...

Право наций на самоопределение, великое достижение реальной политики, подразумевает сложные процедуры и надёжные механизмы осуществления этого права. Основное условие успешного развода — наличие доброй воли у договаривающихся сторон. Историк и философ Матти Клинге в «Очерке истории Финляндии» отмечает очень существенное для финско-русских отношений явление: *Финское*

*национальное самосознание стало развиваться только после 1809 года.... Финляндия, которая оставалась лояльной и довольно консервативной в течение всего XIX века, сохранила, в общем, довольно благоприятные условия для развития государства, рождённого в недрах большой политики. Если не вдаваться в детали, это действительно так. История как кукушка подбрасывала в гнездо российской державности малые нации и кочевые народы, чтобы двуглавый орёл в роли наседки мог высиживать их латентную государственность. Финляндия, Латвия, Эстония, Молдавия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан... Этих стран в старых атласах не значится. И эту реальную тенденцию не в силах перечеркнуть издержки великорусской державности или перегибы геополитической линии. К примеру, в отношениях с Финляндией русская революция смогла сохранить достоинство в 1917 году и не сумела в 1939. Тот же Клинге пишет: *У финнов Зимняя война оставила чувство пережитой несправедливости, смягчённое осознанием достигнутого благодаря единодушию и решимости результата — сохранения суверенитета страны.**

Сложнее, скажем, с Польшей. Тут накопилось столько взаимных претензий, что разговора хватит ещё на век. И уж совсем иное выходит с Украиной. Чтобы наглядно представить себе характер отношения русского державного сознания к новоукраинской государственности, можно вообразить, к примеру, что Финляндия вышла из состава Российской империи, прихватив Кольский полуостров, Поморье, Соловецкие острова, а также Республику Коми, ну и заодно Пермский край. Крым, тысячелетиями оспариваемый Европой у Азии, в русском менталитете всегда останется неотъемлемой частью отечественной истории. Севастополь столь же русский город, как Петербург, Мурманск или Владивосток, и утрата его — незаживающая рана в нашей геополитической цельности. Тем более что обретался Крым народными муками — штыком и кровью, а потерял по государственной глупости — пером и чернилами.

Отдельную особую украинскую историю трудно выкроить из общей для многих народов тысячелетней хроники русского мира. Это всё равно, что отгородить Финский залив в отдельное море. При надлежащем усердии можно, — но зачем?! Историческая Россия — это Великороссия, Малороссия, Новороссия, а также Белая Русь и Червонная Русь. Но если нельзя опровергнуть реальность, нужно её отвергнуть. Такова логика всякого радикализма. Национализм историка Николая Костомарова (1817–1885), одного из основателей Кирилло-Мефодиевского общества, отлился в «Книге бытия украинского народа» как своего рода мифология на вырост. Наиболее значительная работа идеолога украинской самостийности Михаила Грушевского (1866–1934) «История Украины — Руси» написана как развёрнутый поэтический троп, причём даже не метафора (одно вместо другого), а метонимия (часть вместо целого). Исходя из необходимости во что бы то ни стало доказать национальный приоритет, он находит начало украинского этноса в племенном союзе антов, в 4 веке н. э. осевшем по берегам Днепра и создавшем первое государство на этой территории. В наше время английский историк Норман Дэвис в «Истории Европы» (1996) последовательно демонстрирует возможности предвзятого подхода к проблеме украинской государственности: *В древности Украина была известна как Скифия или Сарматия... (с той же степенью исторической достоверности можно сказать, что Сербия раньше была известна как Византийская империя)... большая часть Украины получила постоянное население лишь в новейшие времена (из каких же этнических элементов сложилась нация?)*

В этой откровенно идеологической войне против устоявшихся представлений об общем для двух народов прошлом позиции российской стороны выглядят более

убедительными. Классическая русская историография от Соловьёва и Ключевского до Вернадского (в эмиграции) и Рыбакова (в СССР) избегает искушений шовинизма. Переяславская Рада волей народа в 1654 году приняла решение о навечном вхождении Левобережной Украины в Россию. Вот как определяет Георгий Вернадский этот наиболее важный пункт общей истории: *Обладая, несмотря ни на что, особой значимостью, объединение Украины с Москвой представляло собою событие огромной важности в истории обоих народов — как украинского, так и русского.... Было заложено основание для постепенной трансформации Московского царства в Российскую империю.* Выдающийся мыслитель, основатель этнологии как науки, историк Лев Гумилёв в работе «От Руси к России» рассматривает воссоединение русского и украинского народов как необходимый и неизбежный результат центростремительного евразийского процесса. *Выбор, сделанный на основе естественного мироощущения народа, оказался правильным.* По мнению Гумилёва, гарантом решения стала положительная комплиментарность двух этносов, то есть полная совместимость в одной государственной системе. *В XVIII в. украинское население быстро росло, и в его составе было множество пассионариев...* Далее Гумилёв аргументированно говорит о существенном влиянии украинской составляющей на развитие русской культуры и сложение российской государственности. Ответственность за последующую историю малороссы по праву делают с великороссами.

Реальная работа по выработке отдельной украинской государственности начинается только после крушения империи, и первый опыт, осложнённый условиями гражданской войны, нельзя признать удачным. Норман Дэвис, продолжая в своём исследовании истории Европы идеологическую поддержку украинского национализма, разворачивает нарратив в триллер: *Украинцы становились жертвами самых ужасных, спровоцированных людьми бедствий на Континенте и полномасштабного геноцида* (непонятно, кто должен ответить нам за этот геноцид — Сталин или Дэвис?). Эта предвзятость английского взгляда на европейскую историю традиционна (чтобы не сказать: реакционна). Так сэр Уинстон Черчилль, удостоенный Нобелевской премии за литературные достижения, в книге «Мировой кризис» очень художественно и откровенно пристрастно расставляет эмоциональные акценты на карте Европы после Первой мировой войны: *Германия, трепещущая, ошеломлённая, наполовину скованная, но все ещё одарённая теми изумительными способностями, которые дали ей возможность почти в полном одиночестве вести упорную борьбу против всего мира;... распростёртая ниц и смятенная Россия, эта страшная глыба — Россия, не только раненая, но отравленная, заражённая, зачумлённая; Россия вооружённых орд, сражавшихся не только с помощью штыков и пушек, но также с помощью мириадом тифозных бактерий, убивавших человеческие тела, и с помощью политических доктрин, разрушавших как здоровье, так и самую душу народа.... Польша, сравнительно маленькая, сравнительно слабая, совершенно неопытная, неорганизованная, нуждающаяся и в пище, и в оружии, и в деньгах, но в то же время громко на весь мир заявляющая о своих неоспоримых и вновь подтверждённых правах на свободу и независимость* (а также на Украину, — договорим то, о чём Черчилль деликатно умалчивает). Европейской политике нужно блокировать России выход из исторического тупика, куда она зашла, выполняя союзнические обязательства перед Антантой. Черчилль считает, что *таким буферным государством могла быть независимая Украина.* Родовая травма украинской государственности — кесарево сечение гражданской войны. Именно на этом сыграл Гитлер, используя западно-украинских сепаратистов в войне против СССР. Ничего хорошего для Украины из союза национализма с фашизмом выйти не могло. И ничего не вышло, кроме

позора коллаборационизма. Предательство и пособничество врагу никогда и никому не делало чести, как ни прикрывай его стратегическими интересами. Украинский гетман Мазепа, изменивший Петру Первому в войне со шведами, не годится на роль национального героя, и Степан Бандера, гитлеровский приспешник, как ни обелей его задним числом, не вписывается в национальный пантеон.

Национальная идея, на которую как на живую нитку шьётся новое платье великоукраинской державности, поражает прежде всего отсутствием конкретного содержания. Если русская идея, одержимая всеединством, страдает всеядностью и задыхается от избытка чувств, то украинская идея, удручённая подозрением, страдает нетерпимостью и сжимается в сердечный спазм. (Недоброжелатели, хорошо постаравшись, могут свести первую к мании величия, а вторую свернуть в комплекс неполноценности... ну да что с них взять, — на то они и недоброжелатели.) Бывший президент Украины (теперь уже позапрошлый и полузабытый) Леонид Кучма на пике своего политического влияния написал огромную книгу в изъяснение государственной идеологии. Её очень оперативно издали на двух языках, но кажется никто толком не читал, — да и не для того она написана... А для чего? Ежу ясно, ради заголовка, декларирующего государственственный девиз: «Украина — не Россия». Вот тут уже и таится некое лукавство: надо было главную идеологему прописать чётче и резче: «Украина — *Нероссия*». Именно в этом решительном отречении является разом вся суть радикального украинского шовинизма: умножение собственного достоинства путём вычитания *москальского* влияния. Аутентичность как бы сама собой обнаруживается через отрицание — не то, не то и не это. Это своего рода *апофатическая* национальная идея: она зиждется не на утверждении и соединении, а на отторжении и на расторжении. В математике есть способ доказательства от противного; в истории таких доказательств нет и быть не может, — никто нигде и никогда не стал самим собой назло соседу. На повседневном уровне в современную урбанистическую культуру *щирые украинцы* (то есть этнически чистые и патриотически настроенные) искусственно внедряют эстетические идеалы и бытовые ритуалы, характерные для деревенского уклада западных районов. Эта наведённая идентичность становится в политически активных слоях поведенческой модой. Смысловым сгустком национальной идеи стала мифологема Запорожской Сечи. В репрезентации патриотов казачества это своего рода рыцарский орден, героически оборонявший на исконной украинской земле идеалы христианской веры и вольной жизни от агрессии Турции, Польши и России. На самом деле этот реликт военной демократии в эпоху национальных государств существовал до поры как некий досадный нонсенс в мёртвой зоне, где разбивались на излёте встречные волны православной, католической и исламской экспансии. Герберт Уэллс в «Очерках истории цивилизации» не усматривает в казацкой вольнице отдельного украинского удела и говорит о появлении на окраине Московского царства *христианского степного народа — казаков... Все, кто не мог ужиться в России, как невинно преследуемые, так и преступники, беглые крепостные, члены религиозных сект, вору, бродяги, убийцы — все искали пристанища в южных степях, чтобы начать жизнь заново и бороться за жизнь и свободу против поляков, русских и татар — все равно против кого.... Основное место среди этих новых кочевых племён занимали украинские казаки на Днепре и донские казаки на Дону. Постепенно этот приграничный народ привлекли на российскую имперскую службу. С преобладанием русской силы в южном направлении Запорожская Сечь утратила *raison d'être* (довод к бытию, смысл существования). Кроме того, Сечь была заповедником мужского шовинизма — бабам туда ходу не было — может быть, потому Екатерина*

Великая закрыла этот казацкий рай с особым тайным злорадством. (Спустя два века потомки сечевиков отомстили императрице с лихвой, отписав на себя Крым, бывший её личным вкладом в Российскую империю.)

На государственном уровне Украина лелеет надуманные обиды и тешит застарелые комплексы. По русско-украинской пословице, простота такой политики хуже воровства (которого, кстати, тоже хватает в наших экономических отношениях). Украина набивает цену своим уступкам и одновременно рассчитанно играет на сентиментальность Запада, всё менее склонного вкладывать деньги в её экономику. Попытка Грузии, Украины и Польши наметить антироссийскую ось на съезде президентов Саакашвили, Ющенко и Квасневского в Крыму в августе 2005 года не более чем опасная спекуляция. Грузия, одурманенная ароматами революционных роз, погружена в геополитические грёзы. (Каким кошмаром оказалось пробуждение для грузинского народа, показали события 2008 года). Украина не вписывается в контур Единой Европы (проверьте по карте). Польша рада случаю показать своё влияние на Востоке, чтобы подороже продать его на Западе. Своekorыстный цинизм президента Ющенко и истерическое фарисейство премьера Тимошенко, как ни пиарили их националистические круги, не сложились в государственную идеологию. Украинская экономика ещё в большей степени чем российская сохраняет принципы позднесоветского номенклатурного феодализма. Передел собственности производится как раздел добычи между вассалами удельного князя, победившего в междоусобной войне за Киевский стол. Зачистка пророссийского истеблишмента, которую провела команда Ющенко-Тимошенко, невольно вызывает аналогии из истории тоталитарных режимов. Политическую систему, которую очевидным образом начала строить эта властная группа, можно предварительно определить как национал-демократизм: правовой произвол на основе национальной идеи, плохо прикрытой демократической демагогией.

Эта линия в конечном счёте не нашла поддержки в украинском народе. Украина неоднородна, и эта неоднородность в свете политического расклада отсвечивает раздором. Униатство, вбитое некогда как клин меж православным и католическим славянством, в большей мере раскололо нарождающуюся украинскую нацию. Западные регионы, прошедшие школу унижения в составе Австрии и Польши, считают, что этой ценой они выкупили своё место в Европе. Это их право, — но мироощущение наиболее рьяной части политически активного населения нельзя механически распространять на весь народ. Нельзя не видеть, что Восточная Украина (историческая Малороссия) с трудом (чтобы не сказать: с кровью) насильственно отрывается от единого этнокультурного и социально-экономического поля центрального региона бывшего СССР, где во многом доминировала, а Южная Украина (историческая Новороссия), включая русско-татарско-немецкий Крым и греко-еврейско-молдавскую Одессу, в социокультурном и геополитическом плане осознаёт и утверждает свою особость в категориях федерализма (если не сепаратизма). Таким образом, в независимой Украине существуют значительные внутренние напряжения, способные под давлением обстоятельств разорвать неокрепшее государство. Линии напряжения в период скандальных выборов 2004 года обозначились как трещины в хрупком кристалле украинского суверенитета. Плохая внутренняя политика (вернее, отсутствие таковой) может разногласия перевести в противоречия. Выборы 2010 года, сместившие центр тяжести на Восточную Украину, с минимальным перевесом передоверили управление партии Януковича, чья политическая линия в большей степени реалистична, поскольку берёт в расчёт вековые связи с Россией.

Те же центробежные тенденции, хотя уже в гораздо меньшей степени, наличествуют в Российской Федерации. Пройдя через ряд кризисов, системность нашей государственности значительно усилилась, но неразрешённые проблемы как незалеченные болезни — при неблагоприятных обстоятельствах возвращаются с тяжёлыми осложнениями. Как ни странно на первый взгляд, но консолидация русской и украинской нации реально будет проходить не через унификацию и обособление, а через включение России и Украины в более универсальную надгосударственную систему. В общий перспективный проект, симметричный в геополитическом плане проекту Единой Европы.

3

Что объединяет и что разъединяет Россию и Украину? Объединяет история, а разъединяет политика. В христианской традиции, общей для наших народов с 988 года, с года крещения Руси равноапостольным князем Владимиром, разъединителем является дьявол. Русский и украинский (и белорусский) народы, являясь самостоятельными нациями, реально составляют один суперэтнос. Падре Карло Туллио-Альтан, итальянский социолог, сформулировал в рамках культурной антропологии правило необходимости пяти основных элементов этноса:

ЭПОС (коллективная память);

ЭТОС (моральные ценности);

ЛОГОС (языковое наследие);

ГЕНОС (родственные связи);

ТОПОС (общественное и личное пространство).

У России и Украины (и Белоруссии) общий эпос: перволетопись «Повесть временных лет» и вся последующая книжность вплоть до XV века суть наш единый культурный корень. Киев — мать городов русских. Цикл исторических былин также не разделяет русский мир на отдельные земли. Предания Киевской Руси, кстати, сохранены на Севере (как руны Калевалы сбережены у карел) и собраны в эпос русскими фольклористами (как Калевала финскими). Пафосом единства и болью раздоров проникнут шедевр древнерусской литературы, знаменитое «Слово о полку Игореве»: *О, печалиться Русской земле, вспоминая первые времена и первых князей! Того старого Владимира нельзя было пригвоздить к горам киевским; а ныне одни стяги Рюриковы, а другие — Давыдовы, и порознь их флаги развиваются. Копья поют...*

Относительно этоса, то есть особенностей поведения, канонизированных в повседневности как моральные, можно ответственно сказать, что здесь разность исчезающе мала. Пресловутая хитрость *москаля* (как украинцы пренебрежительно зовут русских) на практике ничем не отличается от известного лукавства *хохла* (как исстари великороссы дразнят малороссов). В смешанных коллективах у русских и украинцев национальных трений никогда не возникает. Что касается языка, то если украинский язык сохранил большую близость к древнерусскому, русский ценой отрыва обрёл большую свободу, что определило его неоспоримое лидерство в качестве имперского языка. Языком общения смешанного населения южных регионов стал так называемый *суржик*: смесь русских и украинских слов с лёгким влиянием еврейского говора. Братские народы без всякого напряжения понимают друг друга. На Руси до сих пор бытует пословица: *язык до Киева доведёт*. Так же неоспорима общность генотипа. Разность этнического характера и народного типа обусловлена лишь примесями тюркского элемента на юге и угро-финского на се-

вере. Общность же топоса практически доказана отсутствием исторических границ и географических рубежей меж южными и северными регионами единого цивилизационного пространства.

Как другие народы Европы сжаты в нации географической теснотой и спрессованы в этносы давлением событий, российский суперэтнос вызван к историческому бытию великим простором. Составляющим его различным этническим субстратам приходилось жаться друг к другу, чтобы не разорвало связи с землёй и не развеяло народы в нетях, чтобы не сорвало с насиженных мест и не смело прочь с дороги мощными ветрами евразийской степи. Отсюда наша старая мания великодержавности. Отсюда наша странная идея соборности, отзывающаяся в западном разуме ироническим недоумением.

Начало русской государственности в современных понятиях можно рассматривать как борьбу за геополитическую ориентацию. Древняя Русь имеет два корня — Новгород и Киев. Два открытых моря — Балтийское и Чёрное. Это два альтернативные стратегические направления развития, от которых зависит выбор цивилизационной модели: Латинский Запад или Византия. В конечном счёте двуручный меч крестоносцев и кривая татарская сабля пресекали оба направления. Выход из геополитического тупика нашла Москва — и вывела из кризиса остатки древнерусского многоплеменного этноса, не сложившегося в нацию. Великорусский народ — это (по убедительному мнению Льва Гумилёва) новый этнос, сохранивший и приумноживший наследие (духовное и генное) предыдущего исторического периода. И ставший доминировать через империю в новом российском суперэтносе как самый многочисленный и наиболее энергичный (пассионарный). В итоге сложного задержанного генезиса из населения юго-западного региона, столетиями оспариваемого окружающими государствами, постепенно сложился украинский этнос, близкородственный великорусскому. В нацию он вызрел только в составе Российской империи и определился в нынешних границах в рамках СССР.

Допустим, что креативный потенциал русского народа истощён затянувшейся имперской работой. Счёт за ошибки минувшего века оказался непомерно велик, и одной России не под силу оплатить издержки и инвестировать в проект СНГ необходимые и достаточные средства. Это не снимает с нас ответственности за судьбу региона и не снимает с повестки дня вопроса о необходимости стабилизации евразийской цивилизации.

Геополитическое давление на распадающийся регион не только не ослабнет, но возрастёт в геометрической прогрессии. И участие Украины в судьбе региона суть необходимое и достаточное условие общего спокойствия. В проблематике украинской национальной идеи нет ни одной цели, которая не могла бы быть достигнута с меньшими затратами и с большей эффективностью в рамках единого русско-украинско-белорусского государства. Рано или поздно три отдельных народа вернутся к этому проекту. *И нитка, втрое скрученная, не скоро порвётся.* Возможно, столицей будущей Евразийской Федерации вновь станет Киев, мать городов русских, — почему бы и нет? Во всяком случае, политика России по отношению к Украине и Белоруссии будет придерживаться генеральной линии на воссоздании единства разорванного поля.

А может быть, осью евразийской сферы следует полагать Волгу, и тогда политическим центром Евразии может стать многонациональная и полиэтническая Казань? Почему бы и нет... Относительный порядок в постсоветском пространстве сегодня может быть гарантирован только геополитическим союзом России, Украины, Беларуси и Казахстана. Расщепление этого евразийского ядра чревато

если не взрывом, то превышением уровня радиации насилия и беззакония до пределов, опасных для всей планеты. Оранжевая революция в Киеве явилась настоящим симптомом далеко зашедшего негативного процесса. (Оранжевый цвет, кстати, предупреждает о радиоактивной опасности; не слишком ли легко мы забыли о цепном характере цветных революций? Нынешние события в арабском мире снова показывают миру, как разрушительно волна нестабильности распространяется в ослабленной геополитической среде). Пусть в дальнейшем скрытый смысл цветных революций был дискредитирован диалектикой событий, но опробованная методика будет и впредь искушать радикальных политиков. В хаосе дезинтеграции экстремалы получают преимущество перед рационалами. Разумные решения не проходят сквозь кордоны, воздвигнутые националистической или идеологической истерией. Гарантия от экстремальных вариантов только в единстве сопредельных государств.

Единая Евразия не оборонительный блок и — упаси Боже! — не агрессивный пакт, а производственный комплекс. Надгосударственная корпорация по производству будущего. В систему модернизации мира встраиваются только интегральные схемы. Историческая миссия Украины невыполнима без союза с Россией. Так было. Так и осталось. Можно разделить территории, но нельзя разорвать земли. Наша судьба — или вместе выстоять, сохраняя исторические ценности и охраняя национальные интересы, или порознь отдать простор от Волги до Дуная новым кочевникам без роду и племени.

ПАРАЛЛЕЛЬНО ИНТЕРНЕТУ (ПОЭЗИЯ В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ)

Мы вступили в век интернета. Многие, прежде всего молодые, в нём уже живут и не представляют себе иного существования. По интернету знакомятся, по интернету общаются и чуть ли не объясняются в любви. В интернете ищут ответа на любой вопрос: от нужного адреса до смысла жизни. Из интернета «скачивают» любимые мелодии и тексты рефератов и курсовых работ. По интернету ведутся дискуссии.

Современная литература тоже в интернете: повесть и роман подчас появляются там, а потом уже в печатном издании — если кто захочет издать. И стихам интернет тоже открывает двери. Каждый может открыть страничку, каждый может представить их на суд других пользователей. Проводятся конкурсы, объявляются имена победителей.

Казалось бы, всё это можно только приветствовать. Но вот вопрос: станет ли интернет в настоящем и будущем единственной формой существования и сохранения поэтического слова? Очень надеюсь, что нет, потому что общение с хорошей книгой экран монитора заменить не может. Для такой надежды есть основания.

Дело в том, что в последние десятилетия, от начала 90-х годов XX века до наших дней, мы наблюдаем ещё один феномен: обилие повсеместно издаваемых печатных сборников стихов. Их тысячи. Они появляются в столицах, больших и малых городах, сельских районных центрах, всюду, где есть хоть небольшая типография, а где-то ограничиваются и компьютерной вёрсткой. Здесь солидные издания — и небольшие тетрадки; имена авторов могут быть известны если не во всей стране, так в целом регионе — и могут быть неизвестны никому за пределами одного населённого пункта.

Ещё 30, ещё 25 лет назад ничего подобного не было. И понятно почему: существовали лишь государственные издательства. Их было несколько в Москве, а на периферии, как правило, одно на область или республику. Любой сборник должен был сначала попасть в план издательства после долгих предварительных согласований. Потом была «цензура» рецензентов, потом собственно цензура, так называемое ЛИТО. Для того, кто не являлся признанным профессиональным поэтом, членом Союза советских писателей, путь этот был практически закрытым. И выходили сборники стихов в провинции очень редко.

Ситуация круто изменилась с начала 90-х годов, с отменой цензуры, с появлением частных издательств. И теперь выход многочисленных сборников на всём пространстве России — реальность. К ней можно относиться по-разному, но она есть.

Так случилось, что в последние 10–12 лет мне пришлось иметь дело со многими поэтическими сборниками, изданными в Татарстане. Большею частью просто знакомиться с ними, в ряде случаев писать о них. И открывать для себя новые имена, приобщаясь к подлинной поэзии В 2000 году в Набережных Чёлнах была издана посмертная книга стихов нижекамца Владимира Лёушкина, — прекрасная, зрелая лирика состоявшегося поэта, продолжающая и развивающая традиции Николая Рубцова. Там же, в Набережных Чёлнах, вышли две книги Натальи Первовой: «Моя параллель» в 2007 году и «Китежанка» в 2009 году (вторая с моим предисловием). В них прекрасные картины северной природы, архангельского края и вологодчины, где большую часть жизни провела Первова, обаяние исконно русской земли («Здесь не хозяйничал Батый или поляк»), страстное, даже яростное противопоставление глубинной, кондовой, провинциальной России столице и мегаполисам. А в селе Гурьевке Алексеевского района всю жизнь проживает сельский учитель Александр Николаевич Бочкарёв, издавший в 2007 году книгу «Полынный мёд» (Казань). Я писала о ней, как и о сборнике Владимира Лёушкина, рецензии публиковались в газете «Республика Татарстан». «Полынный мёд» — удивительная книга. В ней зоркий взгляд художника и умение найти необычные слова: «смела весёлая метель сугроб периную косматой», «связаны земля и небеса чувственными ниточками веток». В ней образ Храма — не только построенного человеческими руками, но великого храма природы. Там, «колокольни стройных елей», там седые купола ив, там звучат «колокола тишины» и благодать нисходит на нас.

Со стихами Натальи Первовой и Александра Бочкарёва читатели «Аргамака» уже знакомы: они публиковались в предыдущих номерах альманаха.

А в последние годы мне пришлось, чему я очень рада, познакомиться со сборниками стихов, изданных не только в Татарстане, но и во многих городах России и даже за её пределами. Связано это с учреждением Цветаевской премии, которая уже дважды присуждалась в номинации «Поэтический сборник». Оба раза я входила в состав жюри.

Цветаевская премия, как известно читателям «Аргамака», была учреждена в 2007 году и присуждена в тот же год исследователям творчества Цветаевой: Л. А. Мнухину, Е. Б. Коркиной и В. М. Головки. На следующий, 2008 год премия вручалась уже по двум номинациям: исследование творчества М. Цветаевой (известному цветоведу Ирме Викторовне Кудровой) и поэтический сборник. Летом прошлого, 2010 года премия вручалась по трём номинациям: «Популяризация жизни и творчества М. И. Цветаевой» («Цветаевский мемориал») — присуждена директору культурного центра «Дом–музей Цветаевой» в Москве Э. С. Красовской, «Переводы стихов Цветаевой на языки мира» — победитель Сельма Ансира, Испания, Барселона. Третья номинация — «Поэтический сборник». В условиях конкурса, напечатанных в своё время в «Аргамак» (№ 1, 2009), было оговорено, что речь идёт о популяризации творчества поэтов российской провинции.

Три года назад на конкурс поступило около 20 поэтических сборников, как столичных, так и периферийных. И хотя среди них встречались прекрасно изданные, «толстые», претендующие на оригинальность книги, жюри остановило свой выбор на более скромном сборнике, вышедшем за пределами России: Ольга Григорьева, «Из семи тетрадей», Павлодар (Казахстан), 230 стр. Нас подкупила искренность и чистота, какая-то «прозрачность» поэтического видения, а также сочетание светлого, принимающего жизнь — и трагического, лично переживаемого: ощущение отрыва от исконных корней, от земли, которую привыкла считать и продолжает считать Родиной:

*«О, русская земля, уже ты за холмом!»
 В автобусе ночном не дремлетя, не спитя.
 Здесь, за границей, — кров.
 Здесь, за границей, — дом.
 Здесь жизнь мою навек пересекла граница.*

Летом 2010 года на соискание премии были выдвинуто уже 36 поэтических сборников. Все они — из провинции. Вот их география: Нижний Новгород, Саратов, Ростов–на–Дону, Волгоград, Брянск, Рязань и другие областные центры, а также Новокуйбышевск и Тольятти Самарской области, Электросталь Московской области, Спас-Клепики Рязанской области, Елабуга и Набережные Чёлны в Татарстане, книги из городов Украины (Севастополь, Запорожье) и даже из дальнего зарубежья (Сербия, Белград).

На этот раз лауреатом Цветаевской премии стал Евгений Поспелов. Премия присуждена ему за книгу «Крылатый ковчег», изданную в Елабуге. Здесь не было местничества: поэтическое творчество автора действительно заслуживает самого серьёзного и благожелательного внимания. Читателям «Аргамак» известны его сонеты, опубликованные под общим названием «Суламифь» в № 1 (3) за 2010 год нашего альманаха. В сопровождающей их статье Николай Алешков пишет о Евгении Поспелове: «Его путь — это и Дар, и Крест...». Высоко оценивая именно любовную лирику Поспелова, Алешков выстраивает в читательском сознании творческую цепочку: Петрарка, Шекспир, Поспелов (статья так и называется: «Вслед за Петраркой и Шекспиром»). Согласитесь, это очень высокая оценка. Но сонеты, обращённые к любимой — далеко не единственное: стихи Евгения Поспелова философичны в самом глубоком значении этого слова. Это глубинные, полные трагизма размышления о сущности бытия, о Добре и Зле, об ответственности личности, о судьбах страны.

*В России всё надолго и всерьёз,
 Но каждый день в ней заново и снова.
 Для драки и хандры всегда есть повод
 И мрак в душе от света лживых звёзд.*

В его стихах есть место и эксперименту. Если в разделах «Глухонемого сердца стук» и «Дыхание весны» используется форма сонета, то в других («Геометрия любви», «Звёздный колодец») — новые формы, часто неожиданные. Но для автора это никогда не является самоцелью.

*Ведь если вдуматься,
 То смысл
 Не техника, не форма,
 А пульсом бьющаяся мысль
 В которой правда —
 Норма.*

«Крылатый ковчег» — вторая книга Евгения Поспелова. Первая — «Вполголоса» — вышла в 2001 году (Казань, издательство «Рухият»). Поэт хорошо известен в своём городе, где прожил всю жизнь, но только теперь, на склоне лет, представил свои стихи на суд читателей. Да и то по настоянию друзей.

Кроме победителя, награждённого главной, Цветаевской премией, решением жюри было выделено ещё два автора, получивших дипломы и небольшие денежные вознаграждения: Михаил Зайцев, Волгоград, книга стихов «Дорогие сердцу лица», и Елена Крюкова, Нижний Новгород, книга стихов «Зимний собор».

Михаил Зайцев заведует отделом поэзии в волгоградском литературном журнале «Отчий край», печатается с 70–х годов. «Дорогие сердцу лица» — «Избранное»

(около 500 страниц). Книга подкупает своей цельностью. Стихи — большей частью небольшие зарисовки, раздумья, картины — все очень светлые, жизнеутверждающие, большей частью радостные, а если грусть, то и она тоже светлая, без мрака и трагического надлома: «Пить колодезную воду,/Слушать трав и листьев речь/И небесную свободу/В сердце радостном стеречь». Такова жизнь. И таково счастье. В стихотворении, которое так и называется «Счастье», поэт говорит о конях, что пасутся на дилом луку, купаясь в росных травах, о женщине, которая, улыбаясь, спит в стогу сена, о солнце в зените. И в другом стихотворении — снова о счастье:

*Какое это счастье — гриб найти!
Какое это счастье — удивиться
Лесной воде, живой лесной водице,
Речушке, повстречавшейся в пути.*

И это ощущение не зависит от времени написания стихов. Одно из тех, которые я процитировала, — год 2005-й, второе — 1976-й. И написанные в наши бурные 90-е — в той же тональности. Во всех случаях в них живительное чувство радости, света и внутренней свободы.

Знакомство со стихами Елены Крюковой требует от читателя немало труда и высокого эмоционального напряжения. Её сборник «Зимний собор» действительно построен как собор: «Северная стена», «Западная стена», «Южная стена», «Восточная стена» — и на каждой «фрески», созданные по принципу настенной живописи, суровой и прекрасной. Отдельные картины, казалось бы, не только разные, но и не связанные друг с другом: девочка в очереди за мандаринами; оживший памятник Жанне д'Арк в Париже; Христос, идущий по ломкому льду Байкала; Рождество — единство рождения Христа и рождения ребёнка в захудалой больничке; боярыня Морозова на картине Сурикова. Мрачные краски — и их неожиданные взрывы: «И солнца бешеный огонь над бедными снегами», «рваное небо в огне».

*В этой гиблой земле, что подобна костру
Развороченному кочергою,
Я стою на тугом, на железном ветру,
Обжигающем Время нагое.*

Автор вступительной статьи к сборнику Лев Аннинский называет Елену Крюкову ярчайшим дарованием в лирике последних лет.

Судя и по другим сборникам, присланным в Елабугу, дарованиями наша земля не оскудела. Вот книга Дианы Канн «Покуда говорю я о любви». Жюри отметило её наряду со сборниками Е. Крюковой и М. Зайцева, но, к сожалению, денег на третью поощрительную премию не было выделено. В коротком вступительном слове, предваряющем сборник, Кан названа «ведущей современной российской поэтессой». Стихи очень хороши: энергичные, эмоциональные и в то же время строгие по форме. Впрочем, со стихами Дианы Кан читатели «Аргамак» уже знакомы: в № 1 (3) за 2010 год была напечатана её большая подборка, а в № 1 (6) за 2011 год в разделе «Издано в России» сообщается о выходе ещё одной её книги: «Обречённые на славу». Диана Кан, живущая в Новокуйбышевске Самарской области, входит в состав редколлегии нашего альманаха.

Были и ещё прекрасные сборники, были стихи, которые хочется читать и читать. Александр АИ (Гнутов) прислал из Саратова два небольших сборника: «Нежность при лунном свете (эротические стихи)» и «Мы русские, с нами Бог» — стихи оригинальные, своеобразные, иногда дерзкие, но всегда запоминающиеся. Из Кирова пришёл сборник Лидии Смирновой «Звёздный навигатор. Книга сонетов» — очень хорошие стихи, и книга издана прекрасно. Есть крупные, солидные сборники, вполне

профессиональные. Вот Владимир Потапов из Брянска, «Избранное. Стихи и рассказы» — автор известен ещё с советских времён, печатался в центральных «толстых» журналах. Вот Николай Шамсутдинов, «Избранное» (автор живёт в Тюмени, издаётся в Екатеринбурге) — первый том трёхтомного собрания сочинений, куда вошли стихи 70-х–80-х годов XX века. И сборник Любови Рыжковой «Августейшая ночь» (Рязань) — тоже часть большого проекта из нескольких книг.

Приятно думать, что в большинстве случаев в регионах поддерживают «своих» поэтов, выделяют деньги, подчас немалые, на действительно хорошие издания. Хотя бывают и исключения. Из одного южного города пришёл сборник Марины Мананковой «Два силуэта у моста». Тоненькая тетрадка, брошюрка, куда буквально втиснули стихи, напечатанные мелким шрифтом. На типографских расходах сэкономили, как могли. А сами стихи хорошие, выразительные, безусловно талантливые. Можно только пожелать местным руководителям и спонсорам быть внимательнее (и щедрее!) к поэтам, способным заявить о себе: это тоже лицо города.

Когда-то Маяковский писал: он хочет, чтобы было «много поэтов, хороших и разных». Их книг, присланных в Елабугу, действительно было много, читать стихи было интересно. Иногда кое-что вызывало улыбку. Один из авторов в своих вполне профессиональных стихах вдруг сообщает: «Отдам всё лучшее я музе, а остальным займусь потом». Кто-то пытался экспериментировать: в одном из сборников все тексты были без знаков препинания и заглавных букв (впрочем, для современных авангардистов это стало общим правилом). В другом автор представляется как «будущий скандально-модный, а теперь молодой». Ну, молодой так молодой, будем надеяться, со временем его цели изменятся.

Стихи, стихи, стихи... Сборники большие, средние, совсем маленькие — в этом случае авторы явно не надеялись получить премию, лишь бы добиться того, чтобы их прочли и, может быть, заметили. Что ж, всё правильно. И прекрасно сказала об этом Ольга Григорьева в стихотворении, вынесенном на обложку её книги:

*Но пройдёт ли голос тонкий,
Вздоха лёгкая струя
Через эти переборки,
Перепонки бытия?
Иль останется навеки
Как смешной домашний гном,
В этом доме, в этом веке,
В этом городе родном.
Может, всё-таки услышат,
Может, всё-таки прочтут
И полюбят, и напишут,
И на помощь позовут.
Ведь важней всего — как воздух,
Печка лютою зимой,
В чьих-то душах просто отзвук,
Просто отклик, Боже мой...*

Орёл Литературный. Ежегодник Орловской областной организации Союза писателей России. Выпуск 6–7. Орёл, 2010. — 228 с..

Выпуск посвящён 50-летию Орловской областной писательской организации. В приветственном письме Ассоциации писателей Урала говорится: «Так же, как когда-то наши отцы и деды в рядах Уральского добровольческого танкового корпуса сражались с захватчиками на легендарной Орловской земле, сегодня писатели Урала, Западной Сибири и Поволжья, которых объединяет наша Ассоциация, вместе с приволжскими писателями плечо к плечу ведут настоящее сражение за высокое русское слово, за историческую правду, за великую русскую литературу». Литературная история края блещет такими именами как Тургенев, Тютчев, Лесков, Фет, Леонид Андреев, Борис Зайцев и другие классики нашей литературы. Орёл и сегодня называют третьей литературной столицей России. В городе много книжных издательств, одно из них — «Вешние воды» поддерживает администрация области, а это означает, что лучшие произведения писателей — орловчан доходят до читателей.

Ежегодный альманах «Орёл литературный» учреждён писательской организацией в 2004 году. Это творческая лаборатория и летопись литературной жизни Орловщины. И не только. Как пишет в обзоре альманаха президент Академии российской словесности, секретарь правления Союза писателей России Ю. Беляев «Альманах насыщен реалиями сегодняшнего дня, откликами на злободневные темы и размышлениями на темы вечные». «Веков связующая нить» как основополагающая в концепции альманаха проходит через все выпуски «Орла литературного». Вот и в этом номере первые страницы отданы тем, кого нет с нами, — В. Дронникову, И. Александрову, Н. Перовскому, В. Ерёмину, А. Логвинову и другим, а произведения их предваряют тёплые слова уважения и благодарности пишущих ныне. Чьё творчество широко представлено в журнале главами из повестей Ю. Оноприенко «Травинка здешняя» и В. Амиргуловой «Провидец и пророк», главами из романа А. Загороднего «Сад земных наслаждений», рассказами М. Турбина, В. Самарина, В. Смирнова. Журнал также представляет творчество четырёх новых членов писательской организации под рубрикой «Знакомьтесь: наше пополнение». Естественно, большое место отведено материалам по литературной истории края. Не обходится и без гостей — на сей раз это И. Тюленев, Н. Шамсутдинов, А. Суворов и другие.

Ежегодник подытоживает деятельность орловских писателей: с 1990 года ими издано более 60 поэтических сборников, более 40 книг прозы и публицистики, в том числе книги стихов и рассказов для детей. Нам остаётся пожелать орловчанам столь же достойных последующих творческих лет и столь же достойных читателей.

Отчий край. Литературно-художественный иллюстрированный журнал. Волгоград. № 4 (68), 2010–240 с.

Этот номер открывает сообщение о состоявшейся в Волгограде Международной научно-практической конференции «Чтоб не распалась связь времён», организаторами которой стали комитет по культуре Волгоградской области, Российская государственная библиотека и областная универсальная научная библиотека им. М. Горького. Её 110-летие и стало поводом для проведения здесь культурного форума. Его участники представили как отечественные регионы, так и зарубежье. Журнал, в частности, отмечает выступление делегата от Белгородчины, где, по-видимому, «раньше других поняли, что без повышения уровня культуры каждого человека невозможно эффективное социально-экономическое развитие

региона в целом». Здесь находятся средства для многих культурных проектов, здесь есть чему поучиться.

Далее, как положено, главная составляющая журнала – поэзия и проза. Первая представлена уважаемыми юбилярами Львом Кривошеенко, Борисом Гучковым, также более молодыми поэтами Ксенией Ващенко, Натальей Аксиниченко, Натальей Леонтьевой, Надеждой Афромеевой. Печатает журнал и гостей. Сегодня это Владимир Родионов с Харьковщины и Николай Алешков из Татарстана. Читательская аудитория России хорошо знает прозаика Бориса Екимова. Цикл его миниатюр «Всё в памяти» стал украшением этого номера. Писатель с горечью отмечает, как со сменой поколений меняется и отношение к Земле. Старики, соседи героя по участку, привыкшие уходить в зиму с полным подполом овощей, не разгибаются над грядками с весны до осени. У молодых соседей в огороде травостой, впору бычка покупать: вырастет на подножном корму. Да жалобы на плохую землю. А ведь она здесь у всех одинакова...

Журнал продолжает публикацию романа Е. Коротковой «Смута» о нашествии поляков на Русь в начале 17 века. Много и другого интересного чтения. О Сталинградской эпопее – знаменитом этапе ВОВ вспоминает участник тех событий генерал-полковник в отставке А.Г. Мережка. О судьбе Ф.К. Миронова, командарма 2-й конной, рассказывает И. Мордвинцев. Изобразительное искусство, театр, книжные новинки – здесь о культуре края всего в достатке. Журнал востребован, его читают, на него подписываются, пожелаем ему доброго пути.

Ф. Х. Шакиров, Р. Г. Ильязов. Биогeosофия — алгоритмы модернизации. Казань, 2010. — 360 с.

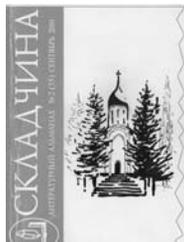

Перед нами серьёзный научный труд – предостережение человечеству, продолжающему разрушать экосистему планеты: оно стоит у последней черты. Авторы доказывают, что труды отечественных учёных минувшего века В.И. Вернадского, Н.И. Вавилова, В.Н. Сукачёва, Н.В. Тимофеева-Ресовского, Н.Н. Моисеева о биосфере созвучны и представляют философию, альтернативную господствовавшей тогда, во многом ошибочной марксистской. В это учение вписываются нынешние достижения естествознания и обществоведения, то есть, мы имеем «целостное представление о процессах развития материи, её самоорганизации, – представле-

ние, в котором появление человечества, разума представляется как естественный этап развития космического тела – Земли». В тандеме Человек-Земля процессы развития сторон должны быть уравновешены. Спасёт только это, отсюда разработанные авторами алгоритмы модернизации, то есть, методы изменения, усовершенствования сознания и хозяйствования. Авторы постепенно знакомят читателя с биогeosофией как исходной моделью в познании среды обитания и её оптимизации, в решении проблем человечества –

социальных, экономических, этических, этнических. О пользе научных трудов на данную тему говорить не приходится: они нужны как воздух. Хочется надеяться, что книга привлечёт значительно большее количество читателей, чем то, на которое надеются авторы. Ведь она и о будущем — о том, как жить нашим наследникам.

Складчина. Литературный альманах. № 2 (35). Омск, 2010. — 344 с..

Этот выпуск альманаха юбилейный: «Складчина» выходит уже 15 лет. Творческие силы края позволяют делать журнал добротный в литературном отношении, таков и этот номер, а вот по судьбе — не самый счастливый. Беда, как у всех, — нет средств. С предыдущим номером помог издатель, с этим — областная власть по просьбе правления писательского союза. Как говорится, кто следующий? Такова невеселая вступительная статья редактора. Но затем от встречи с хорошей прозой и поэзией как-то отступают невзгоды. Стихи Ольги Григорьевой прочтываются сами собой до последней строчки. Она точно озаглавила подборку — «Господи, как не хватает отца...». Погибшего на войне, как и его четыре брата. Когда верстался номер, прошёл городской поэтический конкурс «Омские мотивы», где О. Григорьева стала победителем. И ещё впереди читателя ждут стихи — Евгении Кордзахия, Ивана Денисенко, Вероники Шелленберг, Елены Чач, смоленского гостя Владимира Макаренко — из книги «Ворота во мгле», о которой писал и наш альманах. И разговор о поэте Аркадии Кутилове, которому исполнилось бы 70 лет и чьё творчество «из небытия извлечено и разворачивается во всё более впечатляющем масштабе». Не забыты и поэты, не вернувшиеся с фронтов, — о них очерки писателя В. Вайнермана и краеведа В. Селюка.

Ещё один очерк — уже о сегодняшнем, о больном — о земле. В. Чешегоров — журналист, автор нескольких книг по проблемам экологии и деревни. Журнал даёт отрывок из его очерка «Сибирская деревня от Столыпина до Путина».

Д. Линчевский, автор нескольких остросюжетных книг, — представитель военной прозы. Военной теме отдано много страниц «Складчины»: минувший год был годом 65-летия нашей Победы. Но есть ещё и значительный раздел критики и литературоведения, в котором рассказано о Леониде Мартынове и Александре Твардовском, о Светлане Василенко с её «прозой в столбик», наконец, о современной литературе — в статье Виктора Богданова, публикуемой в дискуссионном порядке.

Борис Гучков. И верить, и любить. Избранная лирика. Волгоград, 2009. — 495 с..

Борис Петрович — автор десятка стихотворных сборников. Этот вышел к его 60-летию. А родом он из Касимова Рязанской области. Это тот самый мещерский край, полный аромата русской природы и русской истории. Надо полагать, отсюда у автора такой мощный заряд лиричности, любви ко всему существу, в том числе и к живому русскому слову. Его стихи ёмки и лаконичны, ни многословия, ни красотостей, он умеет сказать малыми средствами о многом. «И нечем измерить волненье / Моей одинокой души, / Которая рвётся из мрака / Всех вас, одиноких, любить, / Быть рядом и, словно собака, / От страхов ночных оградить». А на родине «август свадебный пахнет грибами» и жизнь идёт своим чередом: «Вот баяна слышались всхлипы... / Снова девушки песни поют, / Снова месяц о старые липы / Чешет рыжую спину свою». И родина неотделима от мамы. «А у матери моей / Имя — Евдокия... / В наше время имена / Не дают такие!». В самом деле, чего стыдиться? Ведь это же «Дуновенье ветра — / Дуношка... Дуняша...» И родина — это не мегаполисы, а районные города. «Касимов, Муром, Суздаль... / Моя седая Русь. / Её степная удаль, / Её лесная грусть.» Родина — это

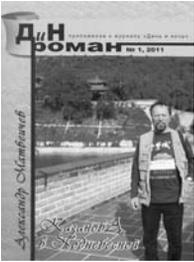
и поколения предков, которым за столетия потерян счёт. «Может, он и доверил мне/Выразить словом/Всё, что шепчут леса и вода,/Дальний предок/Седьмого ль колена,/Восьмого,—/Мне того не узнать никогда...» Но и безымянный, он живёт в вековой памяти поэта и память эта волнующа и действенна.

День и ночь. Литературный журнал для семейного чтения. № 1, 2011, Красноярск. — 251 с.

Александр Матвейчев, Казанов А. в Поднебесной. Роман. Приложение к журналу «День и ночь» № 1, 2011. — 92 с..

Новость. Да какая! ДиН, как всегда, на высоте: начата серия «ДиН-роман» в виде приложения к номеру. Родным повеяло: кто не помнит «Роман-газету» — дешёвое доступное издание, благодаря которому миллионы читателей знакомились с новинками литературы. Эх, вот бы и «Аргмаку»!.. Кстати, Александр Матвейчев, автор открывающего серию романа, наш земляк, родился в Татарстане. Здесь прошло детство, на которое выпала война, и его воспоминания «Моя Великая Отечественная» были опубликованы в «Аргмаке» № 5. И уже в следующем номере — рассказ Александра Васильевича «Вода из Большого ключа». Роман «Казанов А. в Поднебесной» — о русских эмигрантах в Китае 1950–х, выводе советских войск, трагических судьбах военных и гражданских.

Что до самого журнала, то и в этом номере — разнообразие почерков и пристрастий. Например, поэзия. Стихи Марины Копыловой — по мотивам белорусского фольклора, вот «Колыбельная»: «Месяц по небу ходил,/Ясно Солнышко просил:/«Солнце, по небу ходи,/Дитя за руку води/Тёмными лесами,/Сырыми берегами...» и т.д. Правда, многие читатели ищут сначала большую прозу. Сегодня она представлена началом романа А. Лазарчука «Мой старший брат Иешуа». И автор известный, и роман опять интересный, и опять хочется узнать, что же там будет дальше...

А ещё повесть А. Реунова «Река под небесами», и обзор толстых журналов, и ДиНшкола для начинающих поэтов. Привлекает внимание рубрика «ДиНреплика». Д. Косяков пишет о том, на чём строится нынешняя идеология — без разбору охаять всё советское, и приводит примеры из фильмов, в частности, о войне, где даже солдаты (освободители Европы!) показаны «с открытой неприязнью». А. Лейфер в открытом письме Минкульту Омской области пишет о магнитогорском спектакле по «Грозе», о непотребностях, творящихся при этом на сцене... А и правда, куда же смотрит этот Минкульт?

Рыльский край литературный. Специальный выпуск альманаха «Междуречье». Курск, 2010. — 140 с..

Здесь никто не забыт. Книга и задумана с тем, чтобы рассказать обо всех поэтах и писателях Рыльска со времён минувших до дней сегодняшних. О тех, чьё имя на слуху, и о тех, кому выпала опала. Курская земля... О событиях в её истории повествует «Слово о полку Игореве», сказывает Боян. Исследователи пишут об этой личности; его называют первым поэтом Древней Руси; здесь, в г. Трубчевске куряне поставили ему памятник. Далее ниточка тянется к Пушкину. Рыляне считают, что по дороге на Кавказ поэт просто не мог не побывать в их городе. Александр Сергеевич и сам писал: «Чем свет, мы в путь,/К обеду будем в Рыльске...» Эти строчки стали эпиграфом к стихотворению Олега Са-

ранских «Оазис счастья».

Ну а далее идут литераторы, начиная с писателя Пимена Карпова, родившегося в 1886 году в селе Турке Рыльского уезда в семье крестьянина-старообрядца. Его первая книга — сборник статей-памфлетов «Говор зорь. Страницы о народе и интеллигенции» (1909) — получила положительные отзывы А. Блока и Л. Толстого. В последующие годы он печатает романы, рассказы, пьесы, поэтические сборники. Но то была трудная эпоха. Современник и друг Карпова вологодский поэт Алексей Ганин расстрелян — неугоден власти, — на что Карпов откликается стихотворением-некрологом «В застенке». Время делает схожими судьбы творцов. Почти сто лет назад писали Алексей Ганин, Пимен Карпов, Сергей Есенин. Затем их произведения — опять же по неугодности власти — были запрещены.

Сегодня в родных местах поэтов проходят литературные чтения, праздники, земляки чтут их память, а литературная слава Есенина шагнула далеко за пределы родины.

Другой уроженец Рыльска — писатель Вячеслав Ковалевский. Автор дилогии о Героях Советского Союза Зое и Александре Космодемьянских. Прозаик Фёдор Голубев — «мастер сжатого динамичного повествования»; поэт Николай Корнеев, чьё творчество высоко оценили Твардовский, Я. Смеляков, В. Боков и другие выдающиеся советские литераторы; Василий Алёхин, Вениамин Саранских, Владимир Детков, Иван Зиборов и другие — целая плеяда литераторов старшего поколения словно передаёт в книге эстафету нынешним поэтам и прозаикам. Задумать такой проект и осуществить его — это, право, достойно уважения.

Гасырлар Авазы — Эхо веков. Научно-документальный журнал. № 3/4 2010 (60/61). Казань. — 320 с.

Казалось бы, издание для «ботаников». Ан нет, журнал сделан разумно, с выдержанными по объёму материалами столь разнообразной тематики, что каждый, кто захочет с ним познакомиться, непременно найдёт что-то для себя интересное. А такого здесь достаточно. Да и начинается журнал поэмой Рената Хариса «Выставка Победы — 1975», где герой, которому поручено опекать немецкого гостя, подводит его к картине Х. Якупова «Перед приговором», на которой изображён М. Джалиль, — с тем, чтобы как можно острее почувствовал свою вину за сопричастность с теми, кто развязал войну — того же, мол, роду-племени! Гость долго смотрел на картину, повернулся, встал рядом с нею и...

«вдруг спокойно, как растёт трава, /сквозь тихий зал ко мне стихи поплыли, /И, их услышав, я узнал слова — /то были строки нашего Джалиля...». Родителей немецкого гостя — антифашистов — расстреляло гестапо. И были долгие разговоры, и «прости», и тост за Джалиля, и... мне показалось, что он — малость тоже татарин...». Эта поэма открывает рубрику «65-летие Победы в Великой Отечественной войне», рассказывающую о феномене подвига молодого поколения, о Герое Советского Союза Фёдоре Баталове, о татарском театре в годы войны, о поэте-фронтовике Шамиле Гарае, о партизанке Нине Буйниченко, о ветеране войны и труда Шакире Закирове. И заканчивают рубрику снова поэтические строки — это элегия Д. Шарафудинова «Белые сирени подстелю...». «Я с именем отца вперёд шагаю/Путём широким от родной калитки./Пусть в белую сирень перетекают/Любви сыновней боли и молитвы».

Среди печатных и рукописных книг на арабской графике в 2008 году казанские учёные обнаружили «Альмагест». Это первая математическая модель мира — геоцентрическая система древнегреческого учёного Птолемея Клавдия. Учёные Востока внесли изменения почти во все разделы системы. И знаменитый труд Коперника «О вращении небесных сфер», положивший начало современной астрономии, во многом продолжил «Альмагест». Книга была создана как учебно-педагогическое сочинение, является ещё

одним оригинальным переводом и имеет научное значение. Об интересной находке рассказали кандидаты филологических наук И. Еникеев и З. Гилязов в рубрике «Из глубины столетий».

Другие материалы журнала – это страницы истории XX века, это документы как свидетельства судеб в минувших эпохах, мемуары, новые книги, архивный калейдоскоп, хроники, истории в письмах и многое другое вплоть до рубрики «У наших соседей». На этот раз в ней опубликован материал начальника отдела Государственного архива Удмуртии И. Кузьминых «П.И. Чайковский и Вятский край» с документами и фотографиями – о жизни семьи великого композитора. Остаётся добавить, что в минувшем году исполнилось 85 лет с выхода в свет первого номера журнала и 15 лет, как было возобновлено его издание. В связи с чем журнал награждён Золотой медалью «Деметра», дипломом Международной гуманитарной академии «Европа – Азия» и дипломом Союза журналистов Татарстана.

Бельские просторы. Ежемесячный общественно-политический и литературно-художественный журнал № 12 (145). Уфа, 2010. — 208 с..

Во вступительном слове к читателю главный редактор Ю. Горюхин говорит:... «на этот раз мы сделали акцент на материалах, которые можно было назвать «портретами»».

«Гордость нации» – так выразил Ирек Киньябулатов своё отношение к народному поэту Башкортостана Равилю Бикбаеву в одноимённом материале. Поэту написала девушка, не знающая родного языка. Поэт ответил знаменитой поэмой «Письмо моему народу», проникнутой глубокой болью за всё «родное, за уходящее, за грядущее башкирского народа». Другие поэты представлены стихами. Их много, они разные. Обильно здесь и прозы. «Дао борттехника» – цикл рассказов

И. Фролова о герое вертолётчике, написанный без эмоций и многословия.

О лауреатах «Русского Букера» написан в «Бельских просторах» Александр Кузьменков. «Уж не пародия ли он?» – спрашивает в заголовке автор. Очень даже похоже, коль в поле зрения жюри этой литературной премии – пиршество низа. Не пора ли повыше подняться? Ещё один раздел, отличающий уфимский журнал – «В компании с «толстяками»». Критические обзоры так называемых «толстых» журналов страны. На сей раз это «Октябрь», «Знамя», «Звезда», «Иностранная литература», «Сибирские огни» и «Воздух». Тиражи у них теперь малы, библиотеки, и те далеко не все имеют возможность подписаться, и, думается, эти страницы журнала будут просто проглочены читателями.

Вызывают интерес также две статьи под общей шапкой «Уроки Александра Касымова» И. Савельева и И. Фролова. Касымов был известным критиком, печатался в центральных изданиях, дома же – искал таланты, пестовал, помогал опубликоваться, пытался организовать вокруг себя литературный процесс. И. Фролов пишет: «И главное – равнение он держал не на провинциализм, когда литераторы ориентируются на соседа по сельскому или городскому литобъединению, а как полагается честному критику, на мировой литературный уровень». Сегодня литературным процессом занимается уже следующее поколение, решает те же проблемы. Стало быть, считает И. Фролов, надо «усвоить уроки Касымова», не разобщаться на кружки, студии и т.д., а объединиться, чтобы преодолеть провинциальное мышление...

Автограф. Литературный альманах. Выпуск пятый. Железногорск, 2010. — 208 с.

65-летию Великой Победы посвящается — означено на обложке. Поэту открывает журнал раздел «Солдатское сердце». Автор нескольких литературных сборников К. Бергман — ветеран войны, кавалер боевых орденов — ушёл из жизни, но остались его стихи об увиденном и прочувствованном на войне. Уснувшему в землянке солдату снится сенокос... «Спит солдат и не знает о том, / Что война отсчитала часы, / Что он видит последний сон, / Что идти ему полверсты...». А стихотворение О. Дакалиной так и называется: «Памяти Михаила Ивановича Рыбкина, солдата Великой Отечественной». «Он не кричал: Вот! У меня медали! / Не бил рукою в грудь он сгоряча, / Когда войну при встречах вспоминали. / Он просто слушал, думал и молчал.»

Одним из первых среди советских писателей Константин Воробьёв в своих повестях показал войну не только как полную лишений героическую борьбу народа, но как явление бессмысленной жестокости, что было отмечено критикой. В альманахе «Автограф» В. Зимин исследует один из аспектов этой темы в творчестве К. Воробьёва, а именно — изломанные судьбы и даже болезнь целого поколения.

Два других раздела альманаха — поэзия и проза. Десятки авторов, разнообразие тем, творческих подходов, стилей — ох и богат же талантами город Железногорск!

Тюрин Г. А. Орловский литературный некрополь. Выпуск первый. Перовский Николай Михайлович (1934–2007). Орёл, 2011.

Перед нами научно-исследовательский проект Орловского государственного университета — приложение к изданию-серии «Орловский край в русской литературе XX–XI веков: исследования, публикации, сообщения», о котором мы уже рассказывали нашим читателям. Также на наших страницах вы могли познакомиться и с творчеством Н.М. Перовского, автора 22-х книг стихов и прозы. Это был человек нелёгкой судьбы. Сын репрессированных, беспризорник, детдомовец, сменил много профессий в разных городах, вернулся в родные края и последние десятилетия жил в Орле. Друзья запомнили его человеком свободно мыслящим, не умеющим фальшивить. При жизни Николай Михайлович не был отмечен какими-либо регалиями. Но суть в другом: сегодня уже всем ясно, что он был поэтом общечеловеческого масштаба, стихи которого будут читать и помнить. На могиле поэта сооружён мемориальный комплекс. Библиотеке слободы Михайловка Железногорского района Курской области присвоено имя Николая Михайловича. Это место он считал своей родиной, здесь жил в детском доме. В день памяти поэта орловчане приходят к мемориальному комплексу, на заседание клуба «Орловский библиофил». Цветы, свечи, голоса, стихотворные строки, сотканые душой человека, столько пережившего, переждавшего, переживавшего...

НАТАЛЬЯ ПЕРВОВА

ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ

От редакции. Рубрика не совсем точна — для Светланы Сафоновой, например, это уже вторая публикация в «Аргамаке». У неё, несмотря на юный возраст, уже и книга имеется. Она называется «Деревенские артисты» (рассказы о домашних животных), издана Татарстанским отделением Союза российских писателей при финансовой поддержке партии «Единая Россия» в 2007 году.

Для все остальных участников сегодняшней подборки — это действительно литературный дебют. Молодые люди, представленные здесь, учатся в различных вузах и колледжах города Набережные Челны и еженедельно, по пятницам занимаются в литературной студии при Набережночелнинском государственном педагогическом институте, благословлённые заботой ректора Файрузы Зуфаровны Мустафиной. А руководит студией главный редактор нашего альманаха, поэт Николай Петрович Алешков.

Двое из сегодняшних дебютантов (Айрат Пантелеев и Эдуард Нургатин) уже замечены и в Москве — в марте нынешнего года они были участниками Международного совещания юных литературных дарований, проведённого Литературным институтом имени А. М. Горького. Дружба татарстанцев с этим уникальным вузом продолжается.

АЙРАТ ПАНТЕЛЕЕВ,
*студент 1 курса факультета филологии
и журналистики Набережночелнинского
филиала КФУ*

* * *

Я понял, что день
золотист, белоснежен,
И звуков свирели
не нужно
совсем,
когда вместо метели
и вместо свирели
мы слышим,
мы знаем
о том,
что где-то вдали
есть счастливые люди,
рождённые жить.
И мне ничего —
ничего мне не надо —
лишь дайте
на счастье взглянуть!

* * *

Говорят, что тропинкой лесной
ветроногие ходят
цветы...
Ты однажды на них посмотри:
отсиявшие звёзды –
они.

И алмазинка, что поутру
улыбается
в сердце цветов,
есть космической девы
слеза.

И попробуйте мне
возразить
и сказать,
что это
роса.
Не поверю
я вам
никогда!

Больше веры —
тропинке
лесной
и
словам
ветроногих
цветов.

* * *

И незримиыми ногами
утром ранним, ночью поздней
бегал ветер в камышах.
Камыши тянули песни
о несбывшихся мечтах.
И вокруг, тоскою зыбкой
разбивалась пелена,
и чешуйчатые рыбки,
под собой не видя дна,
над водою возносились —
как и песня камыша...

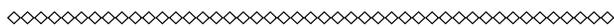
Над водою разносилась
весть о том, что есть душа —
и у ка-мы-ша.

* * *

Тянут огненные спицы
за собою небылицы,
Будто солнечные птицы
прилетали на зарнице,
лишь затем, чтобы
напиться
из ручья
воды златистой.

Я не верю тихой спице,
и кричу на белый свет,
что такой зарницы
нет!

Вязнут огненные спицы,
и теряются в холмах,
там намыленные лица
на уставших лошадях.

ЭДУАРД НУРГАТИН,
*студент 3 курса факультета иностранных
языков Набережночелнинского педагогического колледжа*

БРАТЬЯ

Я не хочу высказывать своё мнение о здоровом образе жизни. Просто прочтите этот отрывок и сделайте выводы сами. Но не ждите счастливого конца.

2001 г. 27-е декабря

Уже и не помню, как долго в зеркале вижу измождённое, усталое лицо...

Подавлен, но не сломлен. Вид из окна чудесный, а в душе — катастрофа. Большой спорт пришлось оставить, но здоровый образ жизни — ни за что! Тем более сейчас... Одеваю то, что попало под руку (внешний вид уже не столь для меня важен.) Спотыкаюсь обо что-то (в последнее время здесь сам чёрт ногу сломит!) Нужно спешить, приберу потом. Спешу в больницу. Слава богу, что ещё есть к кому! Ком в горле. Сбегаю по лестнице...

Газель № 16, 7-я остановка (эти цифры, как дата моего рождения, навсегда поселились в голове.) Белая больница теряется в общем белоснежном пейзаже.

Вопрос: «Ну, как она?!»

Ответ: «Всё так же...»

9-я палата и глаза, полные тоски и душевной подавленности. Но одновременно с этим в них читается любовь и благодарность. Кажется, что глаза живут своей жизнью на бледном, неподвижном лице. Я должен быть сильным! Я не должен показывать ей, что боюсь!

Вхожу... Глаза закрыты, спит... Мороз по коже, едва сдерживаю слёзы! Ведь этот человек растил меня 23 года. В конце концов — это моя мама!

Спортсмены только кажутся сильными.... Теперь я это понял. Мысли прочь. Достая дрожащими руками пожелтевший листок. Глаза её по-прежнему закрыты. Ну и слава Богу! Спи, мама...

Сколько раз я держал, этот проклятый лист! Ну и пусть, главное, чтобы ей было легче! Сейчас это главное лекарство.

Письмо родного сына

Мама!

Даже не знаю, с чего начать! Боюсь говорить, но я справился! Я справился, мама! Врачи сделали свое дело. Ты бы видела этот сосновый бор, здесь даже воздух идёт на пользу! Тетради не хватит, чтобы описать мои чувства, мои новые ощущения! Я живу, мама! (Здесь её пульс усиливается.) Живу! И самое главное, что я больше не хочу!

Не хочу! Теперь наркотики превратились в какой-то забытый кошмар, который я больше не вижу! Не вижу, мама! Да и что говорить, всего не напишешь. Скоро сам приеду! Огромный привет братишке! Я вас люблю! Твой Саша.

Она прикована к постели.... Слегла от инфаркта, когда узнала, что сын вовсе пропал... С трудом, но держится! А Сашка... Сашка неизвестно где! Его настоящая записка томится на моём подоконнике.... Когда вошёл врач, я машинально отвернулся. Слеза скатилась по бледной щеке.

Записка сына (подлинная)

*Прости, маман, попал в капкан
Душевной простоты!
И нету больше той искры,
А только риск собачий...
Ишачий раб своей судьбы,
С наркотиком теперь
На ты!*

Мать больше не встанет, а Сашка никогда не вернётся...

Здесь нет начала, а конец, думаю, ясен. И если вы прочитали и хоть на секунду задумались, то я вам благодарен!

ВЕЧНАЯ УЛЫБКА ПЕЧАЛЬНОЙ ДУШИ

Сажу в гримёрке, потягиваю сигарету. Успокаивает нервы...

Десять минут до выхода!

Пускаю дым, а в дыму вижу её лицо.

Всё против меня...

Никого не волнуют проблемы клоуна. Клоун, актёр, солдат...

Ты должен выполнять свою задачу. Должен бесконечно улыбаться и веселить людей, и никому не важно, какие у тебя проблемы...

Семь минут!

Кто такой клоун?! Их боятся и их обожают, но суть от этого не меняется. Выходишь и веселишь людей!

Ты человек в промежутке между выступлениями.

На сцене же ты должен быть пуленепробиваемый. Ты должен улыбаться так, насколько позволяют мышцы лица.

Четыре минуты!

Забавно, правда! Ты подавлен и сломлен, при этом ты видишь сотни смеющихся лиц. Временно тебя здесь нет. Есть только неловкие движения, наигранные падения и идиотский образ, созданный иллюзией всеобщий радости...

Ваш выход!

Затяг.

Дамы и господа! На сцене самый веселый клоун!!!

Натягиваю фальшивую улыбку...

Будь проклят этот мир!

Шквал хохота продолжался весь вечер, а клоун всё думал, выживет ли его сестра после аварии.

АКТРИСА

Все прожектора направлены на неё. Это её ночь, её роль и, чёрт возьми, её зрители!

Фотосъемка на спектакле запрещена, но практически каждый присутствующий здесь мужчина пытается запечатлеть красавицу...

Чёрные распущенные волосы беспокойно струятся и доходят до декольте роскошного театрального платья. Когда же она останавливается, то волнистые локоны спокойно ложатся на покатыстые смуглые плечи.

В её больших зелёных глазах искрятся радость и задор торжественного мгновенья.

Наблюдающие за ней мужчины ею восхищаются. Наблюдающие за ней женщины её ненавидят... Особенно те, кто помоложе и побогаче остальных особ. Те, у которых есть всё, но нет этой самой минуты, когда толпа мужчин ненасытно пожирает глазами её, а не их.

Но больше всех актрису не любит молоденькая блондинка, которая пришла сюда со своим мужем. Он на неё так никогда не смотрел...

И вот белокурая завистница сидит и думает, что у этой театральной фифы всё замечательно! Она талантлива и хороша собою. Дома её ждет любящий и красивый муж, а дети (их, может, двое или трое) тут же побегут к двери, когда услышат долгожданный звонок: это же мама пришла!

У неё шикарный дом, у нее всё просто превосходно!

«Я её ненавижу!» От внушаемой злости у блондинки закружилась голова.

Вот и всё. — *Finita la comedia!* — Представление окончено.

Зал вздрогнул от аплодисментов.

Актриса стоит и улыбается... Как-то виновато... С чего бы?..

Кавалеры наперегонки спешат вручить ей цветы. Каждый желает поразить доUROVIZНОЙ и пышностью своего букета. Она искренне благодарит всех, но никого не выделяет.

Опускается занавес, но овации не прекращаются...

В гримёрке Диана снимает грим и переодевается в обыкновенную, даже простую одежду. Но не торопится идти домой. Сидит на стуле, опустив голову.

Прошло пятнадцать минут. Выпив стакан воды, она надевает пальто и, не попрощавшись с труппой, выходит на улицу. Прохладный воздух октября приятно освежает ещё разгорячённое лицо. Пройдя две остановки пешком, ловит такси и едет домой.

Как бы мне хотелось сказать вам, что это действительно шикарный дом, достойный её красоты и таланта... Но нет. Она едет в простую двухкомнатную квартиру, которая расположена на втором этаже девятиэтажного дома.

Звонок. Никто не спешит встречать. Она сама открывает дверь, снимает сапоги, вешает пальто и проходит на кухню. Ставит чайник и тут раздаётся:

— Диана, это ты?! Где шлялась?!

Голос кричащего искажён крепким алкоголем. Диана умывается и закрывает лицо ладонями. Облокотившись о старенький холодильник, глубоко и тяжело вздыхает.

— Давай быстро сюда! Я есть хочу!

Она нехотя идёт на зов, который раздаётся из спальни. На кресле перед телевизором сидит пьяное, небритое и взлохмаченное создание в рваной белой майке. А на чистом полу валяется пустая бутылка. На столе стоит ещё одна, начатая.

— Что тебе нужно?

— Ты где шляешься, я тебя спрашиваю?!

— Я работала.

— А я вот не работаю, как видишь. Пью. Приготовь мне ужин!
Мужчина допил и, развалившись в кресле, прибавил звук у телевизора.
Диана развернулась и тихо заплакала... В голове крутились мысли о сцене, аплодисментах и хищных взглядах ревнивых жён.

ОТЕЦ

Мужчина стоял около распахнутого окна, смотрел на дальний лес, который отделялся от дома длинной узенькой речушкой. Он думал: хорошо, что живём на окраине. Природа успокаивает душу. Но в то же время охота бросить всё, побежать в самую чашу листвы и хвои, закричать что есть силы, сесть на траву и забыться... Но речка препятствует беспокойной воле.

Зачем я тогда хлопнул дверь? Был мальчишкой... Глупым мальчишкой! Наверное, таким и остался, раз не хватает смелости вернуться. Извиниться, налить по чашке кофе и просто поговорить...

Тогда я сильно обидел отца. Нет, воткнул нож в сердце. Предал...

Не могу сказать, что мы были с ним друзьями. Он всегда относился ко мне холодно. Особо не интересовался моими успехами. Вместе гуляли редко.

После того, как умерла мать, он ушёл в запой. Мне исполнилось двадцать лет.

Мать страдала эпилепсией. Заканчивался август; меня дома не было, гостил в деревне у знакомых.

Вернулся домой, встретил нашу пожилую соседку, которая живёт в квартире напротив. Против обыкновения она мне ничего не сказала, только посмотрела с каким-то ужасом и быстро спустилась вниз. Я не придавал этому значения.

Открываю дверь. Вхожу. Отец сидит на кухне, пропитанный дымом, и курит. Хотя раньше никогда не курил. На кухонном столе и под столом стояли и лежали бутылки. На меня он даже не взглянул.

— Мать не работе?

— Умерла, случился приступ, а меня не было в этот момент рядом.

Он сказал это чужим голосом, пьяным и отрешённым.

Меня будто оглушили...

— Ты тогда опять пил?

Он не ответил.

— Я тебя спрашиваю, скотина, когда это случилось, ты пил?

Вместо того, чтобы ответить или рассказать, как всё было, отец сделал затык и запил его водкой.

Меня бросило в дрожь. В голове мелькали две мысли: или убить его или уйти из дома. Я собрал вещи. Проходя в прихожую мимо кухни, заметил, что он сидит всё в том же положении, закурил ещё одну сигарету.

— Мразь!

Я хлопнул дверь и ушел к другу. Пожил у него неделю, не больше. Потом забрал документы и переехал в другой город. Там возобновил учёбу. Я просто не мог оставаться здесь... На книжке были кое-какие деньги, я подрабатывал, мать откладывала.

Хватило на то, чтобы снимать на окраине города комнату в двухкомнатной квартире. В учебном заведении познакомился со своей будущей женой. Позже мы заняли всю квартиру...

Прошло восемь лет. Я ни разу не был дома. Но он же теперь дедушка! Каким бы он ни был, он мой отец. Стал дедом и не знает об этом...

Когда с работы вернулась жена, я сказал ей, что уеду на два–три дня на родину. Она поняла и сказала, что всё будет хорошо.

И вот, преодолев самую долгую дорогу в жизни, я попал в родной город, в родной двор, где ничего так и не изменилось. Разве что появились новые скамейки.

Поднимаюсь по ступенькам. Звоню, никто не открывает. Тогда позвонил соседке. Через некоторое время мне открыли дверь.

Сгорбленная, старая женщина узнала меня сразу.

— А ты совсем не изменился. Глаза вот...

— Где отец?

— А где был ты всё это время, когда ему была нужна сыновья рука... Что же... проходи.

Мы сели с ней на диван и она мне всё рассказала.

— Когда ты уехал, он не находил себе места. Приходил ко мне пьяный, кричал: «Где сын? Куда он ушел?! Куда?!» Я сказала, что ничего не знаю.

— Где сейчас отец?

— Помнишь... когда я тебя встретила на лестничной площадке. Я была не в себе... Потрясена. Он ведь ходил в магазин за продуктами, сам потом рассказывал. Стучится, а никто не открывает. Врывается, она лежит на полу... Он вил себя. Думал, что виноват в случившемся. Потом ушёл в запой. Ты застал его таким... У него совсем недавно стало плохо с сердцем. Его больше нет...

— Почему вы меня не разыскали?

— А где искать? Он тебя любил. По-своему.

Сквозь выступающие слёзы я сказал:

— А вы знаете, он стал дедушкой.

Тихое озеро

Я всегда любил это озеро. Почему? Не знаю. Может, потому, что оно — часть моей души. Часть моих воспоминаний. Всегда спокойное и молчаливое. Кажется, ничто не может вывести его из природного равновесия...

В молодости я частенько ловил рыбу с хорошим другом, с которым знакомы со школьной скамьи. Он был на класс старше меня, иногда помогал выйти из всяких юношеских передряг.

Мы жили в посёлке «Тихое озеро», так названного в честь нашего единственного и всеми любимого озера, всегда чистого, как первый снег.

После школы Антон не захотел ехать в город. У его матери были проблемы со здоровьем... Он остался в деревне.

За школьные годы мы с ним стали как братья. Но я не хотел оставаться в деревне, я хотел выучиться. Пришлось уехать в город. Но после каждой сессии я приезжал в родные места.

Однажды Антон занял у меня очень приличную сумму. Причину он не сказал, да я и сам не стал спрашивать. Я откладывал стипендию и подрабатывал. Отдал все накопленные деньги, не усомнившись в своём друге.

Антон с матерью жили бедно. Денег едва хватало на пропитание.

Через два дня встречаю его на улице в стельку пьяным. Я не мог понять: в чём дело?! Мне не понаслышке было известно о деревенских привычках. Расценил это по-своему. Больше мы с ним не виделись...

Я слышал, что он уехал из Тихого озера. Куда — не знаю...

Роберт сложил большой и указательный пальцы правой руки в кольцо:

— Во щикляу!

Несмотря на убедительный вид Роберта, ситуация к лучшему не изменилась. Разгадка пришла вместе с тётей Роберта, которая явилась его забрать. Оказалось, что таинственная фраза «Мин киярк щикляу», произнесённая искажённым детским языком, означала на татарском языке «Мне нужны орехи». Роберт заметил под столом скорлупку от грецкого ореха, и таким образом пришёл к выводу, что орехи у нас имеются, и он не прочь ими подкрепиться. Только Роберт никак не мог предположить, что в этой квартире живут люди, которые не в состоянии понять его высказывания...

Детство

Прошёл год... Незаметно мы с Робертом подружились. Правда, сначала мы разговаривали на разных языках. Но, когда тебе всего четыре года, языкового барьера не существует. Постепенно Роберт научился разговаривать по-русски, только долго говорил про себя в женском роде: «я пошла», «я села».... Конечно, ведь русскому языку он учился у меня.

Я запомнила шесть цифр — телефонный номер семьи Роберта. И каждый день набирала этот номер, чтобы услышать, как сверху, с потолка, доносится «топ-топ-топ». Это Роберт бежит к телефону.

— Роберт, приходи!

И вот уже слышно, как он бежит вниз по лестнице, а затем барабанит в дверь нашей квартиры. И мы начинаем играть....

Тогда я боялась темноты. Роберт тоже. Когда нужно было зайти в тёмную комнату, он говорил мне:

— Света, не бойся, я за тобой!

И, действительно, следовал за мной, спрятавшись за мою спину. Я же шла спокойная и уверенная: мой тыл был надёжно закрыт.

Зимой мы ходили кататься на санках. Когда, съехав вниз, я падала в снег, Роберт отряхивал мою розовую шубку. Однако втаскивать санки вверх на горку он мне не помогал.

Летом же он уезжал в деревню, а я оставалась в городе и не находила себе места от скуки. Я очень долго не могла отвыкнуть от бутылочки молока с соской на ночь. И вот мама решила меня от неё отучить. Когда Роберт в очередной раз уехал в свою деревню, мама сказала, что он забрал с собой мою бутылочку. К её удивлению, я отнеслась к этой новости весьма спокойно. Мама тоже успокоилась и думала, что всё на этом и кончилось. Но про себя я решила: когда Роберт приедет, потребовать бутылочку назад. Каково же было удивление Роберта, когда я устроила ему допрос с пристрастием. Как оказалось, он был «чист». И вот тогда я заплакала, я поняла, что меня первый раз в жизни обманули. Но за это время от бутылочки я успела отвыкнуть.

Однажды я сама уехала в деревню на лето. Роберт во время моего отсутствия всё бегал от окна к окну и ворчал:

— Когда Светка придет?! Никуда и никогда я её больше не отпущу!

Роберт в каком-то роде считал меня своей собственностью и никого ко мне не подпускал. Даже девочек. Когда однажды его двоюродная сестра выказала намерение поиграть со мной, Роберт поднял с земли грабли и, грозно нахмутив брови, пошёл на сестру в атаку. Сестра быстро ретировалась. В итоге мы играли только вдвоём. На детской площадке никто подходить к нам не осмеливался. Право со мной играть принадлежало только Роберту. Свои игрушки он давал только мне, правда, потом всё пересматривал и пересчитывал.

Школа

Настало время готовиться к школе. Читать я умела уже давно. А вот Роберт — нет. Когда я ему демонстративно прочитала рассказ из букваря, в глазах у Роберта появилась досада. Роберт стал учиться читать. Сам. Он взял в руки букварь и стал приставать к взрослым:

— Эта буква как читается? А эта?

Роберт шел на кухню к моей маме, и, вылезая из-под её руки, невзирая на близость горячей плиты и брызги кипящего масла, настойчиво интересовался:

— А это как читается?

Когда же он приходил к себе домой, то и там не успокаивался. Пока его мама была на работе, он лез к своей тёте с тем же важным вопросом:

— А это какая буква?

Таким образом, через две недели он читал не хуже меня.

Очередь за письмом. Теперь мы с Робертом вместе сидели за столом и, пыхтя, выводили прописные буквы, которые никак не хотели выводиться. Я правой рукой, Роберт — левой. Я с тоской поглядывала на образцы в прописи и видела, что до идеала мне, как до Китая пешком. Кстати, ни до идеала каллиграфии, ни до Китая я так и не добралась... У Роберта, похоже, такая же картина.

А потом математика... 2+2... Мама устанавливала деревянную доску, и мы писали на ней мелом цифры. Учились считать в уме, что мне удавалось весьма туго. Но Роберт считал легко и быстро. Секунды через две после маминого вопроса он уже выкрикивал ответ. Позже, когда мама сказала, что своими выкриками он мешает мне думать, он стал шептать ответы ей на ушко. Мама его хвалила:

— Молоток (на тогдашнем сленге это означало «молодец»)!

После третьего «молотка», Роберт ей ответил:

Я не молоток, я — Лобелт Ильгизыщ! (Роберт Ильгизович)...

Настало время идти в школу, в первый класс. И тут нам с Робертом пришлось расстаться. Мы были определены в разные классы. Роберт перестал обращать на меня внимание. Дело дошло до того, что он перестал со мной здороваться. Наверное, боялся, что над ним будут смеяться. Я же обижалась. Так продолжалось вплоть до седьмого класса. Впрочем, не совсем так, класса с пятого здороваться друг с другом мы всё-таки стали, но не общались.

На первое сентября седьмого года обучения я потеряла из виду свой класс. Вот будто только что рядом со своими одноклассниками стояла, и нет их. Ни классного руководителя, ни одноклассников. Ворон я считала или мух, не знаю, но я не заметила, как и куда они ушли. Я обежала всю школу. Когда уже в третий раз взбегала по лестнице, путь мне преградила Раушания Робертовна.

— Что ты тут делаешь, Света?

— Я не могу найти свой класс, — пожаловалась я.

— Тогда переходи в мой, — неожиданно предложила учительница, — как раз набирается новый класс с математическим уклоном.

Я подумала и согласилась. Представили меня новому классу, посадили за парту. Оглянувшись назад, я увидела... Роберта, смущённого неожиданной встречей. И настал час моей мести!!!! Я произнесла:

— Ну что, Роберт, теперь вместе учиться будем!? Убежать больше не удастся.

Всё равно убежал. После девятого класса в училище. Сейчас мы хорошие друзья.

Госпожа нотариус

В зале ожидания нотариальной конторы — мебель тёмного дерева, чёрные кресла и такой же диван. Чёрный резной столик всем своим видом претендует на стиль барокко и выглядит недовольно: на столике лежит яркий гляцевый журнал, полностью выбивающийся из вышеупомянутого аристократического стиля. Такая же тёмная и мрачная мебель в помещении секретаря и в самом кабинете нотариуса. На стенах картины в тёмных и тяжёлых рамах. Абсолютно вся обстановка в конторе будто бы говорит: трепещи, всяк сюда входящий! Ибо здесь вершатся дела юридические! Служащие под стать обстановке: официально чёрно-белые. Помощник нотариуса по случаю жары без пиджака и галстука, однако отсутствие оных полностью компенсируется кисло-официальным выражением лица.

Всё это могло бы и отпугнуть боязливых клиентов, если бы не хозяйка заведения — госпожа нотариус. Это жизнерадостная дама средних лет, немного полная и очень подвижная. Её яркое летнее платье полностью выбивается из всего строго-мрачного, как выбивается гляцевый журнал на столике в стиле барокко. Но, когда она вихрем вылетает к своим клиентам, быстро проговаривая что-то приветственное, кажется, будто вся эта тёмная мебель становится светлее и ярче.

— Ой, как вы похожи на другую мою клиентку, просто слов нет! Прямо копия! Вам только палочки не хватает!

Слова о палочке немного задевают клиентку, но, поддавшись обаянию нотариуса, она быстро забывает обиду. Нотариус же зовёт своего помощника и адъютанта:

— Дамир! Посмотри сюда. Правда, она похожа на Ирину Яковлевну?!

Сморённый жарою Дамир нехотя кидает кислый взгляд и выдаёт:

— Нет, не очень.

После целого ряда восхищённых случайным сходством слов нотариус серьёзнее и переходит к делу. Вместе с ней серьёзнее и тускнеет её платье, а затем и мебель в кабинете. А как же иначе: вершатся дела юридические! Адъютант и секретари летают вокруг с книгами и папками, понимая нотариуса с полуслова. Заканчивает она дело словами:

— Я свыше тридцати лет работаю — собаку съела.

И клиент, после всего увиденного и услышанного, охотно ей верит.

Но всё-таки один вопрос остался неразрешённым! Нотариус садится к телефону, набирает номер и радостно вещает в трубку:

— Ирина Яковлевна! Вам назначен приём на завтра! А сегодня я видела вашего двойника!

И делает паузу, чтобы дать шанс той самой Ирине Яковлевне осмыслить два не вяжущихся между собой предложения. Затем продолжает:

— Ей только не хватает вашей палочки!

Комментарии не требуются.

Положив трубку, нотариус объявляет немного ошарашенной клиентке:

— Я хочу сфотографировать вас для Ирины Яковлевны!

Получив разрешение, нотариус приводит своё намерение в исполнение и только тогда отпускает клиентку. Клиенткой этой была моя тётя, а я — свидетель произошедшему. Я решаю подарить этому удивительному нотариусу небольшой презент — ручку. Госпожа нотариус приходит в восторг. Как оказалось, ручек у них катастрофически не хватает — клиенты уносят. Тогда я принимаю решение подарить ручку и её помощнику Дамиру.

— В честь чего? — уныло интересуется адъютант «Её Превосходительства».

— В честь хорошего дня! — бодро отвечает за меня нотариус.

А день действительно хороший, жара начинает спадать...

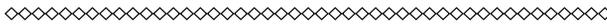
ТАТЬЯНА ЛАПТЕВА,
*студентка 2 курса факультета филологии
 Набережночелнинского государственного
 педагогического института*

Раскалённый гравий.
 Прожжённая даль.
 Ноты расставанья.
 Ничего не жаль.

Слёзы высыхают.
 Им не привыкать.
 Мельком понимаю —
 Всё опять не так.

И ступени резки —
 Ноги режет боль.
 Руки были нежны —
 Как на лёд огонь.

Ты уйдешь — я сгину!
 Пропаду — ищи!
 Не найдёшь — погибну!
 А найдёшь — МОЛЧИ!

ЛЯЙСАН ШАРИПОВА,
*студентка 2 курса музыкального факультета
 Набережночелнинского педагогического колледжа*

ЦВЕТ НЕБА

Жил-был на свете маленький зайка. У него были пушистые и длинные ушки, потому его и прозвали Ушастиком. Он был впечатлительным и наивным мечтателем. Ушастик любил прыгать по лужайке, собирать цветы, а больше всего любил, лёжа на полянке среди высокой травы, глядеть в небо. Время было летнее: облака белой пеленой уносились куда-то вдаль. Ушастик видел в них белых лебедей, других птиц и зверей.

Но время шло. Летние дни подходили к завершению. Погода начала приобретать осеннее настроение. Как-то вечером Ушастик пришёл на свою любимую полянку, чтобы как обычно посмотреть на плывущие облака и окунуться в голубое прозрачное небо. Он удобно устроился в траве, взглянул вверх и увидел некрасивую картину: небо приобрело мрачный окрас, тяжёлые серые тучи закрыли белые облака.

Ушастик пришёл в недоумение: «Как же так? Что случилось с небом?». Он не успел моргнуть, как вдруг с неба начали сыпаться непонятные капли воды. Зайчик начал бегать по полянке от летящих хрустальных капель, но они всё равно задевали его.

— Что же случилось?! — воскликнул зайка. — Почему небо стало серым? И отчего оно плачет? Может, оно заболело?

Он спрашивал об этом цветы, но они ничего не ответили.

— Я всё выясню! — важно сказал Ушастик и побежал домой. По пути он встретил старого муравья, который пытался спрятаться от дождя.

— Здравствуй, Муравей! — сказал Ушастик. — Можно у тебя кое-что спросить?

Муравей мигом откликнулся, вылезая из-под осинового листка:

— Здравствуй, Ушастик. Спрашивай, конечно.

— Скажи мне, Муравей, а чем это небо заболело? Почему оно плачет? Ему больно? Муравей сначала нахмурил брови, а затем его сердитость сменилась улыбкой.

— Да что ты такое говоришь?! Как же небо может заболеть?! И вовсе оно не плачет. Капли — это обычное природное явление под названием Дождь! Осень просто готовится сменить Лето, вот дождик и льёт. Как говорится, осень без дождя — не осень!

— А ты откуда знаешь? — спросил зайчик.

— В школу ходил в своё время и тебе, кстати, тоже советую, — ответил Муравей.

Прошло некоторое время. Осень на правах хозяйки захватила всё вокруг. Ушастик пошёл в школу. У него уже было не так много времени, чтобы часами любоваться небом. Столько всего интересного окружало его и всё хотелось познать! Но как-то вечером Ушастик всё-таки забрёл на свою полянку. Ему захотелось узнать, какого же цвета стало сейчас небо. Подняв голову вверх, он увидел нечто незабываемое: тёмно-синяя небесная гладь простиралась над огромным замерзающим лесом. И ни тучки, ни облачка, только холодное, мерцающее небо. Но изумление Ушастика было прервано. Маленький белый комочек упал на макушку нашего мечтателя. То был долгожданный для всех снег. Первый снег ещё не изведанной Ушастиком чудесной волшебной зимы...

ЗВЁЗДОЧКА И СНЕЖНИКА

Наступила долгожданная зима. Ночью с неба посыпались крупные, пушистые хлопья снега. Ветер кружил их, а затем ронял на спящие дома, деревья и дороги. Изящно опускаясь на землю, снег серебрился под жёлтым светом луны и множеством изумрудных звёзд, которые были разбросаны по небосводу какой-то неведомой силой. Особенно ярко и тревожно на небе светила одна маленькая звёздочка. В эту ночь она впервые вышла на небо и засияла. Столько всего неизведанного и чудесного она увидела внизу: стройные и величавые деревья, на макушки которых падал снег, уснувшие дома с небольшими оконцами, украшенными зимними кружевами и узорами, и многое-многое другое, неповторимое и прекрасное, чего она не могла никогда себе представить. «Как же хорошо, что я родилась зимой», — подумала звёздочка и огляделась вокруг. Действительно, всё было таким волшебным, что не хотелось покидать ночное, ласковое небо. Повернувшись в сторону луны, звёздочка увидела, как соседнее облако стряхнуло с себя множество снежинок. Взявшись крепко за руки, они хороводом полетели вниз, на землю. Но неожиданно одна разноцветная снежинка оторвалась от остальных и осталась на небе, зацепившись за маленькую звёздочку.

— Помоги! — тихо произнесла снежинка.

— Держись! — сказала звёздочка и быстро повернулась в сторону севера, чтобы снежинка не сгорела от лунного света.

— Спасибо тебе, ты спасла меня.

— Не за что! — воскликнула звёздочка. — А почему ты не опустилась на землю вместе с другими снежинками? — спросила она с удивлением.

Снежинка печально посмотрела вниз и из её глазок посыпались кристальные слёзки.

— Я не хочу растаять! — ответила она.

— Почему же ты должна растаять? — спросила звёздочка.

— Потому что на земле теплее, чем на небе. К концу зимы мы засыпаем, а весной превращаемся в капельки воды, — с грустью сказала снежинка.

— Чем же я могу тебе помочь? — спросила звёздочка.

— Можно я немного посижу на тебе? — произнесла снежинка. — Просто я никогда не видела ночной город. Когда я была маленькой, взрослые звёзды мне много рассказывали о красоте уснувших зимних деревьев, о чистом и прозрачном воздухе, о том, что стало мечтою всей моей жизни. Позволь мне осуществить мою зимнюю мечту.

— Конечно, — сказала маленькая звёздочка. — Можешь даже остаться со мной навсегда.

— Спасибо тебе, ты — настоящий друг. Я бы осталась с тобой, но облако скоро стряхнёт с себя вторую партию снежинок, они подхватят меня и унесут на землю.

— Как жаль, — промолвила звёздочка, вытирая свои изумрудные слёзки.

— Да, — ответила снежинка.

Несколько часов, прижавшись друг к другу, звёздочка и снежинка смотрели вниз, на землю. Они долго о чём-то говорили, смеялись, шутили, забыв про то, что скоро их разлучат, и они никогда больше не увидятся. Неожиданно соседнее облако начало покачиваться.

— Ну, вот и всё! — с грустью произнесла снежинка, глядя на то, как из облака начали друг за другом вылетать снежинки.

— Не покидай меня! — воскликнула звёздочка.

— Прощай! Не забывай обо мне! Я буду улыбаться тебе на земле! — прокричала снежинка, и хоровод других снежинок подхватил её и уволок за собою вниз.

Маленькая звёздочка начала плакать, роняя свои изумрудные капельки на ладонь неба. Вдруг её глаза ослепил яркий свет. Это улыбалась ей та разноцветная, не похожая на других снежинка. Звёздочка вытерла слёзы и тоже начала улыбаться, глядя на маленький огонёк, сияющий на Земле.

Так, всю зиму по ночам встречались улыбками лучшие друзья — звёздочка и снежинка. Они светили друг другу так ярко, что зимние ночи казались загадочными и необыкновенными. Никогда ещё снег не искрился так волшебным, и никогда ещё не было такого доброго зимнего чуда, как дружба снежинки и звёздочки.

Но вот зимние дни начали подходить к концу. Снежинка уже светила не так часто и ярко, как раньше. Когда наступила весна, разноцветная снежинка растаяла. Небо больше не видело её мерцающего света. Прошло некоторое время. Весна полностью завладела природой, разбросала дожди, заставила цвести деревья и опустила солнечные тёплые лучи к земле.

Как-то ночью, когда звёздочка появилась на небе, она увидела неподалёку от себя новую звезду.

— Привет! Ты узнаёшь меня? — неожиданно произнесла новенькая. — Это я! Снежинка!

— Снежинка? Это ты? Как ты здесь очутилась? — спросила радостно звёздочка.

— Да. Это я. Весенние солнечные лучики сказали мне, что я редкая разноцветная снежинка. Они не захотели, чтобы я погибла, и поэтому превратили меня в звезду. Теперь мы вместе будем светить на небе всегда!

— Ура! Ура! — обрадовалась звёздочка, и обняла свою подругу.

Они были так счастливы, что больше никогда не отходили друг от друга ни на шаг. А ночное небо было очень благодарно доброму весеннему солнцу за то, что оно подарило миру новую звёздочку.

РОМАШКОВАЯ ПОЛЯНА

Много-много лет назад за тремя синими океанами в маленькой деревушке жили-были двое молодых влюбленных — Ромай и Камелия. Ромай обладал великолепным голосом. Он пел, подобно соловью, и от его пения захватывало дух, а Камелия была настолько прекрасна, что даже солнце, видя её неземную красоту, начинало светить ещё ярче. У молодых людей было своё тайное место для встреч, о котором знали только они — небольшая полянка, усыпанная безымянными белыми цветочками с жёлтым доньшком. Камелия была влюблена в эти скромные и простые на вид цветы. Каждый вечер юноша и девушка приходили сюда, прячась от суеты обыденной жизни. Каждая минута казалась им сказочной, волшебной, неповторимой. Они мило беседовали, порой просто смотрели на небо и молчали. Казалось, не было в мире людей счастливее этих двух молодых влюблённых.

Но недолго длилось их счастье. В сердца жителей деревни давненько закралась чёрная зависть к этой парочке. Красота Камелии и прекрасный голос Ромая сыграли в этом не последнюю роль. Как-то жители решили подшутить над юношей. Они написали записку и подкинули её под дверь дома Ромая. Когда Ромай вышел из дома, чтобы отправиться на цветочную поляну, он увидел под ногами небольшой конверт и раскрыл его. Большими буквами было написано: «Срочно прибыть к королевскому двору». Рядом стояла размазанная печать, но Ромай не обратил на это внимание. Он сжал записку в руке, сел на порог дома. «Интересно, — подумал он, — что же нужно от меня королю? Может, он предложит мне хорошую работу? А как же Камелия? На поляну идти далеко, а прибыть ко двору написано срочно...»

— Эх, ладно, ничего страшного не случится! — сказал вслух юноша, сел на коня и помчался к королю.

Тем временем Камелия уже была на цветочной поляне. Она собирала свои любимые цветы. Ромая всё не было. «Наверное, задерживается», — подумала она и начала петь песенку.

На краю леса жила старая колдунья. Жители деревушки слышали о её существовании, но никогда не видели её в лицо. Именно в этот день колдунья решила облететь на метле все свои владения, собрать лесные травы для очередного зелья. Очутившись в центре леса, она услышала пение Камелии. Колдунья тут же полетела на голос девушки. Через пару минут старуха была уже на поляне. Она увидела перед собой прекрасное юное создание, которое порхало среди цветов, как бабочка. Неожиданно колдунья прервала пение девушки.

— И что же ты делаешь на моей поляне? — грубо спросила она.

От испуга Камелия выронила из рук букет.

— Цветы собираю, — тихо произнесла девушка.

— А почему ты собираешь цветы, которые принадлежат мне? — насупилась колдунья.

— Почему же они Ваши? Это лесная поляна. Кто хочет, тот и собирает, — уверенно произнесла девушка.

Тут старуха позеленела от злости, а затем взлетела в воздух.

— Ну, тогда получай! — прокричала колдунья и с треском ударила посохом о землю.

В одно мгновение девушка превратилась в цветок и упала на поляну. Старуха исчезла, будто растворилась, а Камелия оказалась среди таких же цветов, как и она. Единственным отличием девушки от других цветов был чудесный небесный цвет её лепестков. Девушка начала звать на помощь, но никто не слышал её. Тогда Камелия горько заплакала. Горячие лучи солнца ослепляли глаза, обжигая лепестки. Она уснула.

Когда Камелия спала, мимо поляны проезжала карета младшей дочери короля — принцессы Иоанны. Выглянув в окно, Иоанна заметила среди белых цветочков один не похожий на других цветок. Принцесса приказала остановить карету и сорвать его. Спящую Камелию увезли в королевский сад. Там со всех сторон её обвили колючие алые и белые розы. Она проснулась от их укусов. С неба посыпались маленькие капли осеннего дождика. Она оглянулась вокруг. Из цветочных глаз посыпались крохотные слёзы. Кругом были лишь немые цветы, и ни одной живой души, с которой можно было бы поделиться своим горем или попросить совета.

Тем временем Ромай, прибыв ко двору, показал записку королевскому служащему, но тот только посмеялся юноше в лицо. Перед Ромаем закрыли ворота, сказав, что король никаких посланий не отправлял. Опечаленный Ромай вернулся в родную деревню. Первым делом юноша пошёл на поляну. «Может, Камелия всё ещё там?!» — подумал он. Но на поляне было пусто. Юноша отправился к родителям девушки. Увидев его, они были удивлены, что Камелии нет рядом с ним. В сердце Ромая закрался страх за любимую:

— Я найду её! — уверенно сказал он родителям Камелии и помчался в лес. Ромай бежал сломя голову. Казалось, его тело обрело крылья. Ноги сами вели неведомо куда. Впереди Ромай видел только кривые сучья деревьев, и чем дальше он бежал, тем сильнее сжималось его сердце. Неожиданно он услышал скрипучий, пронзительный смех, режущий слух. Ромай остановился на минуту. Пройдя ещё несколько шагов, он увидел ветхую лачужку. Около неё стояла седая старуха и что-то твердила себе под нос, мешая огромной палкой смесь в котле.

— Что, милоч, потерял кого? — с иронией промолвила старая колдунья.

Ромай находился в таком смятении, что даже не знал, что ответить.

— Знаю, ищешь ты невесту свою, вижу, с ног сбился. — произнесла она вновь.

— Ты знаешь, где Камелия?

— Знаю, только навряд ли ты её узнаешь. Хрупким нежным цветком стала ТВОЯ невеста!

— Как же так?! — воскликнул юноша.

— А вот так! Обидела меня Камелия. Но ты можешь снять с неё мои чары. Готов ли ты на это?

— Готов! На всё готов! Только скажи!

— Я скажу тебе, где она находится, но только взамен заберу твою молодость и голос. Что ты на это скажешь?

— Забирай всё, что хочешь, я на всё согласен!

— Ну хорошо, — произнесла колдунья и ударила посохом о землю.

Вмиг поднялся суровый ветер, пыль с земли взлетела вверх. Ноги юноши почувствовали какую-то слабость, руки покрылись дряблой старой кожей, волосы на голове обрели седой окрас. Ромай упал па землю.

— Твоя Камелия находится в королевском саду юной принцессы Иоанны. Лепестки — цвета небесной чистоты. Я не знаю, как ты будешь вызволять её оттуда, но учти, что один цветок из королевского сада выпускает сильный яд в полночь. И если ты не успеешь до этого времени, твоя возлюбленная навсегда попадёт в город сна и уснёт на целые десять лет! Спешите! — прокричала старуха и испарилась в воздухе.

Несколько минут Ромай находился в бессознательном состоянии. Очнувшись, он увидел в луже своё отражение. Перед ним уже был не молодой паренёк со свежими тёмными локонами, а седой, потрёпанный жизнью старик с палкой в руках и густой белой бородой. «Нужно отправляться в сад!» — сказал он сам себе, вскочив с земли, как мальчишка. Вернувшись за конём, он помчался в королевство. Ромай несся со скоростью ветра. Ужасно болела спина, но ему всё было нипочём. Главное — спасти любимую. Спустя пару часов он уже был около королевского замка. Королевский служащий, стоящий у ворот, не узнал в старике того юношу, с которыми разговаривал утром.

— Эй! Чего тебе надобно? — прокричал он Ромаю.

— Понимаете, мне срочно нужно попасть в королевский сад принцессы Иоанны, — отчётливо произнёс старик, стряхивая с себя пыль и вытирая пот с лица.

— Пошёл вон, старый бедняк! Тебе не место в саду принцессы! — отрезал служащий и закрыл ворота перед носом старика.

Ромай упал на колени от отчаяния:

— Нет! Выслушайте меня! Это важно!

— Ты что, не понял меня? — ответил служащий. — Если сейчас же сам не уберёшься, я прикажу прогнать тебя.

— Но мне нужно попасть в сад до полуночи! Если я не сделаю этого, то Камелия погибнет!

— Что за бред ты несёшь! — нахмурился служащий. — Стража, уведите подальше от королевских ворот этого безумного!

Ромай не успел моргнуть, как на него надвинулись грозные стражники. Он до последних сил пытался вырваться из их рук, но всё было впустую. Через несколько минут Ромай уже лежал в лесу на земле. Отчётливый звук кукушки слышал он в этот момент и ничего более. Она словно отсчитывала секунды, которые куда-то всё бегут, не оборачиваясь назад и никого не щадя на своём веку.

Свернувшись калачиком и прижавшись к земле от ночного холода, Ромай уснул. Деревья будто замерли. Что-то белое мелькнуло между сучьев. Неожиданно небо затанулось тучами. Ночь стала темнее чёрной сажи. Что-то неведомое, сказочное и светлое опустилось хрустальными искорками звёзд на землю. Над спящим Ромаем

кружилась добрая фея. Она опустилась на колени, прильнула к уху старика и что-то ласково прошептала ему. Он открыл глаза.

— Тихо! — сказала она, — спи, нас могут услышать.

— Кто ты? — прошептал Ромай.

— Я — Повелительница добра! — нежно произнесла она. — Я знаю, что с тобой произошло, и я пришла тебе помочь!

— Как же ты можешь мне помочь? — сказал он.

— Всё очень просто. Я поверну время на три года назад. Но ты должен пообещать мне кое-что.

— Что?

— Всегда оберегай любимого и дорогого твоему сердцу человека, несмотря ни на что!

Ромай кивнул головой в знак согласия.

— Теперь спи! — сказала фея и разбросала в воздухе множество маленьких искорок. Затем, проложив лунную дорожку к небесам, она превратилась в белую птицу и улетела в небо. Птица ещё долго кружила над землёй, бросая на землю свои красивые пёрышки. Казалось, весь мир в тот момент превратился в неподвижную, застывшую картину.

Ромай крепко спал. Всю ночь ему снилась Камелия. Во сне она улыбалась как ни в чём не бывало. Казалось, это был не сон, а реальность. «Камелия, Камелия», — шептал Ромай, ворочаясь с бока на бок.

— Проснись, проснись! — вдруг услышал он голос своей возлюбленной. Юноша открыл глаза и увидел перед собой Камелию.

— Ты здесь, ты со мной! Камелия! — воскликнул радостно Ромай и из его глаз посыпались слёзы.

— Да, я здесь. Я никуда и не уходила. Просто, когда я собирала цветы, ты задремал на пару минут.

— На пару минут?

— Да.

— Для меня эта пара минут показались мучительной вечностью. Хорошо, что это всего лишь сон.

Он обнял Камелию. Затем, посмотрел в небо. Там пролетала белоснежная дивная птица. Он узнал её. Это была та добрая фея, которая спасла его любовь. Ромай помахал ей рукой. Птица скрылась в пелене облаков.

Прошло несколько лет. Ромай и Камелия поженились. Ничто не могло их разлучить, всегда и везде они были вместе. Ромай и Камелия прожили долго и счастливо, а жители деревушки полюбили счастливую пару за доброту. Когда прошло сто пятьдесят лет, простые люди, узнав эту историю, дали любимым цветам Камелии — белым, простым на вид цветочкам с жёлтым донышком, такое же простое имя — ромашки, во имя светлой любви Ромая и Камелии. Ромашки живут и в нашем веке, являясь символом добра, чистоты, семьи, верности и светлой любви.

МАЛОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ

— Люсь! Давай съездим в центр, — предложила Тома.

— Чего ты там забыла? — удивилась Люся.

— Да понимаешь, отец что-то захандрил. Думаю занятие ему подыскать.

Люся недоумевала:

— Какое занятие в центре?

Тому сердило такое непонимание со стороны подруги:

— Знаешь, я его подстригла, и он стал похож на Карла Маркса.

Люся не врубалась:

— И что?

— А то, что у Исторического музея тусуются двойники вождей — Ленин там, Сталин, Николай II. А Маркса у них нет — я в Интернете посмотрела. Может, отца туда пристроить? — размышляла Тома.

Люся по-прежнему не понимала:

— Зачем? Он же картины пишет.

— Да не сезон теперь, — отмахнулась Тома. — Он может только летом на даче писать натюрморты. Всё равно выходят одни треугольники и квадраты.

— А с личной жизнью что? — продолжала допытываться Люся. — У него вроде дама сердца появилась?

— Да не получилось, — ответила Тома. — Пригласил он даму к нам домой, а Сёмочка, пекинесик мой сладенький, всё дело им испортил: ходил за ними и глазел, смущал даму. К тому же у неё оказалась аллергия на собачью шерсть.

Люся не унималась:

— Почему ты ему такое занятие придумала?

Тома объяснила:

— Ну, на воздухе будет. В мужской компании. Да и деньги платят за фото с вождями.

— Много? — полюбопытствовала Люся.

— Точно не знаю, — честно призналась Тома. — Но в Интернете пишут, что от ста рублей до тысячи — смотря с кем фоткаешься. Один мужик лет за десять три квартиры купил.

Люся засомневалась:

— Там, наверное, за место надо платить — ну, как нищие в метро.

— В Интернете пишут, что вожди отстёгивают ментам. А не хочешь — оформляй индивидуальную деятельность, вроде как малое предприятие. Там один Ленин скооперировался с Николаем II, и они зарегистрировали своё малое предприятие. Теперь фоткаются в обнимку с красным знаменем.

— Иди ты! — не поверила Люся.

— Ну вот давай съездим и посмотрим, — сказала Тома. — И вообще сегодня, как сказали по радио, «День спонтанного проявления доброты». Прояви ты ко мне доброту. Поможем отцу создать малое предприятие.

...Люся вздохнула и согласилась.

Они приехали.

Между Историческим музеем и бывшим музеем Ленина развернулась настоящая толкучка.

— Как у Погодина, — заметила Люся.

— Чего? — не поняла Тома.

— Ну была такая пьеса в советские времена, — сказала Люся. — Погодин написал. Называлась «Кремлёвские куранты». Очень популярная, между прочим. Начиналась с того, что у Иверской на барахолке инженер Забелин продавал спички. А в конце пьесы по просьбе Ленина починил кремлёвские куранты.

— И что? — спросила Тома.

— Да ничего, — Люся зябко поёжилась. — Вот мы на этом месте. И опять тут — барахолка.

Действительно, они стояли посреди барахолки. Тут продавались разные сувениры. А в стороне кучковались «вожди»: несколько Лениных, Сталиных, один Николай II с красным знаменем и один Брежнев.

— Видишь, — Тома ткнула Люсю в бок, — Карла Маркса у них нет.

У «нулевого километра» толпились старухи в ожидании туристов. Те фотографировались, стоя на этом «километре», а потом бросали на него мелочь, которую старухи подбирали, дерясь друг с другом за каждую копейку.

— Да, — грустно сказала Люся, — и это — страна победившего нас социализма.

— Нет, подруга, — поправила её Тома, — уже — капитализма.

Немногочисленные туристы приценивались к «вождям».

— Так, надо выяснить, почём фотка, — сказала Тома и двинулась к «вождям», но остановилась.

Замёрзшие «вожди» выпивали.

— Подождём, — решила Тома, — не будем портить людям кайф. Мы же не будем на самом деле фотографироваться.

...Процесс выпивки у «вождей» затянулся, благо туристов не было. Бабки у «нулевого километра» топтались в ожидании. Тома с Люсей стали подмерзать.

У «вождей» завязался какой-то серьёзный, видимо, идеологический спор, который скоро перерос в драку.

Подъехали менты, без разговоров покидали всех «вождей» в машину и увезли.

Бабки продолжали топтаться у «нулевого километра».

— Холодно, пойдём, — Люся потянула за рукав расстроенную Тому.

— Ага, кина не будет, — шмыгая носом, согласилась та.

Они побрели к метро.

...На грязном снегу осталось сломанное древко знамени, разбитого Николаем II о голову Владимира Ильича Ленина, и алели клочья кумача.

На скользких ступенях метро Тома поскользнулась и подвернула ногу.

— Знаешь, писали, что земная ось сместилась, — авторитетно объяснила она Люсе, — вот я и упала.

Они спустились в метро. Люся поддерживала стонущую Тому.

Места, конечно, им никто не уступил.

Тома попыталась взяться за ближайший поручень, но к нему намертво приклеился задом какой-то парень и не желал отклеиваться.

Тома не выдержала:

— Эй! Дай уцепиться больной старушке. Это не поджопник, а поручень.

С трудом они выбрались наружу на своей остановке.

— Ну что? — спросила Люся.

— Нет, нам такой футбол не нужен, — мрачно ответила Тома.

БОЛЬШОЕ СЕРДЦЕ

Моей сестре Светлане Шамовой

— Эх, ай-яй! Шапки не носят, штаны тёплы не поддевают, а таперича все дохают, — ворчала баба Клава, гремя кастрюлями на кухне. — Не коммуналка, а прям поликлиника. Чистый лазарет!

— Лазарррет! Лазарррет! — согласился с ней попугай Петруша, сидя на форточке.

Бабе Клаве надо было навестить куму Катю, та что-то на здоровье жаловалась. Баба Клава по нынешней погоде опасалась ехать одна — нога у неё фальшивила. А вся коммуналка лежала в лёжку с температурой и кашлем. Так что сопроводить бабу Клаву было некому. Поэтому она и расстраивалась. Ухаживала за всеми болящими и расстраивалась.

Через несколько дней соседке Лялечке полегчало, и она вызвалась поехать с бабой Клавой.

— Ляль! Токо уж ты не забудь свой могильный телефон подкормить, — напомнила баба Клава забывчивой Лялечке. — Ить на улице склизко, мало ли чо в дороге случицца, а нам и не позвонить никуда будет.

Лялечка кивнула и поставила свой телефон на подзарядку.

Приехали, как всегда, с гостинцами: баба Клава испекла пирог и прихватила свою наливку.

А кума Катя, жмотка старая, ничего не выставила. Жаловалась, что не может заснуть, поэтому по ночам смотрит телевизор.

— Ты, небось, порнуху смотришь? — поинтересовалась баба Клава.

— Не токо порнуху, я и секс смотрю, — похвасталась кума Катя.

...Баба Клава и Лялечка дремали в метро. Бабе Клаве всегда было жарко, и её физиономия пылала алым цветом. А Лялечка мёрзла, поэтому лицо у неё было слегка желтоватое.

Рядом с ними примостился пьяненький мужичок. Он долго изучал физиономию бабы Клавы, глядя в тёмное окно напротив, потом скосил на соседку глаза и участливо спросил:

— Хош налью?

— Милай, я непьюшша, — ответила баба Клава, — а что лицо красно — дак от природы. А ты вот испился весь — аж зелёный.

Мужичок внимательно посмотрел в тёмное окно, изучая отражение всех троих, и захохотал:

— Ёшкин кот! Мы втроём — как светофор: красный — жёлтый — зелёный. Мадам, а вам очень идёт этот воздух.

Баба Клава не успела обидеться. На ближайшей станции в вагон вошли несколько устрашающего вида парней. Они сели напротив и заслонили окно, так что оценить шутку насчёт светофора оказалось невозможно.

Баба Клава глянула на парней и обомлела — у них в руках были звери: орёл, тигр и крокодил.

— Ляль, — шёпотом спросила она соседку, — глянь, чо у их в руках? Звери?

Лялечка посмотрела:

— Это не в руках, а на руках. Татуировка такая.

Пьяненький мужичок тоже притих, разглядывая диковинные татуировки. Время от времени он косился на свои руки. Наверное, прикидывал, какого зверя нарисовать себе.

Казалось, татуированные звери жили своей жизнью: орёл что-то клевал, тигр и крокодил ощеривали страшные пасти.

... — Ух! Как в зоопарке побывали, — сказала баба Клава уже на улице.

Они стояли на остановке в ожидании хоть какого-то транспорта.

Лялечка крутила головой:

— Баба Клава! Есть охота! До дома далеко. Ни троллейбусов, ни автобусов не видеть. Может, зайдем куда, перекусим?

— Ты чо, Ляль? Ай, деньги лишни? — удивилась баба Клава.

Но Лялечка смотрела так жалобно — одного Клавиного пирога на троих оказалось мало, что баба Клава сжалилась.

— Ладно, одна живём! Всё равно ни ахтобиса, ни трилебиса нет, — махнула она рукой и тоже стала озираться. — Ой, Ляль! Мотри — «Пицца».

Лялечка засмеялась:

— Это не «Пицца», это «Интим».

Баба Клава смутилась.

Названия заведений были странные — всё писалось в одно слово: «Простоцветы», «Простоплов», «Блинкафе». Или наполовину по-иностранному — «Пельменёфф».

— Ляль! Я ничо не понимаю, чо они пишут, — пожаловалась баба Клава. — Ежели вывески таки, дак кака там еда? А это чо? «Новая версия узбекского лагмана». А у горохового супа можа быть нова версия? Чтобы пердеть по-новому? Потерпи. Я тебя ужо дома накормлю.

Лялечка вздохнула и стала разглядывать витрины киосков.

И вдруг замерла.

За стеклом она увидела жирафа.

Именно о таком она мечтала в детстве! Но в их городе таких игрушек почему-то не было. Она просила папу, который ездил в командировки в Москву, привезти ей жирафа. Но, видимо, и в Москве жирафы не водились, поэтому папа привёз ей книжку с картинками. На одной из них был жираф.

Потом Лялечка выросла, про жирафа забыла и никогда о нём не вспоминала.

И вот теперь...

Жираф был именно таким, о каком она мечтала: мягкий, бледно-жёлтый, с рыжими пятнами, ушками, рожками, хвостиком и голубыми глазами.

— Ляль! Ты чо? — теребила её баба Клава. — Ай, уснула?

Лялечка молчала, уткнувшись носом в холодное стекло.

Баба Клава последила за её взглядом:

— Ты чо? Жирафу не видела?

Лялечка всё так же молчала, не сводя глаз с жирафа.

прошептала счастливая Лялечка, утыкаясь в жирафа, свою детскую мечту, которая, наконец, осуществилась.

— Всё, Ляль! Вот и трилебис пришёл, — дёрнула её за рукав баба Клава. — У нас в лазарете, чай, все голодны. Надо их кормить. Да и сами поедим.

И они поехали домой.

Счастливая Лялечка прижимала к себе жирафа:

— Баба Клава! У вас такое сердце!.. Такое!..

— Знаю, — проворчала баба Клава, — как у твою жирафа.

— А я слышала, у жирафа — самое большое сердце, — сказала баба Клава для поддержания разговора.

— Я в детстве о таком мечтала, — прошептала Лялечка.

Баба Клава удивилась, но быстро нашла выход:

— Ну дак и купи!

— Зачем я, взрослая тётенька, буду теперь его покупать? — вздохнула Лялечка.

— А затем, — рассудила баба Клава, — что ежели хотела тогда, так надо купить хотя бы сейчас!

Прекрасный жираф стоил всего 128 рублей.

Лялечка сунулась в кошелек — её денег не хватало. Лялечка сникла.

— Однова живём! — сказала баба Клава, вынимая свой кошелек.

— Спасибо, баба Клава, я отдам. Обязательно отдам, —

Наши авторы

стр. 137 **БЕДНАЯ Ольга Сергеевна** родилась 25 декабря 1974 года в Кишинёве. В 1992 году закончила финансово-банковский колледж, специальность — бухгалтерский учёт. В 1997 году закончила Экономическую академию, специальность — менеджмент. В 1994 году вышла замуж, в 1995 году родила сына Владимира. Стихи пишет с 7 лет. Первая публикация состоялась в местном периодическом издании в 1999 году. На данный момент выпустила 2 книги стихов. Публикуется в кишинёвском журнале «Наше поколение», входит в его редакционный совет. Слушательница Высших литературных курсов.

стр. 22 **БЕЛЯЕВ Николай Николаевич** — русский поэт, родившийся в 1937 году в Ярославле. Окончил Казанский государственный университет, много ездил с геологическими партиями по стране, которая когда-то называлась Советским Союзом. Неоднократно приезжал в строящиеся Набережные Челны, выступал с чтением своих стихов на стройплощадках, в общежитиях, в заводских цехах.

Ныне живёт в селе Ворша Владимирской области. Автор поэтических книг, издававшихся в Казани, Москве, Красноярске, Набережных Челнах. Известен также как переводчик татарской и латышской поэзии. Лауреат республиканской литературной премии имени Г.Р. Державина.

стр. 213 **ВЕРДЕРЕВСКАЯ Наталья Александровна** родилась в 1927 году. С юных лет посвятила свою жизнь литературе. Более сорока лет работала на кафедре литературы Елабужского государственного педагогического института. Доцент, кандидат филологических наук, специалист в области русской литературы 40-х — 60-х годов XIX века. В 1998 году издала сборник «Провинциальные стихи», в 2001 году — книгу «Двадцать лет спустя. Этюды о поэзии Владимира Высоцкого», в 2003 году — сборник стихов «Невеликие города» и в 2007 году — «Осень с дыханием весны».

Член Союза российских писателей.

В настоящее время на пенсии. Живёт в Елабуге.

стр. 111 **ВОРОНИН Александр Геннадьевич** родился 29 декабря 1958 года в Куйбышеве (ныне — Самара). Учился в Казанском театральном училище, играл в спектаклях театра юного зрителя. Выпускник Литературного института имени Горького 1986 года (семинар драматургии В.С. Розова). В 1987 году в Казанском ТЮЗе поставлена его пьеса-фантазия «Четыре вечера и одно утро». Участник всесоюзных семинаров драматургов в Рузе, Дубултах, Ленинграде.

С исчезновением СССР подался в журналистику. В газете «Молодежь Татарстана» опубликовал роман с продолжением «Ясновидающая». С 1998 по 2001 год работал в журнале «Казань»,

опубликовал в нём три повести. В 2005 году в Казанском ТЮЗе к 60-летию Великой Победы поставили пьесу Александра Воронина «Прикосновение к войне» — по автобиографической прозе Виктора Розова, ушедшего тогда из жизни. Там же через год сыграли премьеру комедии «Полеты в параллельных мирах».

Более двадцати лет Александр Воронин преподаёт историю театра в Казанском театральном училище. В 2008 году вышли его книги «Драма диасизма» (к 70-летию Диаса Валеева) и «Монарх — монах» (сборник пьес). В 2010-м под его редакцией издали альманах «Галерея», посвящённый 75-летию Виля Мустафина.

Председатель Казанской городской организации Татарстанского отделения Союза российских писателей. Член бюро Правления Союза театральных деятелей Татарстана.

стр. 15 **ГАНЕЕВА Илса Гайсиевна**, родилась в 1953 году в Башкортостане. Журналист, автор книги «Последнее столетие в женских судьбах». Работает в телерадиокомпании «Татарстан — Новый век».

стр. 153 **ДЕРБИЛОВА Елена Анатольевна** — художник-график. Родилась в 1957 году, росла в Запорожье. Окончила Харьковский художественно-промышленный институт в 1982 году. Работает в области книжной графики и шрифта. Преподавала в Набережночелнинском училище искусств и в Харьковской государственной академии дизайна и искусств. С детства увлеклась поэзией. Свои стихи и статьи опубликовала в журналах «Новый коллектив» (Харьков), «Невский альманах» (Санкт-Петербург), «День и ночь» (Красноярск). Автор-составитель книги «Дар шрифта» о Харьковской школе шрифта (изд. «Консум». Харьков. 2003). Готовит книгу о воспитании искусства «Небеса без края» (автобиографическая проза, стихи, ноты, искусство шрифта и каллиграфии). (изд. «Ксилон». Харьков).

стр. 145 **ДУБИНИНА (ЯКОВЛЕВА) Галина Николаевна** родилась в Латвии. Среднюю школу, медицинский колледж и педагогический институт закончила в Чите, в Москве — Институт культуры и Высшие литературные курсы (2003–2005 гг.) Член Союза российских писателей. Лауреат литературных премий «Золотое перо», «Левша». Награждена Чеховской медалью за верное служение отечественной культуре. В настоящее время — помощник ректора Литературного института им. А.М. Горького.

стр. 203 **ЕРМАКОВ Владимир Александрович**, поэт, эссеист, родился 6 июня 1949 года в пос. Метенино Петушинского р-на Владимирской обл. С 1961 года живёт в Орловской области: сначала в г. Болхове, где окончил среднюю школу № 1, затем в Орле.

В 1971 году окончил исторический факультет Орловского пединститута, отслужил в рядах СА на Дальнем Востоке; награждён знаком «Отличник ВВС». С 1975 года работал в Орловском краеведческом музее; автор ряда теоретических концепций и практических разработок стационарных экспозиций и выставок, а также публикаций в местной прессе и специальных изданиях. В 1996 году удостоен звания «Заслуженный работник культуры РФ». Впервые опубликовал стихи в 1974 году.

С началом перестройки успешно работает в востребованном временем жанре эссе. С середины 90-х гг. активно публикуется в областных газетах и в литературных журналах. Наиболее значимые публикации связаны с журналами «Дружба народов» (Москва) и «Parnasso» (Хельсинки). Основные тексты вошли в книги, изданные в Орле.

стр. 143 **КАРИМОВА Алия Каюмовна (Алёна Каримова)** — поэт, переводчик. Родилась в 1976 году.

Окончила физфак Казанского университета и Высшие литературные курсы в Москве. Первая публикация — 1995 год — журнал «Идель» (Казань). Публиковалась в журналах «Новый мир», «Дружба народов», «Октябрь», «Юность», «Иерусалимский журнал». Автор книги стихов «Другое платье» (2006), за которую в 2007 году получила Казанскую литературную премию им. Горького. Участница Фестиваля современной поэзии имени Бориса Чичибабина (Украина, Харьков, 2006), Международного биеннале поэзии в Валь-де-Марне (Франция, Париж, 2009) и других. Неоднократная участница форума молодых писателей в Липках. Стипендиатка Министерства культуры РФ (2005, 2010).

Живёт в Казани.

стр. 105 **КОРОБОВ Владимир Борисович** родился

в городе Тобольске 24 апреля 1953 года. С 1955 по 1988 год жил в Крыму. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького (семинар Анатолия Жигулина) и аспирантуру при Литературном институте. В 1983–1988 годах работал научным сотрудником Дома-музея А. П. Чехова в Ялте. В 1988 году переехал в Москву. Работал научным сотрудником в ИМЛИ, журналистом, литературным редактором. С 1992 года — член Союза Российских писателей; с 2004 — член Правления Союза российских писателей. Автор книг стихов «Взморье» (М., 1991), «Сад метаморфоз» (М., 2008). Автор-составитель книг: «Путешествие к Чехову» (М., 1996); «Прекрасны вы, берега Тавриды: Крым в русской поэзии» (М., 2000); «А. П. Чехов. Избранные сочинения» (М., 2003); «Лёд и Пламень: современная русская проза и поэзия в 2-х томах» (М., 2009).

Постоянный автор журналов: «Новый мир», «Дружба народов», «Континент» и др. Стихи и рассказы переведены на иностранные языки. Лауреат журнала «Литературная учеба» (1991) и Международной Артейской премии (1996, 2000). Живёт в Москве.

стр. 147 **КУЗЬМИЧЁВА-ДРОБЫШЕВСКАЯ Ольга Владимировна** родилась 8 апреля 1964 года в городе Волжском Волгоградской области. В начале семидесятых вместе с родителями приехала в Набережные Челны, где и окончила среднюю школу, училище искусств по классу виолончели и факультет педагогики и психологии педагогического института.

С 2000 года сотрудничает с Татарстанским отделением Союза российских писателей как редактор, журналист и организатор литературно-музыкальных встреч.

Ольга — автор двух поэтических книг «По воле небес» и «Раскачивая маятник судьбы», двух песенных альбомов «Любовь пою» и «Ты услышишь», художественно-документальной книги «Одноклассники. Письма в будущее».

Лауреат XIII республиканского конкурса «Бәллүр кәләм — Хрустальное перо» 2010 года. Член Союза российских писателей. Слушательница Высших литературных курсов.

стр. 150 **КУРАШОВ Владимир Игнатьевич** родился

1 декабря 1951 года в Казани. В 1974 году закончил физический факультет Казанского государственного университета. Работал в Казанском химико-технологическом институте, в 1979 году стал кандидатом химических наук, в 1993 году — доктором философских наук. С 1995 года — профессор Курашов заведует кафедрой философии КГТУ. По совместительству — профессор Казанской духовной семинарии по курсу «История философии» и Казанского государственного университета по курсу «Философия и методология науки».

Заслуженный деятель науки Республики Татарстан, лауреат государственной научной стипендии для выдающихся учёных Российской академии наук, лауреат международной премии Фонда Дж. М. Темплтона. В 2007 году В. И. Курашов награждён Русской православной церковью орденом святителя Иннокентия, Митрополита Московского и Коломенского III степени. Автор 150-ти научных работ, ряда монографий и учебных пособий, опубликованных центральными издательствами.

Живёт в Казани.

стр. 191 **ЛЮТЫЙ Вячеслав Дмитриевич** — литера-

турный и театральный критик, публицист, автор ряда статей о постмодернизме и его российской литературной практике, цикла работ о современной русской поэзии.

Родился в 1954 году в городе Легница (Польша) в семье советского офицера. После окончания Воронежского политехнического института работал радиоинженером, служил в армии.

В 1993 году окончил Литературный институт имени А. М. Горького — семинар критики, учился в аспирантуре.

В 1980–90-е годы был звукооператором театра драмы, электриком, сторожем, заведующим литературной частью в Экспериментальном

театре Вячеслава Спесивцева, заведующим московской редакцией журнала «Континент», инкассатором, менеджером коммерческого банка.

В настоящее время — ответственный секретарь журнала «Подъём».

Печатался в журналах «Подъём», «Сура», «Дон», «Донской временник», «Русское эхо», «Коростель», «Наш современник», «Москва», «Ковчег», газетах «Завтра», «Литературная Россия», «Литературная газета», «День литературы», «Российский писатель», «Независимая газета».

Автор книги статей о современной литературе «Русский песнопевец» (2008).

Лауреат премии журнала «Подъём» «РУССКАЯ РЕЧЬ» (2004), премии Общественной Палаты Воронежской области «Живые сокровища славянской культуры» (2004), премий журналов «Ковчег» (2008), «Русское эхо» (2009).

Член Союза писателей России.

Живёт в Воронеже.

стр. 50 **ОЛЬШАНСКИЙ Александр Андреевич** родился 12 февраля 1940 года в городе Изюм Харьковской области. С 1961 года — студент Литературного института имени А.М. Горького. После закрытия Хрущёвым очного отделения Литинститута — один из организаторов забастовки протеста. В 1963–66 годах проходил военную службу на Дальнем Востоке. Литинститут закончил в 1969 году, тогда же его приглашают перейти на работу в аппарат ЦК ВЛКСМ. В 1973–79 гг. — заведующий редакцией по работе с молодыми авторами издательства «Молодая гвардия». С 1979 г. — член Союза писателей СССР, в 1984–85 гг. — рабочий секретарь Московской писательской организации, редактор газеты «Московский литератор». В 1987–91 гг. член правления, начальник управления литературы и искусства Всесоюзного агентства по авторским правам. В настоящее время — председатель правления Содружества выпускников Литературного института им. А.М. Горького, руководитель семинара прозы на Высших литературных курсах, политический обозреватель международного журнала «Форум». Награждён медалями СССР и РФ, имеет почётное звание «Zasluzony dla kultury Polskiej» (1989). Почетный член Глобального Союза Гармонии, объединяющего более 300 интеллектуалов из десятков стран. Автор многих публикаций и книг.

стр. 161 **ПОПОВА Светлана Александровна (по мужу — Гиматдинова)** родилась в Кировской области. Закончила историко-филологический факультет Кировского пединститута. Два года трудилась в средней школе села Константиновка. В 1971 году приехала в Набережные Челны. Преподавала русский язык и литературу в нескольких школах, преимущественно — в старших классах. Выпустила тысячи учеников. Учитель высшей квалификационной категории, награждена знаком «Отличник народного просвещения РФ».

Печатала стихи с 1968 года в кировских, челнинских, казанских, московских газетах, журналах, коллективных сборниках. Автор двух поэтических книг.

Член Союза писателей России. Живёт в Набережных Челнах.

стр. 32 **РАЧКОВ Николай Борисович** родился 23 сентября 1941 года в селе Кирилловка Арзамаского района Горьковской области, закончил историко-филологический факультет Горьковского пединститута, работал учителем сельской школы, редактором многотиражки. С 1987 года живёт в городе Тосно Ленинградской области. Стихи пишет со школьной скамьи, печататься начал в 1957 году. Его книги издавались в Нижнем Новгороде, в Москве, в Санкт-Петербурге, в Арзамасе, стихи публиковались в журналах «Молодая гвардия», «Юность», «Наш современник», «Москва», «Нива», «Аврора», «Русская провинция» и других, в газетах «Литературная Россия», «Литературная газета», «День литературы», «Российский писатель». Лауреат литературных премий: «Ладога» имени А. Прокофьева, имени А. Твардовского, Большой литературной премии России, имени святого князя Александра Невского и других. Секретарь правления Союза писателей России, действительный член Петровской академии наук и искусств.

стр. 244 **САЛЬТИНА Марина Генриховна** родилась в Казани. Окончила историко-филологический факультет Казанского государственного университета им. В.И. Ульянова-Ленина и режиссёрский факультет ГИТИСа им. А.В. Луначарского (курс профессора М.О. Кнебель). Режиссёр-постановщик, актриса, педагог, писатель. Доцент кафедры европейских языков Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва). Член Союза театральных деятелей и Московского объединения Союза литераторов России. Рассказы публикуются в журналах «Наша улица», «Казань», «Меценат и мир», «Грани», газете «Нойес лебен». Автор книг «Опаловый флякон Пенелопы» и другие рассказы и «Поезда на Монтеррей» (издательство «Голос-Пресс»).

стр. 139 **СОЛДАТОВ Олег Михайлович** родился в Москве в 1970 году. В 1994 году окончил Московский авиационный технологический Институт им. К.Э. Циолковского. Сменил множество профессий от инженера-программиста до строителя. С 2000 года принимал активное участие в работе литературного интернет-журнала «Русский переплёт». В 2008 году окончил ВЛК при Литературном институте им. Горького. Государственный стипендиат в номинации «Талантливые молодые авторы России». Член Союза литераторов России, Союза писателей Москвы и Литфонда. Публиковался в отечественных и зарубежных СМИ, журналах «Знамя», «Дружба народов», «Сибирские огни» и другие.

стр. 131 **СОРОКИН Валентин Васильевич** родился на Урале 25 июля 1936 года. Десять лет проработал в мартиновском цехе машинистом электрокрана на Челябинском металлургическом заводе. Печататься начал с пятого класса в районной газете. В 1962 году принят в члены СП СССР. Окончил Высшие литературные курсы. Работал в журналах «Молодая Гвардия», «Волга», главным редактором издательства «Современник». Автор десятков поэтических книг, поэм о Степане Разине, Емельяне Пугачёве, Евпатии Коловрате, Дмитриии Донском, Георгии Жукове, Игоре Курчатове.

Стихи, поэмы, поэтические сборники переведены на многие языки, в особенности славянские и арабские. Лауреат премий – Ленинского комсомола, Государственной РСФСР им. А. М. Горького, Международных им. М. А. Шолохова и Есенинской.

В настоящее время – руководитель Высших Литературных Курсов.

стр. 134 **СПИРИДОНОВА Антонина Михайловна** живёт в подмосковном городе Дедовск, работает в Москве. Член Московской городской организации Союза писателей России. В 2007 году окончила Высшие литературные курсы.

Автор сборника стихов «Земляничная зима», публикуется в журналах «Московский вестник», «Молодая гвардия», «День поэзии», «Поэзия», «Московский Парнас», «Путь мастерства», «Траектория творчества», «Клад», «Слово Отчее», «Литэра», «Студенческий меридиан» и др.

стр. 167 **ТКАЧЕНКО Пётр Иванович** родился в 1950 году на Кубани, в станице Старонижестеблинской. Окончил Владикавказское высшее общевойсковое командное училище и Литературный институт по семинару критики. Служил в войсках. Работал в журнале «Пограничник», в газете «Красная звезда», в Военно-художественной студии писателей, главным редактором редакции художественной литературы издательства «Граница». Полковник в отставке. Член Союза писателей России.

Автор многих книг, в том числе «Где спит казачья слава», «Не для меня придёт весна...», «В поисках града Тмутаракани. Невостребованные размышления о русской литературе и жизни», «Возвращение Екатерины», «Слово о Мараварской роте» и других.

Составитель первого словаря кубанского диалекта «Кубанский говор», а также книг «Кубанские пословицы» и «Кубанские песни. С точки зрения поэтической». Живёт в Москве.

стр. 19 **ХАМИДУЛЛИНА Вера Петровна** родилась в 1960 году в городе Краснотурьинске Свердловской области. Окончила Горьковскую школу-интернат спортивного профиля и факультет физического воспитания Казанского государственного педагогического института (1981).

Писать стихи начала в школьные годы. Автор нескольких поэтических книг и соавтор книги переводов на татарском и русском языках «Два родника родной земли» (2007).

Стихи Веры Хамидуллиной публиковались в журналах «Мир без границ», «Интерклуб», «Идель», «Казань», в альманахе «Дом творчества». Участница, призёр и дипломант международных поэтических Интернет-конкурсов, в том числе конкурса переводов «Наследники Лозинского».

Живёт в Набережных Челнах, руководит туристической фирмой.

стр. 15 **ШАРИПОВ Хамза Маулиханович** (1957 г. р.), художник из города Набережные Челны, вошел в искусство Татарстана в конце 80-х годов после окончания отделения художественного текстиля в Академии промышленного искусства имени Мухиной в городе Санкт-Петербурге. В 90-е годы начал экспонировать свои картины на отечественных выставках, в Турции, в Пакистане, в Арабских Эмиратах, во Франции.

Творчество Х. Шарипова в современном искусстве получило название «татарский авангард». Характерной особенностью картин Хамзы Шарипова является их философское содержание, выраженное в лаконичной форме, с опорой на символику древних архетипических образов и на традиции искусства народного примитива.

стр. 136 **ЯСНИЦКАЯ Наталия Петровна** родилась 6 марта 1952 года на Украине, в городе Черкассы. Работала актрисой Черкасского областного театра кукол, затем – гончаром. Окончила факультет журналистики МГУ. Автор двух пьес, которые были поставлены в Орловском театре кукол.

Сотрудничала с «Литературной газетой», «Комсомольской правдой», журналом «Soviet life» и популярными программами ведущих редакций Центрального телевидения.

Фильм «В море капитаны» (о капитане дальнего плавания Людмиле Тибряевой), снятый по сценарию Ясницкой в творческом объединении «Экран», был удостоен приза на международном конкурсе «Человек и море». За сценарий фильма «Трудная задача» награждена премией первого Всероссийского конкурса парламентской журналистики.

Н. Ясницкая – автор и режиссер документального фильма «Портрет со спины» (об актёре Алексее Баталове) в цикле «Свет звезды», режиссёр телепрограмм «Дом за городом» и документального фильма «Владимир Щербицкий. Прощание Славянки».

В 1972 году – лауреат республиканского конкурса поэтов Украины.

Член Московского и Международного союзов журналистов. С 1983 года член Московского союза литераторов. Слушательница Высших литературных курсов.

Слово прощания

14 апреля нынешнего года перестало биться сердце Рафаэля Ахметовича Мустафина — известного писателя, литературоведа, критика, публициста, лауреата Государственной премии РТ имени Габдуллы Тукая, лауреата республиканской премии имени Мусы Джалиля.

Рафаэль Мустафин — знаковое имя для литературы Татарстана и России. Он был первооткрывателем современного джалилеведения, написал десять книг о национальном поэте-герое. Он одним из первых в советское время возвратил читателям гордое имя Марины Цветаевой, находившееся под цензурным запретом. Он был исключительно добрым, скромным, порядочным человеком. Он бескорыстно помогал становлению нашего литературного альманаха «Аргамак. Татарстан» своими публикациями в нём и публикациями о нём в журнале «Казань».

Выражаем искренние соболезнования родным и близким Рафаэля Ахметовича. Светлая память о нём сохранится в наших сердцах и в сердцах его многочисленных читателей.

Редакция

СОДЕРЖАНИЕ

ЧИТАТЕЛЬСКАЯ ПОЧТА

МОСТ МЕЖДУ КУЛЬТУРАМИ.....3

НА ПУТИ К ВОЗРОЖДЕНИЮ

ПРЕДСТАВЛЯЕМ УЧАСТНИКОВ УНИКАЛЬНОГО ПРОЕКТА10

ТРОИЦКАЯ ЦЕРКОВЬ ИОАННО-ПРЕДТЕЧЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ

НА ОСТРОВЕ СВИЯЖСК11

ЧЁРНАЯ ПАЛАТА БУЛГАРСКОГО ГОРОДИЩА12

НАСЛЕДИЕ

ИЛИСА ГАНЕЕВА

125 СЛЕЗИНОК ПО ТУКАЮ14

ВЕРА ХАМИДУЛЛИНА

ВЫСОКИЙ ТАЛАНТ17

ДЭРДМЕНД

МИНИАТЮРЫ В СТИХАХ И ПРОЗЕ19

БЕНЕФИС ПЕРЕВОДЧИКА

НИКОЛАЙ БЕЛЯЕВ

РАСПАХНУЛ Я ОКНО (*переводы с татарского*).....22

ЗВАНЫЙ ГОСТЬ

НИКОЛАЙ РАЧКОВ

МИР НЕ ЗНАЕТ ПОВТОРЕНЬЯ (*стихи*)32

ТВЕРСКОЙ БУЛЬВАР, 25

СОДРУЖЕСТВО ВЫПУСКНИКОВ ЛИТЕРАТУРНОГО ИНСТИТУТА

ИМЕНИ А. М. ГОРЬКОГО45

БОРИС ТАРАСОВ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИНСТИТУТ В ЖУРНАЛЬНОМ ВАРИАНТЕ.....46

АЛЕКСАНДР ОЛЬШАНСКИЙ

ДО И ПОСЛЕ ПЕРВОЙ ЗВЕЗДЫ (*роман*).....50

ЛЕВ АННИНСКИЙ

БРОНЗА ЛИСТОПАДА (*критика*)101

ВЛАДИМИР КОРОБОВ

ИЗ КНИГИ «САД МЕТАМОРФОЗ» (*стихи*)105

АЛЕКСАНДР ВОРОНИН

ПАРА (*парафраз*).....111

ВАЛЕНТИН СОРОКИН (*стихи*)131

АНТОНИНА СПИРИДОНОВА (*стихи*)134

НАТАЛИЯ ЯСНИЦКАЯ (*стихи*)136

ОЛЬГА БЕДНАЯ (*стихи*)137

ОЛЕГ СОЛДАТОВ (*проза*)139

АЛЁНА КАРИМОВА (*стихи*)143

ГАЛИНА ДУБИНИНА (*стихи*)145

ОЛЬГА КУЗЬМИЧЁВА-ДРОБЫШЕВСКАЯ (*миниатюры в прозе*)147

Я ШАГАЮ ПО КАЗАНИ**ВЛАДИМИР КУРАШОВ**

УДЕРЖАТЬ КРАСОТУ.....150

ЖЕНСКОЕ ИМЯ В ПОЭЗИИ**ЕЛЕНА ДЕРБИЛОВА**

ФИАЛКИ В ЯНВАРЕ.....153

СВЕТЛАНА ПОПОВА

И ТИХО В СЕРДЦЕ НЕЖНОСТЬ ПРОРАСТАЕТ... ..161

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ШТУДИИ**ПЁТР ТКАЧЕНКО**

«СЕЙ ОБРАЗ ПРЕКРАСНОГО МИРА...» («ЗВЕЗДА ПОЛЕЙ...» НИКОЛАЯ РУБЦОВА).....167

ЧТЕНИЕ С ПРИСТРАСТИЕМ**ВЯЧЕСЛАВ ЛЮТЫЙ**

ПРИМЯТЫЙ ЦВЕТ (ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ЧЕРТЫ

ПОЭМЫ ЮРИЯ КУЗНЕЦОВА «РАЙ»)191

ТЕРПЕНИЕ ЗЕМЛИ И ВОДЫ (ПОЭЗИЯ ДИАНЫ КАН И СОВРЕМЕННОСТЬ)194

ГЕОПОЛИТИКА**ВЛАДИМИР ЕРМАКОВ**

УКРАИНА – НЕРОССИЯ?203

ИЗДАНО В РОССИИ**НАТАЛЬЯ ВЕРДЕРЕВСКАЯ**

ПАРАЛЛЕЛЬНО ИНТЕРНЕТУ (ПОЭЗИЯ В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ).....213

НАТАЛЬЯ ПЕРВОВА

МИКРОРЕЦЕНЗИИ.....218

ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ**АЙРАТ ПАНТЕЛЕЕВ**225**ЭДУАРД НУРГАТИН**.....228**СВЕТЛАНА САФОНОВА**.....233**ТАТЬЯНА ЛАПТЕВА**.....237**ЛЯЙСАН ШАРИПОВА**237**СМЕХОТЕРАПИЯ****МАРИНА САЛЬТИНА**

МАЛОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ236

БОЛЬШОЕ СЕРДЦЕ238

НАШИ АВТОРЫ249**ВТОРАЯ СТРАНИЦА ОБЛОЖКИ: ХАМЗА ШАРИПОВ. «125 СЛЕЗИНОК ПО ТУКАЮ»****ПЕРВАЯ ЦВЕТНАЯ ВКЛЕЙКА: ХАМЗА ШАРИПОВ. «125 СЛЕЗИНОК ПО ТУКАЮ»****ВТОРАЯ ЦВЕТНАЯ ВКЛЕЙКА: ВЛАДИМИР КУРАШОВ. «ДЕРЕВЯННАЯ АРХИТЕКТУРА
КАЗАНИ». ФОТО В. КУРАШОВА****ТРЕТЬЯ СТРАНИЦА ОБЛОЖКИ: «ДЕРЕВЯННАЯ АРХИТЕКТУРА КАЗАНИ»**

«МОЯ РОДОСЛОВНАЯ»

Так называется новый издательский проект, в котором Татарстанское отделение Союза российских писателей и издательский дом «Стрежень» предлагают принять участие читателям литературного альманаха «Аргмак. Татарстан», а также их родным, близким и знакомым.

Человек силен памятью – о своих корнях, о своих родителях и более дальних предках. Память – неразрывная связь с прошлым. Человек силен своей семьей – домом, любимой женой, любимым мужем, детьми. Дети – Ваше неубывающее земное продолжение. Каждый из нас, находясь между прошлым и будущим, связывает родные поколения. Может, ради этого мы и живём.

По Вашему желанию на основе достоверных архивных данных, на основе встреч и бесед с Вами, с членами Вашей семьи и родственниками, мы можем создать: **фамильный диплом; историю происхождения Вашей фамилии; Ваше генеалогическое древо; документально-художественную книгу о Вашей семье; фотоархив; видеофильм.**

Основой такого сотрудничества станет юридически грамотно составленный договор. Наши профессионалы качественно исполняют его, по согласованной с Вами цене. **Свяжитесь с нами.**

Адрес для писем:

423809, Республика Татарстан,
г. Набережные Челны, а/я 126

Тел./факс: (8552)58-13-71

E-mail: anp45@mail.ru

Рукописи принимаются по адресу: 423809, Татарстан, г. Набережные Челны, а/я 126 или e-mail: anp45@mail.ru. Желателен диск с набором, фотография, краткая биографическая справка.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Читательские письма и предложения могут быть опубликованы в альманахе. Ответственность за достоверность информации несут авторы материалов. Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакции. При перепечатке материалов ссылка на альманах «Аргмак. Татарстан» обязательна.

Для приобретения номера и размещения рекламы социальной направленности обращайтесь: e-mail: anp45@mail.ru, тел. (8-8552) 58-13-71; 8-927-241-01-19.

Представительство в Москве: 8-965-359-84-54

Литературно-художественное издание

Аргмак. Татарстан

Подписано в печать 15.04.2011 г.

Формат 70x100^{1/16};

Печать офсетная. Бумага ВХИ.

Усл. печ. л. 20,64. Тираж 2000 экз. Заказ Р524

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного электронного оригинал-макета в типографии филиала ОАО «ТАТМЕДИА» «ПИК «Идел-Пресс» 420066, Казань, ул. Декабристов, 2

ДЕРЕВЯННАЯ АРХИТЕКТУРА КАЗАНИ (стр. 150)

Евгений КАНЕВ. Ул. Айвазовского. Бумага, гуашь

Рустем ФАТТАХОВ. Ул. Касаткина. Холст, масло

